

СОЦИАЛЬНОЕ РЫНОЧНОЕ ХОЗЯЙСТВО

ОСНОВОПОЛОЖНИКИ
И КЛАССИКИ

РАЗВИТИЕ
КОНКУРЕНЦИЯ
ТОВАРЫ
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИСТЕМА
БЛАГОСОСТОЯНИЕ
РЫНОЧНАЯ
ЭКОНОМИКА
ПРАВО
ORDO
ПОРЯДОК
ОБЩЕСТВО
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ГУМАНИЗМ
РЕГУЛИР
КАПИТАЛИЗМ
СОЦИАЛЬНЫЙ
Частная
собственность
СУБСИДИАРНОСТЬ
Фрайбургская
школа
РЫНОЧНЫЕ
ЦЕНЫ



Konrad
Adenauer
Stiftung

 Konrad
Adenauer
Stiftung



СОЦИАЛЬНОЕ РЫНОЧНОЕ ХОЗЯЙСТВО



ОСНОВОПОЛОЖНИКИ
И КЛАССИКИ



Москва
Издательство «ВСЬ МИР»
2017

УДК 330.342.146
ББК 65.01 (4Гем)
С 69

Редакторы-составители:
К. Кроуфорд, С.И. Невский, Е.В. Романова

Авторский коллектив:
*В.С. Автономов, М. Вольгемут, Н. Гольдшмидт, Э. Кёлер, Р. Майер-Ризгауд,
Фр. Майер-Ризгауд, Н.К. Меден, Й. Мор, С.И. Невский, У. Нотелле-Вильдфойер,
Е.В. Романова, Н.В. Сулян, Л. Функ, Л.И. Цедилин, И. Шмале.*

Все тексты на немецком и русском языке,
а также переводы с немецкого на русский, вошедшие в данное издание,
являются объектом охраны авторского права.

Указания на правообладание помещены в завершающем разделе книги
«Издания, по которым были выполнены переводы на русский язык,
и сведения о правообладателях».

Данной книгой Фонд Конрада Аденауэра открывает серию из трех изданий,
посвященных концепции социального рыночного хозяйства.

Редакционно-издательская подготовка книги
осуществлена в издательстве «Весь Мир»

С69 **Социальное рыночное хозяйство — основоположники и классики** /
Ред.-сост.: К. Кроуфорд, С.И. Невский, Е.В. Романова; предисл.
К. Кроуфорд; Фонд Конрада Аденауэра в России. М.: Издательство
«Весь Мир», 2017. — 416 с.

ISBN 978-5-7777-0676-8

В книге представлены взгляды наиболее видных представителей немецкой
неолиберальной экономической мысли: В. Ойкена, Ф. Бёма, Ф. Лутца, Л. Микша,
Ф. фон Хайека, А. Рюстова, В. Рёпке, Й. Хёффнера, А. Мюллер-Армака и Л. Эрхар-
да. Большинство публикуемых работ мыслителей Фрайбургской школы переведе-
ны на русский язык специально для этого издания. В первой части книги помеще-
ны вводные статьи немецких авторов Н. Гольдшмидта и М. Вольгемута, чл.-корр.
РАН В.С. Автономова, а также вводная статья научных редакторов русскоязычных
переводов — Н.К. Меден, С.И. Невского, Е.В. Романовой, Н.В. Сулян, Л.И. Цеди-
лина. Во второй части книги собраны избранные произведения представителей
Фрайбургской школы, которые также сопровождаются вводными статьями, посвя-
щенными жизни и творчеству каждого классика.

Издание снабжено указателями имен и терминов.

Книга предназначена для студентов, преподавателей, экспертного и научного
сообщества, а также всех читателей, интересующихся проблемами создания эф-
фективной социальной рыночной экономики.

УДК 330.342.146
ББК 65.01 (4Гем)

Отпечатано в России

ISBN 978-5-7777-0676-8

© Составление — Фонд Конрада
Аденауэра в России, 2017 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие к изданию (<i>К. Кроуфорд</i>)	7
Часть I. СОВРЕМЕННЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О КОНЦЕПЦИИ СОЦИАЛЬНОГО РЫНОЧНОГО ХОЗЯЙСТВА В РОССИИ И ГЕРМАНИИ	9
Концепция социального рыночного хозяйства и научный дискурс в России (<i>Н.К. Меден, С.И. Невский, Е.В. Романова, Н.В. Супян, Л.И. Цедиллин</i>)	11
Концептуальные основы социального рыночного хозяйства в Германии (<i>Н. Гольдшмидт, М. Вольгемут</i>)	16
Социальное рыночное хозяйство для России: упущенная возможность или недостижимая цель? (<i>В.С. Автономов</i>)	27
Часть II. ПРЕДСТАВИТЕЛИ ФРАЙБУРГСКОЙ НАУЧНОЙ ШКОЛЫ	37
ВАЛЬТЕР ОЙКЕН	39
Введение (<i>Н. Гольдшмидт</i>)	39
Структурные изменения государства и кризис капитализма	47
Основы политической экономии	72
Основные принципы экономической политики	75
ФРАНЦ БЁМ	78
Введение (<i>Й. Мор</i>)	78
Частноправовое общество и социальное рыночное хозяйство	85

ФРИДРИХ ЛУТЦ	131
Введение (<i>Э. Кёлер</i>)	131
Основная проблема денежной конституции	134
Денежная политика и хозяйственный порядок	143
ЛЕОНХАРД МИКШ	162
Введение (<i>Н. Гольдшмидт</i>)	162
Конкуренция как задача. Принципы конкурентного порядка .	168
ФРИДРИХ АВГУСТ ФОН ХАЙЕК	194
Введение (<i>М. Вольгемут</i>)	194
«Свободная экономика» и конкурентный порядок	202
АЛЕКСАНДР РЮСТОВ	213
Введение (<i>Р. Майер-Ригауд и Фр. Майер-Ригауд</i>)	213
Провал экономического либерализма	222
Между капитализмом и коммунизмом	236
ВИЛЬГЕЛЬМ РЁПКЕ	258
Введение (<i>И. Шмале</i>)	258
Общественный кризис современности	268
Гуманистическое общество	274
Международный порядок сегодня	294
ЙОЗЕФ ХЁФФНЕР	298
Введение (<i>У. Нотелле-Вильдфойер</i>)	298
Функция частной собственности в свободном мире	308
АЛЬФРЕД МЮЛЛЕР-АРМАК	321
Введение (<i>Л. Функ</i>)	321
Хозяйственный порядок с социальной точки зрения	333
Социальное примирение	354
ЛЮДВИГ ВИЛЬГЕЛЬМ ЭРХАРД	375
Введение (<i>Л. Функ</i>)	375
Благосостояние для всех	386
Основные условия для свободного общественного строя	396
Социальная рыночная экономика — экономическая система, построенная на единых принципах	401
Именной указатель	404
Указатель терминов	406
Сведения об авторах и переводчиках	411
Издания, по которым были выполнены переводы на русский язык, сведения о правообладателях	413

ПРЕДИСЛОВИЕ К ИЗДАНИЮ

Концепция социального рыночного хозяйства сложилась на основе работ ордолиберальной Фрайбургской школы, которая возникла еще до Второй мировой войны вокруг Вальтера Ойкена и его коллег. Ее политическая реализация связана с именами Альфреда Мюллер-Армака, который впервые ввел этот термин в политический обиход, и Людвига Эрхарда, внесшего решающий вклад в формирование либерально-конкурентного экономического порядка. Для Германии выйти на этот путь было совсем не просто. В послевоенные годы шли острые споры о том, как быстрее восстановить разрушенное хозяйство страны. Одна из главных задач состояла в том, чтобы дать всем трудящимся реально почувствовать, что экономическая ситуация улучшается. Неудивительно, что идеи социализма и коллективизма казались многим довольно привлекательными. Но в конечном итоге Людвиг Эрхард и его соратники одержали верх. Уже через несколько лет в Европе говорили о «немецком экономическом чуде».

Ключевые принципы социального рыночного хозяйства закреплены в Основном законе Федеративной Республики Германия — нашей конституции. К ним относятся такие основные права и свободы человека, как свобода действий, равенство перед законом, свобода объединений и коалиций, свобода передвижения, свобода выбора профессии и полное право распоряжения частной собственностью. Именно эти принципы обеспечили Федеративной Республике десятилетия благосостояния и социального мира. Сколь динамичными ни были бы процессы, характерные для свободной рыночной экономики, существующие правовые рамки всегда позволяли политическим структурам гибко на них реагировать. Это отнюдь не значит, что социальная рыночная экономика не сталкивается с проблемами. Возникновение глобальных рынков капитала и товаров сегодня снова заставляет нас искать ответ на вопрос

о том, какие нормативные рамки необходимы для этих новых, теперь уже международных экономических структур. Социальная рыночная экономика, создающая рамочные условия для формирования прочного и справедливого социально-экономического порядка в интересах всех и каждого, где государство берет на себя роль охранителя устоев либерального порядка, должна теперь найти соответствие на глобальном уровне.

Фонд Конрада Аденауэра занимается проблематикой социально-рыночного хозяйства, поскольку его принципы играли важнейшую роль для общества с самого начала работы Фонда — как в Германии, так и за рубежом. Фонд убежден в том, что социально-экономический строй, сложившийся в Германии, может представлять интерес для других стран. Наряду с лекционными и дискуссионными мероприятиями распространению знаний о концепции и принципах социального рыночного хозяйства служат различные публикации Фонда. Поэтому Фонд Конрада Аденауэра в Москве предлагает вниманию российских читателей серию изданий, включающую в себя, в частности, тексты экономистов-классиков и актуальные дискуссионные статьи о проблематике социального рыночного хозяйства.

В книге, которую вы держите в руках, представлены избранные тексты классиков социального рыночного хозяйства. Большинство статей впервые выходят на русском языке, другие были опубликованы прежде, но впервые важнейшие тексты на эту тему собраны в одной книге. При этом каждый текст классика социального рыночного хозяйства снабжен введением современного немецкого автора.

Желаю этой книге множества заинтересованных читателей, которым она, несомненно, даст достаточно материала для размышлений и дискуссий по актуальным вопросам социально-экономического порядка в наших странах.

Клаудиа Кроуфорд
Август 2016 года

Часть I

СОВРЕМЕННЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ
О КОНЦЕПЦИИ СОЦИАЛЬНОГО
РЫНОЧНОГО ХОЗЯЙСТВА
В РОССИИ И ГЕРМАНИИ

КОНЦЕПЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО РЫНОЧНОГО ХОЗЯЙСТВА И НАУЧНЫЙ ДИСКУРС В РОССИИ

*Наталья Меден, Сергей Невский,
Екатерина Романова, Наталья Суян,
Леонид Цедилин*

Послевоенная Германия в конце сороковых годов прошлого столетия стояла перед принципиальным выбором пути своего дальнейшего развития. В западных оккупационных зонах общество, не оправившееся от крушения национал-социализма, с большим предубеждением воспринимало любые заявления политиков о том, что лишь свободное рыночное хозяйство способно вывести страну из глубочайшего общественного, политического и экономического кризиса. Благодаря решительным действиям первого федерального министра экономики Людвиг Эрхарда, который взял на вооружение разработанную в академических кругах близких к так называемой Фрайбургской школе теорию хозяйственного порядка, в послевоенной Западной Германии удалось создать дееспособную модель социального рыночного хозяйства, основанную на упорядоченных государством либеральных институтах (в духе ордолиберализма) и дополненную обширной системой социальных гарантий. Последовательное воплощение основополагающих принципов этой модели стало одним из факторов, позволивших стране не только быстро справиться с проблемами восстановительного периода, но и добиться впечатляющих экономических и политических успехов. Спустя всего лишь десять лет после начала рыночных реформ Федеративная Республика смогла достичь высот «экономического чуда», завоевав международное признание в качестве свободного демократического государства, ведущей мировой хозяйственной державы и стабильного гражданско-правового общества.

В отечественном научном дискурсе первые упоминания о том, что в Западной Германии возникла своеобразная теория социального рыночного хозяйства, относятся к 1950-м годам. Советская общественная наука, изолированная в условиях холодной войны от широкого доступа к трудам западных ученых, сформировала общее представление об этой теории как об одном из течений современных буржуазных теорий транс-

формации капитализма, наряду с теориями «народного капитализма», «государства всеобщего благосостояния», «смешанной экономики»¹. Анализ концепции социального рыночного хозяйства, преследовавший цель дискредитации не только теории, но и практики современного капитализма, проводился при отсутствии доступа к трудам основоположников этой концепции². Традиция заочной критики теории социального рыночного хозяйства (как и западной экономической науки в целом) сохранялась на протяжении всей советской истории. Со своей стороны, немецкие ученые столь же односторонне критиковали социалистическую систему хозяйствования, обнаруживая при этом склонность к идеологическим аргументам.

Первый опыт объективной оценки теории социального рыночного хозяйства с точки зрения места, занимаемого ею в истории экономических учений, был предпринят в конце советского периода³.

В российской экономической науке самый широкий интерес к теоретической традиции социального рыночного хозяйства обнаружился уже в 1990-е годы. Об этом свидетельствует издание на русском языке произведений немецких неолиберальных классиков, среди которых фундаментальные труды Вальтера Ойкена «Основы национальной экономики» (1940)⁴ и «Основные принципы экономической политики» (1952)⁵, а также книги Людвиг Эрхарда «Благосостояние для всех» (1957)⁶ и «Полвека размышлений: речи и статьи» (1966)⁷.

Значительный вклад в изучение теоретических основ германского ордолиберализма и специфики его практического воплощения в экономической политике послевоенной ФРГ внесли современные российские исследователи В.С. Автономов⁸, С.А. Бартенев⁹, В.П. Гутник¹⁰,

¹ Блюмин И.Г. Критика буржуазной политической экономии. В 3 т. Том 3. Кризис современной буржуазной политической экономии. М., 1962.

² Жамс Э. История экономической мысли. В 3 т. Под ред. А. Пашкова. М., 1955–1966; Селигмен Б. Основные течения современной экономической мысли. М., 1968.

³ Всемирная история экономической мысли: В 6 т. / МГУ им. М.В. Ломоносова: Гл. редкол.: В.Н. Черковец и др. М., 1987–1997 (теория неолиберализма рассматривается в томе 5. М., 1994. С. 31–43).

⁴ Ойкен В. Основы национальной экономики / Пер. с нем. под общ. ред. В.С. Автономова, В.П. Гутника, К. Херрманн-Пиллата. М., 1996.

⁵ Он же. Основные принципы экономической политики / Пер. с нем. под общ. ред. Л.И. Цедилина, К. Херрманн-Пиллата, вступ. слово О.Р. Лациса. М., 1995.

⁶ Эрхард Л. Благосостояние для всех. М., 1991. (Репринт: Воспроизведение. М., 2001)

⁷ Он же. Полвека размышлений: Речи и статьи. М., 1993.

⁸ Социальное рыночное хозяйство. Теория и этика экономического порядка в России и Германии / Пер. с нем. под ред. В.С. Автономова. СПб., 1999; История экономических учений / Под ред. В. Автономова, О. Ананьина, Н. Макашевой. М., 2000.

⁹ Бартенев С.А. Экономические теории и школы (история и современность). М., 1996

¹⁰ Теория хозяйственного порядка: Фрайбургская школа и немецкий неолиберализм / Пер. с нем. Составление, предисловие и общ. ред. В. Гутника. М., 2002; Механизм регулиро-

Б.Е. Зарицкий¹¹, В.Н. Костюк¹², С.И. Невский¹³, Р.М. Нуреев¹⁴, А.Г. Худокормов¹⁵ и А.Ю. Чепуренко¹⁶. Среди недавно вышедших работ заслуживают упоминания глава Н.В. Супян об истории развития концепции Фрайбургской школы в монографии «Современная Германия» Института Европы РАН¹⁷, а также статья С.И. Невского о ситуации в послевоенной Германии, содержащая анализ взглядов теоретиков социального рыночного хозяйства в послевоенной Германии¹⁸.

С 1990-х годов германская концепция занимает прочное место в российских учебных пособиях и в программах университетских курсов по истории экономических учений. Такой интерес представляется закономерным признанием того факта, что прогресс экономической науки выступил одним из факторов неоспоримых социально-экономических достижений западного мира. Довольно пристальное внимание к немецкой концепции в России (как и в некоторых других постсоциалистических странах) во многом было обусловлено схожестью стоявших перед обществом задач по организации эффективного перехода от централизованно управляемой к рыночной экономике.

Проблеме границ и возможностей использования германского опыта в условиях постсоциалистической экономики был посвящен ряд совместных публикаций российских и немецких исследователей¹⁹. На наш взгляд, при ответе на вопрос о причинах популярности в России теории социального рыночного хозяйства не стоит недооценивать исторически сложившихся тесных связей между немецкой и российской экономикой и наукой.

вания экономики в Германии: как он функционирует и чему учит / Под общ. ред. В.П. Гутника. М., 1995; *Гутник В.П.* Политика хозяйственного порядка в Германии. М., 2002.

¹¹ *Зарицкий Б.Е.* Людвиг Эрхард: секреты «экономического чуда». М., 1997; *Зарицкий Б.Е.* Экономика Германии: путь по лестнице, ведущей вниз. М., 2003.

¹² *Костюк В.Н.* История экономических учений. М., 1997.

¹³ *Невский С.И.* Экономика послевоенной Западной Германии: на пути к «экономическому чуду»: Учебное пособие. М., 2006; *Он же.* Социально-экономические реформы в послевоенной Западной Германии: 1945–1949. Монография. М., 2008.

¹⁴ Социальное рыночное хозяйство: концепции, практический опыт и перспективы применения в России / Под общ. ред. Р.М. Нуреева. М., 2007.

¹⁵ История экономических учений (современный этап): Учебник / Под ред. А.Г. Худокормова. М., 1999; Экономическая теория в историческом развитии: взгляд из Франции и России: Монография / Под общ. ред. А.Г. Худокормова. М., 2016.

¹⁶ Социальное рыночное хозяйство в Германии: Истоки, концепция, практика / Под общ. ред. А.Ю. Чепуренко. М., 2001.

¹⁷ *Супян Н.В.* Немецкая модель: продолжение трансформации // Современная Германия. Экономика и политика / Под общ. ред. В.Б. Белова. М., 2015. С. 22–53.

¹⁸ *Невский С.И.* Экономическая политика союзников в послевоенной Западной Германии (1945–1947 годы) // Экономическая политика. 2015. Т. 10. № 6. С. 40–78.

¹⁹ Цель – рыночное хозяйство: хозяйство и общество в процессе перехода от плана к рынку / Под ред. К. Херрманн-Пиллата, О. Шлехта, Х.Ф. Вюнше; пер. с нем. под ред. В.П. Гутника, А.Ю. Чепуренко. М., 1996; Социальная рыночная экономика в Германии и экономическая трансформация в России / Под ред. Х.Х. Хеманна. М., 1998.

С 1996 по 2002 год фонд Фольксваген финансировал выпуск ежеквартального российско-немецкого журнала по экономической политике «Politekonom»²⁰. Темы выпусков были посвящены практике бизнеса и истории экономических учений. Опыт издания этого тематического альманаха выявил одну экономико-политическую проблему, как оказывается, до сих пор так окончательно и не решенную: проблему восприятия концепции социального рыночного хозяйства и собственно понимания самого этого термина.

Замысел настоящего издания заключается в том, чтобы познакомить российского читателя с целостной картиной развития немецкой неолиберальной экономической мысли — от истоков становления Фрайбургской школы в 1930-х годах до первых результатов практического воплощения концепции социального рыночного хозяйства в Германии в конце 1940-х — 1950-х годах. В книге собраны фундаментальные труды главных представителей германского неолиберализма, большинство из которых до сих пор не переводились на русский язык и неизвестны широкому кругу читателей в России.

Каждый текст классика снабжен информативной вступительной статьей о жизни и творчестве ученого. Данное издание призвано, таким образом, восполнить дефицит соответствующей специализированной научной литературы и познакомить российского читателя, прежде всего студентов, преподавателей и научных работников, с целостной картиной мира идей немецкой неолиберальной экономической мысли. Обращение к теоретическим истокам социального рыночного хозяйства позволит расширить наше представление о многообразии интеллектуальных и духовно-нравственных основ экономической системы современной ФРГ, а также подчеркнуть значение культурно-исторических традиций при выработке и практической реализации программы коренных экономических, общественных и политических преобразований. Ведь современная Россия могла бы научиться у Германии не только грамотному конструированию эффективной и одновременно социально-ответственной хозяйственной системы, но и пониманию важности ее всестороннего научного обоснования. Это позволило бы минимизировать текущие «издержки трансформационного периода» и избежать новых системных сбоев и их долгосрочных социальных, экономических и политических последствий.

Одним из импульсов к подготовке книги послужила открытая лекция профессора Нильса Гольдшмидта из Университета Зигена (Германия) на тему «Генезис и актуальность концепции социального рыночного

²⁰ Главным редактором журнала был Карстен Херрманн-Пиллат (профессор Университета Виттен-Хердекке, Германия), а ответственным секретарем и исполнительным директором — Леонид Цедилин (ИМЭПИ РАН, Россия).

хозяйства», прочитанная им в июне 2014 года в стенах экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, а также серия последовавших за ней научных конференций, посвященных теории и практике социального рыночного хозяйства в ФРГ, которые были организованы Фондом Конрада Аденауэра в России. Идея настоящего издания появилась еще в 2008 году как результат многолетнего научного сотрудничества российских и немецких исследователей (мы выражаем особую благодарность профессорам Альфреду Шюллеру, Гельмуту Ляйпольду и Йоахиму Цвайнерту, поддержавшим данную идею и помогавшим советом при составлении концепции издания), а ее практическое воплощение было инициировано в середине 2014 года кафедрой истории народного хозяйства и экономических учений МГУ имени М.В. Ломоносова. Проект реализовывался в течение двух лет совместными усилиями группы ведущих российских экономистов-германистов — авторов данного вступительного слова — и их немецких коллег, авторитетных специалистов в области исследования теории политики порядка, при всесторонней поддержке Фонда Конрада Аденауэра в России.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ СОЦИАЛЬНОГО РЫНОЧНОГО ХОЗЯЙСТВА В ГЕРМАНИИ

*Нильс Гольдшмидт,
Михаэль Вольгемут*

«Социальное рыночное хозяйство» сегодня стало своего рода выражением консенсуса в экономической политике Германии и даже Европейского Союза: на него ссылаются почти все политические партии и правительства. Впрочем, данное обстоятельство можно расценивать и как показатель того, что формула «социальное рыночное хозяйство» может наполняться любым содержанием. Тем более важно обратиться к вопросу, какими же были нормативные и теоретические отправные точки этой концепции в Германии? Какие идеи теоретиков социального рыночного хозяйства и ордолиберализма могут быть восприняты лишь с учетом исторического контекста (Германия в 1930–1950-е годы), а какие сохраняют свою важность и сегодня, и, возможно, даже актуальны как никогда?

Настоящий том предлагает обсудить эти вопросы на основе оригинальных текстов. Тексты основоположников теории социального рыночного хозяйства сопровождаются введениями. Таким образом, читателю открывается возможность погрузиться в интеллектуальный и политический контекст и составить представление об исторических условиях создания работ и вкладе каждого автора.

Основная задача идеологов социального рыночного хозяйства

Вальтер Ойкен, с 1927 года профессор национальной экономики Университета имени Альберта Людвига во Фрайбурге, опубликовал в 1932 году статью под названием «Структурные изменения государства и кризис капитализма»¹. Выступая против «политизации экономики», Ойкен

¹ *Eucken W.* Staatliche Strukturwandlungen und die Krisis des Kapitalismus // *Weltwirtschaftliches Archiv*. 1932. No. 36. S. 297–323.

призывал к принципиальному переосмыслению соотношения государства и экономики². По его мнению, государство все больше становится игрушкой в руках носителей экономических интересов — как тех, кто надеется с помощью государственных интервенций добиться улучшения своих рыночных позиций, так и тех, кто рассматривает вмешательство государства как средство защиты от воздействия рынка и собственного материального благополучия.

Вследствие этой тенденции к «интервенционистскому хозяйствующему государству» (*interventionistische Wirtschaftsstaat*), по убеждению Ойкена, изменяется целеполагание классического либерализма — стремление к свободной конкуренции, координируемой системой цен. «Именно благодаря политизации ценообразования процесс производства и распределения попадает в зависимость от случайностей в игре властных группировок, и хозяйственный порядок, соответственно, становится анархичным»³. Ойкен противопоставляет этому государственно-общественный порядок, без которого капитализм «не только не сможет сохранить свою силу, но и вообще может даже перестать функционировать»⁴.

Эти веские соображения Вальтера Ойкена о принципах хозяйственного порядка очерчивают контуры того, что в те годы было призвано стать главной задачей ордолиберализма, а позднее — социального рыночного хозяйства. Речь идет о поиске в противовес слабому, зависящему от групповых интересов государству крепкой экономической и общественной структуры, которая бы не состояла на службе групповых интересов, а выступала бы гарантом прав всех членов общества.

Под термином «экономика порядков» (*Ordnungsökonomik*) понимается продолжение фрайбургских традиций в современных условиях, он распространяется на различные сферы теории и политики порядка⁵. Фрайбургская школа — это сообщество ученых и исследователей, сложившееся в 1930–1940-е годы в Университете Фрайбурга вокруг Вальтера Ойкена, Франца Бёма и Ганса Гроссманн-Дёрта, а также, пожалуй, важнейших учеников Ойкена — Фридриха Августа Лутца, Леонхарда Микша и Йозефа Хёффнера, переводы оригинальных текстов которых также представлены в настоящем томе.

В теоретическом плане можно различать ордолиберализм в узком и в широком смыслах. Последний — в отличие от либерализма по типу *laissez-faire*, дискредитированного властными группировками — также подчеркивает необходимость соблюдения основных принципов для

² Ibid. S. 303.

³ Ibid. S. 309.

⁴ Ibid. S. 314.

⁵ *Streit M.E.* “Ordnungsökonomik” // *Gabler Wirtschaftslexikon*. 14. Aufl. Wiesbaden, 1997. S. 2870–2891.

создания справедливого и одновременно стабильного конкурентного порядка (в целях подавления тенденций, приводящих к нарушению конкуренции) и допускает при этом определенные регулирующие вмешательства. К течению научной мысли в таком расширительном понимании могут быть причислены, например, Александр Рюстов, Вильгельм Рёпке, Альфред Мюллер-Армак и Людвиг Эрхард.

Кроме того, можно указать и на представителей фрайбургской академической традиции, которые, как и Ойкен, занимались проблематикой «хозяйственной конституции», хотя и приходили к иным выводам. К их числу принадлежит и Фридрих Август фон Хайек.

При всех различиях в деталях, труды этих авторов объединяет обозначенная Ойкеном цель: поиск конкретных институциональных рамочных условий для создания «экономического, общественного, правового и государственного порядка, дееспособного и достойного человека», как это позже сформулировал Ойкен в своей книге «Основы национальной экономики»⁶.

Под «сильным государством» здесь никоим образом не подразумевается тотальное государство, которое всё больше и больше вмешивается в различные сферы жизни своих граждан и пытается ими управлять. С точки зрения ордолиберализма речь идет скорее об эффективном государстве, которое задает экономике немногие, но при этом четкие и обязательные для всех правила, с тем чтобы обеспечить, прежде всего, выполнение конкуренцией ее социальной функции — децентрализованной координации равноправных автономно действующих частных субъектов.

Требование «сильного государства», стоящего на службе интересов потребителей, выдвигал в те годы не только Вальтер Ойкен. В том же 1932 году схожую идею высказал на собрании Союза социальной политики (*Verein für Socialpolitik*) в Дрездене Александр Рюстов. Рюстов, с которым Ойкен был связан дружбой на протяжении всей жизни, следующим образом сформулировал цель нового либерализма⁷: «Новый

⁶ Eucken W. Die Grundlagen der Nationalökonomie. 9. Aufl. Berlin u.a., 1989. S. 239. (Первое издание: Jena, 1940).

⁷ Александр Рюстов, как и Вильгельм Рёпке, позднее стал участником так называемого коллоквиума Уолтера Липпмана (*Colloque Walter Lippmann*) — конференции, состоявшейся в Париже в 1938 году, где впервые было сформулировано понятие «неолиберализм», которое в общем и целом в данном случае понимается как «новый либерализм». Выдвинутое там требование пересмотра понятия «либерализм» имело своей целью указать на то, что свобода действия на рынках лишь тогда служит во благо человека, когда устанавливаются четкие политические правила для конкуренции. Как впоследствии писал Рёпке, новизна подхода к либерализму состояла в сочетании «доверия к рыночной свободе с осознанием того, что эта свобода нуждается в комплексной политике». Röpke W. Maß und Mitte. Erlangen—Zürich, 1950. S. 142.

либерализм, во всяком случае тот, который ныне приемлем и за который я с моими друзьями ратую, нуждается в сильном государстве, стоящем над экономикой, над интересами, как ему и положено»⁸.

Вильгельм Рёпке, третий наряду с Ойкеном и Рюстовым важнейший идеолог будущей концепции социального рыночного хозяйства, еще на раннем этапе своего творчества выступал против «призрачного государства» (*schattenhaften Staat*)⁹, уступающего натиску групп интересов: «Кто же еще должен быть хранителем со всех сторон подорванной идеи государственности, если не либерал, как бы абсурдно это ни звучало?»¹⁰.

Выдвинутое Ойкеном, Рюстовым и Рёпке требование нового либерализма, ориентированного на упорядочение экономики посредством видимой, но не подчиненной особым интересам руки права, было также во многом обусловлено экономической турбулентностью Веймарской республики. Неспособность государства воспрепятствовать распространению картелей и создать условия для честной конкуренции по результатам хозяйственной деятельности побудила к пересмотру задач экономической политики в экономической теории.

Возникновение Фрайбургской школы

Идея придать правовое оформление действию рыночных сил и подчинить его нейтральному арбитражу, с тем чтобы воспрепятствовать образованию монополий и использовать позитивные стороны конкуренции, вскоре стала преобладающей концепцией на факультете государства и права Фрайбургского университета, предопределившей содержание собственной исследовательской программы.

Благодаря сотрудничеству Ойкена с его коллегами-юристами Фрайбургская школа стала со временем самостоятельным междисциплинарным научным направлением. Еще до более близкого знакомства друг с другом Вальтер Ойкен и правоведы Франц Бём и Ганс Гроссманн-Дёрт занимались исследованием схожих проблем. По этому поводу Франц Бём позже написал: «...вопрос, который нас всех тогда занимал, был... вопрос о частной власти в свободном обществе. Он неизбежно приводил к следу-

⁸ „Der neue Liberalismus jedenfalls, der heute vertretbar ist, und den ich mit meinen Freunden vertrete, fordert einen starken Staat, einen Staat oberhalb der Wirtschaft, oberhalb der Interessenten, da, wo er hingehört.“ *Rüstow A.* Die staatspolitischen Voraussetzungen des wirtschaftspolitischen Liberalismus // *Ders.* Rede und Antwort. Ludwigsburg, 1963. S. 258. (Первое издание: 1932).

⁹ *Röpke W.* Wirtschaftlicher Liberalismus und Staatsgedanke // *Ders.* Gegen die Brandung. Zeugnisse eines Gelehrtenlebens unserer Zeit. Erlenbach–Zürich, 1959. S. 44. (Первое издание: 1923).

¹⁰ „Wer sollte denn sonst heute noch Hüter des von allen Seiten unterhöhlten Staatsgedankens sein, wenn nicht – so absurd es klingt – der Liberale?“ *Ibid.* S. 46.

ющему вопросу, — как формируется порядок свободной экономики. Затем вставал вопрос о том, какие типы порядков вообще существуют и каковы их возможности, какую роль в них играет власть, а именно власть правительства, а также власть частных лиц и частных групп, и какие нарушения порядка происходят, если в государстве и обществе возникает новое соотношение властных сил, отличное от того порядка, к которому приспособилась соответствующая экономическая система»¹¹.

Еще в своей докторской диссертации «Конкуренция и борьба монополий» (*Wettbewerb und Monopolkampf*), защищенной в 1933 году, Франц Бём сформулировал некоторые из основных положений будущей Фрайбургской школы: «Речь идет о попытке перевести, так сказать, научный материал классической экономической философии с языка национальной экономии на язык правоуправления»¹². Тем самым Бём предварил дебаты о сопряжении экономических и государственно- и частнопроводных аспектов конкуренции и хозяйственных порядков, которое позже получило название «взаимозависимость порядков» (*Interdependenz der Ordnungen*).

Вокруг научного ядра Бёма, Ойкена и Гроссманн-Дёрта вскоре образовался широкий круг учеников и коллег, что позволяло говорить о формировании школы. К ней относятся, прежде всего, ученики Ойкена — Карл Пауль Хензель, Ганс Отто Ленель, Фридрих Август Лутц, Карл Фридрих Майер, Фритц В. Майер и Леонхард Микш, а также Бернхард Пфистер¹³.

Фаза зарождения ордолиберализма совпала по времени с подъемом национал-социализма и установлением нацистской диктатуры. Почти сразу же обнаружилось фундаментальное неприятие представителями Фрайбургской школы (особенно Ойкеном и Бёмом) идеологии национал-социализма, которая именно во Фрайбургском университете обрела видного представителя и лидера в лице занимавшего пост ректора Мартина Хайдеггера. Во время ректорства Хайдеггера Ойкен был главным спикером оппозиции в Сенате¹⁴. На факультете Ойкен выступал против

¹¹ Böhm F. Die Forschungs- und Lehrgemeinschaft zwischen Juristen und Volkswirten an der Universität Freiburg in den dreißiger und vierziger Jahren des 20. Jahrhunderts. (Das Recht der Ordnung der Wirtschaft) // Wolff H. J. (Hg.). Aus der Geschichte der Rechts- und Staatswissenschaften zu Freiburg i. Br. Freiburg, 1957. S. IX.

¹² „Es handelt sich sozusagen um den Versuch, das Lehrgebäude der klassischen Wirtschaftsphilosophie aus der Sprache der Nationalökonomie in die Sprache der Rechtswissenschaft zu übersetzen“. Böhm F. Wettbewerb und Monopolkampf. Eine Untersuchung zur Frage des wirtschaftlichen Kampfrechts und zur Frage der rechtlichen Struktur der geltenden Wirtschaftsordnung. Berlin, 1933.

¹³ Тексты указанных авторов и введения к ним см. в: Goldschmidt N., Wohlgenuth M. (Hg.). Grundtexte zur Freiburger Tradition der Ordnungsökonomik. Tübingen, 2008.

¹⁴ Имеется в виду Сенат университета. — Прим. ред.

симпатизирующих режиму коллег, а его лекции в те годы стали местом встречи критиков режима. Сопrotивление некоторых представителей Фрайбургской школы нацизму нашло институциональное выражение в создании трех оппозиционных «фрайбургских кружков»¹⁵. Не в последнюю очередь потеря свободы в университете и в обществе во время нацистской диктатуры, по всей вероятности, в решающей мере обусловила становление программы ордолиберализма как «программы свободы»¹⁶.

Ордолиберализм и социальное рыночное хозяйство

После окончания Второй мировой войны эта фрайбургская программа свободы стала одним из краеугольных камней концепции социального рыночного хозяйства. Став членами Научного совета при правительстве, Ойкен и Бём со своими единомышленниками сумели оказать влияние на формирование Эрхардом политики либерализации. Ученик Ойкена Л. Микш некоторое время был сотрудником Эрхарда. Его перу в значительной части принадлежит так называемый Закон об основных принципах (*Leitsatzgesetz*), в соответствии с которым в июне 1948 года параллельно с проведением денежной реформы в западных зонах оккупации произошло освобождение цен на многие товары. Таким образом, рынок вновь обрел свою функциональную способность, что стало важной составной частью последующего «экономического чуда». Свободные цены информируют об изменениях в ограничениях и предпочтениях, они контролируют (в качестве своего рода сигналов о прибылях и убытках) власть хозяйствующих субъектов и направляют ограниченные ресурсы для более эффективного использования.

Будучи директором департамента экономики англо-американской зоны оккупации, а затем федеральным министром экономики, Людвиг Эрхард предпринял попытку привить гражданам доверие к рыночной экономике и ее социальной составляющей и воплотить это сочетание рыночного и социального в практической политике.

Эрхард, который, вероятно, изучал труды Ойкена уже после войны, увидел в ордолиберализме «теорию, которая знала, как правильно истолковать знаки времени»¹⁷ и концепцию, которая могла стать для

¹⁵ *Goldschmidt N.* (Hg.). *Wirtschaft, Politik und Freiheit*. Freiburger Wirtschaftswissenschaftler und der Widerstand. Tübingen, 2005.

¹⁶ *Eucken W.* *Grundsätze der Wirtschaftspolitik* / Herausgegeben von Edith Eucken und K. Paul Hensel. 7. Aufl. Tübingen, 2004. S. 370. (Первое издание: 1952).

¹⁷ *Erhard L.* *Gedanken aus fünf Jahrzehnten: Reden und Schriften* / Hrsg. von Karl Hohmann. Düsseldorf, 1988. S. 696. (Здесь приводится цитата из статьи 1961 года «Вчера, сегодня, завтра». — *Прим. ред.*).

него самого точкой отсчета в восприятии теоретической догматики. При том что у Эрхарда идеи «фрайбуржцев» сочетались с известным политическим прагматизмом, основная задача была идентичной фрайбургской: утверждение рынка и конкуренции в качестве средств достижения социальных целей, то есть целей общества.

Эту цель разделял также Альфред Мюллер-Армак, который после войны последовательно выступал за социальное рыночное хозяйство и позднее, уже на посту государственного секретаря федерального министерства экономики, принял решающее участие в его конкретном структурировании. Мюллер-Армак, предложивший к тому же и сам термин «социальное рыночное хозяйство», основную идею этого хозяйственного порядка выразил в емкой формулировке: речь идет о том, чтобы «на основе конкурентной экономики соединить свободную инициативу с социальным прогрессом, обеспеченным именно рыночной эффективностью»¹⁸.

Что касается «конкурентной экономики», то, по крайней мере, в 1950–1960-е годы социальное рыночное хозяйство в основном соответствовало представлениям «фрайбуржцев». Это, помимо прочего, означает, что «свободная инициатива» связана определенными правилами, а государственное вмешательство в сферу частной собственности и свободных договорных отношений допускается лишь ради облегчения доступа на рынок.

На службу «конкурентной экономике» были поставлены организации, облеченные полномочиями по принятию институционально-политических решений. Ведомство по надзору за деятельностью картелей (*Deutsche Kartellamt*) и независимый Центральный Банк (*Deutsche Bundesbank*) стали важными несущими конструкциями социального рыночного хозяйства. По этой аналогии позднее были созданы соответствующие институты в объединенной Европе.

Эрхард и Ойкен ожидали существенного вклада в «социальный прогресс» в первую очередь от динамично развивающихся и конкурентно структурированных открытых рынков. «Социальный вопрос» находит первый и решительный ответ в условиях конкурентного порядка в принципиальной формуле: не «против рынка» или «за рынок», а «вместе с рынком»¹⁹. Благодаря этому социальная политика становится не корректирующим механизмом и не простым придатком социального

¹⁸ „Auf der Basis der Wettbewerbswirtschaft die freie Initiative mit einem gerade durch die marktwirtschaftliche Leistung gesicherten sozialen Fortschritt zu verbinden“. *Müller-Armack A.* Soziale Marktwirtschaft, wiederabgedruckt // *Ders.* Wirtschaftsordnung und Wirtschaftspolitik. 2. Aufl. Bern, Stuttgart, 1976. S. 245. (Первое издание: 1956).

¹⁹ *Blümle G., Goldschmidt N.* Sozialpolitik mit dem Markt. Sozialstaatliche Begründung und wirtschaftliche Ordnung // *Die Neue Ordnung* 2004. No. 58. S. 180–193.

рыночного хозяйства, а неотъемлемой частью концепции. Речь идет не о «точечных» интервенциях на рынке «в силу социальных причин», а, прежде всего, о непривилегированном доступе на рынок с последствиями, равно желательными как с либеральной, так и с социальной позиций²⁰.

При оформлении и структурировании социальной политики главные ориентиры задает принцип «совместимости с рынком» (*Marktkonformität*). Мюллер-Армак в своих работах подводит и к этому положению: меры политического регулирования «должны обеспечивать достижение социальной цели без разрушительного вмешательства в рыночный аппарат»²¹. Центральным элементом «рыночного аппарата» все представители фрайбургской традиции считали функциональную систему цен. Меры экономической политики, направленные на достижение социальных целей посредством манипуляции ценами, разрушают именно социальные функции рынка. Отцы-основатели социального рыночного хозяйства были едины еще и в том, что элементы социальной политики — прежде всего, в отношении социального обеспечения — должны удовлетворять принципу субсидиарности (то есть услуги частных и самоуправляющихся структур должны иметь преимущество перед централизованными государственными мерами). Однако экономический спад 1970-х годов и последовавший за ним рост безработицы, а также возраставшее влияние других экономико-политических концепций привели к изменению представлений о социальной политике. С нарастанием экономической неопределенности усиливались требования большей социальной защищенности.

Если поначалу социальное государство воспринималось как продолжение конкурентного порядка, то со временем оно постепенно превращалось в своего антипода. Лишь продолжительная стагнация в экономике и всё более очевидный кризис системы социального обеспечения, проявившийся в 1980-е годы и обострившийся после объединения Германии, указал пределы возможностей подобного государства всеобщего благосостояния.

Хотя в силу экономических и социальных причин и происходит определенное переосмысление политики, можно спорить о том, стоит ли за этим осознание необходимости возврата к основам фрайбургской традиции, или, что более вероятно, причины заключаются в трудностях финансирования системы социального обеспечения. Вопрос о том, есть ли

²⁰ *Goldschmidt N.* Der Streit um das Soziale in der Marktwirtschaft (Kirche und Gesellschaft. Nr. 344). Köln, 2007; *Wohlgemuth M.* Der Sozialstaat in der Sozialen Marktwirtschaft // *Pötering H.-G.* (Hg.). Die Zukunft des Sozialstaats. Freiburg, 2011. S. 12–46.

²¹ „Den sozialen Zweck sichern, ohne störend in die Marktapparatur einzugreifen“. *Müller-Armack A.* Op. cit. S. 246.

будущее у социального рыночного хозяйства как политической системы, сохранившей прежнюю эффективность, вызывает скорее скептическую реакцию — по крайней мере, среди сторонников последовательной, свободной от привилегий политики порядков²².

Фрайбургская традиция в социальном рыночном хозяйстве

Ганс Гроссманн-Дёрт погиб в 1944 году, Франц Бём покинул Фрайбург в 1945 году, а Вальтер Ойкен умер в 1950 году. Однако идеи отцов-основателей учения во Фрайбургском университете и по сей день получают поддержку, хотя их развитие происходит с разной степенью интенсивности по разным направлениям.

Франц Бём, в том числе и в должности депутата бундестага, сыграл важную роль в принятии Закона против ограничений конкуренции (*Gesetz gegen Wettbewerbsbeschränkungen*) — «основного закона» в системе конкурентного порядка. В качестве программы исследований фрайбургская традиция получила решающий новый импульс в 1962 году с приглашением Фридриха фон Хайека на место профессора Фрайбургского университета. Хотя Ойкен и другие ордолибералы с конца 1920-х годов поддерживали с Хайеком рабочие контакты, которые интенсифицировались после войны, в том числе благодаря сотрудничеству в «Обществе Мон-Пелерин» (*Mont Pèlerin Society*), в Лондоне, а позднее в США Хайек развивал подчеркнута независимые институционально-политические и теоретические идеи. Его приход во Фрайбургский университет стал своего рода креативным вызовом фрайбургской традиции, как можно судить, например, по его концепции «спонтанного порядка» или по тому вниманию, которое Хайек уделял проблеме знания²³. Различные методологические подходы в рамках «классической» фрайбургской традиции, с одной стороны, и эволюционной социальной философии Хайека — с другой, оказались, однако, в большинстве случаев вполне совместимыми. Именно последователи Хайека смогли в дальнейшем продолжить и развить их в креативном симбиозе с традициями Фрайбургской школы.

²² Goldschmidt N., Wohlgemuth M. (Hg.). Die Zukunft der Sozialen Marktwirtschaft. Sozial-ethische und ordnungsökonomische Grundlagen. Tübingen, 2004.

²³ Streit M.E., Wohlgemuth M. Walter Eucken und Friedrich A. von Hayek: Initiatoren der Ordnungsökonomik // Külp B., Vanberg V. (Hg.). Freiheit und wettbewerbliche Ordnung. Gedenkbuch zur Erinnerung an Walter Eucken. Freiburg, Berlin, München, 2000. S. 461–498.

Десять основных положений ордолиберализма и социальной рыночной экономики

Живая исследовательская традиция ордолиберализма и социального рыночного хозяйства далека от окончательно выстроенной и неизменной научной догмы. Однако существуют положения и темы исследований, сформулированные еще в 1930-е годы во Фрайбурге, которые могут считаться основными идеями современной социальной рыночной экономики. Следующие десять принципов призваны дать общее представление о том, что, по нашему мнению, определяет ключевые особенности социального рыночного хозяйства, обоснованного ордолиберальной теорией.

1. Мерилом «добротности» хозяйственного порядка служат представления и предпочтения членов общества. Правила конкуренции следует приспособлять к этим совместным интересам.
2. Формирование хозяйственного порядка есть нечто противоположное политическим интервенциям на рынке: цель социального рыночного хозяйства заключается в создании и внедрении общих «правил игры», а не в манипулировании отдельными «ходами в игре».
3. Ключевую роль в экономическом порядке играет анализ общественных, правовых и политических условий хозяйственного порядка и предложений по его реализации.
4. Важнейшая задача правил игры, сведенных в хозяйственную конституцию, заключается в защите открытости рынков в рамках конкурентного порядка. В этом смысле конкуренция — это по сути «государственное мероприятие», поскольку сама по себе она не может создавать и гарантировать предпосылки для собственного развития.
5. Следовательно, в отличие от политики *laissez-faire* речь идет не о свободной игре рыночных сил самих по себе, а о формировании правил конкуренции в интересах потребителей. В этом понимании конкуренция — это средство для достижения социальных, то есть общественных целей.
6. Динамике общественного и экономического развития лучше всего соответствует понимание конкуренции как «метода познания» (Фридрих А. фон Хайек). Хозяйственный порядок и его правила должны характеризоваться, прежде всего, открытостью и всеобщностью, оставляющими пространство для подходов и решений в конкретном случае.
7. Любая специфическая экономическая политика представляет собой часть комплексной политики порядка. Речь идет не о «балансировании» экономических и иных общественных целей от

случая к случаю, а об их интегрировании на уровне хозяйственной конституции. При структурировании хозяйственного порядка могут и должны приниматься во внимание также цели социальной политики, необходимость защиты окружающей среды и установления справедливых отношений между поколениями. Все эти факторы должны учитываться в общей концепции политики порядка.

8. Главным критерием, подтверждающим наличие свободного конкурентного порядка, считается последовательное вытеснение таких явлений, как погоня за привилегиями для отдельных групп и продвижение особых интересов. Неприятие властных позиций на рынке, находящих свое выражение в виде картельных сговоров и монополий, предотвращение их возникновения является конститутивным признаком мышления в категориях порядка и социальной рыночной экономики. Следует стремиться к утверждению «конкуренции по результатам» (*Leistungswettbewerb*), которая обещает успех тем, кто наилучшим образом использует свои знания и способности для удовлетворения потребностей других.
9. Наряду с экономическим требуется дееспособный порядок политической системы, направленный на защиту свобод граждан. Конкретное воплощение социальной рыночной экономики всегда является результатом и политических процессов. Поэтому современная экономика порядков должна заниматься принципами и процессами политической конкуренции по результатам, при которой вознаграждаются коллективные решения, отвечающие общим интересам граждан.
10. Таким образом, социальная рыночная экономика понимается не только как специфический хозяйственный и социальный порядок, но и как междисциплинарная общественно-научная исследовательская программа, которая может занимать собственную позицию и в социально-этическом дискурсе. Экономические вопросы — это часть совокупной проблематики общественной жизни, встроенная в соответствующие институциональные и культурные условия. Претендующее на успех структурирование и упорядочивание экономики должно считаться с этими общими условиями.

СОЦИАЛЬНОЕ РЫНОЧНОЕ ХОЗЯЙСТВО ДЛЯ РОССИИ: УПУЩЕННАЯ ВОЗМОЖНОСТЬ ИЛИ НЕДОСТИЖИМАЯ ЦЕЛЬ?

Владимир Автономов

В советское время про социальное рыночное хозяйство знали лишь специалисты по Западной Германии и трактовали его как некоторый набор уловок, с помощью которых монополистический капитал и связанное с ним государство держат в повиновении рабочий класс¹. Ситуация изменилась после распада мировой социалистической системы и перехода к рыночным реформам в России, а точнее — после первых результатов этих реформ, проведенных по рекомендациям Вашингтонского консенсуса. Эти результаты включали резкий и глубокий экономический спад, гиперинфляцию и социальный протест. Естественно было обратиться к историческим примерам, когда переход от тоталитарного государства с централизованной экономикой к демократическому государству с рыночной экономикой совершался менее разрушительным образом. Таким примером было в первую очередь «экономическое чудо» в ФРГ. Уже само словосочетание «социальная рыночная экономика» звучало заманчиво для российских руководителей², оно как бы обещало смягчить жесткие реалии рыночной экономики социальной оболочкой.

Однако за этим не стояло понимание сути немецкого послевоенного развития, в то время как между немецким и российским случаем имелись существенные различия. Начнем с того, что практика социального рыночного хозяйства имела теоретическое обоснование. Конечно, между экономической теорией и экономической политикой всегда существует непреодолимый разрыв. Этот разрыв намного больше для абстрактного, формализованного канона экономической теории (классическая школа, маржинализм) и намного меньше для менее абстрактного, практико-

¹ См.: Критика современной буржуазной политической экономии. М.: Наука, 1977. С. 195–233.

² В частности, интерес к нему проявил премьер-министр Виктор Черномырдин, что мне известно из рассказов В.П. Гутника.

ориентированного канона (историческая школа, институционализм)³. В основе политики «социального рыночного хозяйства» лежал ордолиберализм Вальтера Ойкена, который пытался осуществить синтез двух канонов и найти срединный путь между теоретической и исторической экономией. При этом важнее всего для Ойкена было подвести свой анализ к конкретным политическим рекомендациям, что он и сделал во второй своей книге «Основные принципы экономической политики»⁴. Одновременно Ойкен искал срединный путь и между необузданным капитализмом *laissez-faire* и централизованной экономикой. Если в первом случае середина у Ойкена пролегалла, на мой взгляд, ближе к конкретному канону, то в последнем случае его идеал явно был ближе к конкуренции, но не свободной, а упорядоченной.

Под социальным рыночным хозяйством в 1990-е годы в России изначально понималась не теоретическая сущностная основа этой концепции, с которой мало кто был вообще тогда знаком, а практическая экономическая политика современной Германии. Соответственно, в России к концепции социального рыночного хозяйства в том виде, в каком она представляла в Германии 1990-х годов, в первую очередь, проявляли интерес сторонники активного участия государства в экономике, градуализма при проведении реформ и сохранения всего «лучшего от социализма». По сути, они выступали за то, чтобы трансформация в России приобретала «все более выраженный социальный характер», чтобы «сохранялся влиятельный государственный сектор и государственная система социального обеспечения», чтобы развивалась «смешанная экономика»⁵.

В то же время у сторонников решительных рыночных преобразований сложилось скорее скептическое отношение к социально-экономической системе Германии. Прежде всего, закрепление за государством чрезмерных перераспределительных прерогатив и зарегулированность трудовых отношений ставили под сомнение действенность стимулов рыночной мотивации. Следует отметить в этой связи, что, со своей стороны, немецкие представители науки и бизнеса предостерегали от копирования опыта Германии в этих областях⁶.

³ О канонах в экономической теории см.: Автономов В.С. (2013) Абстракция – мать порядка? // Вопросы экономики. № 4. С. 4–23.

⁴ Ойкен В. Основные принципы экономической политики / Пер. с нем. под ред. Л.И. Цедилина, К. Херрман-Пиллата. М.: Прогресс-Универс. 1995.

⁵ Богомолов О. Социальный потенциал справедливости. Либеральная или социальная рыночная трансформация нужна России? // Politekonom. No. 1. 1996. С. 24–27.

⁶ Так, председатель Восточного комитета немецкой экономики Отто Вольф фон Америкен в одной из бесед с российскими экономистами в середине 1990-х годов говорил о том, что немецкой модели лучше не следовать, поскольку в рамках такой системы государство забирает у предпринимателя 80% его дохода для последующего перераспределения.

Представления о реформах базировались в России на глубоко укоренившихся в экономической науке идеологических постулатах социалистического прошлого. Россия, как известно, значительно дольше других стран шла по пути социалистических преобразований и избавление от институциональной зависимости от траектории прошлого развития — path dependence — дается ей намного труднее.

По традиции Россия испытывала колебания из крайности в крайность как в теории, так и на практике. Аристотелевский идеал золотой середины редко привлекал российских мыслителей и политических деятелей. Бывали исключения, и в эти периоды российская экономика развивалась особенно быстро (в качестве примера стоит привести пребывание у власти С.Ю. Витте, для которого, кстати, идеалом в экономической науке был немец Фридрих Лист)⁷. Но в целом для России XX века характерны крайности. После 70 лет сверхцентрализованной советской экономики популярным идеалом в нашей стране на какое-то время стал неограниченный рынок и идеи неоавстрийской школы. А крайности, как правило, гораздо труднее принимают практическую форму, чем середина. Ни догматический марксизм, ни догматический абстрактный либерализм не давали практических рекомендаций по обустройству хозяйственной жизни. На заре перестройки большую популярность получили статьи советских экономистов Н.П. Шмелева, Г.Х. Попова и других, раскрывавших пороки «командно-административной системы» и преимущества рыночной экономики. Моментом наивысшего влияния академических реформаторов было назначение руководителем Комиссии по экономической реформе Л.И. Абалкина, поддерживавшего идеи шведского социализма, а его заместителем — премьер-министра Н.И. Рыжкова. Впоследствии памфлетисты и академические реформаторы (Л.И. Абалкин, Н.Я. Петраков, Н.П. Шмелев, О.Т. Богомолов) выступили в оппозиции шоковым реформам правительства Гайдара.

Но ни в первом, ни во втором случае, хотя эти оппозиционеры и были услышаны, они не оказали заметного влияния на политику, во многом потому, что не смогли предложить связного пакета реформ. Зато такой пакет в виде «Вашингтонского консенсуса» был предложен международными экономическими организациями и правительствами западных стран, которые в придачу к своим рекомендациям пообещали России финансовую помощь.

Когда же введение рынка само по себе не привело к решению российских проблем, внимание экономистов (в том числе представлявших

⁷ Лист Ф. Национальная система политической экономии. Граф Витте С.Ю. По поводу национализма. Национальная экономия и Фридрих Лист. Менделеев Д.И. Толковый тариф, или Исследование о развитии промышленности России в связи с ее общим таможенным тарифом 1891 года. М.: Европа, 2005. С. 259–306.

Всемирный банк) обратилось на отсутствие в России и в других постсоциалистических странах институтов рыночной экономики: банковской и страховой систем, несовершенство налоговой системы, рынка ценных бумаг, института банкротства и т.д. На этом этапе российские реформы, наверное, ближе всего подошли к политике порядков (то есть, по сути, создания институтов), которую отстаивал Ойкен. Он полагал, что наследие тоталитаризма и централизованной экономики, когда у людей отбили естественное стремление к экономической свободе и ответственности, может быть преодолено только усилиями самого государства⁸.

Противоположная точка зрения высказывалась сторонниками неолиберальных идей в России. Их основным аргументом было то, что российское государство настолько слабо и коррумпировано, что не сможет проводить целенаправленную политику в интересах всего общества. Поэтому лучше полагаться на чисто рыночные механизмы, обходящие государство.

Так или иначе, без вышеупомянутых институтов рыночная экономика обойтись не могла. Однако импорт готовых институтов из западных стран, не укорененных и не легитимизированных в российской практике и российском хозяйственном менталитете, не оправдал ожиданий. Институты не действовали в запланированном направлении или бездействовали вовсе. Наиболее красноречивым примером последнего можно назвать закон о банкротствах, по которому долгое время не регистрировалось ни одного банкротства.

Важным различием между позициями немецких и российских реформаторов был вопрос о взаимозависимости политического, экономического и правового порядков. Для Ойкена и его последователей свобода — и политическая, и экономическая — была самостоятельной ценностью, необходимой для реализации человеческой личности. Рыночная экономика, а главное — свободная конкуренция создавали для этого основания. В то же время политические и экономические свободы должны были поддерживаться надежным правовым порядком. Не случайно главным соратником Ойкена по ордолиберализму был юрист Франц Бём, который подчеркивал, что только правовое государство способно противостоять частной и государственной экономической мощи, грозящей ограничить личную свободу граждан. Сильное государство, согласно Бёму, следует своим собственным законам и не раздает привилегии, а обеспечивает условия для свободной конкуренции.

Доктрину социального рыночного хозяйства не следует отождествлять с идеей смешанной экономики, как часто случается в России.

⁸ См.: Автономов В.С. (2015) На какие свойства человека может опереться экономический либерализм? // Вопросы экономики. № 8. С. 5–24.

Отцы-основатели концепции социального рыночного хозяйства не только не приветствовали образование «гибридных» форм порядка, но и предупреждали о связанных с этим опасностях. Вальтер Ойкен одним из первых исследовал проблему интердепенденции (детерминированной зависимости) противоположных хозяйственных порядков и пришел к выводу о том, что между двумя крайностями — централизованно управляемой экономикой и хозяйственной системой совершенной конкуренции — располагается «рыночное хозяйство с монополиями, частичными монополиями и олигополиями»⁹. У него, таким образом, получилось исключительно точное описание специфики сложившегося в настоящее время в России типа хозяйствования.

Нельзя также не отметить, что распространенность концепций «гибридной» экономики подкреплялась и другой характерной для России зависимостью: зависимостью доходов и населения, и олигархов, и бюджетов публичной власти всех уровней от величины природной ренты. В периоды роста мировых цен на сырье растут и эти доходы, причем совершенно независимо от производительности прочих факторов. Рост же производительности, если он вообще наблюдается, всегда не «поспевает» за приращением доходов от природной ренты. Это, в свою очередь, во-первых, порождает иллюзию успешности проводимой экономической и социальной политики, а во-вторых, вызывает к жизни рекомендации по усилению государственного интервенционизма и реализации крупномасштабных проектов, «способных сплотить нацию». Авторы подобных предложений, как правило, не утруждаются расчетами эффективности и конкурентоспособности, помимо прочего, еще и потому, что существование за счет природной ренты предрасполагает если не к пренебрежению законами рынка, то уж, во всяком случае, к оттеснению их в хозяйственной жизни на второй план.

Теоретики социального рыночного хозяйства никогда не противопоставляли свои убеждения либеральной традиции, как это делают адепты «социальной экономики» в России. Напротив, они критиковали единственно «вульгарный либерализм» в духе *laissez-faire*, но не ставили под сомнение принципиальную правоту тезиса о «невидимой руке рынка». Поэтому трудно себе представить, чтобы кто-либо из тех, кто в свое время обосновывал идею социального рыночного хозяйства, поддержал бы план, согласно которому «государство инициирует проекты, финансирует проекты, реализует их, и делает вкусными для частного бизнеса»¹⁰.

⁹ Ойкен В. Основные принципы экономической политики. М., 1995. С. 164.

¹⁰ Руслан Гринберг: «Мы собираемся предложить некую альтернативу экономической политике, которая сейчас проводится в стране». Материалы Московского экономического форума 2016 «25 лет рыночных реформ в России и мире. Что дальше?», 16.03.2016.

В России политические, экономические и правовые преобразования были оторваны друг от друга. Горбачевская перестройка началась с идеологии и политики. Гласность, а затем политическая демократия предшествовали рыночным реформам, которые начались только тогда, когда экономика в отсутствие последовательных регулирующих механизмов (а командные механизмы были резко ослаблены в связи с деидеологизацией) зашла в тупик. С точки зрения российских реформаторов, при создавшемся угрожающем состоянии экономики рынок надо было вводить любой ценой, как самоцель, а политическая демократия потенциально препятствовала рыночным преобразованиям. Реформы, в первую очередь освобождение цен, следовало проводить быстро, пока народ еще верит в светлое рыночное будущее, не успев ощутить тягот переходного периода с неизбежным спадом производства и инфляцией. И правда, реформаторское правительство Гайдара, даже при поддержке популярного в то время президента Ельцина, пробыло у власти меньше года. При отсутствии политической демократии рыночные реформы проводить легче; не случаен большой интерес российских реформаторов к чилийскому опыту, когда Пиночет мог внедрять рыночные реформы без оглядки на реакцию населения. Что касается правового порядка, то он по старой российской традиции не принимался в расчет. России исторически глубоко чуждо понятие самостоятельной судебной власти; суд всегда вершился самим правителем или подчинялся ему. Единственным периодом, отошедшим от этой многовековой традиции, было непродолжительное время после судебной реформы Александра II. В постсоветской России также не появилось правового государства. В стране сложилась система «кумовского капитализма» (*crony capitalism*), когда привилегии достаются «своим», а закон применяется к «чужим».

В России также не могли понять смысл социальности в лозунге социального рыночного хозяйства. Надо сказать, что этот термин привнес в практику не Ойкен, а Альфред Мюллер-Армак, главной идеей которого было объединение принципа свободы с принципом социального выравнивания. В соответствии с немецкой традицией, возникшей при Бисмарке и вдохновленной Шмоллером¹¹, социальная политика западногерманского государства была впереди большинства других западных стран. Достаточно назвать «право соучастия» наемных работников в управлении (*Mitbestimmung*) — работу представителей трудящихся в наблюдательных советах компаний, а также практику образования новых собственников путем перераспределения национального дохода. Одна-

¹¹ Густав фон Шмоллер (1838–1917) — немецкий экономист, историк, государственный и общественный деятель, ведущий представитель т. н. новой (молодой) исторической школы в политической экономии.

ко в приоритетах политики социального рыночного хозяйства второй эпитет играл бóльшую роль, чем первый, и социальная политика была обязана «соответствовать рынку». Социальная поддержка не была предназначена для большинства населения (что случалось в государствах всеобщего благосостояния). Она должна была быть последовательной, опираться на эффективное правоприменение.

Согласно конституции, Российская Федерация является «социальным государством». Однако это определение никак не конкретизировано в тексте основного закона, а главное, не сформулированы механизмы, в первую очередь бюджетные, гарантирующие социальный характер государства. Я догадываюсь, что слово «социальное» в нашей конституции, может быть, и появилось, следуя за западногерманским прототипом. Характер социальной политики в России трудно определить однозначно: по крайней мере, последовательной ее не назовешь. С одной стороны, Россия не случайно стала одной из стран мира с наиболее неравномерным распределением национального дохода. В стране действует плоская шкала налогообложения личных доходов на уровне 13%. Крайне малым влиянием пользуются профсоюзы. Все это совершенно нехарактерно для любых видов социального государства. Судя по этим фактам, государство в России на стороне бизнеса и богатых граждан. С другой стороны, российские власти опираются на электоральную поддержку многочисленных пенсионеров, поэтому при возможности им достается часть возросших государственных нефтяных доходов. К социальной базе российского правительства относятся и государственные служащие. Поэтому в указах, изданных в мае 2012 г., вновь избранный президент Путин распорядился, чтобы средний заработок учителей и врачей был не ниже средней величины по региону. Но поскольку ответственность за выполнение этих указов была возложена на сами регионы, подавляющее большинство которых являются дотационными, то указы были обречены на невыполнение. Еще бóльшая непоследовательность характерна для политики властей в области пенсионной реформы.

Казалось, федеративное устройство Германии должно было быть созвучно российской действительности. Однако если в ФРГ бюджетный федерализм подробно описан и закреплен в Конституции и в соответствии с ним действует принцип субсидиарности, то в России бюджетная система построена так, что из более чем 80 регионов донорами являются только около десяти (Москва, Санкт-Петербург, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий АО и др.), а остальные – реципиенты, зависящие от федеральных трансфертов.

В итоге российская трансформация не пошла по западногерманскому пути и вряд ли может претендовать на то, чтобы считаться историей успеха. Чем же является для России социальное рыночное хозяйство

немецкого образца: упущенной возможностью или заведомо недостижимым идеалом?

Попробуем ответить на этот вопрос. Для этого мы должны определить: были ли различия между странами объективно непреодолимыми, или они были обусловлены неправильными действиями властей? Можно выделить несколько групп таких различий: материальные, природные, исторические, институциональные, культурные. Мы выделим лишь несколько из последней группы, не претендуя на то, что именно они важнее остальных.

В трудах выдающихся экономистов-либералов обнаруживается, что предпосылками успеха либеральной экономической политики могут быть не только собственный интерес, но и место свободы в иерархии ценностей общества (в сравнении с ценностями благополучия, безопасности)¹². Если место свободы достаточно высоко, такая политика может рассчитывать на успех. Если же опираться приходится только на соображения материального благосостояния, неизбежны патернализм и манипулирование со стороны властей, что чревато срывом.

Российские реформаторы вполне ожидаемо опирались на обещания материального благосостояния, поскольку свобода никогда не была первостепенной ценностью для российского населения. Длительный поиск национальной идеи в постсоциалистической России, в конце концов, привел к тому, что на эту роль подошла великодержавная внешняя политика. У свободы в этом конкурсе шансов не было.

Наряду со свободой россияне невысоко ценят и конкуренцию — воплощение экономической свободы для Ойкена. Привыкшие к государственным монополиям советского времени, и прежде всего к монополии на власть коммунистической партии, россияне довольно спокойно относятся к невозможности смены власти и поиску ренты как основной экономической деятельности в стране.

Широко известно понятие «экономический человек» как поведенческая модель, лежащая в основе экономической науки. Нам представляется, что можно говорить и о модели человека, подходящей для той или иной экономической системы, например для рыночной экономики¹³. Вероятно, модель человека для нормально функционирующей рыночной экономики должна включать как рациональность (изобретательность), так и определенные этические качества, прежде всего уважение к правилам, законопослушность. По части изобретательности к русскому человеку претензий нет (достаточно вспомнить чудеса находчи-

¹² См. Автономов В.С. (2015) На какие свойства человека может опереться экономический либерализм? // Вопросы экономики. № 8. С. 5–24.

¹³ Автономов В.С., Белянин А.В. (2011) Поведенческие институты рыночной экономики: к постановке проблемы // Общественные науки и современность. № 2. С. 112–130.

вости, которые проявили наши сограждане, поменявшие профессии, общественный статус и т.д. для собственного выживания и выживания своих семей). Что же касается этики, то она у россиян часто принимает характер этики добродетелей: для хорошего человека, для друга ничего не жалко и уж конечно не жалко государственного имущества или государственных заказов. Что же касается законопослушности, то ее можно отразить многими известными пословицами и цитатами: например, «строгость российских законов искупается необязательностью их исполнения».

Наряду со специфической этикой можно говорить об институциональной памяти россиян, которая выступает важным аспектом легитимации институтов. В памяти граждан РФ даже старших возрастов не было легальных занятий бизнесом. Предпринимательская деятельность была одной из статей советского Уголовного кодекса. Отсюда отношение к деловому человеку как к преступнику, которое существовало и среди самих российских бизнесменов.

Если говорить об исторической памяти в более широком смысле, то, безусловно, сказалось унаследованное от Советского Союза великодержавное прошлое, в котором усматривались одни успехи. Есть немало примеров успешных институциональных трансформаций, но произошедших на фоне недавних военных поражений, зачеркивавших прошлое, когда надо было начинать с нуля. Так было в Германии, Японии, в самой России после поражений в крымской и русско-японской войнах. Оставшееся неприкосновенным «славное прошлое», в котором объединились достижения царской империи и Советского Союза, делает излишними усилия что-то изменить, способствует институциональной инерции (как реакционный период при Александре I после победы над Наполеоном и сталинская политика «завинчивания гаек» после победы в Великой Отечественной войне).

Можно вспомнить и ту роль, которую сыграла в германском экономическом подъеме религия. У власти стоял блок христианских партий ХДС и ХСС. У православной религии в России не было не только экономической этики, но и какой-либо социальной доктрины. Для нее всегда было характерно пренебрежение мирской жизнью и полное подчинение власти — это, как выяснилось, сочетается.

Даже по этим фрагментарным заметкам создается впечатление, что попытки использовать германский опыт построения социального рыночного хозяйства, к которым призывали люди, его знавшие, в России были бы обречены. Для их успеха требовался как минимум «новый человек», более подходящий для цивилизованной рыночной экономики.

Часть II

**ПРЕДСТАВИТЕЛИ
ФРАЙБУРГСКОЙ
НАУЧНОЙ ШКОЛЫ**

ВАЛЬТЕР ОЙКЕН

Введение*

Нильс Гольдшмидт

Биография

Вальтер Ойкен родился 17 января 1891 года в г. Йене в семье философа, нобелевского лауреата 1908 года Рудольфа Ойкена. Идеи его отца, в том числе его «ноологические методы» (как предтеча феноменологического подхода) и учение «этического активизма», наложили отпечаток на Ойкена и повлияли на его последующие теоретические подходы. Свое научное образование Ойкен получил в среде ранней исторической школы и доминировавших в то время политэкономических методов исследования, основанных на детальном изучении истории и нормативных вопросах. После учебы в Кёльне, Бонне и Йене в 1913 году он защитил диссертацию под научным руководством Германна Шумахера, а в 1921 году получил докторскую степень. Вскоре Ойкен дистанцируется от устаревших традиций своего цеха и разрабатывает свою собственную исследовательскую программу. В 1923 году выходит его работа «Критические заметки по проблеме денег в Германии», которой Ойкен обозначил свой отход от объяснительной модели исторической школы в пользу более сильной теоретической позиции. В 1925 году он получает должность в Тюбингенском университете, в 1927 году переходит в Университет Фрайбурга.

Там по инициативе Вальтера Ойкена и двух юристов – Франца Бёма и Ганса Гроссманн-Дёрта в начале 1930-х возникает начинание, известное по сей день как «Фрайбургская школа». Для Фрайбургской школы характерна идея государственной политики порядка, направленной на создание рамочных условий, благоприятных как для экономическо-

* Эта статья написана на основе работы Goldschmidt (2008): „Die Politik der Wettbewerbsordnung – Die konstituierenden Prinzipien (1952)“, in: Nils Goldschmidt und Michael Wohlgemuth (Hrsg.). Grundtexte zur Freiburger Tradition der Ordnungsökonomik, Tübingen: Mohr Siebeck, S. 191–196.

го развития, так и для свободы индивида, и противостоящих любым формам концентрации власти и рентоориентированного поведения. Истинным фундаментом Фрайбургской школы стала серия трудов «Порядок экономики», совместно публикуемых Ойкеном, Бёмом и Гроссманн-Дёртом, начиная с 1936 года. В предисловии, озаглавленном «Наша задача», издатели подчеркивали, что «хозяйственную конституцию следует понимать как «всеобъемлющее решение проблемы создания порядка национальной хозяйственной жизни» и поэтому «правопорядок следует понимать и формировать как хозяйственную конституцию» (Böhm/Eucken/Großmann-Doerth 1936: XIX). После войны это серийное издание нашло свое продолжение в ежегоднике «ORDO», основанном Бёмом и Ойкеном и впервые выпущенном в 1948 году.

Вальтер Ойкен с самого начала выступил против притязаний национал-социалистов на власть. Мартин Хайдеггер, ставший в 1933 году ректором Фрайбургского университета, обрел в лице политэконома решительного противника. После так называемой Хрустальной ночи Ойкен примкнул к «фрайбургским кружкам», организации, состоявшей из трех взаимосвязанных кружков сопротивления нацистскому режиму¹. Для тайного меморандума «Политический общественный порядок. Попытка осознания христианской совести в контексте политических тягот нашего времени», который был завершен в январе 1943 года, Ойкен совместно со своими фрайбургскими коллегами Константином фон Дитце и Адольфом Лампе подготовил главу «Хозяйственный и социальный порядок», которая в существенной степени стала первым манифестом социальной рыночной экономики (Dietze/Eucken/Lampe 1943/2008). Бескомпромиссная позиция Ойкена как защитника вольного и гуманистического порядка пускает корни даже в условиях этих темных лет. В 1940 году он публикует методически важную книгу «Основы национальной экономики», которая получила широкое признание, укрепила его репутацию теоретика и была шесть раз переиздана при жизни автора.

После войны Ойкен в своей научной и общественной деятельности ратует за создание свободного и гуманистического общества. Его идеи, получившие высокую оценку Людвигу Эрхарда, стали каркасом раннего социального рыночного хозяйства в Германии. Ойкен умирает внезапно — ошеломив многих либеральных сподвижников своим безвременным уходом — 20 марта 1950 года во время лекционного тура в Лондоне. В 1952 году его жена Эдит Ойкен-Эрдзик и ученик К. Пауль Хензель посмертно издают его работу «Основные принципы экономической политики».

¹ «Фрайбургский собор» („Freiburger Konzil“), «Фрайбургский кружок Бонхёффера» („Freiburger Bonhoeffer-Kreis“) и «Рабочая группа Эрвина фон Бекерата» („Arbeitsgemeinschaft Erwin von Beckerath“). — *Прим. пер.*

Работы и наследие

Основополагающая идея работ Вальтера Ойкена появляется уже в его ранней статье «Структурные изменения государства и кризис капитализма», опубликованной в 1932 году, Ойкен разрабатывает свою экономическую программу на фоне исторических процессов и общественных трансформаций. Если либеральное государство, возникшее в 19-м столетии, характеризовалось разграничением сфер государства и экономики, то в своем времени Ойкен наблюдает «сращивание государства и экономики», «политизацию экономики» и процесс превращения в «экономическое государство» (Eucken 1932: 303). Это, прежде всего, государство, вмешивающееся в экономику, и Ойкен констатирует, что в его время соотношение диаметрально изменилось и что «экономика взяла на себя ведущую роль в процессе взаимопереплетения двух сфер». Эти трансформации, которые лишили широкие слои населения возможности влиять на экономический процесс, ведут к тому, — как пронципально заключает Ойкен, — что государство становится единственным воплощением надежды в борьбе с капитализмом: «Сегодня это вера в государство, а именно в тотальное, все подчиняющее себе государство, которое все больше превращается в заменитель религии; [...] и, исходя из этого от нынешнего государства страстно требуют взять в свои руки именно устройство экономического порядка, а также разработать и воплотить тотальное планирование в народном хозяйстве» (Eucken 1932: 306). Чтобы прервать это движение к экономическому государству, требуется педантичное и тщательное «исследование движущих сил развития» (Eucken 1932: 297) и поиск новых форм организации отношений экономики и государства. Как известно, результатом этих поисков стало разработанное Ойкеном в 1930-х и 40-х годах «мышление в категориях порядков». Чтобы приблизиться к такому типу мышления, требуется — в чем убежден Ойкен — детализированное методологическое обоснование. Созданием такового он и занялся в книге «Основы национальной экономики».

В этой работе, впервые изданной в 1940 году, Ойкен формулирует научную экономическую программу, которая должна указать выход из противоречия между индивидуально-историческим и общетеоретическим методом познания, названного автором «большой антиномией»: «Политэконом обоснованно рассматривает экономическую повседневность как часть текущей исторически-индивидуальной ситуации; он должен поступать так, чтобы не отрываться от реальности. Но столь же обоснованно он видит в экономической повседневности общетеоретическую проблему — он должен поступать и так, чтобы реальность с ее закономерностями не ускользала от него. Как же ему совместить оба подхода?» (Eucken

1940/1989: 21) Решение этой проблемы Ойкен видит в том, чтобы с помощью «направленно выделяющей абстракции» получить «все... чистые идеальные типы хозяйственных форм» (Eucken 1940/1989: 72): «Подобно тому, как из пары дюжин букв можно составить огромное множество слов разного состава и разной длины, так из ограниченного числа элементарных, чистых форм хозяйствования можно создать бесконечное разнообразие конкретных хозяйственных порядков» (Eucken 1940/1989: 72).

Найденные таким образом чистые формы хозяйствования Ойкен систематизирует в рамках матрицы форм рынка, которая включает пять частных случаев для спроса и предложения: конкуренцию, частичную олигополию, олигополию, частичную монополию и монополию. Хотя эта систематизация Ойкена в книге «Основы национальной экономии» отсылает к матрице рыночных форм Генриха фон Штакельберга, однако для Ойкена – в отличие от Штакельберга – приоритетно не количество предлагающих и потребляющих участников рынка, а вопрос координации индивидуальных планов участников рынка в рамках конкурентного процесса.

Такая характеристика форм рынка – важнейший элемент для понимания работ Ойкена. В его методических размышлениях речь идет не о понятийных/терминологических ограничениях и систематизациях, а о выявлении механизмов и условий координации для отдельных рыночных форм как предпосылок индивидуального рыночного поведения. При этом совершенной конкуренции придается особое значение, поскольку лишь в таких условиях происходит ценообразование на «одном анонимном рынке» (Eucken 1940/1989: 102). И только в этом случае цена действительно является «регулятором хозяйственного процесса» (Eucken 1940/1989: 186). Несмотря на то что Ойкен не говорит открыто о сигнальной функции ценовой системы, его близость к концепции конкуренции Фридриха фон Хайека очевидна: для обоих цены – упорядочивающее начало рынка.

Составив такую идеально-типическую матрицу рыночных форм, Ойкен перекидывает лишь один мостик к исходной проблеме Фрайбургской школы – вопросу о соотношении экономического поведения и экономической власти: «Лишь в условиях единственной рыночной формы феномен экономической власти отступает на второй план: это происходит при создании совершенной конкуренции» (Eucken 1940/1989: 201). Теперь теоретически установлено, как может быть описана цель хозяйственного порядка, свободного от власти и привилегий – с помощью совершенной конкуренции, вслед за этим встает вопрос, каким образом такую хозяйственную форму можно применить практически. Это Ойкен описывает в работе «Основные принципы экономической политики», которая вышла в свет в 1952 году уже после его кончины.

Ойкен, а вместе с ним и Фрайбургская школа убеждены в том, что реализация и практическое воплощение совершенной конкуренции не может быть достигнуто с помощью политики *laissez-faire*. Происходящие процессы, в особенности тенденция к монополизации и созданию картелей, демонстрируют, что полагаться на действие «невидимой руки» недостаточно, чтобы создать работоспособный конкурентный порядок. Напротив, совершенная и добросовестная конкуренция сформируется только в том случае, когда в помощь экономическому процессу будут предоставлены стабильные рамки и хозяйственный порядок, базирующийся на соответствующих принципах. «Необходима позитивная политика по формированию хозяйственной конституции, нацеленная на то, чтобы придать импульс развитию такой рыночной форме, как совершенная конкуренция» (Eucken 1952/2004: 254).

Такое осознанное формирование хозяйственного порядка посредством правовых норм («хозяйственной конституции») — для Фрайбургской школы является отправной точкой в выработке экономической политики. Когда порядок установлен, государство должно заботиться о «строгом соблюдении правил справедливой конкуренции» (Eucken 1942: 38). Однако отдельные «ходы» (в рамках правил игры) по-прежнему остаются в распоряжении свободного человеческого поведения. Таким образом, обеспечивается ситуация, когда результаты рыночной игры максимально соответствуют целям и намерениям вовлеченных в процесс индивидов.

При этом конкретное развитие конкурентного порядка, по Ойкену, требует в дальнейшем соблюдения конституирующих принципов. В соответствии с анализом форм рынка функционирующая ценовая система совершенной конкуренции является центральным конституирующим принципом и базовой составляющей хозяйственной конституции. Лишь в этом случае цены могут в действительности служить индикатором ограниченности благ и регулятором рынка. Этому принципу подчинены шесть других, три из которых, прежде всего, сконцентрированы на аспектах экономической политики. Примат денежной политики нацелен на поддержание стабильности ценности денег в рамках «автоматически» действующего валютного законодательства, которое Ойкен видит в качестве дополнения к резервной валюте с товарным обеспечением (улучшенная форма золотого стандарта, при которой ценность денежной единицы зависит от среднего уровня ограниченности определенного набора товаров). Постоянство экономической политики указывает на устойчивость реализуемых мер экономической политики и наличие «атмосферы доверия» (Eucken 1952/2004: 288) и таким образом обеспечивает надежные рамки для инвестиций. Принцип открытых рынков служит конкурентному механизму и укреплению внешнеэкономических

связей. Три других принципа носят скорее правовой характер: частная собственность как противоположность государственной власти, как предпосылка осуществления конкурентных процессов и как проявление личной свободы; свобода договоров, как необходимое условие экономической кооперации, и имущественная ответственность для поддержания осмотрительного экономического поведения в рамках ответственности свободных индивидов. Однако эти отдельные принципы не должны оставаться разрозненными, им необходимо составлять единое целое: «Все принципы служат, таким образом, единому политико-экономическому решению и являются средством его фактической реализации» (Eucken 1952/2004: 289).

Построение конкурентного порядка, по Ойкену, осуществляется не только с помощью конституирующих, но и при участии регулирующих принципов, задача которых состоит в том, чтобы «поддерживать конкурентный порядок в работоспособном состоянии» (Eucken 1952/2004: 253). Следуя цели предотвращения концентрации экономической власти, Ойкен провозглашает принцип контроля над монополиями, с тем чтобы противодействовать вредным для конкуренции тенденциям.



Рисунок 1. Конституирующие и регулирующие принципы
(на основе Schüller 1991: 58)

Принцип политики доходов с помощью прогрессивного налогообложения служит для равномерного распределения. К принципу экономических расчетов Ойкен относит нежелательные последствия экономической деятельности, которые не были предусмотрены предпринимателем или работником («внешние эффекты».) В качестве последнего регулирующего принципа Ойкен называет меры против аномального поведения предложения (рост предложения на фоне снижающихся цен), при этом более всего он опасается подобного поведения на рынке труда.

Конституирующие и регулирующие принципы можно графически отобразить следующим образом (см. рис. 1. на с. 44).

Принципы Ойкена не утратили своей актуальности по сей день. Мышление в категориях порядков, которого требовал Ойкен для противодействия «нервной нестабильности в экономической политике, часто сегодня отвергающей то, что действовало еще вчера» (Eucken 1952/2004: 288), в настоящее время, когда (экономическая) политика зачастую недальновидна и исключительно ситуативна, необходимо более, чем когда-либо.

ЛИТЕРАТУРА

Подробная биография Вальтера Ойкена размещена на интернет-сайте Института Вальтера Ойкена: <http://www.walter-eucken-institut.de>.

BÖHM, FRANZ / EUCKEN, WALTER / GROSSMANN-DOERTH, HANS (1936/2008). Unsere Aufgabe, wiederabgedruckt in: Goldschmidt, Nils / Wohlgemuth (Hg.). Grundtexte zur Freiburger Tradition der Ordnungsökonomik, Tübingen: Mohr Siebeck. S. 21–37.

DIETZE, CONSTANTIN VON / EUCKEN, WALTER / LAMPE, ADOLF (1943/2008). Wirtschafts- und Sozialordnung, wiederabgedruckt in: Goldschmidt, Nils / Wohlgemuth, Michael (Hg.). Grundtexte zur Freiburger Tradition der Ordnungsökonomik, Tübingen: Mohr Siebeck. S. 99–115.

EUCKEN, WALTER (1932). Staatliche Strukturwandlungen und die Krisis des Kapitalismus, in: Weltwirtschaftliches Archiv 36. S. 297–323.

EUCKEN, WALTER (1934). Kapitaltheoretische Untersuchungen. Mit einer Einleitung in die Sammlung: Was leistet die nationalökonomische Theorie?, Jena: Fischer; 2. Aufl. (ergänzt durch 3 Aufsätze und mit einer Einleitung von Friedrich A. Lutz), Tübingen: Mohr und Zürich: Polygraphischer Verlag 1954.

EUCKEN, WALTER (1938). Nationalökonomie wozu?, Leipzig: Meiner; 5. Aufl., Stuttgart: Klett-Cotta 2005.

EUCKEN, WALTER (1940). Die Grundlagen der Nationalökonomie, Jena: Fischer; 9. Aufl., Berlin u.a.: Springer 1989.

EUCKEN, WALTER (1942). Wettbewerb als Grundprinzip der Wirtschaftsverfassung, in: Günter Schmolders (Hg.). Der Wettbewerb als Mittel volkswirtschaftlicher Leistungssteigerung und Leistungsauslese, Berlin: Duncker & Humblot. S. 29–49.

- EUCKEN, WALTER (1951). Unser Zeitalter der Mißerfolge: fünf Vorträge zur Wirtschaftspolitik, Tübingen: Mohr.
- EUCKEN, WALTER (1952). Grundsätze der Wirtschaftspolitik. Herausgegeben von Edith Eucken und K. Paul Hensel, 7. Aufl., Tübingen: Mohr Siebeck 2004.

Научная и критическая литература

Обзор научной и критической литературы по Вальтеру Ойкену до 2000 г. вы найдете в издании KLINCKOWSTROEM, WENDULA GRÄFINV. / RENNER, ANDREAS (2000). Walter-Eucken-Bibliographie, in: Lüder Gerken (Hg.). Walter Eucken und sein Werk. Rückblick auf den Vordenker der sozialen Marktwirtschaft, Tübingen: Mohr Siebeck. S. 133–166.

Дополнительная, избранная критическая литература

- COMMUN, PATRICIA (Hg.) (2003). L'ordolibéralisme allemand: aux sources de l'économie sociale de marché, Cergy-Pontoise: CIRAC/CICC.
- DATHE, UWE (2009). Walter Euckens Weg zum Liberalismus (1918–1934), in: ORDO 60. S. 53–86.
- DATHE, UWE (2013). Ein Weg zum dritten Weg. Walter Euckens Auseinandersetzung mit Marx und dem Marxismus (1921–1932), in: Ploenus, Michael / Steinbach, Matthias (Hg.). Prüfstein Marx. Zu Edition und Rezeption eines Klassikers, Berlin: Metropol. S. 211–225.
- GANDER, HANS-HELMUTH / GOLDSCHMIDT, NILS / DATHE, UWE (Hg.) (2009). Phänomenologie und die Ordnung der Wirtschaft. Edmund Husserl – Rudolf Eucken – Walter Eucken – Michel Foucault, Würzburg: Ergon.
- GOLDSCHMIDT, NILS (2002). Entstehung und Vermächtnis ordoliberalen Denkens. Walter Eucken und die Notwendigkeit einer kulturellen Ökonomik, Münster: Lit.
- GOLDSCHMIDT, NILS (Hg.) (2005). Wirtschaft, Politik und Freiheit. Freiburger Wirtschaftswissenschaftler und der Widerstand, Tübingen: Mohr Siebeck.
- GOLDSCHMIDT, NILS (2013). Walter Eucken's Place in the History of Ideas, in: Review of Austrian Economics 26. S. 127–147.
- LEIPOLD, HELMUT / PIES, INGO (Hg.) (2000). Ordnungstheorie und Ordnungspolitik. Konzeptionen und Entwicklungsperspektiven, Stuttgart: Lucius & Lucius.
- PIES, INGO (2001). Eucken und von Hayek im Vergleich. Zur Aktualisierung der ordnungspolitischen Konzeption, Tübingen: Mohr Siebeck.
- PIES, INGO / LESCHKE, MARTIN (Hg.) (2002). Walter Euckens Ordnungspolitik, Tübingen: Mohr Siebeck.
- SCHÜLLER, ALFRED (1991). Stichwort „ORDO-Liberalismus“, in: Schüller, Alfred / Krüsselberg, Hans-Günter (Hg.). Grundbegriffe zur Ordnungstheorie und Politischen Ökonomik, 2. Aufl., Marburg: Forschungsstelle zum Vergleich Wirtschaftlicher Lenkungssysteme. S. 56–58.
- VANBERG, VIKTOR J. (2004). The Freiburg School. Walter Eucken and ordoliberalism, Freiburger Diskussionspapiere zur Ordnungsökonomik 04/11.
- WOHLGEMUTH, MICHAEL (2001). The Present Relevance of Ordnungstheorie for the Politics and the Economics of the Social Order, in: Labrousse, Agnès / Weisz, Jean-Daniel (eds.). Institutional Economics in France and Germany. German Ordoliberalism versus the French Regulation School, Berlin u.a.: Springer. S. 200–243.

Структурные изменения государства и кризис капитализма*

Вопросы о нынешнем состоянии капитализма, о происхождении сложностей, которые он переживает, о том, есть ли у него потенциал для дальнейшего развития или нет, о том, движется ли сегодняшний экономический порядок в направлении плановой экономики, образцом которой служит Россия — все эти проблемы носят не чисто экономический характер. Поэтому и чисто историко-экономический анализ в том виде, в каком он вновь и вновь предпринимается под влиянием Маркса, не может дать верных и универсальных решений, он остается односторонним и упускает из вида главное. Напротив, необходимо рассматривать эти проблемы в контексте всеобщей истории. Тесная связь существует, прежде всего, между экономическими и государственно-политическими процессами, эти взаимосвязи стали по-настоящему решающими для современного капитализма. Одного лишь исследования движущих сил развития и технических возможностей, которыми располагает сегодня капитализм, недостаточно, поскольку помимо этого необходимо ставить вопрос, существуют ли сегодня те же государственно-общественные предпосылки для существования капитализма, что и раньше.

1. Движущие силы развития и технические возможности

А. Носителями экономического развития в век расцвета капитализма были, как известно, предприниматели; все технические и организационные нововведения внедрялись в мир экономики именно ими; все новые сочетания материальных средств производства и форм человеческого труда были также внедрены их силами. Поэтому справедливо возникает вопрос, есть ли сегодня, как и прежде, предприниматели, обладающие волей и способностями для того, чтобы стать лидерами развития.

Если речь идет о Германии, то многие наблюдатели отвечают на этот вопрос отрицательно. Тот тип предпринимателя, который осуществлял масштабную индустриальную экспансию с середины прошлого столетия — как утверждают — вымирает. В последнее время произошли изменения в экономических взглядах, рациональное мышление, наступая, все сильнее и сильнее подавляет смелость и изобретательность, необходимые, чтобы находить и воплощать новшества. Вместо этого современными предпринимателями овладело стремление к защищенности и по-

* В данной публикации приводится фрагмент работы Вальтера Ойкена «Структурные изменения государства и кризис капитализма». Перевод осуществлен по изданию: Eucken, Walter (1932). Staatliche Strukturwandlungen und die Krisis des Kapitalismus. Weltwirtschaftliches Archiv, Band 36. S. 297–321.

стоянству. Именно в крупной промышленности и под защитой картелей происходит «переход предпринимательства в чиновничество», которому неведом истинно капиталистический, стремительный, по-настоящему предпринимательский дух, из-за чего сегодня пропадает настоящий мотор экономического развития.

Это описание верно — для определенного сегмента народного хозяйства Германии; но оно ошибочно — если применяется к предпринимательству в целом. Оно верно для всех монополистских отраслей промышленности, то есть тех, где посредством объединения в тресты, создания прочных картелей, патентов или же засекречивания производственных процессов была уничтожена или сильно подорвана сила конкуренции. Там, где монополии занимают подобное влиятельное положение долгое время — на протяжении десятилетий, постепенно меняется сам характер предпринимательства, исчезает прежний тип подвижного предпринимателя, и пространство завоевывают «предприниматели чиновничьего типа». Например, в немецкой каменноугольной, сталелитейной промышленности, в цементной, химической и калийной промышленности, т.е. в тех отраслях, которые долгое время находятся под опекой монополий, как раз наблюдается такая трансформация экономических взглядов, которая ведет к бюрократизации хозяйственного руководства. Тот факт, что даже в этой группе предпринимателей находятся личности, которые в состоянии быть проводниками экономического развития и внедрять масштабные технические инновации, в Новейшей истории демонстрирует химическая промышленность. Конечно, этот эскиз требует уточнений, но в целом картина отражает сегодняшнее состояние предпринимательства в таких промышленных отраслях, где долгое время существуют монополии. Там, где отсутствует кнут конкуренции, проявляется парализация и феодализация предпринимателя.

Однако всюду, где не возникло могущественных монополий-долгожителей, в тех промышленных отраслях, где множество производителей предлагают одинаковые или схожие товары, где картелей нет вовсе, или они имеют непрочную форму или временный характер, такой тип предпринимателя не может развиваться. Это относится к большей части обрабатывающей промышленности, например, машиностроению, металлообработке, точному приборостроению, текстильной, швейной и пищевой промышленности. В этой области лишь в единичных случаях прочные картели просуществовали несколько десятилетий; в большинстве случаев речь идет о кондиционных, калькуляционных или — в крайнем случае — ценовых картелях, которые даже отдаленно не могут претендовать на монополистическое господство на рынке. Постоянное появление новых товаров, характерное для большинства рынков текстильной и машиностроительной продукции, а также связанная с этим

постоянная смена потребностей и спроса полностью исключают застой предпринимательства. Важнейшим требованием для успешного руководства предприятием сегодня является наличие адаптивности и подвижности; формализация и превращение предпринимателей в функционеров ведут к неудачам и краху, идет ли речь об отдельных фирмах или целых корпорациях. Прибыль предпринимателя возникает не благодаря приобретению и поддержанию господствующего монопольного положения, а благодаря внедрению новшеств.

Итак, в этом сегменте народного хозяйства мы обнаруживаем предпринимателя конкурентного типа, который демонстрирует родство с предпринимателем девятнадцатого столетия, хотя его управленческие функции внутри компании расширились вследствие все возрастающей сложности процессов руководства предприятием. Здесь царит совсем другой дух, другое экономическое мышление, иное, чем в монополизированных отраслях промышленности. Правда, из-за постоянно растущих потребностей фирмы такой предприниматель не находит сил и времени, чтобы — по примеру своих коллег с предприятий, защищенных монополиями, — заниматься общественной деятельностью, выступать в отраслевых союзах и обращаться в правительственные органы. Этим объясняется и тот факт, почему многие писатели сегодня знают только «капитанов индустрии», то есть самых выдающихся лидеров монополизированных отраслей промышленности, но не замечают сегодняшнего предпринимателя, принадлежащего конкурентной экономике, или категорично называют его «нежизнеспособным». Им хватило бы одного взгляда на реальную экономику, чтобы понять, насколько большое экономическое — но не политическое — значение он имеет для Германии и что большая часть немецкой промышленности возглавляется именно им. Они бы увидели, что именно этот предприниматель сыграл решающую роль в послевоенном индустриальном развитии Германии и что сегодня он тоже может быть проводником развития — если его изначально не лишат всех шансов на успех. [...]

В. Изобилие изобретений создает сегодня предпринимателям большинства отраслей экономики достаточно стимулов, чтобы внедрять новые комбинации. Ведь нынешние преобразования технических знаний еще сильнее, чем в девятнадцатом столетии, становятся источником мощнейших импульсов для развития экономики. Темп появления изобретений повысился. Хотя героическая эпоха изобретателей прошла, однако в наше время систематическая кропотливая работа приносит свои результаты, количество которых постоянно увеличивается. Сегодня, как и раньше, большинство этих изобретений скорее заслуживают восхищения с технической точки зрения, чем имеют большое экономическое значение, многие из них невозможно использовать в рамках существующей

ценовой системы, т.е. на базе расчета рентабельности, и они остаются экономически нерелевантными. Однако сама экономика демонстрирует, что в последние десятилетия и годы было сделано множество рентабельных и, следовательно, экономически значимых изобретений. Лишь в немногих отраслях, таких как, например, ткацкое производство, наблюдается некоторая стабильность технического уровня, в большинстве других он изменяется с необычайной скоростью, как в угледобывающей отрасли, зерновом хозяйстве, сахарном производстве и производстве бензина, — и это лишь несколько примеров. До войны для большинства промышленных отраслей было обычной практикой рассчитывать амортизационные списания на основе предельного срока технической эксплуатации оборудования, и лишь в отдельных случаях от этого принципа отклонялись. Сегодня же в целом они вынуждены поступать иначе; именно потому, что машины и оборудование заменяются новыми улучшенными конструкциями гораздо быстрее, а экономическое устаревание на производстве наступает гораздо раньше, чем техническое, многие предприятия вынуждены устанавливать гораздо более высокие суммы амортизационных отчислений, нежели двумя десятилетиями раньше.

В то время как возросший темп появления технических усовершенствований и изобретений доставляет немало хлопот почти всем руководителям предприятий в большинстве отраслей экономики, многочисленные авторы втолковывают нам, что эпоха изобретений в основном миновала. Подобное утверждение либо должно подтверждаться фактами — тогда оно очевидно ложно; либо оно должно представлять собой прогноз — тогда оно относится к далекому будущему и неинтересно для понимания сегодняшнего состояния капитализма.

С. Даже если движущие силы капитализма в будущем ослабеют, даже если предпринимательством овладеет бюрократизация и «старение», сопровождаемые ослаблением технического прогресса, это будет недостаточным основанием для гибели капитализма. Просто за его динамичной формой последует более статичная. Со времен Маркса и Зомбарта принято считать внутренним условием существования капитализма постоянную экспансию и продолжительную динамику и, исходя из этого, полагать, что возможный конец развития означает конец капитализма как такового. Маркс стал свидетелем внезапного подъема капитализма в Англии в середине прошлого столетия, его немецкие ученики пережили значимые годы капиталистического роста в Германии; поэтому становится понятно, откуда возникла легенда о потребности капитализма в постоянной динамике. Впрочем, их более поздним последователям не составило бы особого труда убедиться в ошибочности марксистских тезисов. Прежде всего, одного лишь взгляда в историю хватило бы, чтобы понять, что существует иной, нединамичный капи-

тализм, как, например, в Нидерландах или Франции, что предпринимательская инициатива, а с ней и движущие силы развития, могут угасать, как в Англии конца XIX века, при этом страны ни в коей мере не прекращали быть капиталистическими. К тому же современная политэкономическая теория продемонстрировала, что марксово теоретическое доказательство необходимой динамики ложно. У нас нет ни малейших оснований делать заключение о закате эры капитализма на основании одного лишь возможного ослабления движущих сил развития.

Для Германии эта проблема в целом не стоит остро. Здесь присутствуют и жаждут деятельности — как было показано — предпринимательские силы, которые в состоянии внедрить в экономику крупные инновации современности. Возможно все же, что и в условиях свободного развития этих сил темп экономического развития в Германии был бы ниже, чем раньше, вследствие меньшего прироста населения и нехватки капитала. Однако сегодняшнее состояние капитализма в старых капиталистических странах определяется совсем не этим, а совершенно другим комплексом обстоятельств. Прежняя государственно-общественная организация народов, в рамках которой развился капитализм, обветшала, и ей на смену пришла новая организация иного рода, которая максимально усложняет функционирование капиталистического механизма, тормозит его развитие или делает его невозможным. Только признание этих историко-политических процессов дает возможность правильно понять сегодняшнее состояние капитализма.

II. Государственно-общественная организация

A. Изменения внутренней структуры государств

1. *Старое государство.* Государство находившегося в становлении и созревшего абсолютизма, то есть государство меркантилизма, было структурой, которая наряду с народом и нацией жила собственной жизнью; его суверенитет был признан гражданами, а после ожесточенной борьбы — и знатью, однако полностью устранить пришедшее из средних веков сословное разделение европейским монархиям не удалось, и даже во времена своего могущества они не желали и не могли регулировать и направлять жизнь общества¹; напротив. «Итогом этой эпохи стало создание искусственно уравновешенного состояния разделения труда и разграничение между войной и миром, военным делом и жизнью народа, политикой насилия и мирной гражданской цивилизацией» (Мейнеке)². Разумеется, государь с помощью своей экономической политики

¹ См.: *Meinecke F.* Die Idee der Staatsräson in der neueren Geschichte. 1929. Kap. 5 — Über den alten preußischen Staat; G. Ritter, Stein. 1931. I, Kap. 6.

² Ibid.

вмешивался во многие сферы хозяйственной жизни, он неоднократно становился инициатором и носителем экономического прогресса. Однако правитель в меркантилистском государстве был далек от желания управлять всей хозяйственной деятельностью своих подданных в том виде, в каком она сложилась в городе и деревне под воздействием очень старых традиций и связей. Он вмешивался лишь настолько, насколько того требовали государственные интересы: строил фабрики, населял земли, вводил запреты на ввоз и вывоз товаров и тому подобное; в остальном же он предоставлял экономику, которая за это время изменилась совсем немного, самой себе. Поэтому меркантилистская экономическая политика не устранила раскола между государством и обществом до конца эпохи абсолютизма. *В этом расколе и его преодолении мы скорее склонны видеть основную проблему более поздней государственной жизни, решение которой осуществлялось в два этапа.* Французская революция и демократизация государственной сферы обозначили первый этап. Согласно демократическим идеям государство и народ должны были стать тождественными величинами/равными субъектами, однако на практике всеобщая воинская обязанность и всеобщее избирательное право тесно связывали человека с государством, которое посредством упразднения сословий одновременно получило новые возможности расширения власти. Однако оно воспользовалось лишь немногими из них, поскольку именно на этом этапе экономика и государство отделились друг от друга гораздо сильнее, чем в эпоху меркантилизма, поскольку политически влиятельному либерализму удалось расширить свободное личное пространство индивида, и поскольку лишь отдельные влиятельные группы в экономической сфере требовали государственного вмешательства. Это либеральное государство XIX столетия, четко разделившее сферы государства и экономики и практически полностью передавшее руководство экономикой в руки частным предпринимателям, и было почвой, на которой мог мощно развиваться капитализм — как достаточно часто описывается.

2. Становление экономического государства. На протяжении последней половины столетия посредством сращивания государства и экономики и политизации хозяйственной жизни либеральное государство постепенно преобразовывалось в экономическое государство — и это обозначило второй этап большого исторического процесса переплетения государства и общества. В некоторых странах, таких как Франция, эта трансформация находится в начальной стадии, тогда как в других, таких как Германия и Англия, она уже зашла довольно далеко.

В Германии именно государство по собственному побуждению пробило разделяющую сферы экономики и государства стену. Ведь немецкая экономическая политика — по крайней мере, в период правления

Бисмарк — была подчинена идее государственной целесообразности. С величайшей последовательностью и догматической строгостью Бисмарк подчинял все хозяйственно-политические вопросы основной идее своей единой политики. Если его либеральная торгово-договорная политика 1860-х гг. определялась малогерманской политикой объединения³, то его отход от либерализма и переход к протекционизму в конце 1870-х был продиктован его внутривнутриполитической борьбой за финансовую безопасность империи, но также и за ослабление парламента путем разжигания споров по важным экономическим вопросам между влиятельными партиями. Социальная политика Бисмарка — это еще один пример политики государственной целесообразности, и по своим мотивам и духу она не имела ничего общего с социальной политикой последующих десятилетий. Например, целью (создания) законодательства о социальном страховании было укрепление империи путем формирования заинтересованности отдельного работника в стабильности своего состояния/положения, и эта идея отчетливо выражена в отдельных положениях законодательства. Интервенционизм Бисмарка был интервенционизмом во имя государственной целесообразности; с его уходом началась новая эпоха. И наличие определенной преемственности хозяйственно-политических мероприятий не должна отвлекать от принципиальной сущностной разницы бисмаркианской и постбисмаркианской экономической политики. Из германской политики, всех ее отдельных сегментов, в том числе и экономического, исчезла главенствующая идея, сила и господствующая воля; соотношение экономики и государства постепенно диаметрально изменялось, и экономика начала брать на себя лидирующую роль в процессе взаимопереплетения двух сфер.

Мотивы, по которым экономика требовала и с растущим успехом добивалась осуществления государственных интервенций, были и остаются в высшей степени противоречивыми. В значительной степени речь идет о том, что отдельные экономические группы (интересов), предприниматели и работники побуждают государство к вмешательству, чтобы укрепить свои позиции в рамках капиталистической экономики; таким образом, государство должно применять свою власть не затем, чтобы устранить капиталистическую экономику, а как раз напротив, чтобы поддержать отдельные группы и даже отдельные предприятия в капиталистической экономической борьбе. Отчасти это группы предпринимателей, которые чувствуют угрозу со стороны современного экономического развития и потому требуют особой защиты со стороны государства, такие как розничные торговцы, страдающие от конкуренции с универ-

³ Малогерманский путь объединения Германии — одна из двух моделей решения германского вопроса (под руководством Пруссии и без участия Австрийской империи), обсуждавшихся в период революции 1848—1849 гг. В результате была реализована в 1867—1870 гг. — *Прим. ред.*

магами, ремесленники, страдающие от конкуренции с фабричными товарами, фермеры, страдающие от более конкурентоспособных зарубежных соперников. К ним примыкают и те предприниматели, которые сами являются носителями развития, однако для его ускорения считают необходимым государственное вмешательство, как это часто случалось в истории немецкой металлургии. Или же речь идет о больших капиталистических предприятиях, которым угрожает поражение в конкурентной борьбе, и поэтому они требуют государственной помощи и зачастую ее получают. Таким образом, широкие предпринимательские круги претендуют на защиту и содействие со стороны государства; не все при этом добиваются одинакового успеха, и, как демонстрирует развитие немецкой торговой политики, наиболее удачливыми оказывались крупные промышленники и аграрии, в гораздо меньшей степени — малые и средние промышленные предприятия и крестьянские хозяйства.

За минувшие десятилетия в процессе взаимодействия предпринимательства и государства техника интервенционизма чрезвычайно усовершенствовалась, особенно впечатляющим примером этому служит развитие производства ржи и германской политики в этой сфере. Эволюция прошла путь от защитных пошлин и разрешений на ввоз до различных проявлений обязательного использования продукции и монополизации конкурирующих кормовых культур, а также валоризации, результатом которой стала крайне сложная государственная ценовая политика. Или же можно вспомнить о том, как простые покровительственные и поддерживающие пошлины — как в промышленности искусственного шелка — частично превращаются в пошлины, служащие для поддержки отечественных партнеров в борьбе за квоты в международных картелях⁴; при этом государственная экономическая политика и представительство предпринимательских интересов прочно сплавляются в единое целое.

Когда массы рабочих и служащих в своей борьбе за более высокий заработок и лучшие условия труда в свою очередь также потребовали государственной помощи и после войны, как правило, стали получать ее, их усилия были отчасти продиктованы теми же мотивами, что и у предпринимателей: массы требовали от государства вмешательства в своих интересах, поскольку оно может быть мощным союзником в борьбе на рынке труда; в глазах масс борьба за уровень заработной платы и борьба за власть внутри государства сливаются в единое целое, которое и определяет, насколько высоким будет доход рабочих и служащих в капиталистической экономике.

Здесь, однако, мы сталкиваемся со вторым комплексом мотивов, который стоит в стороне от первого, хотя обыватель зачастую не замечает

⁴ Квоты в международных картелях — *Kartellquotenkampfzölle*, нем. — *Прим. ред.*

разницы. Государственной интервенции требуют не просто затем, чтобы улучшить позиции отдельной группы на капиталистических рынках, интервенционизм находит своих радикальных сторонников, прежде всего, среди противников капиталистического хозяйственного порядка как такового: например, рабочий требует государственного вмешательства не только в надежде улучшить свое экономическое положение в настоящем, но и чтобы инициировать свержение сегодняшнего хозяйственного порядка в будущем. И в этом нам следует увидеть исторический факт огромного значения: массы рабочих и занятых, которые обязаны своим возникновением именно развитию капитализма, поворачиваются против капитализма и используют в этой борьбе государство, на которое они способны влиять.

Как известно, причины антикапиталистических настроений масс кроются не в ухудшении уровня жизни из-за капитализма, поскольку как раз напротив, их уровень жизни в капиталистических странах улучшился сильнее, чем когда-либо в истории; столь же маловероятно отыскать их в продолжающемся обострении противостояния богатства и бедности, поскольку подобного обострения за время существования капитализма — как неопровержимо доказал Парето⁵ — не произошло. Разворот масс против капитализма — скорее феномен, который можно осознать, лишь приняв во внимание душевное состояние современного человека и совокупность духовных, политических и экономических изменений современности и их взаимного влияния. В ходе нашего исследования мы приняли этот разворот как данность и задались лишь одним вопросом: почему массовое антикапиталистическое движение не только пытается превратить государство в орудие своей борьбы с капитализмом, но и стремится сделать государство носителем некапиталистического хозяйственного порядка.

Тогда как прежнее антикапиталистическое движение, опиравшееся на идеи Маркса, видело своей целью социалистическое общество, свободное от государства, для создания которого временно все же необходимо государство, современный антикапитализм стремится уничтожить капитализм в тотальном, охватывающем всю экономику, максимально автаркичном государстве. Причиной этих изменений отчасти послужили внешнеполитические события, которые в Германии высвободили стремление к созданию сильного национального государственного устройства. Однако отчасти причины кроются в более далеком прошлом, и их следует искать в крушении традиционного жизненного уклада, начавшемся в XVIII столетии. По мере того, как религия все больше теряла способность наполнять смыслом жизнь, а с ней и хозяйственную деятельность

⁵ Парето Вильфредо (1848–1923) — итальянский экономист, социолог. — *Прим. ред.*

отдельного человека, по мере того, как она переставала быть фундаментом жизни, а становилась лишь одной из ее сфер, наряду с другими, медленно, но отчетливо заметно изменялось и отношение человека к государству. Поскольку вытеснение религии с центральных позиций в жизни создало невыносимый вакуум, человек искал ей замену, которая придавала бы его жизни смысл. Как показывает история последних полутора столетий, человек предпринял множество ошибочных попыток найти ее: вера в общество, человечество, вера в культуру распространялась и блекла вновь. Сегодня это вера в государство, а именно в тотальное, все подчиняющее себе государство, которое все больше превращается в заменитель религии; в тотальном государстве будущего многим немцам видится сегодня сверхчеловеческая, всемогущая сущность, против которой индивид не имеет никаких прав, и исходя из этого от нынешнего государства страстно требуют взять в свои руки именно устройство экономического порядка, а также разработать и воплотить тотальное планирование в народном хозяйстве. Вовсе не везде вера в государство проявляется столь радикально, однако в сознании широких кругов населения государство занимает центральное место в большей степени, чем раньше; прежде человек воспринимал хозяйственные неудачи как судьбу, сегодня же крестьяне, рабочие и занятые склонны возлагать ответственность на государство и требовать от него помощи, как чего-то само собой разумеющегося. Из своеобразного смещения экономических интересов, антикапиталистических настроений, национал-политических устремлений и квазирелигиозных убеждений возникли интервенционистские течения последних десятилетий.

Постбисмаркианское государство противопоставляло требованиям государственного вмешательства, исходившим из самой экономики, все более слабое сопротивление. Впрочем, во время большой войны под гнетом опасности государство временно вновь взяло на себя руководящую роль, организовало мобилизацию всех хозяйственных сил и тем самым инициировало связующие процессы с экономикой. Однако с окончанием войны отношения тотчас же вновь изменились, и предпринимателям удается лишь отчасти сохранить и укрепить те тесные связи, которые возникли у него с государством в ходе войны. Но, что еще важнее, прораставшая одновременно демократизация партий и организованных ими масс и групп интересов оказало повышенное влияние на руководство страны и тем самым на экономическую политику.

Трансформация либерального государства в экономическое означает как для государственной, так и для хозяйственной жизни очень много. Часто описывается, что этот процесс влечет за собой чрезвычайное разрастание государственного аппарата, что его бюджет неимоверно разбухает, что со всеми его субсидиями, пошлинами, запретами на

импорт, контингентированием, мораториями и т.д., государственным арбитражем и сильно возросшими налоговыми притязаниями государство гораздо глубже, чем раньше, вторгается в формирование доходов индивида, что в целом происходит решительная экспансия деятельности государства⁶. Однако все эти факты не должны отвлекать внимание от другой стороны этой проблемы; эта экспансия, которой — как оказалось — в постбисмаркианскую эпоху требовали от государства и добились преимущественно представители экономики, означала не усиление, а, напротив, ослабление государства; более того, она таит в себе опасность распада государства. Тот факт, что экономическое государство, в отличие от либерального, теснейшим образом связано с текущим состоянием конъюнктуры и что сегодня любая тяжелая экономическая депрессия сотрясает государство, уже демонстрирует, как экономика сковывает государство. Гораздо более тяжелыми последствиями чревато то, что в целом именно тесное переплетение с экономикой подрывает самостоятельность государства в вопросах формирования политической воли, на которой зиждется само его существование. Его деятельность становится зависимой от воли экономических групп, которым государство все больше служит как инструмент. Конечно же верно, что сегодняшнее государство, осуществляя арбитражную деятельность и регламентируя рабочее время, играет решающую роль в формировании доходов миллионов людей, однако это государство — в отличие от бисмаркианского — действует скорее не по собственной воле, а в существенной мере под давлением групп интересов. Вся экономическая политика Новейшего времени наглядно отражает этот процесс разложения; она распадается на множество мер, каждая из которых продиктована желанием одной из разнообразных влиятельных экономических групп, однако в совокупности они не выражают никакой единой идеи или воли, а демонстрируют полную бессистемность. В своей хозяйственной политике экономическое государство в основном ограничивается согласованием и исполнением требований групп интересов, от которых оно зависит; оно лишь иногда оказывается в состоянии соблюсти истинные государственные интересы. Таким образом, сегодня власть государства служит уже не столько собственной воле, сколько в значительной степени воле групп интересов, и самый совершенный бюрократический аппарат не может существенно изменить эту ситуацию. Пятьдесят лет назад государство было куда более сдержанным в применении средств принуждения, однако самостоятельно формировало свою политическую волю; сегодняшнее — напротив — стремится повсеместно и непрерывно ис-

⁶ Наряду с соответствующими политэкономическими и научно-финансовыми трудами смотри следующий государственно-правовой труд: *Schmitt C. Der Hüter der Verfassung. (Beiträge zum öffentlichen Recht der Gegenwart. 1.)* Tübingen 1931. S. 72 и последующие статьи.

пользовать свою власть, однако его намерения лишены самостоятельности.

С точки зрения экономики становление экономического государства также означает тяжелое потрясение, которое ощущалось с начала столетия и сейчас по-прежнему угрожает существованию хозяйственной жизни. С одной стороны, ситуация такова, что в старой капиталистической стране, какой является Германия, сформировался необычайно сложный, основанный на разделении труда капиталистический экономический аппарат, состоящий из множества предприятий, производящих несчетное количество разновидностей товаров. Этот запутанный хозяйственный механизм обладал чувствительным и эффективным регулятором в виде ценовой системы, который управлял его движениями с высокой точностью и вовлекал в процесс все производственные силы — пока цены были преимущественно конкурентными. Таким образом, капиталистический хозяйственный порядок не только сумел полностью сформироваться в эпоху либерального государства, но также предполагает наличие ценообразования, не ограничиваемого государственными интервенциями — до той поры, пока его рычаги управления не утратят своей функциональности.

В действительности же существующее сегодня государство в результате описанного исторического развития превратилось из либерального в интервенционистское экономическое государство — это второе обстоятельство, которое очень существенно для углубленной оценки состояния капитализма. Это экономическое государство не только затрудняет реализацию предпринимательской инициативы — в особенности посредством невероятно высокой налоговой нагрузки всех видов — т.е. не только сковывает силы развития, но и, прежде всего, лишает работоспособности ценовую систему, служившую регулятором народного хозяйства. Уже с появлением отдельных монополий и подобных монополиям образований эффективности ценового механизма был нанесен ущерб, что повлекло за собой опасное и неэффективное использование капитала. Существенно облегчив возникновение и укрепление монополий — особенно своей таможенной и картельной политикой — которые лишь с государственной помощью могли достичь их нынешнего могущественного положения, государство тем самым косвенно существенно ослабило регулирующие возможности ценовой системы. Более того, через непосредственное установление цен на рынке рабочей силы, капиталов, жилья, продовольственных товаров и многих других рынках государство препятствовало ценовым сдвигам и тем самым вызвало дисбаланс в соотношении спроса и предложения. Однако, поскольку изменения цен влекли за собой преобразования, государство неоднократно пыталось замедлить их с помощью субвенций, защиты от взысканий кредиторов и т.д.

Таким образом, ход истории привел к возникновению несоответствия в самих фактических обстоятельствах: капитализм расцвел в государственно-общественном пространстве, которое было разрушено более поздним историческим процессом, а именно возникновением экономического государства. В результате из свободного и рационально упорядоченного ценовой системой капитализма возник капитализм, зависимый от государства и лишенный нормального управления. Присутствовавшая ранее в экономическом механизме тенденция к полной занятости и полному использованию оборудования, заложенная в каждом сдвиге конкурентных цен, была устранена. Именно политизация ценообразования поставила процессы производства и распределения в зависимость от непредсказуемых действий политических группировок, и поэтому в хозяйственном порядке воцарилась анархия.

В. Изменения во внешней политике

1. Старая система. Тогда как внутренняя, а именно либеральная структура государств XIX столетия была необходимой предпосылкой стремительного роста капитализма в этот период, структура системы международных отношений и устройство внешней политики серьезно повлияли на характер его развития.

Создание этой системы международных отношений XIX столетия было результатом многовекового исторического процесса, в ходе которого путем дипломатической практики обрели значимость определенные основополагающие принципы внешней политики, на которых зиждились взаимоотношения государств. Речь идет, во-первых, о принципе разделения мира и войны⁷, который в целом установился в XVIII веке и действовал — с одним заметным перерывом — до 1919 г. В XVI и XVII веках война и мир еще не были так четко разделены — вместо окончательных мирных договоров зачастую заключались лишь временные перемирия, во времена мира внезапно начинались военные действия, а во время войн сохранялись дипломатические отношения. Укрепление государств, но прежде всего создание регулярных армий и потребность в прекращении нескончаемых военных столкновений, побудило дипломатию XVIII века по окончании войны добиваться действительного состояния мира и устранять все последствия войны и тем самым четко разграничивать мир и войну. Уже по этой причине для дореволюционного XVIII века не были характерны высокие репарации, в форме которых всегда выражаются последствия войны и ко-

⁷ Кроме вышеупомянутого труда Мейнеке, смотри также: *Bernays J. Die Diplomatie um 1500. „Historische Zeitschrift“.* München u. Berlin. 138 Bd. (1928), S. 1 и последующие статьи — *Friedensverträge (vom juristischen Standpunkte)* (H. Kraus). *Handwörterbuch der Staatswissenschaften.* 4. Aufl. Jena IV (1927). S. 410 и последующие статьи.

торые к тому же сопровождаются долгосрочной оккупацией вражеских территорий.

Лишь с возникновением «принципа мира» вообще стало возможным упорядочить европейские государства Нового времени, однако вместе с тем возникла задача обезопасить мир и закрепить это понятие в системе международных отношений. Поэтому уже известный на тот момент принцип равновесия сил все больше и больше превращался в центральный принцип внешней политики и в восемнадцатом столетии стал ее лейтмотивом: Утрехтский мирный договор 1713 г. определил его как «лучшую и наиболее прочную основу обоюдной дружбы и общего долгосрочного согласия». В новейшей историографии с полным основанием вновь и вновь отмечается, как часто принципом равновесия злоупотребляли для того, чтобы замаскировать грубые нарушения права; однако эти факты не меняют его практического значения. В борьбе с Людовиком XIV особенно активно в своих интересах этим принципом пользовалась английская дипломатия, другие крупные европейские державы также признали его основой системы международных отношений, стремясь к безопасности и сохранению своего господства. После периода Французской революции и империи, когда мирные договоры снова стали носить характер перемирий, а принцип равновесия перестал действовать на практике, вновь стали последовательно возвращаться идеи прежней кабинетной политики, поскольку борьба с Наполеоном была направлена против европейской универсальной монархии и нацелена на создание «системы равновесия, независимости и безопасности», как обозначил ее Меттерних. Парижские мирные договоры и акты Венского конгресса, по-новому упорядочившие Европу, как следствие, в полной мере вернули прежнее влияние обоим близко взаимосвязанным принципам старой дипломатии: в заново созданную сбалансированную систему европейских государств поверженная Франция вскоре вновь была введена как равноправная держава, поскольку при сохранении большой территории она не претерпела ограничения вооружений или иного ущемления своего суверенитета, на нее лишь были наложены незначительные репарации, которые были вскоре выплачены, а французская территория уже через несколько лет была свободна от оккупации. Так возникла система равновесия европейских государств, которая завоевала большое международное значение далеко за границами Европы, в особенности благодаря тому, что эта сбалансированная система международных отношений обеспечивала прочность властных позиций Англии на заморских континентах и в мировом океане, они же, в свою очередь, выступала гарантом этой системы.

В ее рамках внешнеполитические отношения проистекали на протяжении столетия, и даже Бисмарк никогда не помышлял о том, чтобы

разрушить эту систему; он трансформировал ее своим решением германского вопроса, но ни в коем разе не устранил, скорее — укрепил. Обуздание и придание формы бессознательным силам народной жизни, постоянно стремящимся к хаосу, было его целью, которой он достиг с помощью инструментов и принципов старой дипломатии. Его внешняя политика была направлена на перестройку существовавшей системы равновесия вплоть до 1871 г., т.е. до решения германского вопроса, что отчетливо выразилось во Франкфуртском мирном договоре, который предусматривал немедленное восстановление статуса великой державы для Франции при скорейшем прекращении войны и выводе войск из страны, и обеспечивал быструю выплату репараций и отказ от ограничений суверенитета, тогда как после 1871 г. Бисмарк стремился к сохранению этой новой системы равновесия и укреплял ее⁸.

Неслучайно столетие непрерывного существования этой системы международных отношений одновременно стало веком сильнейшей экспансии капитализма. Дело в том, что стабильность и надежность внешнеполитических связей создали доверительную основу для международного движения капитала и сделали возможным развертывание сети долгосрочных торговых договоров, создали препятствия для непредвиденных нарушений международного движения товаров и тем самым облегчили углубление международного разделения труда, — все это значительно стимулировало рост капитализма в таких странах, как Англия и Германия.

2. Новая ситуация. Когда после окончания большой войны стало вновь необходимо создавать систему международных отношений на основе мирных договоров, оказалось, что дипломатия мировых держав не в состоянии не то что предложить решение проблемы, но даже осознать ее. Причину этих изменений, чреватых тяжелыми во всех отношениях последствиями для судьбы государств и каждого индивида, следует искать в том обстоятельстве, что по мере демократизации мира народы с их страстями, группы интересов и хаотические движения масс приобрели решающее влияние на внешнюю политику; управление внешней политикой оказалось в руках личностей, которые, будучи скорее демагогами, чем дипломатами, одновременно будоражили чувства населения и становились зависимыми от них, пока, наконец, из жизни народа окончательно не исчезла какая бы то ни была упорядочивающая сила.

⁸ О Бисмарке см. также: Die Große Politik der Europäischen Kabinette 1871–1914, Sammlung der Diplomatischen Akten des Auswärtigen Amtes, im Auftr. Des Auswärtigen Amtes hrsg. von J. Lepsius, A. Mendelsohn Bartholdy, F. Thimme, Berlin 1922–1927, 40 Bde. (напр. Erlaß an Schweinitz vom 25.2.1887, 6 Bd. [1922]. S. 177 и последующие), а также F. Timme, Die Gesammelten Werke Bismarcks, 1927–1930. Что касается важных трудов о Венском конгрессе, см. книгу: H. Ritter von Srbik, Metternich, Der Staatsmann und der Mensch, München 1925, 2B de.

«С тех пор как политика стала основываться на внутренних брожениях народов, всякой безопасности пришел конец», — заявил Буркхардт еще в 1878 г.; в то время это было справедливо лишь отчасти, однако сегодняшнему положению дел это утверждение соответствует в полной мере⁹. Подобно тому, как внутренняя структура государств трансформировалась в первую очередь под давлением масс, и так возникло сегодняшнее экономическое государств, так и устаревшая система международных отношений была разрушена вследствие возросшего влияния масс, которые не смогли создать на ее месте ничего нового.

Решающие признаки договоров, лежащих в основе Версальской системы международных отношений¹⁰, состоят именно в том, что в них — в отличие от мирных договоров старой дипломатии, однако подобно договорам эпохи Французской революции и Наполеона — полностью отсутствуют упорядочивающие политические принципы. Произошел полный отказ от идеи мира, принципа строгого разделения мира и войны и устранения всех последствий боевых действий после заключения мира; совсем наоборот, сегодняшние мирные договоры служат победителям для того, чтобы как можно дольше поддерживать выгодное военное положение, сложившееся к исходу войны, и сковать поверженного соперника, вместо того, чтобы создать новый международный порядок, — тем самым лишь было создано сильнейшее напряжение, а ликвидировать войну, пока действуют эти договоры, стало невозможно. Отказались также и от принципа баланса сил, а на смену гармоничному порядку европейских держав пришло дробление континента на фоне установления французской гегемонии и создания множества новых очагов опасности. Даже из английской внешней политики исчезла идея европейского равновесия, хотя ее практическая реализация была и остается определяющим условием достижения и поддержания британского господства на мировой арене/мирового лидерства.

Во всех важных положениях Версальского договора ощущается отсутствие прежних упорядочивающих принципов: в разрушении германского могущества через территориальные и военные ограничения; в наложении контрибуции, которую, вследствие ее размера, невозможно было выплатить быстро, как в пору кабинетной политики, и поэтому наследие войны растягивалось на многие годы и служило для долговремен-

⁹ Подробнее в: A. de Tocqueville, *De la démocratie en Amérique*. Paris 1835. Т. 2, 3.

¹⁰ Нем. *Pariser Vortragsverträge* — общее название мирных договоров, заключенных по завершении Первой мировой войны, подготовленных в ходе Парижской мирной конференции 1919–1920 гг. Объединяет пять мирных договоров, в т.ч. Версальский, официально завершивший Первую мировую войну. Вместе с соглашениями, заключенными на Вашингтонской мирной конференции 1921–1922 гг., лег в основу послевоенного миропорядка, известного как Версальско-Вашингтонская система международных отношений. — *Прим. ред.*

ного ослабление противника; тезис о «виновности в войне»¹¹, который — как новшество в мирных договорах Нового времени — представляет собой продукт настроений морализирующих масс и демагогов и исключает возможность полного устранения духа войны. Таким образом, не война — как часто и ошибочно утверждается — ответственна за разбалансировку международных отношений, а содержательные недостатки мирных договоров, задачей которых было прекратить войны и создать новую сбалансированную систему международных отношений; действующие договоры возникли не из применения принципов старой силовой политики — как опять же ошибочно утверждается — а напротив, эти договоры стали причиной разрушения прежней, лишь на время устраненной в эпоху Французской революции, гармоничной системы международных отношений. На ее место пришло беспорядочное множество неравноправных государств, между которыми возникает сильнейшая напряженность. Современники часто и вполне справедливо критиковали внешнюю политику европейских кабинетов, однако сегодняшние критики вряд ли имеют на это право, поскольку их успехи остаются далеко позади достижений кабинетной политики.

Шлейф многочисленных пережитков войны, тянущийся в мирное время, и разрушение внешнеполитической стабильности, как было показано, сильнейшим образом сотрясли необходимые политические основы мирохозяйственных отношений. Оказалось совершенно невозможным воссоздать систему долгосрочных торговых договоров и обеспечить прочную основу международному движению товаров на совершенно ненадежном базисе, кроме того, вследствие изменений внутренней структуры государства и превращения либеральных государств в экономические, группы интересов приобрели усиливающееся влияние на торговую политику и добились усиленного и бессистемного протекционизма. Таким образом, изменения во внешней и внутренней политике оказали однонаправленное воздействие и привели к смене курса торговой политики, которая имела целью существенно затруднить международную торговлю и добилась этого. Обе эти причины привели к тому, что и международное движение капитала не могло больше развиваться как прежде. В условиях нестабильности пронизанного острейшими внешнеполитическими противоречиями мира, и в связи с тем обстоятельством (проявившимся во время войны, в мирных договорах и в послевоенное время), что современное экономическое государство зачастую не соблюдает границ сферы частной собственности,

¹¹ Kriegsschuldfrage нем. — проблема, ставшая предметом общественных дискуссий в период Веймарской республики. Ст. 231 Версальского мирного договора возлагала ответственность за развязывание войны на Германию и ее союзников. В исторической науке термин связан главным образом с Первой мировой войной. — *Прим. ред.*

чего не допускало либеральное государство, и с легкостью берется за конфискацию иностранного имущества, долгосрочные инвестиции за рубежом стали казаться очень рискованными. По этой причине время от времени международное движение капитала и вовсе приостановилось, или же предпочтение отдавалось краткосрочным кредитам, однако возникновение внезапного требования их немедленного возврата вело к тяжелым осложнениям в сфере валютной и торговой политики, что, в свою очередь, могло надолго воспрепятствовать развитию существовавших мирохозяйственных отношений.

Однако мирные договоры не только помогли разрушить предпосылки, необходимые для существования и развития международного разделения труда, но к тому же чрезвычайно обременили и — как демонстрируют факты — перегрузили экономический аппарат капитализма. Установление границ, повлекшее за собой угасание все новых экономических регионов, германские репарации, которые, несмотря на эластичность капитализма, привели к провалам в экономике, — вот лишь важнейшие из множества примеров.

III. Итог — всемирно-исторические перспективы

А. В то время как в первом, меркантилистском периоде Нового времени капитализм создавался самим государством, а во втором периоде либеральное разделение государственной и экономической сферы сделало возможным дальнейшее развитие капитализма, и одновременно сохранение стабильной системы международных отношений открывало новые просторы для деятельности, то в *третьем периоде возникает несоответствие между политическими предпосылками, в которых нуждается полноценный развитый капитализм, — с одной стороны — и реально существующими внутри- и внешнеполитическими обстоятельствами — с другой*. Таким образом, трудности, которые переживает капитализм, возникли отнюдь не непосредственно из него самого: например, в такой стране, как Германия, нет недостатка ни в предпринимательских силах, ни в технических возможностях для его развития. Стагнация численности населения и недостаток капитала также могут сдерживать темпы развития капитализма, однако они не в состоянии помешать его функционированию. В гораздо большей степени на его деградацию повлияли государственно-общественные процессы. В конечном счете, были и остаются виновны массы, под чьим возрастающим давлением в ходе третьего периода была разрушена устаревшая государственная структура ключевых стран старого капитализма, было создано экономическое государство и без какой-либо замены ликвидирована прежняя система международных отношений, кроме того, под их влиянием оказалась как

внутренняя, так и внешняя политика: в результате разрушается государственно-общественная организация, в рамках которой возник капитализм и без которой он не смог бы ни наращивать свои силы, ни вообще функционировать.

Это несоответствие проявляется повсюду в народном хозяйстве, что доказывает рассмотрение как общего состояния, так и отдельных сегментов. В целом, как было показано, созревшее экономическое государство постепенно превращает четко организованное народное хозяйство в беспорядочное, большой вред которому наносит разрушение международного порядка. В подобной экономике, дезорганизованной государством, равновесие на рынках может появиться разве что случайно, однако, как правило, возникают диспропорции, что подтверждает практика не только на рынке труда. Так происходит «застой» капитализма. Он проявляется в безработице, которая не исчезает даже на стадии подъема, в сворачивании производства и долгосрочной консервации оборудования, и в возврате к старым, менее эффективным формам предприятия, что, в частности, отчетливо проявляется в переходе промышленных рабочих к индивидуальной сельскохозяйственной деятельности.

Крах английского золотого стандарта в 1931 г. продемонстрировал, как описанное несоответствие проявляется в отдельных событиях. Он был вызван отнюдь не тем, что хорошо известный классический золотовалютный механизм вышел из строя по внутренним причинам, напротив, была разрушена государственно-общественная среда, нуждавшаяся в золотом стандарте. Возврат Великобритании к золотому стандарту в 1925 г., принимая во внимание уровень цен в стране по сравнению с другими странами — акторами международной торговли, был бы оправдан только в случае продолжения дефляционной политики и дальнейшего сохранения давления на уровень британских цен. Вследствие возросшего политического влияния масс такая классическая, во многих отношениях неприятная, но проверенная денежная политика оказалась невозможна; экономическое государство воспрепятствовало ведению последовательной денежной политики и подвергло фунт опасности. В то же время нарушение миропорядка и порожденное им недоверие привели в Англии к аномально большому количеству краткосрочных кредитных вложений, досрочное востребование которых обрушило слабый фунт. Вслед за этим изменения во внутренней и внешней политике привели к тому, что в механизм, хорошо работавший в довоенное время, будто насыпали песка, отчего он оказался перегружен и разрушился без какого-либо сопротивления.

В. Исторический процесс, породивший сегодняшнее государство и нынешний хозяйственный порядок в Центральной и Западной Европе, является лишь частью большого всемирно-исторического процесса,

частью развития государства и капитализма Нового времени как таковых. Этот процесс проистекал в течение трех описанных эпох лишь в традиционно капиталистических странах Европы – но и здесь в каждой имел свою специфику.

Наряду с этим происходило необычайно сильное локальное распространение капитализма, которое еще вовсе не завершилось, а напротив, пока не успело затронуть многие регионы, особенно в Азии. Сегодня мир состоит из традиционно капиталистических, докапиталистических стран, а также тех стран, в которых экспансия капитализма разворачивается прямо сейчас. Из последних, как особенно значимые, выделяются две: Соединенные Штаты и Россия. Обе располагают огромными территориями и большими природными богатствами. Однако Соединенные Штаты были колонизированы населением, изначально обладавшим капиталистическими взглядами, деятельность которых не была отягощена традиционным экономическим мышлением или хозяйственным порядком. Носителем развития здесь был индивидуальный предприниматель, а экспансия капитализма происходила в либеральной форме.

Россия же была аграрной страной с давней историей и населением, которое занималось производством преимущественно для собственных нужд, а не для рынка, обладало традиционалистским мышлением, каким его описал Гоголь и другие выдающиеся русские писатели. Промышленная политика Петра Великого не имела серьезных последствий. В XIX веке экспансия капитализма также оставалась незначительной, поскольку, в отличие от Соединенных Штатов, отсутствовала почва для ее либерального варианта. Лишь к началу нынешнего столетия государство попыталось более решительно, прежде всего посредством аграрных реформ, экономически расшевелить народ. Однако до войны Россия оставалась преимущественно докапиталистической страной со множеством капиталистических оазисов.

Переворот 1917 г. и последовавшие за ним события, радикальное устранение существовавшего государства, истребление его правящих кругов, антикапиталистическая идеология новых вождей, борьба с частным предпринимательством позволили сделать вывод о том, что в России уничтожены зачатки капитализма и создан совершенно новый хозяйственный порядок. Эта точка зрения широко распространена, однако она ошибочна. Процесс экспансии капитализма в первые революционные годы был прерван, однако не прекращен. Методы изменились, однако общее направление развития осталось прежним. И хотя все действия нового правящего класса и сегодня направлены на построение социализма, однако с точки зрения экономической истории важно не то, каковы намерения экономической политики, а то, чего она в дей-

ствительности достигает. Поэтому то, что происходит сегодня в России, представляет собой именно развитие капитализма — в той степени, в какой российская политика не разрушает, а созидает. Российская антикапиталистическая среда существует в умах людей, в литературе и программах партий, но не в реальной экономике. Если радикально антикапиталистически настроенный правящий класс вовлекает преимущественно докапиталистическую страну в капитализм, то речь идет о «хитрости идеи»¹², которая достаточно часто встречается в истории. «Люди заблуждаются, ожидая слишком многого или пугаясь своих личных намерений при сильных потрясениях и волнениях. Движение следует своим собственным мощным потоком, который увлекает за собой даже тех, кто, казалось бы, управляет им» (Леопольд фон Ранке).

Отсюда следует, что Россия в своем нынешнем хозяйственном порядке обнаруживает определенное сходство и с североамериканской страной капиталистической экспансии, и с европейскими странами традиционного капитализма давно минувшей меркантилистской эпохи. Схожесть с Америкой заключается в том, что в России было сформировано сопоставимое экономическое мышление и экспансионистский менталитет с его восхвалением техники. В то же время сходство с государственно-капиталистическим меркантилизмом проявляется в том, что в обоих случаях государство пытается вырвать экономику из традиционного русла. Широко цитируемое высказывание одного камералиста XVIII века, о том, что «плебс не откажется от своей старой песни, пока его не подведут за руку и не ткнут носом в новые выгоды», могло бы принадлежать одному из современных российских экономистов. Здесь, как и там, наблюдается независимость правительства от народа, насильственная индустриализация, привлечение иностранцев, государственное перераспределение рабочей силы в пользу промышленности. Дальнейшее сходство наблюдается в области торговой политики. Игнорирование в молодой России ведения операционных счетов также не является чем-то новым — это известный элемент меркантилистской политики; без учета структуры затрат в стране пытаются развивать определенные отрасли промышленности, что, естественно, сопровождается неэффективными капиталовложениями. Тем не менее существуют значительные отличия, поскольку новая российская политика осуществляется гораздо более осознанно и гораздо глубже вторгается в докапиталистическое хозяйство. В отличие от своих меркантилистских предшественников этим

¹² List der Idee — нем., по аналогии с «хитростью <исторического> разума» (нем. List der Vernunft) Гегеля: предполагается, что люди, реализуя свои частные цели, не отдавая себе в этом отчета, творят мировую историю. Зачастую им кажется, что объективные результаты не совпадают с их целями, однако на деле они движимы «мировым разумом», и он достигает высшей цели через частные устремления людей. — *Прим. ред.*

путем она приходит к централизованному планированию, которое произвело опустошение даже в российской, преимущественно докапиталистической экономике. Немеркантилистским также является радикализм, с которым проводится «индустриализация» сельского хозяйства, направляются инвестиции в промышленность и увеличивается число промышленного пролетариата. Меркантилистская политика в пору масштабных культурных преобразований медленно прокладывала новый путь экономике, Россия в условиях разрушения всякой культуры пытается расчистить путь экономического развития, догоняя другие народы, которые уже пределали его задолго до нее.

Меж тем страны традиционного капитализма вступили в уже совершенно иную стадию развития; теперь они находятся не в первом, а в третьем периоде развития капитализма. В то время как в распоряжении Германии имеется обширный капиталистический экономический аппарат, в России его только предстоит создать; в Германии имеется достаточное количество предпринимательских сил,двигающих прогресс, — в России они отсутствуют. В Германии много высококвалифицированных рабочих и служащих, в то время как в России лишь пытаются взрастить такой класс. В Германии массы оказывают сильное влияние на государство и его экономическую политику, а российское государство независимо от них; в Германии государство на протяжении последних десятилетий сдерживало развитие капитализма своим интервенционизмом, — борьба российского государства, которую оно, казалось бы, ведет с капитализмом, на деле лишь насильственно загоняет докапиталистическую экономику в капитализм. Отнюдь не Германия и прочие страны традиционного капитализма практикуют государственный капитализм российского образца — как раз наоборот, российский эксперимент есть попытка встать в один ряд с другими капиталистическими государствами. Вмешательство государства в невероятно сложный экономический механизм, какой существует в Германии, должно, как показывает опыт, дать толчок к непредсказуемым сбоям, поэтому успешное внедрение централизованной плановой экономики здесь исключено, в то время как российская примитивная экономика, сотрясаемая государством, хотя и терпит повсеместно сильнейшие убытки, но все же развивается в принудительном порядке.

Следовательно, в странах традиционного капитализма существует лишь два возможных пути дальнейшего развития.

Если интервенционизм продолжится под давлением масс, сопровождаемый рукоплесканием сторонников плановой экономики, то это повлечет за собой дальнейшее движение в ложном направлении, и при всеобщем обнищании застой капитализма, сопровождаемый возвратом к устаревшим формам предприятий, продолжит усугубляться. Если же

государство осознает, сколь велики опасности, возникающие из-за взаимопереплетения с экономикой, если оно изыщет силы для того, чтобы освободиться от влияния масс и в какой-то форме вновь дистанцироваться от экономики, если в дальнейшем у него получится создать на месте сегодняшнего внешнеполитического хаоса, порожденного мирными договорами, гармоничную, надежную систему международных отношений, – в этом случае и в старых капиталистических странах будет проложен путь для дальнейшего развития капитализма нового образца.

Экскурс: идеологии

Масштабные исторические процессы всегда сопровождаются идеологиями, которые призваны доказать полезность и целесообразность этих процессов. Трансформация системы международных отношений и внутренней структуры государства, решающее влияние которой на сегодняшнее состояние капитализма в традиционно капиталистических странах мы признали, также имеет идеологическое обрамление, которые легитимируют ее и способствуют ее осуществлению. Правда, у этих идеологий есть своеобразная особенность. Они поддерживают и отстаивают именно те процессы, которые добиваются прямо противоположного тому, чего ожидают от них идеологии. Устранение старой кабинетной внешней политики, которое повлекло за собой разрушение политического порядка в Европе и мире, ликвидацию принципа мира, создание общей нестабильности, было вызвано демократизацией мира, которая высвободила демонические силы народов. Те идеологии, которые по примеру Спинозы боролись со старой дипломатией и кабинетной политикой, ожидали прямо противоположного результата. «Если все нации будут так же свободны, как мы, больше не будет войн», – провозгласил Роллет в 1790 г. под всеобщее одобрение Конституционного собрания¹³. Они верили в естественную гармонию людей и народов, солидарность интересов и дружбу наций, надеялись на вечный мир и всеобщую безопасность, если народы в условиях демократии возьмут судьбу в собственные руки. Мирные договоры демократий времен Французской революции, а в еще большей степени – договоры 1919 г. доказали иллюзорность этой идеологии.

Разрушение либерального государства, которое также происходило и происходит главным образом под давлением масс, тоже окружено идеологиями, которые пытаются поддерживать и стимулировать его, а именно такими интервенционистскими идеологиями, которые вызывают интерес как знаки времени и представляют собой отражение

¹³ Имеется в виду Национальная конституционная ассамблея 1789–1791 гг. во Франции. – *Прим. пер.*

душевного, духовного, политического и экономического положения Германии. Интервенционисты желают или усиления государства, или порядка в экономике, или и того и другого; поэтому они борются с либеральным государством и выступают за интервенционизм и экономическое государство, которые веля и ведут к результатам, полностью противоположным стремлениям идеологов, а именно к ослаблению государства и дезорганизации народного хозяйства.

Когда экономисты — сторонники планового хозяйства ожидают от воплощения своих устремлений усиления государства, они игнорируют опыт последних десятилетий. Они не видят, что, когда государство срастается со столь тонко организованной структурой, как современное народное хозяйство, оно теряет свободу действий и формирования воли, подвергая себя опасности разложения. Тотальное экономическое государство всегда будет слабым государством. Многие интервенционисты совсем не думают об этих политических последствиях своих устремлений; например, они требуют вмешательства в борьбу за повышение заработной платы, как будто государство является какой-то неизменной величиной, и будто оно само и вся политическая жизнь не претерпели бы вследствие такой политики в области заработной платы радикальных изменений.

Если современные идеологи плановой экономики не в состоянии увидеть, как интервенционизм превращает упорядоченное народное хозяйство в хаос, если они не понимают языка фактов, и если они полагают, что строят экономику, на деле лишь разрушая, то такую позицию — если только оно не обусловлено исключительно экономическими интересами или аффективным поведением — можно объяснить двумя причинами:

Во-первых, необходима классическая теоретико-экономическая подготовка, чтобы понять порядок экономического процесса, существовавшего в свободной капиталистической экономике, которая, однако, была разрушена вследствие трансформации государства в экономическое государство. Дилетанты не имеют такой подготовки, но большинство идеологов плановой экономики верит, что можно обойтись и без нее и что ее нет даже у такого заслуженного историка экономической мысли, как Зомбарт. Отсюда проистекает целый перечень заблуждений, из которых назовем лишь некоторые. Так, ошибочно утверждение, что свободное капиталистическое народное хозяйство — это хаотичная, анархичная, бесплановая экономика, нуждающаяся в государственном регулировании, — в то время как на деле ценовая система выполняет задачу приведения в равновесие невероятного множества экономических планов отдельных индивидов и создания строжайшего порядка. Или же недавно возродившееся во многих вариантах мнение, что капиталистические экономики лишены возможности сбывать часть своей про-

дукции в некапиталистическом секторе, и тесно связанное с этим воззрение о неизбежности всеобщего перепроизводства, — на основании обоих тезисов уже было выдвинуто множество интервенционистских требований, которые, впрочем, уже давно были опровергнуты теоремой Сэя¹⁴. Кроме того, существует мнение, что потребители и удовлетворение их потребностей второстепенны для свободного капитализма, что также является поводом для государственного вмешательства — в то время как именно потребители с помощью цен привлекают производственные силы в многочисленные области их применения, детальное изображение этого является большой заслугой современной экономической теории. Еще одно связанное с этим заблуждение — ложное противопоставление экономики, ориентированной на доход (ремесленного хозяйства, *Erwerbswirtschaft*) и экономики, ориентированной на удовлетворение собственных потребностей (натурального хозяйства, *Bedarfsdeckungswirtschaft*), из которого следует, что государству следует ликвидировать первое в пользу второго — противопоставление, которое зиждется на полном непонимании функции стремления к приумножению доходов в свободной капиталистической экономике, оно абсурдно и должно быть заменено парой понятий «экономика, ориентированная на доход» — «централизованно управляемая экономика» (обе служат удовлетворению потребностей). Еще одно распространившееся в последнее время воззрение гласит, что калькуляция на основе издержек есть вредная причуда капитализма, которая должна быть ликвидирована в плановой экономике — хотя информацию о важности учета издержек, необходимого во всех хозяйственных порядках, можно без труда почерпнуть в современных теоретических трудах. Кроме того, существует мнение, что внешняя торговля страны беспорядочна и предоставлена случаю, если не управляется государственной инстанцией в соответствии с планом — при этом упускается из виду, как страны, ведущие друг с другом торговлю, с помощью ценовых механизмов осуществляют очень точное, ни в коем случае не случайное регулирование двустороннего обмена. Наконец, необычайно широко распространенная ошибка — не признавать нежелательные последствия интервенционизма таковыми, а искать причины в свободе действий рыночных сил.

Во-вторых, эти идеологи плановой экономики пришли к подобным позициям только потому, что либо игнорируют важнейший вопрос, либо не относятся к нему всерьез: в состоянии ли вообще руководство отдельного государства с его обширными внешне- и внутривнутриполитическими связями осуществить невероятно сложную задачу тотального или

¹⁴ Сэй, Жан-Батист, французский экономист (1767–1832). Закон Сэя гласит, что совокупное предложение создает собственный совокупный спрос, что исключает возможность общего перепроизводства. — *Прим. ред.*

частичного централизованного планирования в современной экономике, основанной на разделении труда. Зачастую по умолчанию предполагается существование всеильного и всезнающего государства — некоего образования, не имеющего ничего общего с реальным государством, которое никогда не сможет выступить в качестве упорядочивающей силы в экономике. С этим же связано незнание или недооценка самых серьезных последствий, с которыми столкнется централизованное регулирование исторически сформировавшегося высокоразвитого народного хозяйства в странах традиционного капитализма. И в этом пункте идеология планового хозяйства доказывает, что она не в состоянии различать историко-политические проблемы. Ей недостает понимания исторических обстоятельств, строго экономического мышления: чего можно ожидать от хозяйственно-политических идей, возникших от соединения стольких недостатков?

Основы политической экономии*

[...]

III. Большая антиномия

Прорыв к экономической действительности — это основное требование, которое должно быть предъявлено национальной экономии. Правда, вызывает сомнения, может ли это требование — несмотря на все основания и необходимость — вообще быть реализовано. Политэконом обоснованно рассматривает экономическую повседневность как часть текущей исторически-индивидуальной ситуации; он должен поступать так, чтобы не отрываться от реальности. Но столь же обоснованно он видит в экономической повседневности общетеоретическую проблему — он должен поступать и так, чтобы реальность с ее закономерностями/контекстом не ускользала от него. Как же ему совместить оба подхода? Если он займет только одну или только другую позицию, это отдалит его от реальной жизни.

Например, если он сформулирует вопрос относительно управления производством в исключительно историческом контексте, пытаясь понять, почему в современной Англии земля и рабочие определенным образом разделены по сферам использования, — причем попытается отве-

* В данной публикации приводится фрагмент работы Вальтера Ойкена «Основы политической экономии». Перевод осуществлен по изданию: *Eucken, Walter* (1940). *Die Grundlagen der Nationalökonomie*, 9. Aufl., Berlin: Springer-Verlag, 1989. S. 21–23. Первые опубликована в: *Eucken, Walter* (1940). *Die Grundlagen der Nationalökonomie*. Jena: Gustav Fischer, 1940.

тить на этот вопрос на основании непосредственного наблюдения — то обнаружит очень много единичных фактов, но не найдет закономерностей. Ему не удастся мысленно проникнуть в действительность. Он увидит хаос частных — отдельные предприятия, отдельные поля, отдельные решения — и не увидит настоящей действительности, где все взаимосвязано. Или же он сформулирует вопрос относительно управления производством с общетеоретических позиций. Но тогда он вырывает проблему из исторического контекста. Теперь он уже видит перед собой не современную Англию или Германию или отдельные пашни, а отвлеченные модели. Возможно, он и обнаруживает абстрактные связи, но действительность вновь — по-другому, но отдаляется от него. Многогранность исторически-конкретных форм и отдельных фактов скрыта от его взгляда. Политэкономическая наука сталкивается здесь со своей большой «антиномией», без преодоления которой невозможно познание экономического процесса.

Важные и стремительные политические перемены последних десятилетий выразительно продемонстрировали исторически-индивидуальный характер экономической жизни. Темп, с которым государства принялись менять свои институты, рыночные порядки, трудовой распорядок, валюты и т.д., чрезвычайно ускорился. Как следствие, изменения в экономической повседневности быстро сменяют друг друга. В таком стремительно меняющемся мире создается впечатление, что все общие проблемы и теоретическая работа теряют смысл. Ввиду заметных изменений в экономическом процессе один современный теоретик заявил, что «наступил закат экономической теории». Если бы это было так, это означало бы отказ от научных методов познания экономических процессов. Поскольку без общетеоретической постановки вопроса научное познание этой проблемы столь же маловозможно, как и без исторически-индивидуальной постановки вопроса и подхода к решению.

Физико-химические процессы в природе имеют, по очень меткому определению, «инвариантный характер». Подобие химических реакций, или схожие движения тел, или рост растений позволяют использовать теоретический подход в соответствии с общепринятыми физическими, химическими и биологическими законами. Инвариантность такого рода, которая присуща природе, не встречается в мире экономики. Экономике не хватает очевидного единообразия природных процессов. Она демонстрирует сильный полиморфизм и историческое многообразие. В Германии 1300 г., 1800 г. или в 1946 г., в Италии в 200 г., в Южной Америке в 1500 г. или же в Египте 5000 лет назад химические и физические реакции протекали одним и тем же образом; однако хозяйственные процессы в каждом из периодов проходили не одинаково. Природный порядок был и остается неизменным, однако существуют изменяющиеся

и бесконечно многообразные экономические порядки. По-видимому, экономика носит «вариантный характер», в ней отсутствует какое-либо единообразие. Как же тогда сформулировать нашу главную проблему в теоретическом контексте, что определенно необходимо для того, чтобы познать действительность?

В политической экономии очень часто раздаются возгласы: за дело, к работе, хватит пустословия! Правильно. Однако одного лишь призыва не достаточно. Главное — выполнить эти требования. Иначе — это лишь пустые слова. Но при попытке их реализовать сразу же возникает преграда большой антиномии, без преодоления которой понимание экономической действительности невозможно. Поэтому все усилия должны быть направлены на преодоление этого барьера. — Не менее часто слышны возгласы, что историки и теоретики должны взаимодействовать в сфере политической экономии. Нет ничего более вредного, чем споры между ними. И вновь — все правильно. В этом требовании находит свое выражение осознание существования большой антиномии и желание ее ликвидировать. Но и этого еще далеко не достаточно. Гораздо более необходимо четко и в полном объеме определить масштаб проблемы, а кроме того, необходимо искоренить ее до основания. Формальный компромисс между теоретическими и историческими исследованиями или чисто методологические рефлексии по поводу их сотрудничества — бессельны. То напряжение, которое содержит в себе антиномия, должно быть постигнуто во всей ее остроте: исторический характер проблемы требует созерцания, интуиции, синтеза, понимания, проникновения в индивидуальную жизнь; — меж тем, общетеоретический характер проблемы требует рационального мышления, анализа, работы с абстрактными моделями мышления. С одной стороны интуиция — с другой — разум. Как объединить живое созерцание и теоретическое мышление для фактического взаимодействия? Как постичь эту проблему во всей ее исторически-индивидуальной многогранности и непрерывной изменчивости, одновременно обобщив и подвергнув теоретическому исследованию?

[...]

Основные принципы экономической политики*

[...]

II. Примат денежной политики — валютно-политический стабилизатор

«Чтобы разрушить буржуазное общество, необходимо подорвать его финансовую систему». Это высказывание Ленина¹⁵ под демагогическими покровами содержит верное зерно.

В экономическом порядке централизованно управляемого типа деньги играют лишь незначительную роль. Что именно в состоянии приобрести домохозяйство, зависит не столько от его денежных доходов, сколько от предназначенного ему пайка. Так же и предприятие получает сырье в соответствии с распределением, осуществляемым центральными органами, а не соразмерно финансовым возможностям. Решение о том, осуществлять ли инвестиции, принимают не предприниматели и не банки, предоставляющие кредиты, а центральные управляющие органы. — Поскольку в подобных экономических порядках экономический процесс управляется отнюдь не ценами, деньги не играют существенной роли для этого регулирования. Таким образом, в таких экономических порядках денежная политика не выходит на первое место, а занимает незначительную позицию.

2. С этой точки зрения конкурентный порядок также является противоположностью порядков центрально управляемого типа. Здесь действует принцип: все усилия, направленные на создание конкурентного порядка, тщетны, пока не обеспечена определенная стабильность ценности денег. Именно поэтому денежная политика первична для конкурентного порядка.

Примером этому может послужить немецкая экономическая история со времен войны 1914—1918 гг.

С тех пор инфляция проявлялась в открытой и «подавленной» формах. Вследствие «открытой инфляции» — как в период с 1914 по 1923 г. — механизм регулирования ценовой системы лишился способности в достаточной мере управлять экономическим процессом. Ведь цены повышаются неравномерно. Например, арендная плата и цены на определенное сырье отстают, в то время, как другие цены растут быстрее. В этом случае

* В данной публикации приводится фрагмент работы Вальтера Ойкена «Основные принципы экономической политики». Перевод осуществлен по изданию: *Eucken, Walter* (1952). *Grundsätze der Wirtschaftspolitik*. Hrsg. von Edith Eucken und K. Paul Hensel. (6 durchges. Aufl./ mit einem Vorwort zur Neuauflage 1990 von Ernst-Joachim Mestmäcker). Tübingen: J.C.B. Mohr (Paul Siebeck), 1990. S. 255—258.

¹⁵ В работах В.И. Ленина подобное высказывание отсутствует. — *Прим. ред.*

расчет затрат компании оказывается ошибочным — поскольку цены уже не отражают соотношение профицита и дефицита. Но даже в том случае, если бы цены росли пропорционально, искажение все равно возникло бы, поскольку долгосрочные долги предприятия остаются неизменными при увеличении цен на продукцию и средства производства. Активная часть баланса растет, в то время как пассив остается неизменным. Отсюда возникает прибыль, которая образуется не благодаря эффективному управлению экономическим процессом, а вследствие инфляции. Также продолжают существовать такие производства, которые при правильном хозяйственном учете были бы сокращены или закрыты.

В свою очередь «скрытая инфляция», которая состоит в том, что при увеличении денежной массы цены остаются неизменными, — как это было в Германии с 1936 по 1948 г. — сразу же парализует ценовой механизм. Смещение показателей больше не отображается на ценах, и поскольку на рынке спрос превышает предложение, вводится нормирование и централизованное управление — по крайней мере, для важных товаров, таких как уголь, сталь, кожа и т.д. В этом случае ценовой механизм очень быстро перестает быть инструментом регулирования. При этом формируется черный рынок с другими ценами и соотношением цен; а наряду с этим — натуральный обмен. Целостность хозяйственного учета нарушается.

Впрочем, и дефляция, имевшая место в Германии с 1929 по 1932 г., также искажает структуру цен. Одни цены остаются относительно неизменными, другие же быстро меняются. Как следствие, расчет затрат нередко также теряет смысл. Убытки возникают лишь потому, что в ходе процесса дефляции одни цены снижаются сильнее, чем другие. Активная часть баланса сокращается, в то время как размер долгов остается неизменным. Принцип, на основании которого денежной политике придается особый статус в рамках экономической политики, имеет — как было продемонстрировано — структурно-политический смысл. Если формулировать упрощенно, приверженность этому принципу не означает принесение экономики в жертву валюте. Совсем наоборот: определенная стабилизация ценности денег делает возможным встроить в экономический процесс эффективный инструмент регулирования.

Если бы удалось снабдить денежную конституцию стабилизатором ценности денег, можно было бы надеяться, что проявилась бы внутренне присущая конкурентному порядку тенденция к равновесию, а не постоянное изменение конъюнктуры, т.е. инфляция и дефляция, как это было в прошлом из-за конструктивных недостатков существовавших валютных порядков.

Однако хорошая денежная конституция должна быть не только составлена таким образом, чтобы по возможности поддерживать стабильность ценности денег. Помимо этого она должна выполнять еще одно условие. Как и сам конкурентный порядок, она должна функционировать по возможности автоматически; не только потому, что «справедливость системы» требует выстраивать валютную конституцию и экономическую конституцию в целом на одних и тех же принципах, но и прежде всего потому, что, как показывает опыт, денежная конституция, предоставляющая свободу действий руководителям, осуществляющим денежную политику, доверяет им больше, чем им вообще следует доверять. Неосведомленность, неспособность противостоять группам интересов и общественному мнению, ложные теории, — все это существенно влияет на руководителей в ущерб доверенной им задаче. Особенно в сегодняшней ситуации существует большая опасность, что лишенной принципов автоматизма финансовой конституцией станут злоупотреблять в инфляционных целях. Ведь очень велик соблазн временно маскировать диспропорции, которые возникают в процессе производства, как следствие «политики обеспечения полной занятости любой ценой», борьбы за власть экономических группировок или иных причин, с помощью инфляционных мер — кредитной экспансии, девальвации, политики низких процентных ставок и подобных им. Такая валютная политика действует подобно строителю, который, вместо того чтобы обеспечить здание прочным фундаментом, в первую очередь концентрирует внимание на крыше.

Но даже если отвлечься от упомянутой инфляционной денежной политики, предшествующий опыт ясно продемонстрировал, что в реальности проявляется противоречие: для регулирования индустриальной экономики необходима монетарная стабильность, однако, как показывают колебания конъюнктуры, именно нестабильность ценности денег является ее неотъемлемым свойством.

[...]

ФРАНЦ БЁМ

Введение*

Йохим Мор

Франц Бём является самым известным юристом — представителем немецкого ордолиберализма. К его несомненным заслугам относится не только создание целостной теории об опасностях злоупотребления экономической властью по отношению к экономической свободе граждан и благосостоянию всего общества¹. Исходя из своей концепции «частноправового общества», Бём разработал также особые механизмы основанного на разделении функций взаимодействия общества и государства, то есть взаимодействия между частно-автономной и политической деятельностью².

Оценивая результаты исследовательской деятельности Бёма, необходимо учитывать, что они с течением времени претерпели изменения содержательного характера и поэтому можно говорить о «раннем Бёме» и «позднем Бёме». Ранний Бём, соответственно уровню экономических знаний того времени, использовал ошибочную по сегодняшним меркам модель совершенной конкуренции и, исходя из этого, высказывался за полный административный контроль над экономической деятельностью³. Поздний же Бём особенно подчеркивал фундаментальную значимость для свободно-демократического правового и экономического порядка индивидуальной экономической свободы и возникающих на этой основе динамичных конкурентных процессов⁴. Эта смена взглядов проявлялась не только в нарастающем скепсисе относительно результативности государственных органов, но и в дифференцированном восприятии

* Подробнее см.: *Mohr*, Sicherung der Vertragsfreiheit durch Wettbewerbs- und Regulierungsrecht, Tübingen 2015.

¹ *Böhm*, Wettbewerb und Monopolkampf, 1933, S. 1 ff.; dazu *Rittner*, ZHR 160 (1996), 180, 184.

² *Böhm*, ORDO 17 (1966), 75, 102.

³ *Böhm*, Wettbewerb und Monopolkampf, 1933, S. 1 ff.

⁴ См.: *Hayek von*, Der Wettbewerb als Entdeckungsverfahren, 1968.

экономической власти, которая сама по себе не может быть исключительно «плохой» или «хорошей», а является амбивалентным феноменом, подлежащим регулированию с тем, чтобы обеспечить использование его положительных сторон и подавление негативных⁵. Последнее наблюдается, когда благодаря своим успехам какое-либо предприятие справедливо занимает на какое-то время доминирующее положение на рынке, но из-за отсутствия ответной конкуренции, то есть в силу отсутствия имитации или создания препятствий конкурентам, эта позиция закрепляется и предприятие становится антиконкурентным доминантом⁶. Описанное развитие теоретических взглядов Бёма происходило, вероятно, под влиянием фундаментальной критики, которой подвергался рыночный хозяйственный порядок Германии в ходе так называемого движения 1968 года. На этом фоне поздний Бём особо выделял этические достоинства свободного справедливого порядка, основывающегося на равенстве перед законом и отсутствии привилегий⁷. Стержневым элементом этой системы взглядов является концепция «частноправового общества»⁸, в котором разрешение конфликтов между гражданами достигается через свободное обоюдное согласие, а не по указу сверху⁹.

Ранние работы

Ранние работы Бёма были посвящены рассмотрению проблемы договоров, ограничивающих конкурентную борьбу (проблема картелей)¹⁰. Поэтому Бём, при написании книги «Конкуренция и борьба с монополией» („Wettbewerb und Monopolkampf“), поставил перед собой задачу «перевести классическую систему преподавания экономической философии на язык юриспруденции»¹¹ с целью выявления основополагающих принципов устройства экономики. Понимание этих принципов имело для Бёма столь же большое значение, что и сознание факта связанности экономического строя с идеей «государственной экономической конституции» (совокупности норм публичного и частного права, регулирующих экономический строй)¹². Этим Бём развернул дискуссию по проблеме так называемой взаимозависимости порядков, которую также разрабатывал

⁵ Säcker, Jahrbuch junger Zivilrechtswissenschaftler 2013, S. 9, 12.

⁶ Kerber, in: Vahlens Kompendium der Wirtschaftstheorie und Wirtschaftspolitik, 9. Aufl. 2007. S. 369, 387 f.

⁷ Vanberg, in: Goldschmidt/Wohlgemuth (Hrsg.), Ordnungsökonomik, 2008. S. 97.

⁸ См.: Böhm, ORDO 17 (1966), 75 ff.

⁹ Grundmann, in: Festschrift für Hopt, 2010. S. 61, 62.

¹⁰ Vanberg, in: Goldschmidt/Wohlgemuth (Hrsg.), Ordnungsökonomik, 2008. S. 43.

¹¹ Böhm, Wettbewerb und Monopolkampf, 1933. S. IX.

¹² So Böhm/Eucken/Großmann-Doerth, Unsere Aufgabe, abgedruckt in: Goldschmidt/Wohlgemuth (Hrsg.), Ordnungsökonomik, 2008. S. 27, 35.

немецкий экономист и представитель Фрайбургской школы неолиберализма Вальтер Ойкен¹³. Эта концепция предполагала, что совокупность правовых норм можно воспринимать как экономическую конституцию лишь в том случае, если юристы не будут игнорировать познаний в области экономической теории. Именно здесь берет свое начало современная дискуссия об основах и границах юридического анализа частного права¹⁴.

Ранний Бём, прежде всего, хотел компенсировать недостатки немецкого частного права в борьбе против ограничений конкуренции¹⁵, возникшие после вступления в силу картельного постановления 1923 года¹⁶ и решений Имперского Верховного суда¹⁷. Оба эти ограничения были следствием в принципе положительной оценки картелей и, соответственно, одобрения осуществления экономической власти в ущерб конкурентам и потребителям¹⁸. Бём выяснил, что господствующие на рынке предприятия (или коротко «монополисты») могут вредить конкуренции на рынке, если они не состояются по эффективности и результатам, а блокируют конкурентов¹⁹. Чтобы защитить потребителя от последствий использования предприятиями практики нечестной конкуренции, государству необходимо создать типовой устав по эффективной (добросовестной) конкуренции. В отличие от прав человека, которые обладают самостоятельной и потому абсолютной ценностью, право экономической свободы обретает смысл и ценность лишь благодаря институированию, экономической конкуренции. Согласно Бёму, государство, стремящееся к общеэкономической эффективности и поэтому наделяющее граждан законодательно защищенными экономическими свободами, поступает так не потому, что оно социальное и правовое, а лишь ради достижения этих положительных экономических эффектов²⁰. «Право на борьбу», или, если использовать более современную формулировку «конкурентное право», должно обеспечивать создание и соблюдение совокупности пра-

¹³ *Eucken*, Grundsätze der Wirtschaftspolitik, 1. Aufl. 1952. S. 13 ff.

¹⁴ См.: *Assmann/Kirchner/Schanze*, Ökonomische Analyse des Rechts, 1993.

¹⁵ *Roth*, in: Riesenhuber (Hrsg.), Privatrechtsgesellschaft, 2007. S. 175, 180.

¹⁶ Verordnung gegen den Missbrauch privater Machtstellungen vom 2.11.1923, RGBl. 1923 I, 1067 ff. und 1090.

¹⁷ Основополагающим было решение имперского верховного суда по саксонскому картелю в области сбыта древесных материалов, см. RG, Urt. v. 4.1.1897 – VI 307/96, RGZ 38, 155; см. также издание *Böhm*, ORDO 1 (1948), 197, 198; *Möschel*, 70 Jahre deutsche Kartellpolitik, 1972; *Schröder*, Die Entwicklung des Kartellrechts und des kollektiven Arbeitsrechts durch die Rechtsprechung des Reichsgerichts vor 1914, 1988, S. 89 ff.

¹⁸ *Nörr*, in: Festschrift für Gernhuber, 1993. S. 919, 928 ff.; *ders.*, Die Leiden des Privatrechts, 1994. S. 31 ff.

¹⁹ *Böhm*, Wettbewerb und Monopolkampf, 1933, S. 1 ff. Базовые рассуждения о понятии эффективной конкуренции, см. *Nipperdey*, Wettbewerb und Existenzvernichtung, 1930. S. 16 ff.

²⁰ *Böhm*, Wettbewerb und Monopolkampf, 1933. S. 351 ff., insb. S. 353.

вовых норм, регулирующих ведение конкурентной борьбы, чтобы, в свою очередь, не допустить вытеснения конкурентного порядка «миролюбивым» порядком, свойственным ограничивающим конкуренцию договоренностям²¹. Таким образом, предприятия не имеют право использовать в ущерб потребителю господствующее положение на рынке, будь оно фактически сложившимся или достигнутым путем картельного сговора. Напротив, нормальным состоянием, по Бёму, должна быть экономическая борьба между конкурентами, которая, чтобы выполнялась ее регулирующая функция, должна вестись непрерывно²².

Концепция частноправового общества

После падения в 1945 году неправового национал-социалистского режима Германии Бём разработал концепцию частноправового общества с целью установления и закрепления свободной, в то же время социальной, рыночной и конкурентной экономики²³. Такого рода частноправовое общество представляет собой, в отличие от феодального общества или общества привилегий (как это было до Французской революции), гражданское общество «свободных и равных», живущих в рамках единой правовой системы²⁴. Такая форма общественной организации, хотя и нуждается в государстве и принудительном исполнении правовых норм, отличается тем, что существенные решения принимаются автономно членами общества, а не какой-либо вышестоящей государственной инстанцией²⁵. Важными составляющими этой системы являются, наряду со свободой прав гражданина, автономия личности и частная собственность²⁶. На этой основе частное право автоматически регулирует формирование процесса обмена на рынке²⁷. Наряду с языком рынка и системой цен рынка это является определяющим инструментом управления и координации общества²⁸. Частноправовое общество выделяется, по мнению Бёма, особенно тем, что оно интегрирует в государственные процессы каждого²⁹. Частноправовое общество — это «не просто

²¹ *Böhm*, Wettbewerb und Monopolkampf, 1933, S. 107 ff. Это также находит отражение в так называемом постулате предпринимателя Европейского суда; см. EuGH, Urteil v. 28.5.1998 – Rs. C-7/95 P, Slg. 1998 I-3111 – Deere.

²² *Böhm*, Wettbewerb und Monopolkampf, 1933. S. 111.

²³ *Nörr*, Die Leiden des Privatrechts, 1994. S. 153.

²⁴ *Böhm*, ORDO 17 (1966), 75, 85.

²⁵ *Böhm*, ORDO 17 (1966), 75, 78; см. также *Roth*, in: *Riesenhuber* (Hrsg.), *Privatrechtsgesellschaft*, 2007. S. 175, 176.

²⁶ *Böhm*, ORDO 17 (1966), 75, 80 и другие страницы.

²⁷ *Böhm*, ORDO 17 (1966), 75; *ders.*, ORDO 22 (1971), 11, 19; см. также *Vanberg*, in: *Riesenhuber* (Hrsg.), *Privatrechtsgesellschaft*, 2007. S. 131.

²⁸ *Böhm*, ORDO 17 (1966), 75, 88.

²⁹ *Böhm*, ORDO 17 (1966), 75, 85.

название для совокупности его членов, а описание совершенно определенного и особенного вида связи между членами, которому присущи совершенно определенные учреждения — в первую очередь правовые, которые обладают способностью согласовывать и поэтому косвенно управлять и влиять на намерения и поступки автономных, свободных индивидов»³⁰. Благодаря такому подходу, по мнению Бёма, частноправовое общество обретает сущность, которая становится на службу рыночной экономики как достойного правового и экономического порядка³¹. Хотя частноправовой строй и является детищем общества, а приход законности расширяет возможность действия индивидов и делает ее, образно выражаясь, «социальным аспектом», следует все же учитывать, что автономия воли остается врожденным правом человека и «возникла до института общества или, по крайней мере, до института государства», а также «не является политической или социальной целью, а остается самоцелью»³². Эти формулировки Бёма отсылают к философской апологии идеи самоопределения человека по Иммануилу Канту³³. С точки зрения позитивного права, право на самоопределение в экономической сфере выступает как составная часть автономии личности³⁴. Последняя призвана стимулировать преследование своих целей, так как в системе рыночной экономики общественная полезность может быть распознана не иначе как через посредство частнохозяйственной выгоды³⁵.

Но даже в частноправовом обществе безграничными индивидуальными правовыми гарантиями быть не могут и ограничиваются правами других граждан. Это основывается на том факте, что свобода личности без каких-либо границ может быть использована для чрезмерного ограничения или даже фактического лишения свободы личности других субъектов права (так называемый «парадокс свободы»³⁶). Поэтому для Бёма как

³⁰ *Böhm*, ORDO 17 (1966), 75, 88.

³¹ *Böhm*, ORDO 17 (1966), 75, 98; см. также *Böhm*, ORDO 22 (1971), 11, 18.

³² *Böhm*, ORDO 22 (1971), 11, 20 f.

³³ Vgl. *Kant*, Grundlegung zur Metaphysik der Sitten, 1785. S. 33 ff.; см. так же *Ohly*, „Volenti non fit iniuria“, 2002. S. 67; *Höffe*, in: *Somers* (Hrsg.), Immanuel Kant, Kritik der praktischen Vernunft, 2002. S. 10 ff.; *Kersting*, Wohlgeordnete Freiheit, 1. Aufl. 1993. S. 120, 136 f., 142.

³⁴ *Böhm*, ORDO 22 (1971), 11, 21.

³⁵ So *Böhm*, ORDO 22 (1971), 11, 22.

³⁶ *Eucken*, ORDO 2 (1949), 1, 7; *Möslein*, Dispositives Recht, 2011. S. 170. Grundlegend *Popper*, Die offene Gesellschaft und ihre Feinde I, 7. Aufl. 1992. S. 147 f.; *ders.*, Die offene Gesellschaft und ihre Feinde II, 7. Aufl. 1992. S. 54 f.: „Man kann dieses Paradoxon so ausdrücken: Uneingeschränkte Freiheit hat das Gegenteil von Freiheit zur Folge; denn ohne Schutz und ohne Einschränkungen durch das Gesetz muss die Freiheit zu einer Tyrannei der Starken über die Schwachen führen.“ («Этот парадокс можно выразить следующим образом: неограниченные права влекут за собой противоположность свободы, так как без защиты и без ограничений посредством закона свобода порождает тиранию сильных над слабыми»).

аспекты свободы и справедливости в обществе, так и продуктивность национальной экономики были тесно связаны с функционирующей конкуренцией³⁷. Чтобы достичь своей особой духовной и экономической ценности, эта система рыночной экономики нуждается в «бережном уходе» со стороны государства и защите от попыток монополизации и предоставления привилегий избранным³⁸. Государство в этом случае зависит от чувства солидарности граждан, в то время как участники рынка, согласно теории Адама Смита о «невидимой руке рынка»³⁹, вносят свой вклад, преследуя свои непосредственные личные интересы⁴⁰.

Исходя из вышесказанного, члены частнопроводного общества отвечают за составление личных экономических планов. Но если личные экономические планы осуществляются в ущерб третьим лицам, то действующий в этом случае принцип децентрализованного управления нарушается, точнее, превышает круг полномочий личности⁴¹. Все решения, связанные в рыночной экономике с процессом управления, должны, по мнению Бёма, быть частью „*volonté générale*“ (понятие «единой воли» по Жан-Жаку Руссо), то есть выходить за рамки суммы личных интересов, служа при этом исключительно общему благу⁴². При том, что частное право, соответственно, служит «незаменимым инструментом разрешения конфликтов между свободными гражданами, где бы они ни возникали»⁴³. Функционирование конкуренции должно обеспечиваться установленными государством и совместимыми с системой «правилами игры». Благодаря таким правилам будет невозможно добиваться неоправданных преимуществ («мошенничать»), влияя на процесс принятия государственных решений или препятствовать экономическим планам других участников рынка путем злоупотребления властью частного характера. Такого рода нарушения правил рыночного порядка часто наблюдаются постольку, поскольку граждане, будучи потребителями, приветствуют конкуренцию, но в роли производителей могут рассматривать конкуренцию как бремя. Это подталкивает их к тому, чтобы не взваливать на себя тяготы конкуренции, но в то же время пользоваться ее преимуществами⁴⁴. В представлении Бёма это может происходить двумя

³⁷ *Böhm*, ORDO 22 (1971), 11, 20.

³⁸ *Böhm*, ORDO 17 (1966), 75, 87.

³⁹ *Adam Smith*, *An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations*, 5. Aufl. 1789 (deutsche Übersetzung 1974 von *Recktenwald*), Kap. 7 und 8. S. 48 ff.; см. также *Olsen*, *Wettbewerbstheorie und Wettbewerbspolitik*, 1995. S. 13.; *Kerber*, in: *Vahlens Kompendium der Wirtschaftstheorie und Wirtschaftspolitik*, 9. Aufl. 2007. S. 369.

⁴⁰ *Vanberg*, in: *Goldschmidt/Wohlgemuth* (Hrsg.), *Ordnungsökonomik*, 2008. S. 97.

⁴¹ *Roth*, in: *Riesenhuber* (Hrsg.), *Privatrechtsgesellschaft*, 2007. S. 175, 177.

⁴² *Böhm*, ORDO 17 (1966), 75, 99.

⁴³ *Mestmäcker*, ZHR 137 (1973), 97, 101.

⁴⁴ *Vanberg*, in: *Riesenhuber* (Hrsg.), *Privatrechtsgesellschaft*, 2007. S. 131, 155.

способами⁴⁵: человек может нарушить «правила игры» или же он может повлиять на нормотворческий процесс и спровоцировать создание выгодных для себя исключений в правилах. Поэтому ключевое моральное требование к рыночному порядку в интересах обеспечения общего блага предполагает как соблюдение гражданами правил, так и отказ от влияния на субъект правотворчества из корыстных побуждений⁴⁶.

Таким образом, в частнопрововом обществе закон о борьбе против ограничений конкуренции имеет отношение не только к собственно юридическому, но и к нормативному аспекту частного права⁴⁷. Общей чертой всех фактов ограничения конкуренции является «несоответствующее использование традиционно легальных частнопрововых свобод»⁴⁸. В качестве контрольного критерия, по мнению Бёма, служит вышеописанная концепция «конкуренции по результатам» (*Leistungskonkurrenz*). Последняя рассматривается в поздних работах Бёма уже не в рамках позитивной экономической теории и не ограничивается выявлением желательных и нежелательных функций конкуренции⁴⁹, а как правовой принцип, согласно которому из числа потенциальных стратегий конкурентной борьбы отсеиваются стратегии, несовместимые с принципами общества свободной конкуренции, опирающегося, в свою очередь, на добровольный обмен⁵⁰. При этом следует учитывать, что деловая активность предприятий не является самоцелью, а служит удовлетворению потребностей и желаний потребителей, которые, как образно выразился Бём, играют на клавишах «органа экономики»⁵¹. Исходя из вышесказанного, понятие конкуренции по эффективности служит эквивалентом нормативной концепции суверенитета потребителя, которая и по сегодняшний день накладывает свой отпечаток на конкурентное право и на законы о защите прав потребителей⁵². Поэтому для анализа тенденций предпринимательского поведения крайне важно знать, как они влияют на так называемую потребительскую ренту⁵³, причём, если сослаться на Бёма, последняя может также рассматриваться как возможность самоопределения потребителей.

⁴⁵ *Böhm*, ORDO 17 (1966), 75, 140.

⁴⁶ *Böhm*, in: Mestmäcker (Hrsg.), Freiheit und Ordnung in der Marktwirtschaft, 1980, S. 195, 200; *Vanberg*, in: Riesenhuber (Hrsg.), Privatrechtsgesellschaft, 2007, S. 131, 156.

⁴⁷ *Mohr*, ZWeR 2011, 383.

⁴⁸ *Mestmäcker*, ZWeR 2010, 1, 9 f.

⁴⁹ *Rittner*, AcP 188 (1988), 101, 117.

⁵⁰ *Vanberg*, in: Riesenhuber (Hrsg.), Privatrechtsgesellschaft, 2007, S. 131, 145; см. также *Rittner*, in: Festschrift für Kraft, 1998. S. 519, 529 f.; *ders.*, ZWeR 2004, 305, 319: Nichtleistungswettbewerb als heuristische Formel für Handlungen, die negativ auf den Wettbewerbsprozess einwirken.

⁵¹ *Böhm*, Wirtschaftsordnung und Staatsverfassung, in: Mestmäcker (Hrsg.), Freiheit und Ordnung der Marktwirtschaft, 1980. S. 53, 90.

⁵² *Vanberg*, in: Riesenhuber (Hrsg.), Privatrechtsgesellschaft, 2007. S. 131, 146.

⁵³ См.: *Kerber/Schwalbe*, in: MünchKommEUWettbR, Band 1, 2007, Einl. Rn. 1058.

Такого рода понимание частного права, при котором накладываются ограничения на его институты, в случае злоупотребления господством на рынке, означает также и формальное ограничение экономических свобод⁵⁴. С материально-оценочной точки зрения, охраняемые правом свободы обретают своего рода «внутреннюю» легитимацию, так как случаи ошибочного развития рассматриваются как испытания для одухотворенной идеей самоопределения системы рыночной экономики, а не как доказательства необходимости корректировки экономических процессов путем политических гетерономных решений⁵⁵. В то же время частноправовое общество и демократический процесс формирования воли дополняют друг друга, так как принцип самоуправления частноправовой рыночной экономики позволяет ограничивать задачи государства ровно настолько, чтобы можно было контролировать государственные субъекты права принятия решений наиболее эффективным способом⁵⁶. Ордолиберализм Бёма защищает преимущества экономики свободной конкуренции от нападков необузданного экономического либерализма, с одной стороны, и эксплуатации частного права для целей гетерономной политики, с другой⁵⁷.

Частноправовое общество и социальное рыночное хозяйство*

Что такое частное право, знает юрист.

Что такое социальное рыночное хозяйство, знает экономист.

Но что имеется в виду под обществом частного права?

Этот термин не употребляется в науке. Его не используют ни в юриспруденции, ни в экономике, ни в социологии.

Тем не менее, преобразование дореволюционного общества в общество частного права было одной из главных целей Великой французской революции. Удивительно, но эту цель никогда не формулировали позитивно, а вели речь только об упразднении сословных прав и сословных различий, о ликвидации феодального общества с его привилегиями. На-

⁵⁴ Столь формальное понимание договорной автономии происходит из Чикагской экономической школы. См.: *Posner, Economic Analysis of Law*, 2007. S. 26 f.; dazu *Leistner, Richtiger Vertrag und lauterer Wettbewerb*, 2007. S. 40 ff.

⁵⁵ *Mestmäcker*, in: Ludwig-Erhard-Stiftung (Hrsg.), *Festschrift für Böhm*, 1995, S. 111, 128.

⁵⁶ *Vanberg*, in: Riesenhuber (Hrsg.), *Privatrechtsgesellschaft*, 2007. S. 131, 154.

⁵⁷ *Drexl, Die wirtschaftliche Selbstbestimmung des Verbrauchers*, 1998. S. 115 f.

* В данной публикации приводится фрагмент работы Франца Бёма «Частноправовое общество и социальное рыночное хозяйство». Перевод осуществлен по изданию: Böhm, Franz. *Privatrechtsgesellschaft und Marktwirtschaft*, in: *Jahrbuch für die Ordnung von Wirtschaft und Gesellschaft*. Bd. 17 (1966). S. 75–151.

звали то общество, которое хотели ликвидировать, но не говорили об обществе, которое должно прийти на смену старому.

Это странно. Не так уж сложно выявить характерный критерий и назвать его. Кто стремится к обществу, в котором нет сословных отличий и институциональной зависимости между его членами, тот без труда найдет позитивную формулировку и скажет, что стремится к равноправному обществу. Общество, члены которого относятся друг к другу не как подчиненные и вышестоящие (отношения субординации), а равны между собой (отношения координации). Сегодня каждый, кто анализирует собственный жизненный опыт, знает, что там, где исчезают отношения, построенные на господстве и привилегиях определенных лиц или групп, не возникает социальный или правовой вакуум, а автоматически и незамедлительно вступает в силу частное право. Частное право регулирует отношения, полномочия и коммуникацию равноправных лиц, то есть индивидуумов, которые не имеют друг по отношению к другу никаких политических полномочий или особых социальных юрисдикций.

Частное право имеется во всех обществах, даже в тех, где общественное производство и индивидуальные потребительские привычки предельно жестко регламентированы, а каждой общественной группе предписываются социальный статус, характер деятельности и нормы поведения — либо законодательно, либо через навязанное сверху планирование, либо в силу привычки и принуждения находиться в определенной среде. Но невозможно зарегламентировать повседневную межличностную коммуникацию в обществе настолько, чтобы не оставалось пространства для импровизации в отношениях между равными и основанного на договорах взаимопонимания по поводу личных планов. Даже в старом сословном и привилегированном обществе христианского Запада, устройство которого было довольно мягким и — при всей его великодушной небрежности — не мелочным в защите самоуправления и самоуправления, частное право имело силу.

Правда, в том старом феодальном и сословном обществе частное право не идентифицировалось с общественным порядком, а представляло лишь часть его, будучи в действительности не более как заполнителем вакуума. В последующие века этот заполнитель становился все более важным, т.е. отношения внутри феодального и сословного общества все чаще регулировались частным правом, но в принципе частное право начинало действовать лишь в том случае, если отношения не были регламентированы сословным правом и привилегиями, т.е. если коммуникация происходила на основе полного равноправия и при наличии у этих лиц известной свободы действий.

Таким образом, на протяжении важных и продолжительных периодов истории народов частное право уже было составной частью различных об-

ственных порядков. Однако именно лишь частью, а не основой общественного порядка. Поэтому хотя революция, ликвидация абсолютно всех сословных различий, отношений зависимости, профессиональных и ремесленных привилегий, и была смелым и рискованным скачком, скачком с непредсказуемыми последствиями, это был скачок не в пустоту, не в вакуум, не в нечто совершенно неупорядоченное, нуждавшееся в создании нового порядка. Потому как порядок, который должен был сформировать новое общество и урегулировать отношения между его членами, уже существовал, имел правовую силу и, сверх того, был почти полностью сформирован.

[...]

Таким образом, в исторически унаследованном частном праве Великая французская революция сразу обрела Хартию вольности, которая наилучшим образом годилась для выполнения задачи по всеобъемлющему регулированию нового свободного общества.

В предшествовавшие Великой революции века никто, и менее всего юрист в области гражданского права, не осмелился бы предположить, что частное право, предмет восхищения почтенных знатоков, станет революционным претендентом на трон, лишь ожидающим своего часа, чтобы на руинах старого доброго сословного порядка принять власть над всеми членами общества.

Действительно, тезис Карла Маркса, что новый уклад зреет в недрах старого, никакому иному явлению в истории революций не соответствует настолько точно, как возникновению общества частного права. За всю мировую историю не отыскать дитя революции, столь хорошо выношенного, к тому же выношенного со всеми полагающимися почестями и под радостные аплодисменты старого режима. В сравнении с этим, можно сказать поразительно безболезненным, появлением на свет общества частного права — после насильственного начала экспроприации старых привилегий — превращение общества частного права в социалистическое марксистско-ленинское общество — это искусственные роды с множеством врачебных манипуляций и наложением щипцов; даже сегодня этого ребенка, которому скоро исполнится 50 лет, окружают больше врачей и акушеров в белых халатах, чем родственников, и каждые пару лет ему составляют абсолютно новые гороскопы.

С этим очень долгим и абсолютно легитимным инкубационным периодом общества частного права, вероятно, связано и то, что, по сути, человечество сохранило в своей памяти не столько внедрение частного права во все области общественной жизни, сколько раскатистый крах старого общественного порядка. Во всяком случае, новое право закрепились в освободившихся для него сферах без лишней шумихи.

Исторический подвиг революционеров состоял в насильственном свержении общественного порядка, чьи институты воспринимались как

оскорбление прав человека, справедливости и свободы, и, кроме того, в воплощении идеи о том, что каждый в обществе должен иметь равные права и равный статус, а именно статус личности частного права. Однако о том, как должны регулироваться отношения свободных и независимых членов общества, борцы революции не задумывались. В этом и не было необходимости, поскольку правила, которые должны действовать в обществе, основанном на координации равноправных свободных субъектов, существовали уже давно, были переняты со времен античности, действовали с возникновения западноевропейских государств в форме обычного права или законодательных норм. Целые поколения мудрых и авторитетных правоведов и судей пользовались ими, изучали и развивали их. Выражаясь кратко, лучшее, что может дать революция, а именно хороший порядок отношений между свободными людьми, уже был осуществлен; оставалось лишь освободить порядок частного права от гнета, под которым он находился, словно Золушка, вызволить его из положения — в политическом смысле — «отверженного и подчиненного», возвести в ранг общественного порядка, доверить ему регулирование общества свободных и независимых индивидуумов, а также регулирование деятельности компаний и корпораций частного права, создаваемых этими индивидуумами на принципах добровольности. Замысел и осуществление этой концепции были новой, великой и смелой политической идеей; однако сама концепция, которая лежит в основе порядка частного права, которая обосновывает его способность организовать общество свободных людей и направлять их взаимодействие в стабильное и рационально-ответственное русло — это особое дело. К этой концепции борцы той революции, которую позже назвали «буржуазной», не имеют никакого отношения. У них была лишь вера в эффективность порядка частного права, и они полагались на удачный опыт применения частного права во все времена, когда это право не выполняло еще задачи обслуживания общественного порядка в целом, а лишь регулировало в рамках других, взаимосвязанных общественных порядков, отношения лиц, которые по случайности встретились и захотели совместно реализовать нечто, что в виде исключения не было запрещено или уже не было закреплено за кем-то «на постоянной основе».

Когда частное право регулирует лишь отношения, возникающие там, где кооперация или сосуществование представителей общества в виде исключения не регламентируется иначе, а ответственность за упорядоченное сотрудничество или сосуществование передается другим, по большей части не частно-правовым порядкам, регламентам или властям, такая ситуация в корне отличается от положения, при котором частное право несет полную ответственность за регулирование общественного взаимодействия или совместного существования индивидов. Однако

порядок частного права заслужил историческое признание не как порядок общества в целом, а как очень ограниченное средство заполнения пробелов в рамках совершенно иначе выстроенных общественных порядков. В этом смысле преобразование феодального общества, основанного на привилегиях, в общество частного права были скачком в неизвестность, в любом случае, очень рискованным скачком.

Был ли этот скачок резким, как на европейском континенте в годы Великой французской революции, или — как в Англии — преобразование феодального общества с его привилегиями в общество гражданского права происходило постепенно, в обоих случаях рано или поздно должно было произойти политическое и, безусловно, научное осознание того факта, что частное право обрело новую функцию. Но тогда встает следующий вопрос: обладает ли частное право необходимым качеством для того, чтобы справиться с этой новой функцией. Если исходить из того, что исторический опыт и достигнутые успехи доказали наличие этого качества, то сразу возникает другой вопрос, а именно, как рационально это качество объяснить. Ведь предположение, что совместное существование свободных, равноправных и независимых личностей неизбежно станет социальным космосом, не есть удовлетворительная гипотеза для рационального мышления. Гораздо вероятнее обратное. А именно, что в условиях равноправия и независимости всех членов общества возникнет хаотическая разногласица мнений и разнонаправленность действий, если только вопреки всякому опыту не предположить, что все члены общества обеспечивают себя сами в режиме автаркии.

Данный чрезвычайно сложный вопрос, а именно вопрос о том, как в обществе частного права решается проблема регулирования, и каким образом эту проблему пытались решить в исторической ретроспективе, в настоящей статье рассмотрен ниже. Ибо в первую очередь нас интересует не то, из каких побуждений в эпоху Просвещения возникло требование, чтобы все члены общества непременно были равноправными и независимыми, и не то, задумывались поколения, шедшие ради этого требования на баррикады, о последствиях подобного шага. Для начала надлежит рассмотреть сугубо правовое и политико-правовое значение нового лозунга.

Решение ликвидировать все сословные права и привилегии обосновывалось девизом: отныне в обществе должны существовать лишь один, общий правовой статус, единая для всех юрисдикция плана и торговли, а именно частная автономия. Юрисдикция, полностью свободная от любых властных или представительских полномочий.

На самом деле постулат, что все члены общества должны иметь определенный статус, является не частноправовым, а политическим, конституционным постулатом.

Его значение превосходит рамки, ограниченные сферой общественного порядка. Поскольку в случаях, когда конституция определяет государство и общество как понятия разные и подлежащие различению, статус личности в обществе в значительной мере и весьма характерно определяет политические возможности и гражданские полномочия, которыми располагает личность в государстве.

Если теперь мы ограничимся рассмотрением того типа конституций, которому свойствен дуализм государства и общества, то можем выделить два варианта: один для Средневековья и *Ancien Régime*⁵⁸, и другой — для эпохи после Великой французской революции. Один вариант предполагает пару: феодальное привилегированное общество под кровом ограниченной или абсолютной монархии; а другой — комбинацию: общество частного права в условиях демократического государства или некоего вида конституционной монархии.

Теперь нам важно понять, каким образом рука об руку взаимодействуют государство и общество.

Прежде всего, отметим, что как в дореволюционную, так и в после-революционную эпоху существовало, по меньшей мере, одно конвенционально зарегулированное отношение между государством и обществом — если под «государством» понимается социальный организм, который администрирует и реализует политические потребности власти, а под «обществом» понимается все остальное, что происходит на уровне населения. И эти общественно зарегулированные отношения на протяжении столетий — как до, так и после Великой французской революции — имели весьма специфическую и постоянную структуру.

В основе лежало принципиальное представление о том, что осуществление властных полномочий — это задача, направленная исключительно на защиту и сохранение общества, и должен быть носитель этих полномочий, поскольку общество, народ, в своей массе не дееспособны. При этом государство — выражаясь архаичным языком, король — чтобы иметь возможность править на благо общества, нуждается в признании собственного величия по отношению к обществу, но величие это получает в удел от так сказать недееспособного общества: довольно своеобразное противоречие, которое в старой Англии из практических соображений наглядно выразили в форме Договора об исконном владении. Идея заключается в том, что государство должно ограничиваться необходимой властью и не окунается в дурман величия, вмешиваясь, например, даже в повседневную жизнь общества. Соблюдение этого принципа стремились гарантировать таким образом, что каждое полномочие,

⁵⁸ *Ancien Régime* (старый режим) фр.— термин, введенный А. де Токвилем для обозначения режима, существовавшего во Франции до эпохи Великой французской революции. — Прим. ред.

которым наделен король, фиксировалось по отдельности; все остальное находилось в ведении общества.

Таков решающий принцип разделения полномочий: что не прописано в конституции государства, подконтрольно обществу. Этот принцип определял отношения государства и общества с раннего Средневековья до нынешнего дня во всех странах европейского Запада, исключая страны, где отличие государства от общества не признается вовсе, а полномочия государства расширены до регулирования посредством правительственного планирования всех общественных процессов, которые так или иначе могут быть управляемы сверху. Но это совершенно новый тип государства; к началу Первой мировой войны на земном шаре таких государств еще не было.

Далее, в описании дуалистического отношения между государством и обществом важную роль играет мысль о том, что соблюдение границ своих полномочий политической властью, которая, бесспорно, обладает гораздо более мощными инструментами, нежели общество, должно быть гарантировано предоставлением полномочий для действительного участия во власти представителям общества. Например, посредством права установления налога сословий, посредством участия сословий в законодательстве и посредством предписания, согласно которому король обязан использовать свои полномочия в соответствии с законами страны, а в случае нарушения таковых советники короля несут за это ответственность, т.е. могут предстать перед судом и быть осуждены вплоть до смертной казни.

Такую своеобразную комбинацию государства и общества обозначили *terminus technicus*⁵⁹ «правовое государство». Вокруг описанного принципа правового государства происходили самые первые и самые яростные конституционные баталии; особенно сложное положение было во времена, когда государство представлял король, а представители общества хотя и были заинтересованы в соблюдении королем границ правового государства, но им приходилось опасаться утраты своего права голоса.

До сих пор из соображений упрощения и наглядности государство и общество описывались нами не только с позиций противостояния, но и были персонифицированы. Мы противопоставляли государство и общество, как если бы речь шла о действующих и обладающих волей юридических лицах. Бесспорно, такой подход уместен применительно к государству; государство располагает институтами, при помощи которых оно может выработать свою волю и воплотить ее в жизнь. Можно ли применять его к «обществу»? Юридически это совершенно недопу-

⁵⁹ *Terminus technicus* (лат.) – техническим термином. – *Прим. ред.*

стимо; чем бы ни было общество с юридической точки зрения, оно ни в коем случае не является «лицом». Оно не может иметь прав, не может выступать участником деловых связей, оно не может представлять никого, даже совокупность своих граждан. Но тогда — спросите Вы — можно ли говорить об обществе и государстве так, что создается впечатление, будто общество — это оппонент государства, будто оно имеет определенные полномочия, которые отличаются от полномочий государства? Будто существует конституционно-политический принцип, защищающий дуализм государства и общества, т.е. требующий, чтобы государство уважало независимость общества, а общество — законную прерогативу государственной власти? Словно наличие этих двухсторонних автономий и предположение о таком соотношении рангов и функций между ними, при котором государство играет роль своего рода органа общества, и составляет суть понятия «правовое государство»? Может ли понятие «общество» в данном словоупотреблении означать для юриста нечто иное, нежели просто слово, которое используют, чтобы обозначить совокупность всех граждан или жителей некоего государства?

В прошлом юристы действительно придерживались именно такого мнения. Поэтому они не признавали слово «общество» как юридический термин в том смысле, в каком мы его употребляем, когда говорим о государстве и обществе. «Общества», которое, в отличие от государства, могло бы быть носителем защищенных конституцией прав и полномочий, не существует. Такими правами наделены лишь отдельные члены общества, в той мере как они выступают субъектами права. Поэтому не говорилось о защищенных правом юрисдикциях общества, а о правах человека, или об основных правах личности. Государству противопоставлялись отдельная личность, индивид, человек, но не общество. Конституционная, правовая позиция отдельного человека по отношению к представителям государственной власти и есть то единственное, что можно рассмотреть с точки зрения юриспруденции; поскольку лишь субъекты права могут быть обладателями правовых позиций и носителями прав; «общество» же субъектом права не является. Оно не имеет органов, которые могут образовать общую волю, в отрыве от государства, оно не имеет даже собственного административного аппарата, который мог бы защищать интересы общества перед государством.

Поэтому, когда юрист думает о правовом государстве, перед его духовным взором появляется картина: Лицо и Государство, в котором оно проживает. Однако он не может усмотреть правовых основ в сочетании: Общество и его Государство.

[...]

Однако предположение, что Великая французская революция произвела эмансипацию человека от общества, является ложным. Здесь я

не хочу спорить о том, существовали ли политические или философские течения, которые к тому стремились. Мне лишь хотелось бы, опираясь на факты, констатировать, что с точки зрения конституционного права Великая французская революция не вывела человека из общества путем эмансипации, а скорее оставила его внутри общества. Как уже было отмечено, единственное, что произошло в обществе — это то, что общество из феодального с его привилегиями при том, что в нем действовало частное право — было преобразовано в чистое общество частного права. Общество частного права ни в коем случае не означает сосуществования несвязанных друг с другом индивидов: нет, это множество людей, которые подчинены единому порядку, а именно правовому порядку. Порядок частного права устанавливает правила, которым подчиняются члены общества, когда они заключают договоры, приобретают друг у друга товары и права, сотрудничают на основе договоров или обмениваются услугами, или действуют, планируют или бездействуют вне рамок каких-либо договоров; помимо того, порядок частного права наделяет всех лиц, которые находятся в его юрисдикции, необычайно широкой свободой действий, разнообразными полномочиями по регулированию отношений с другими людьми, статусом внутри общества частного права, который ни в коей мере не является подарком природы, приданным божественного плана и высшей воли, а являет собой общественное гражданское право. Не естественное «Можно», а социальное «Разрешено».

Выражаясь кратко, тот, кто видит в структуре современного постреволюционного демократического индустриального общества только государство, с одной стороны, и человека — с другой, упускает из виду важный элемент современной конституционной действительности. Правовая реальность такова, что каждый отдельный индивид в той модели конституции, которая лежит в основе нашего государства и всех современных правовых государств, связан посредством общества частного права со своим государством.

[...]

Тут возникает щекотливый вопрос. Если наше современное общество суть общество частного права, то есть общество, которое объединяет и регулирует позитивно работающий порядок частного права, а в остальном оно не имеет никаких институтов и не является дееспособным ни по отношению к своим членам, ни по отношению к внешним силам, ни, в конце концов, по отношению к собственному государству, как тогда представить себе — с юридической или социологической точек зрения — включение этого общества частного права в единое целое государство и общество, соединение с государством и, в конечном счете, правовое отношение между обществом частного права и частно-автомными субъектами частного права?

Если бы при разборе этого вопроса мы стали вдаваться в догматические спекуляции, не учитывая позитивно-правовые и политические реалии, то могли бы легко сбиться с толку. Однако если посмотреть, каким образом в историческом прошлом порядок частного права, приобрел авторитет и удерживал его, если выяснить, кто устанавливает этот порядок, кто принимает решения в спорных случаях, кто, в случае необходимости, заставляет подчиняться этим решениям, и как это делается, [...] какова законодательная система и как действует правоприменительная практика, то становится очевидно, что на помощь бестелесному и безвольному обществу, этому почти нематериальному феномену, приходит государство, носитель политической власти общества частного права. Общество частного права не может существовать без властных полномочий, даже если бы ему не приходилось защищаться от внутренних и внешних угроз. Само по себе общество не может элементарно поддерживать свою жизнеспособность. Данную функцию, исключительно служебную, но по своей природе нуждающуюся в администрировании, берет на себя государство. Функции, которые не служат никаким иным целям, кроме стимулирования общественных процессов, например, установление монетного суверенитета, права, меры и веса, регулированию водного сообщения, ярмарок и рынков, относятся к старинным прерогативам королей.

Фердинанд Лассаль, таким образом, был абсолютно прав, когда назвал эту революционную концепцию идеей государства как либерально-го ночного сторожа.

[...]

С подобным пониманием функций государства связано и то обстоятельство, что готовность взвалить на государство, наряду с великими задачами роскошного, блистательного правителя ломовую задачу несения ночной сторожевой вахты по охране общества частного права появилась не сразу. Зато при должном и разумном рассмотрении именно в этом виделась собственная, важнейшая цель государства.

Эту концепцию можно описать следующим образом: для того, чтобы порядок частного права систематически координировал планы всех членов общества частного права, необходимо придание этому порядку функций политической власти, пусть в самом скромном объеме и лишь как садовнику. Для поддержания своей жизнедеятельности общество нуждается в вооруженном ночном стороже; в остальном планы его членов будут координироваться при помощи частного права без затруднений, автоматически и с поразительно минимальным сопротивлением и неподчинением.

Как мы видели, в отличие от государства, общество частного права самостоятельно не планирует и не действует ни за себя, ни за своих чле-

нов. Все, что планируется и происходит в гражданском обществе, планируют и совершают члены общества и союзы, созданные на добровольной основе. Однако общество гражданского права не обозначает лишь совокупность его членов, это — обозначение совершенно определенного и особого вида связей между ними, которому присущи вполне определенные институты — и прежде всего, правовые институты, обладающие способностью согласовывать между собой планы и действия свободных, независимых людей и тем самым опосредованно управлять и оказывать влияние. Здесь я бы хотел обратить внимание на три такого рода важнейших творения общества: язык, частное право и рыночная система ценообразования. Несколько рационалистически называя язык, частное право и рыночную систему ценообразования инструментами управления и координирования, все же отмечу, что они отличаются от других инструментов и методов надличностного управления человеческими планами и действиями как с точки зрения их возникновения, так и с точки зрения их воздействия.

Что касается возникновения, они являются наиндивидуальными соглашениями, возникающими в процессе кооперации, которые, однако, не носят характер постановлений или договоров. Неопределенное множество опытов, которые, так сказать, направлены на всех, кого это затрагивает, неопределенное множество индивидуальных реакций на подобные как бы витающие в воздухе эксперименты, результатом которых выступает одобрение достигнутого в ходе поиска баланса. Так появляется язык, который дает нам стих и мысль, так появляется обычное право, так появляется рыночная цена, которая показывает каждому покупателю и продавцу степень нехватки бесчисленного количества товаров. Язык, частное право и формирование рыночных цен представляют собой итог сложных межличностных процессов, которые требуют в качестве предпосылки высокого уровня социальной коммуникации; обычное частное право и рыночное ценообразование требуют, помимо прочего, весьма дифференцированной культуры и высокой степени стабильности общества.

Что же касается способа воздействия, его особенность состоит в том, что людям не предписывается образ действий, которому они должны следовать по отношению к другим знакомым и незнакомым равноправным членам общества. Это происходит скорее по их усмотрению. Более того, ожидается, что они сами угадают и найдут правильный, адекватный, т.е. соответствующий конкретным внешним факторам подход, самостоятельно ориентируясь в известной им социальной информации.

Необходимость для каждого человека согласовывать свое личное планирование и поведение с планированием других, а также с информацией общества, подразумевается в обществе сама собой: кто существует

среди равноправных и не изолирован от окружающего мира, но нуждается в равных себе, тот должен приспосабливаться к обществу. Принуждение здесь исходит от ситуации, не от политической власти. Не будучи самодостаточным, тот, кто обладает правом планировать и действовать самостоятельно, но должен при этом использовать свое право в обществе, члены которого равны между собой и так же самостоятельны, как и он сам, обязан считаться со свободной реакцией свободных людей на собственные свободные действия: равная свобода всех задает имманентную границу свободы каждого и, таким образом, являет собой своего рода принуждение для каждого члена общества.

Конечно, можно возразить, что такой порядок приводит к лотерее, несовместимой с представлениями этики, справедливости и социальной солидарности. Однако, прежде чем выносить столь строгое суждение, следует учесть, что квитки, которые совершающий действие получает в форме реакции других людей, содержат в себе крайне ценную информацию. Начиная действовать, человек, так сказать, идет на ощупь в темноте, в необозримых дебрях социальной информации, где ему известна лишь малая ее часть, и квитки об успехах и неудачах, которые он получает, внезапно освещают тьму; теперь, по крайней мере, он знает, как отреагировали другие люди. Он попытается сделать выводы на основании этих квитков и соответственно откорректировать свои дальнейшие действия.

Принуждение, исходящее от квитков, носит примитивный характер, зато от принуждения по закону и по приказу оно отличается отсутствием посягательств на правовую свободу личности. В остальном нужно постоянно учитывать, что принятие экономических решений — это выбор не между «хорошим» и «плохим» или «разрешенным» и «запрещенным», а выбор между «целесообразным» и «нецелесообразным», «выгодным» и «невыгодным».

Сколь бы примитивным ни было фактическое принуждение, которое исходит от реакции свободных людей и их воздействий на действия индивидуума (в виде его личного успеха или провала), все же речь не идет ни о моральном, ни о политическом принуждении. Индивидуум может продолжать свои ошибочные действия, дезавуированные неуспехом, не неся ответственности перед какой бы то ни было политической или педагогической инстанцией; в данном случае он будет наказан продолжением своих личных неудач, которые могут быть по его свободной воле предотвращены посредством разумного умения приспособиться. [...]

Принуждение, которое имеет место в порядке, основанном на координации, отличается от предписания или приказа еще и тем, что члену общества, потерпевшему неудачу в результате своих действий, не предписывается определенного образа действий, которым ему надлежит за-

менять его прежний образ действий. Получивший квиток знает только, что его прежние действия не снискали милости в глазах других людей, однако он не знает, как действовать, чтобы заслужить эту милость. Существует также риск неуспеха и тех его действий, которые стали ответом на отрицательную реакцию, возникшую у людей из-за его прежнего поведения. Он должен экспериментировать и платить за эти уроки до тех пор, пока его представление о том, что ожидают от него другие, не прояснится в достаточной степени.

Конечно, такой системе экспериментирования присущ своего рода характер игры. Социально-политический и политико-правовой аспекты имеют в этой игре значение только в том смысле, что это не чистая лотерея, а в значительной степени игра на ловкость, в которой только умелый и умный сохраняет свой успех в долгосрочной перспективе. Успех не должен слишком сильно зависеть от случая, а должен в известных границах поддаваться исчислению, или скажем лучше: успех и неуспех должны иметь под собой основание.

Однако это предполагает, что базирующаяся на координации социальная кооперация между независимыми, но не самодостаточными индивидами обладает системой сигналов. Индивиды, планирующие свои действия независимо, должны располагать возможностью как можно надежнее, как можно проще и быстрее ориентироваться в планировании, действиях и реакции других членов общества, а также в некоторых элементах социальной информации об окружающем.

[...]

Для познания подлинной сущности нашего государства и нашего общества крайне важным и значимым стало открытие, что подобные системы сигналов действительно существуют, что они были отточены и отполированы в течение длительных исторических периодов почти без участия государственной власти, даже без сознательного человеческого вмешательства, но посредством неосознанно разумного бытового поведения бесчисленных поколений людей.

Самые важные из этих систем уже были мной названы: язык, частное право, система рыночного ценообразования.

О языке речь далее уже не пойдет. Рассмотрим гражданское право. Оно предстает перед нами удивительно полным по человеческим меркам собранием правил, институтов и принципов, которые не только регулируют коммуникацию между равноправными членами общества, но и в значительной мере способствуют тому, что она вообще становится возможной...

[...]

Создавая разумные правила кооперации и сосуществования равноправных носителей независимого индивидуального планирования,

порядок частного права, в то же время, незаметно, но очень устойчиво влияет на выбор индивидуального планирования, его содержание и координацию с планированием других лиц. Частное право также представляет собой плод общественного развития, который, хотя он и был создан и изобретен людьми, появившись, создает и изобретает для каждого из нас, подобно языку.

Что же касается последней и самой молодой из сигнальных систем, с которыми работает общество, системы рыночного ценообразования, то она самая механическая, или просчитываемая; эта система предполагает наличие целого ряда иных изобретений общества. Нужны, во-первых, очень высокий уровень развития порядка гражданского права; во-вторых, деньги; и, в-третьих, необычайно высокий уровень мобильности и прозрачности общественной жизни. Деньги позволяют измерять все обмениваемые товары и услуги по единой общепризнанной и всеми используемой шкале ценности, так сказать, в математическом выражении. А мобильность и прозрачность процессов внутри общества частного права позволяет всем покупателям и продавцам любого товара узнать, какую цену заплатили другие покупатели, какую сумму выручили другие продавцы, так что каждый покупатель может найти более дешевое предложение, а продавец — найти покупателя, готового заплатить больше. В итоге для каждого товара в любой момент времени создается ценовой диапазон, превышение которого приведет к отсутствию покупателя, а ниже этого уровня не будет предложений о продаже. Такой нивелированный — не только математически, но и фактически — ценовой диапазон имеет математическое обоснование, заключающее в себе оценки всех покупателей и всех продавцов, и, вследствие этого, отражающее реальный уровень нехватки каждого товара в конкретный момент времени по оценке всех участников экономического процесса. Таким образом, имеет место своеобразный всеобщий плебисцит, проведенный посредством нивелирования бесчисленного количества своевременно сбалансированных и публичных индивидуальных оценок.

[...]

Таким образом, в рыночной цене, этой стабильной математической величине, словно воплощается *volonté des tous*⁶⁰ всех участников рынка и, кроме того, совокупность всей социальной и естественной информации, которая оказала воздействие на принятие личных решений. Человеческий разум не способен даже приблизительно познать и объять всю полноту реакций и фактов, из которых формируется социальный космос, отраженный в рыночных ценах, не говоря уже о том, что даже самый проникательный мудрец и знаток статистики не был бы способен

⁶⁰ Воля всех (фр.) — аллюзия на политическую теорию Ж.-Ж. Руссо — Прим. ред.

проанализировать этот ежечасно меняющийся калейдоскоп миллионов единиц социальной информации во всей их взаимосвязи, чтобы дать оценку тому или иному решению покупателя или продавца, или сделать вывод относительно какой-либо инвестиции. Рыночная цена, однако, избавляет нас от необходимости все это знать. Нам не нужно знать вообще ничего, кроме рыночной цены, которую мы узнаем из газет.

[...]

При описании системы сигналов, особенно системы рыночного ценообразования, наше внимание привлекла проблема управления. Проблема управления возникает везде и должна быть решена всюду, где люди не только сосуществуют, но и взаимодействуют.

Особенность сигнализирующего воздействия рыночных цен состоит в том, что здесь применяется техника управления, позволяющая обеспечить удивительно дифференцированный социальный процесс взаимодействия, основанный на разделении труда и функций, без командования и централизованного планирования.

[...]

Существует только частичное планирование, которое ограничивается отдельными предприятиями и учетом пожеланий отдельных потребителей и домашних хозяйств. Эти планы предприятий и потребителей создаются теми, кто намерен их выполнить, независимо, т.е. с признанием собственной ответственности; тот, кто планирует, отчитывается только перед самим собой, не перед другими участниками экономического процесса или перед государством — конечно, при условии, что он соблюдает законы, правила игры и добрые традиции.

Однако если управляющая сила рыночных цен состоит не в том, чтобы координировать частичное планирование независимых акторов в единый план, направленный на достижение заданного и желаемого социального результата, то в чем же она заключается? Ответ таков: управляющая сила этих сигналов заключается в том, что они координируют между собой отдельные планы всех акторов на основании решений, которые самостоятельно принимаются этими акторами при достижении согласия по поводу двусторонних полностью оплачиваемых контрактов частного права в любой день, в любой ситуации при перемещении товара от одного лица к другому.

Это, прежде всего, свидетельствует о том, что до тех пор, пока обеспечение потребностей в товарах происходит посредством контрактов по продаже между продавцами и покупателями, целесообразность этого процесса по согласию сторон в их взаимных отношениях легитимна. Все лица, участвующие в обмене товаров и услуг, посредством добровольного заключения контрактов показывают, что они заинтересованы в сделке по обмену. Для каждого покупателя товар — это деньги, для каждого

продавца вырученные деньги стоят расставания с товаром. Таким образом, поток товаров запускается при помощи целых цепочек добровольно заключенных эквивалентных договоров и движется в направлении сигнализированного спроса. Этот взаимный баланс интересов достигается благодаря координирующей силе юридических сделок частного права, а именно посредством подлежащего полной оплате обязательного договора, взаимности договора, классической формой которого является покупка. Можно сказать, что договор, предусматривающий полную оплату, и его исполнение являются характерным видом сотрудничества равноправных независимых акторов, изъявляющих свою волю.

Итак, порядок частного права играет ключевую роль в управлении процессами рыночной экономики. Тем не менее при согласовании стоимости предметов договора об обмене речь идет и об уравнивании: эта стоимость должна быть равна вознаграждению в личных интересах обеих сторон договора, для которых причиной сделки могут служить очень разные конкретные социальные потребности, отношения зависимости и влияния. В ситуации, когда сделки купли-продажи совершаются посредством взаимного прощупывания степени заинтересованности обеих сторон в товаре партнера, т.е. посредством индивидуального торга, цена отражает единичное исторически сложившееся соотношение обусловленной ситуацией представления об уровне дефицита конкретных партнеров, причем не приходится рассчитывать на повторение этого соотношения с тем же партнером, ни, тем более, с другими партнерами.

Если цены должны управлять планированием предприятий, которые специализируются на производстве немногих определенных товаров, то цены, которые индивидуально устанавливаются при заключении каждой новой сделки, не являются полезным ориентиром. По меньшей мере, нужно было бы при помощи статистических методов проводить расчет средних цен, т.е. пришлось бы применить спекулятивный подход, который уже лишь из-за своей сложности был бы малорациональным и экономически невыгодным. Гораздо предпочтительнее был бы метод, при котором уже при заключении договора исключают возможность торга и устанавливают единую, правильно интерполированную цену для всех клиентов, которая в то же время имеет тенденцию адаптироваться также к цене всех конкурентов, предлагающих тот же товар. Это была бы цена, которая создана не за письменным столом на основании статистического расчета, а, так сказать, выявлена посредством тщательного наблюдения над практическим успехом продаж — как собственных, так и продаж конкурентов — и реакции клиентов как результата практического спекулятивного поведения. Это была бы, если угодно, борьба за власть. Но такая борьба за власть, которая завершается решением, учитывающим интересы всех покупателей и продавцов товаров, когда ни

один из участников не может оказать на это решение заметного воздействия исключительно в собственных интересах. Это решение задавало бы каждому товару в каждый момент времени нивелированную цену, уровень которой задавался бы определенно квалифицированным покупателем и определенно квалифицированным продавцом, так называемым маржинальным покупателем и так называемым маржинальным продавцом (или маржинальными производителями, или маржинальными предприятиями).

Для понимания этой теории и этих терминов в юридически-нормативном ключе, т.е. с позиций политики порядка, приведем описание. Оно может выглядеть так.

Маржинальный покупатель и маржинальный продавец — это не воображаемые, вымышленные, а реальные лица, в крови и плоти, которые в любой момент времени реально участвуют в приобретении определенного товара; это те, чьи представления о стоимости приобретаемого товара, т.е. о товаре, с одной стороны, и о деньгах — с другой, меньше всего обусловлены индивидуальной социальной зависимостью. Можно сказать, что на их представления о стоимости товара воздействует только (или в большей степени, чем у всех других) дефицит платежных средств и дефицит предлагаемого товара, обусловленные существующим распределением покупательной способности и денежной политикой. То есть те покупатели и продавцы, которым в наибольшей степени соответствует взаимное соотношение, желательное для общества свободных и равноправных людей, обладающих личной независимостью, когда зависимость каждого отдельного члена общества от совокупности всех других членов общества и от функционирования общественного порядка, основанного на координации (что свойственно любому обществу с разделением труда и обязанностей) проявляется в самом чистом виде, не будучи искажена зависимостью отдельного лица от определенных индивидов, общественных групп или классов. В этой ситуации свобода (независимость) отдельного человека представляет собой единственную имманентную границу аналогичной свободы (независимости) остальных, или, говоря иначе, имеет место «ассоциация, в которой свободное развитие каждого будет условием свободного развития всех»⁶¹.

В той степени, в какой рыночный процесс нивелирования цен определяется маржинальным покупателем и маржинальными предприятиями, которые выполняют вышеописанные условия, рыночная цена приобретает качество экономически обоснованного индекса дефицита и становится способной направить весь производственный процесс

⁶¹ Прочитанная формулировка, которая фигурировала в качестве важнейшего лозунга программы общества частного права и рыночной экономики, завершает вторую часть Коммунистического манифеста К. Маркса и Ф. Энгельса. — *Прим. ред.*

в рыночной экономике на единую цель преодоления дефицита. При этом выраженная в рыночных ценах оценка дефицита осуществляется в похожем на плебисцит социальном, правовом и конвенционально институционализированном процессе нивелирования (а именно в образовании рыночных цен), не имеющем черт ни договорного согласия, ни авторитарного политического решения.

Рыночные цены — это такие управляющие сигналы, в формировании и оценке которых использовано и проанализировано больше естественной и социальной информации, чем в любой другой мыслимой модели регулирования. Это относится даже к рыночным ценам с сильно нарушенным ценообразованием, например, к монопольным или к так называемым неуравновешенным ценам, которые существуют в условиях односторонней или двусторонней олигополии или в двусторонней монополии. Хотя все эти атипичные или, вернее сказать, несоответствующие системе рыночные цены заключают в себе более или менее существенный и неприятный элемент хаоса, грабежа и социальной вражды, все же рамки их экономически неверных действий существенно уже, нежели в цене, продиктованной политикой и установленной декретом. Даже если допустить, что, декретируя цены, правительство стремится к нахождению социально справедливой и правильно регулирующей процесс производства цены, чего меньше ожидают на рынке от частных лиц или групп лиц, получивших возможность оказывать влияние на рыночное ценообразование, то следует учитывать, что и самое добросовестное и мудрое правительство обладает лишь крупницей той информации, которая сказывается на уровне рыночной цены, и даже монопольной цены. [...] Самое лучшее правительство, которое решает диктовать цены, никогда не сможет быть даже приблизительно осведомленным настолько, насколько осведомлен рынок, будь то рынок, в котором имеются сбои.

В этом месте наблюдения о системе регулирования рыночной экономики будут временно прерваны, хотя еще остались неосвещенными важные пункты. Для начала следует описать характерные особенности, я бы сказал, нормативные особенности косвенной техники регулирования.

При этом важно понимать, что функционирование системы управления рыночной экономикой имеет предпосылкой существование общества частного права. Все члены общества должны обладать статусом частной автономии, ничья частная автономия не может быть ограничена, никто не может иметь больше полномочий, чем предусмотрено частной автономией. Во взаимодействии при достижении своих целей и выполнении личных планов все должны довольствоваться теми возможностями, которые предоставляет частное право. Это значит, что частная автономия не должна содержать в себе ни крупницы приказа или принуждения. Все решения, для реализации которых требуется при-

менение силы, а также введение поголовной обязанности, должны быть выражением *volonté générale*⁶². Отдельными носителями *volonté générale* должны выступать государство или общины.

К задачам, которые и в рыночной экономике должны быть закреплены за *volonté générale*, относится все, что связано с процессом управления рыночной экономикой. Сколь бы ни было просторным в рыночной экономике свободное пространство частной независимости экономических авторов, нет сомнений, что и в рыночной экономике функция управления частным независимым планированием не должна находиться в зоне ответственности личной автономии.

Относительно этого тезиса никогда не имелось разногласий, если речь шла о порядке частного права, которое играет важную роль в управлении рыночной экономикой. Создание норм частного права представляет акт правотворчества. Реализуется ли этот акт в форме принятия решения о каком-либо законе или же в форме создания обычного права, не имеет значения. Далее, положения обычного права являются нормативными законами, обязательными для всех, им должны подчиняться члены правового общества независимо от их согласия с содержанием и действием какого-либо закона. Между тем, частная независимость, как отмечалось выше, не может распространяться на недобровольцев. Полномочие создавать общеобязательные нормы по своей природе является политическим, оно сильнее, нежели полномочие независимости какого-либо субъекта права, который сам отвечает за свои поступки. Кто пользуется таким полномочием, тот берет на себя ответственность за вторжение в личную сферу других. Поэтому применение таких полномочий должно определяться иными правилами игры, нежели действия в пространстве сугубой ответственности за самого себя, когда любое включение в это пространство третьих лиц допустимо только в случае правового согласия этих лиц.

Этот тезис относится и к тем элементам системы управления рыночной экономикой, которые не носят характер правовых положений. Особого внимания заслуживают два комплекса предупредительных мер.

Во-первых, меры, которые должны быть приняты, если стоит цель заменить цены, сформированные в ходе двусторонних переговоров, рыночными ценами, уровень которых есть результат процесса социального нивелирования, как описано теорией маржинализма. Сюда относятся, например, все усилия правительства, направленные на укрепление безопасности взаимодействия, повышение прозрачности экономических процессов, интенсификацию и универсальность распространения информации, расширение свободы и радиуса возможностей всех участ-

⁶² Общая воля (фр.) – аллюзия на политическую теорию Ж.-Ж. Руссо. – Прим. пер.

ников экономических процессов, и, прежде всего, на защиту свободы обмена мнениями, науки и дискуссий.

Другой комплекс предупредительных мер должен быть направлен на устранение или минимизацию воздействия на процесс ценообразования любых видов личной или частной социальной зависимости отдельных лиц или общественных групп. Это могут быть, прежде всего, меры законодательного или административного характера, целью которых является воздействие на форму рынка, т.е. создание благоприятных условий для как можно более эффективной конкуренции на рынках, противодействие образованию монополий и, если не удастся обеспечить действенной конкуренции, противодействие возникновению односторонних монополий путем введения других мер контроля и соперничества...

[...]

Далее, в задачи порядка и управления входит поддержание стабильности валюты, это чрезвычайно важно уже потому, что от стабильности денег зависит способность рыночных цен управлять процессом производства экономически правильно, борясь со спекулятивными сбоями и ориентируясь на общество.

Здесь стоит отметить на полях, насколько важно для функционирования системы управления, основанной на координации независимого частичного планирования равноправных членов общества, чтобы понимание архитектурных идей процесса управления стало достоянием народа, достоянием экономических акторов и их союзов, основанных на общей заинтересованности, а также достоянием правительства, парламентариев, воспитателей и журналистов. Не достаточно того, что со временем люди начнут лучше понимать порядок рыночной экономики, станут пользоваться им с более глубоким политическим пониманием и знанием, что теоретически обоснованные ожидания будут добросовестно сравнивать с достигнутыми результатами, что принципы и институты устоят перед серьезной критикой, прежде всего, критикой принципиальных противников этого порядка.

[...]

Нужно постоянно *тренировать* практическое взаимодействие людей в условиях этого порядка и по соответствующим правилам игры, заставляя их действовать по этим правилам. Эти правила должны войти в их плоть и кровь. Так происходит при любом социальном строе, при любой форме правления. Но в особенно сильной степени сказанное относится к такому порядку, который опирается на действия *тенденций к равновесию* — как это имеет место в случае рыночной экономики. Поскольку в любой ситуации, при которой стоит вопрос о достижении равновесия, действует правило, что недостаточно понять его тайну

теоретически; в гораздо большей мере оно достигается практическим, экспериментальным путем.

[...]

Несмотря на то что выполнение главных функций, а именно составление и исполнение планов по производству (и потреблению) рыночный порядок закрепляет за членами общества, принимающими такие решения независимо, частным образом, задачу *установления рамочного порядка* он возлагает на *государство*. Таким образом, имеет место, впрочем, как и в почти всякой сфере бытия, основанное на разделении функций взаимодействие между обществом и государством, между частной и политической деятельностью.

Правда, в обществе, основанном на принципах частного рыночного хозяйства, когда, соответственно, экономика работает в условиях рыночного порядка, эти функции распределены иначе, чем при системе централизованного планирования, в которой этому планированию подчинены все члены общества, так что планы становятся одновременно и *политическими задачами*, постановка которых вменяется государству, а лица, занятые в экономике, по крайней мере, в производственной сфере, превращены в послушных исполнителей политических указаний. В этом случае соотношение между государством и обществом имеет сильный перевес в пользу государства; общество можно сравнить с полым туловом при чрезмерно большой голове.

Однако в то время, когда отживающее феодальное общество с его привилегиями превращалось в общество частного права, такое противопоставление не рассматривалось. Никто из ученых или политиков даже не упоминал о нём за тысячелетний период, предшествовавший Великой французской революции. На самом деле это и есть подлинная альтернатива решению, которое предлагает рыночная экономика; и даже единственная альтернатива из числа тех методов производства и удовлетворения спроса, которые сегодня еще могут обсуждаться. Лишь по истечении длительного времени после того, как рыночный порядок был задуман, превратился в программу и был воплощен в практику, порядок, основанный на централизованном планировании, был задуман, превращен в программу, а три поколения спустя воплощен в некоторых странах. Таким образом, речь шла об историческом *ответе* на идеологическую концепцию рыночной экономики, созданном на основе самой резкой критики последней. Об этом будет также сказано ниже. Здесь же, для начала, зафиксируем то занятное обстоятельство, что в историческом плане рыночный порядок, понимание которого требует больше интеллектуальных усилий, чем понимание централизованного планирования, был задуман и реализован раньше, чем более простой, грубый и брутальный порядок централизованного планирования, который

базируется не более как на *принципе субординации*, применяемом в организации любого ведомства или предприятия, даже самого маленького, но прежде всего – в армии.

Для понимания исторической эволюции гораздо важнее представить себе экономический порядок, который существовал в период создания концепции рыночной экономики по выходу из тяжелой ситуации, когда рыночный порядок стал политической программой. Каким тогда было общество? Как разделялись функции общества и государства того времени? Какие изменения нужно было внести в структуру государства и во взаимодействие государства с обществом в тот момент, когда старое общество было преобразовано в общество частного права?

Исторический взгляд приводит к удивительному заключению, что эти вопросы ставились поразительно четко и теоретически продумывались еще до этого преобразования. Так называемая «буржуазная революция» – этим названием она обязана своим поздним социалистическим критикам, между тем как ее сторонники не заметили подвоха и не исправили такое название, – так называемая буржуазная революция приступила к своей задаче преобразования с ясным представлением об имеющемся порядке и с дальновидным прогнозом о своей собственной цели; она совершенно точно знала, чего хотела, и выразила свою прагматическую волю весьма ясно. Это относится не только к постулату создать общество частного права и к требованию включить в частную автономию индивида полномочия по налаживанию планирования предприятий и потребления, включая право заниматься профессиональной деятельностью любого рода, но также и к постулату ограничить государство обслуживанием и управлением рамками данного строя, а кроме того – к тем мерам, которые приняла революция, чтобы передать власть с учетом этих ее функций в правильные руки, организовать и ограничить ее, и, в конце концов, это относится к мерам, которые были приняты, чтобы обеспечить должное разделение функций между государством и обществом.

Во всех этих отношениях «буржуазная» революция обнаружила в обществе, государстве, а также на границе соприкосновения между обществом и государством следующие аспекты.

«Общество» было обществом многих уровней. Государство было абсолютной монархией. Взаимоотношения между полномочиями государства и автономными компетенциями представителей различных уровней общества в экономической сфере были довольно запутаны.

[...]

Для понимания этой путаницы, ставшей результатом компромиссов, которые были достигнуты в борьбе различных уровней общества между собой, а также в борьбе между высшим слоем общества и короной, сле-

дует, прежде всего, отметить тот факт, что специального представления о некоем «экономическом порядке» не имелось до тех пор, пока не были изучены взаимосвязи экономических процессов в рыночной экономике.

[...]

До этого ни народам, ни их политическим правителям, ни ученым было неведомо, что экономика — это процесс, нуждающийся в управлении (и поэтому фактически процесс, который управляется надындивидуально). Да, можно даже сказать, что до позднего Средневековья не было экономической политики в сегодняшнем понимании этого слова. По сути, лишь с эпохи земельных княжеств с их полицейскими и социальными функциями началось вмешательство в экономическую деятельность подданных посредством более или менее рационально продуманной системы, включавшей в себя отчасти стимулирующие, отчасти сдерживающие административные методы; подданных начали побуждать к экономическому поведению, нацеленному на преодоление дефицитов, и препятствовали поведению, которое мешает достижению этой цели. Специалисты по камерализму⁶³ пытались найти возможности повышения уровня жизни в государстве и систематизировать использование административных инструментов. В наборе этих административных инструментов далеко не последнюю роль играло наделение привилегиями за выплату налога и наделение правом на монополию. Правда, эти методы управления были привычными еще в более ранние эпохи, т.е. во времена, когда государство не проводило экономическую политику. Только тогда они применялись не для достижения целей экономикой политики, а сугубо для воплощения общественно-политической идеи.

Стоит рассмотреть эту идею, чтобы понять, как фактически в те времена управляли коммуникацией в экономической сфере, хотя никто не осознавал это и не интересовался этим.

Эта простая, примитивная идея заключалась в том, чтобы приспособить и интегрировать в существующую систему новый общественный слой, выпадавший из феодальной системы. Речь идет о среднем слое отпущенников, т.е. людей, которые сами были крепостными или происходили из крепостных, но более в рамках общественной системы не имели над собой господина, хотя и не принадлежали к правящему классу, поскольку сами не имели крепостных. Это был слой просто «свободных» людей, которые зарабатывали на хлеб кто наемным трудом, а кто — в городах ремеслом или торговлей вразнос. Их отношения с представителями старых сословий, правящим и зависимым сословием, регулировались только частным правом, которое, впрочем, тогда лишь восполняло

⁶³ Камерализм — наука о проблемах управления государственными финансами, получившая развитие в Германии в середине XVII — начале XVIII в. — *Прим. ред.*

пробел в системе и не давало социального статуса, поскольку «личная независимость» не была в то время легитимным статусом.

Таким образом, обществу, состоявшему из двух классов, необходимо было каким-то образом включить этих людей в свою систему. Это было сделано созданием нового сословия, занявшего промежуточное положение между правящим и зависимым сословиями. Это сословие назвали горожанами. Видимо, во все времена оно делилось на две части, а именно, на «состоятельных» горожан и, вероятно, много более многочисленную бедноту, из которой рекрутировались средневековые наемники, бродяги и бездомные, нищие в деревнях и городах, о ком в те времена заботилась прежде всего церковная благотворительность.

Опасения феодального сословия и власти концентрировались, конечно, на состоятельной части горожан, занимавшей сильные позиции в экономике, особенно на владельцах предприятий и купцах, т.е. на том слое свободных людей, которые могли представлять угрозу для высшего феодального сословия. Угроза заключалась в том, что это сословие превращалось в рассадник плутократической элиты, которая позже могла стать конкурентом феодального высшего сословия рыцарского и поместного дворянства. Таким образом, целью было по возможности эффективнее и сильнее ограничить образование дохода от промыслов и ремесел, и в особенности воспрепятствовать возможности получения любого рода прибыли от инвестиций из накопленного капитала.

Это было сделано за счет того, что государственная власть [...] обеспечила себе право объявлять генеральный запрет на все свободные профессиональные и промысловые виды деятельности, т.е. эта деятельность была поставлена в зависимость от получения привилегий со стороны власти. Таким образом, государство определяло, кто может участвовать в процессе производства; это решение принималось не в рамках общества. Право основывать предприятия, руководить ими и работать на них не было составляющей личной независимости, так же как и порядок частного права не имел ранга общественного порядка и применялся, как уже было отмечено, лишь для восполнения недостающих функций общественного порядка. Привилегии предоставлялись либо непосредственно отдельным ремесленникам, либо ремесленным корпорациям (торговым гильдиям, гильдиям ремесленников), которые в этом случае получали право принимать решения о членстве, формулировать в своих уставах условия допуска к занятию тем или иным ремеслом, а также определять объем деятельности. [...]

В течение столетий практика наделения привилегиями была такова, что предписывались жесткие нормы относительно установленных, малых размеров предприятий и традиционных технологий производства. Даже когда со временем, в особенности при предоставлении права

на монополию влиятельным господам и обществам, этих удушающих правил перестали придерживаться, то изначально не по экономико-политическим причинам, например, не для развития ремесленного производства, а по фискальным мотивам. Поскольку не только сборы, которые уплачивались за получение привилегий, но и, прежде всего, ожидание ответных услуг от тех, кто получил привилегии (кредит на ведение войны, выборы кайзера и другие цели) представляли собой неотъемлемый и излюбленный источник финансирования. Лишь с эпохи меркантилизма выдача привилегий превратилась в инструмент осознанной экономической политики. С тех пор при выдаче привилегий отказались от удушающих сборов; исключительный характер увеличил ценность привилегий для владельцев мануфактур, которые стремились к их получению, поскольку уверенность, что такие же привилегии не даны конкурентам, давала им гарантию монопольного сбыта.

Во времена меркантилизма правительство занималось развитием экономики, бюрократическими и полицейскими мерами стимулируя частную инициативу или, напротив, препятствуя ей там, где она была нежелательна, однако власть ни в коей мере не занималась централизованным управлением. Веку дорыночной экономической политики было чуждо представление об экономическом регулировании.

Если мы зададимся вопросом, как же на самом деле регулировалось обеспечение нужд населения в эпоху до введения свободы промышленности, т.е. до введения рыночной системы, то придем к едва ли не тривиальному открытию. Та экономика фактически была рыночной. [...]

Однако то была рыночная экономика с крайне ограниченной независимостью ее участников. Торговцы и ремесленники не могли продавать свой товар тем, кому хотели; круг клиентов был им предписан нормами и уставом. Они не могли выбирать технологию производства и вынуждены были ограничиваться традиционной технологией, они не могли превысить заданный размер производства. Число занятых (учеников и подмастерьев) было предписано нормами и уставом. Запрет на взимание процентов, осложнявший кредитное обращение, препятствовал выпуску товаров с избытком (для рынка). Возможность самофинансирования была исключена из-за полицейского установления цен, которое ориентировалось на потребительские потребности производителя и его семьи и разницу в их доходах и расходах, которые были рассчитаны так, чтобы потребность в инвестициях не возникала.

[...]

Феодалному обществу удивительно хорошо удалось с помощью системы привилегий отвести от феодальной элиты угрозу, возникшую из-за зарождения промежуточного класса свободных индивидов, которые не принадлежали к правящей элите и были независимы от феодального

класса. Едва этим индивидам удалось освободиться от власти баронов, как они ясно почувствовали, что по-прежнему остаются подданными короля. Король, который в феодальном государстве обычно связан с феодальной элитой намного теснее, нежели чем со слоем безземельных крестьян, принадлежащих его князьям, используя монаршую прерогативу в области торговой, производственной и денежной политики, самым эффективным образом интегрировал в многоклассовое общество новый класс, который одним своим существованием ставил под угрозу всю феодальную систему. С помощью системы привилегий внутри класса свободных людей были, во-первых, созданы сословные привилегии, т.е. возник слой привилегированных предпринимателей, который имел более высокий социальный статус, лучшее и более стабильное пространство для жизни и деятельности как по сравнению со слоем крепостных крестьян, так и по сравнению со свободными непривилегированными бедняками. Наряду с духовенством, привилегированная часть горожан была самой близкой к феодальному сословию. Однако в политическом и социальном отношениях этот слой занимал в феодальном обществе полностью подчиненное положение. Хотя он был крайне жестко и эффективно ограничен законом, нормами, полицейскими предписаниями цен, запретом на взимание процентов и условиями по использованию своих активов, казалось, что его представители были удовлетворены своим экономическим положением и согласны с местом, отведенным им в средневековом феодальном обществе. При этом в руках горожан, занимавшихся производством, не было крупных состояний; наоборот, делалось все, чтобы их состояние оставалось незначительным. Богатство, и очень большое богатство, концентрировалось в феодальных семьях. Но для них, так же, как и для горожан, занимавшихся промыслами, их скромное состояние не было источником дохода; оно было предназначено исключительно для того, чтобы обеспечивать образ жизни, отвечающий статусу представителей данного сословия. Аристократия не вкладывала средства в производство товаров на ремесленных предприятиях, отчасти по причине запрета на взимание процентов, отчасти из-за классового высокомерия, поскольку занятия такого рода не были уделом господ, отчасти из-за инстинктивного чувства, что тот, кто хочет закрепить власть на основе подчинения, должен заниматься прежде всего укреплением своей власти и развивать необходимые для этого военные и силовые навыки, умение приказывать («Находить во власти счастье должен повелитель»; Гёте, Фауст II⁶⁴); такая жизненная установка несовместима с трепетом при чтении курсовых бюллетеней. Колоссальный доход феодалов по-

⁶⁴ Цитата приведена по переводу Н. Холодковского, часть 2, действие 4 «Фауста». У Ф. Бёма неточное цитирование. В тексте его статьи: «Wer befehlen will...» – «Кто хочет повелевать», у Гёте: «Wer befehlen soll» – «Кому должно повелевать». – *Прим. ред.*

ступал не от землевладения, а непосредственно и неприкрыто от исполнения крестьянами их прямой обязанности отдавать дань, причем эта обязанность имела единственное обоснование в том факте, что предки крестьян в незапамятные времена были завоеваны, подчинены и разграблены предками феодалов. Но и слой горожан, занимавшихся промыслом, не инвестировал свое небольшое состояние в производство: в чужие предприятия — не из-за запрета на взимание процентов, а в собственные (если не принимать в расчет скромные инвестиции в поддержание предприятия) — не из-за запрета на введение прогрессивных технологий, увеличение размера предприятия и числа занятых на нем, не из-за запрета на новое производство и на локальное расширение клиентуры. Доход и состояние этих горожан также служили исключительно для поддержания соответствующего социальному статусу образа жизни, который, в отличие от потребительских привычек господствующего слоя, определялся установленными сверху нормами.

Таким образом, совершенно справедливо высказывание из I части «Коммунистического манифеста»: «Неизменное сохранение старого способа производства было, напротив, первым условием существования всех предшествующих ей промышленных классов»⁶⁵. Неточен и даже неверен оборот «условие существования».

[...]

Никогда в истории ни один слой населения, занимавшийся «промышленностью», самостоятельно не приходил к идее, будто его существование зависит от того, чтобы сохранять в застывшем виде способ производства, а не подстраивать его к платежеспособному спросу, используя существующие технические достижения. Сохранение в неизменном виде «старого» способа производства господствующим феодальным слоем и связанным с этим слоем королем в большей степени возложено на тот новый слой непослушных верноподданных, который только и занимался «промышленностью», а именно как условие того, что его представители будут допущены к ремесленной деятельности. Если бы представителям слоя привилегированных ремесленников не было навязано сохранение технологии, существовавшей на момент возникновения этого свободного слоя, если бы им разрешили при создании предприятий, выборе вида деятельности и поиске возможностей сбыта воспользоваться свободой перемещения, которую предоставляет частное право — и уже предоставляло к тому времени —, то этот класс за несколько поколений совершенно разрушил бы феодальную систему.

[...]

⁶⁵ Цит. по: Маркс К., Энгельс Ф. Коммунистический манифест. М., Л.: Госизд, 1930. — Прим. ред.

Если какой-либо слой в феодальном государстве и имел повод стремиться к насильственному уничтожению феодального господства и отважиться на мятеж, так это было крестьянство – слой лично зависимых. Однако только отмена крепостного права и феодальных повинностей не могла бы помочь крестьянам. Вследствие такой частичной реформы изменился бы лишь правовой режим зависимости, и феодальная власть над землей и людьми просто превратилась бы в частную собственность на землю. Лично зависимые крестьяне превратились бы в арендаторов на правах частной автономии. Это юридическое освобождение крестьян от феодалов означало бы освобождение феодалов от безземельных крестьян. Феодалы имели бы в таком случае право расторгать договоры аренды и превращать свои земли в крупные хозяйства. Именно это и происходило в Англии после фактической отмены крепостного права.

[...]

Итак, крепостные крестьяне эпохи феодализма должны были бы идти до конца и настаивать на том, чтобы их господа лишались не только своих феодальных прав, но и своей земли. То есть это означало бы полное аннулирование результатов сословного расслоения общества, произошедшего в седой древности. [...] Но в такой революции еще надо было победить. Это, похоже, не удалось крестьянству ни в одну эпоху и ни в одной стране. Лишь революции, произведенные промышленными рабочими и только поддержанные крестьянами, как например, русская в октябре 1917 г., оказались в состоянии экспроприировать земельных собственников. Победившие в этих революциях могли бы воспользоваться своей властью для распределения экспроприированных земель между крестьянами, т.е. между теми, кто на протяжении столетий занимался сельским хозяйством, пусть даже и на чужой земле. Победители даже это обещали, но нигде и никогда не выполняли обещанного. В реальности экспроприированные земли перешли частью в коллективную, частью – в государственную собственность. На них были созданы, в основном, крупные сельскохозяйственные плантации с наемной рабочей силой, где надсмотрщиками были политически обученные функционеры, стоявшие во главе кооперативных или государственных хозяйств и выполнявшие указания центральных плановых органов.

Привилегированные ремесленники отличались от крепостных крестьян феодальной эпохи [...], прежде всего, тем, что были подлинными собственниками своих предприятий. Однако не их собственностью и не их частной автономией было обусловлено право на занятие ремеслами и на управление своим предприятием, а предоставленными им соответствующими привилегиями. Тот, кто хотел стать владельцем уже существующего предприятия, обязан был, таким образом, всегда делать два приобретения – купить предприятие у прежнего владельца и получить от

уполномоченной высшей инстанции привилегию. Прежний владелец или его наследники требовали уплаты продажной цены, а уполномоченная инстанция, во-первых, требовала уплаты пошлины за привилегию, во-вторых, детально регламентировала посредством патентов и предписаний полицейского характера способы и методы хозяйствования. Представители слоя привилегированных ремесленников в силу гарантированного частным правом статуса владельцев своих предприятий находились в более благоприятном положении для выдвижения революционных требований, поскольку могли ограничиться исключительно требованиями отмены выдачи привилегий. В этом случае они получали бы полную и неограниченную свободу приложения капитала и выбора методов производства. Правда, при этом они бы утратили связанные с привилегиями исключительные права, т.е. свое монопольное положение, и были бы вынуждены конкурировать со множеством соперников. [...] Перспективы такого риска, несомненно, вызывали значительное беспокойство большинства обладателей привилегий в XVIII в., и вероятно, не будет ошибочным предположение, что в той мере, в какой экономические и экономико-политические мотивы сыграли свою роль в «буржуазных» революциях, слой придворных советников, обладавших большим практическим опытом и теоретической подготовкой, был заинтересован в установлении свободы промыслов (или, что то же самое, в отмене промысловых привилегий) в большей мере, чем наделенные этими привилегиями владельцы мануфактур. Ведь то, чего желали последние, а именно свободной реализации предпринимательской инициативы, им, как правило, щедро предоставляли правительства, осуществлявшие выдачу привилегий, и подготовленные в традициях камерализма чиновники, так что владельцы мануфактур должны были скорее опасаться отмены привилегий, чем уповать на нее. Тот, у кого были деньги, мог в то время рассчитывать на удовлетворение своего ходатайства о предоставлении привилегии, а у того, кто денег не имел, положение в случае отмены привилегий не улучшалось, поскольку без денег предпринимательская инициатива не могла быть реализована ни в эпоху привилегий, ни в последующую эпоху свободы промыслов.

[...]

Идея преобразования многоступенчатого общества в общество равноправных и одинаково свободных людей ориентирована ни больше ни меньше как на общество, в котором были бы запрещены угнетение и эксплуатация человека человеком. Здесь нас не должен занимать вопрос о том, была ли эта идея тщательно продумана и была ли она — и если да, то в какой мере — реализована на практике. В рамках наших рассуждений достаточно будет, прежде всего, уяснить, что установление равенства следует начинать с уничтожения неравенства в правах. Для этого

необходимо было отменить права, которые происходили из сословного разделения общества или предопределялись тенденцией к сохранению его сложившейся структуры.

Важнейшими из этих подлежащих отмене прав были, с одной стороны, права феодального господства (вместе с представляющим их институтом крепостной зависимости земледельцев) и, с другой стороны, привилегии ремесленников, возникшие значительно позже и имевшие целью интеграцию в двухступенчатое общество группы индивидов, выпавшей из системы крепостной зависимости. Отмена крепостного права должна была нанести удар непосредственно по господствующему общественному строю и ознаменовать его закат. Отмена же ремесленных привилегий затрагивала феодальный слой лишь косвенно, поскольку между его представителями и свободными (привилегированными) ремесленниками отсутствовали правовые отношения зависимости. Сколь бы ни соответствовал данный институт интересам феодального слоя, ликвидация его никак не затрагивала правовой статус феодала. Напротив, предоставление привилегий всякий раз обосновывало отношения правового характера между обладателем привилегии и государственной властью. Отмена института привилегий должна была, следовательно, означать лишение государственной власти вполне определенных административных полномочий, вполне определенных властных прерогатив, а также принципиальное закрепление за правом на предпринимательство статуса составного элемента частноправовой автономии. Это означало предоставление предпринимателям полномочий субъектов частного права в сфере планирования и осуществления своей деятельности. Впредь всякое вмешательство государственной власти в этих областях должно было рассматриваться с точки зрения конституционного права как вторжение в гарантированную частным правом сферу индивидуальной свободы. А для реализации этого права государственная власть нуждается в конкретных полномочиях, вытекающих из подлинного, т.е. распространяющегося на все явления одного порядка, закона универсального действия. В ходе разделения компетенций в части составления планов между государством и членами общества право принятия решений о создании предприятия и определения программы его деятельности должно было перейти в руки субъектов частного права, а не государственной власти. В тех же случаях, когда возникает необходимость коррекции частных планов со стороны государства, оно ни в коем случае не должно прибегать к практике предоставления привилегий, поскольку этот институт скомпрометирован тем, что способствовал сохранению феодального общества и присущего ему сословного расслоения.

Следует признать, что уничтожение промысловых привилегий первоначально стало составной частью плана уничтожения феодального общества,

прежде чем возникли соображения экономико-политического характера. До того, как эти соображения обрели силу, по-видимому, не существовало четкого понимания того, в какой мере допустимо вмешательство государственной власти в управление экономическими процессами. Существовало лишь определенное представление о том, какие средства правительство не должно использовать при выполнении этой задачи и какие цели при этом оно не должно преследовать. Лишь после философских и экономических исследований вопроса о том, какие процессы происходят в рыночной экономике сами по себе и где следует воздержаться от административного вмешательства, был сформулирован, уже исходя из экономико-политических и теоретических представлений, постулат, согласно которому правительство должно воздерживаться от всякого интервенционизма и ограничиться установлением и поддержанием хозяйственного порядка, а также удовлетворяться ролью нейтрального третейского судьи.

Научные взгляды, которые подвели к такому постулату, естественно встречали живейшее одобрение поколений, мечтавших о свободном обществе автономных граждан, в котором нет места угнетению и вымогательствам. Поскольку эти идеи послужили обоснованием — уже с точки зрения целесообразности — следующих трех целей революции:

1. Установление частноправового общества.
2. Распространение государственной власти на всех членов частноправового общества.
3. Освобождение государства от значительной части выполняемых им задач. Ограничение государственных функций должно предоставить народу как суверену возможность эффективно использовать свою суверенность и реально контролировать назначенное парламентом правительство, чтобы в рамках государственной иерархии не смогли сформироваться новые властные группировки, которые в силу своей профессиональной незаменимости были бы независимыми от правительства.

Нельзя допустить, чтобы в общественном пространстве образовывались подобные **социальные** властные позиции, которые делают возможными угнетение и эксплуатацию. От этой опасности народ должен быть защищен с помощью механизма рыночного ценообразования и конкуренции, посредством ликвидации всех социальных привилегий, предоставлению каждому члену общества, чьими услугами или имуществом должны пользоваться, справедливого эквивалента через заключение договора о возмездном обмене. Но точно так же недопустимо образование **частных** [здесь и выше в данном абзаце выделено переводчиком] позиций в рамках государства. Этому призвано противодействовать расширение демократического контроля, всеобщее избирательное право, подотчет-

ность правительства парламенту, но прежде всего, ограничение круга задач государственной власти, концентрация ее на создании и поддержке рамок хозяйственного порядка. Было начато исполнение тщательно продуманного плана, охватывающего как единое целое общество, государство и механизм их взаимодействия. Никто не мог предположить в XVII—XVIII веках, когда происходило зарождение и становление этой концепции, что ее позднейшие критики, которые сами стремились к построению общества, свободного от угнетения и эксплуатации, «в котором свободное развитие каждого является условием свободного развития всех», заявят, что она является беспринципной системой угнетения, обслуживающей интересы нового эксплуататорского класса.

Впрочем, когда уже в первой половине XIX века этот упрек был с удивительной силой критического анализа обоснован и с пафосом беспримерно яростного обвинения брошен сторонникам рыночной экономики, то причиной этого стала вполне определенная особенность рыночно-хозяйственного общественного уклада. Хотя, вероятно, эту особенность изначально осознавали те, кто дал теоретическое обоснование рыночной системы, однако никому не дано было предугадать ее общественную значимость, представить себе тот вид, который она приобретет после утверждения частноправового общества и подчинения ему государства, а также ее влияние на общественный климат.

Указанная особенность заключалась в плутократическом характере нового общества. На смену свойственному феодальной системе различию между кастой господ и лично зависимыми пришло различие между бедными и богатыми. Прежде всего, это — различие между общественным классом тех, чей единственный источник дохода — продажа собственной рабочей силы, и классом тех, кто извлекает доход, предоставляя часть своего имущества для использования в качестве капитала в процессе производства (т.е. получающих процент на капитал). И этот доход столь велик, что им нет необходимости прибегать к продаже своей рабочей силы.

Если бы этот зажиточный слой представлял собой слой рантье, тратящих доход на потребление или даже направляющих оставшуюся его часть на образование дополнительного имущества полезного свойства, то, возможно, социальная, политическая и морально-этическая реакция свелась бы к осуждению неравенства доходов и имущества, возникающего в результате рыночного распределения. Однако общество с рыночной экономикой характеризуется не только тем, что представители зажиточного слоя могут удовлетворять свои чрезмерные потребности. Перед ними открываются совсем иные возможности — производительной деятельности в общественном пространстве. Эта важнейшая социальная задача для энергичного, умного, смелого, наделенного творческой фантазией и организаторскими талантами человека, которая

заключается в том, чтобы сочетать в различных комбинациях собственный и чужой капитал, свою и чужую рабочую силу для обеспечения производственного успеха, иными словами, задача предпринимателя, которая предполагает — коль скоро речь идет об управлении немалым предприятием — наличие значительного состояния. Поскольку в частноправовом обществе каждый, кто вынужден пользоваться чужим имуществом и услугами других лиц для реализации своих частных планов, должен заключать возмездные договоры обмена, которые превращают его в кредитора, имеющего право требования в отношении соответствующих услуг, и в должника, обязанного обеспечить встречное вознаграждение. В своем качестве должника он должен в соответствии с нормами частноправового порядка своевременно осуществлять расчеты по заработной плате, платить поставщикам и выплачивать проценты по кредиторам. Причем делать это он должен на регулярной основе и в сроки, которые существенно опережают момент получения им выручки от продажи производимых его предприятием товаров, и совершенно независимо от того, приносит ли его деятельность прибыль или убытки. По этой причине человек, желающий заниматься предпринимательством, не может рассчитывать на привлечение работников, поставщиков и кредиторов, если не обладает состоянием, позволяющим указанным субъектам предполагать, что даже в том случае, если предприятие не будет преуспевать, им в достаточной степени гарантирована выплата заработной платы, продажной цены, процентов и основной суммы займа.

Те представители зажиточного слоя, которые занимаются предпринимательством, заслуживают в социальном смысле более уважительного к себе отношения, чем рантье, живущие на процент с капитала и ухитряющиеся даже при самых изощренных потребительских запросах богатеть день ото дня. Поскольку тот, кто осуществляет предпринимательскую деятельность, на свой страх и риск выполняет наиболее важную социальную функцию, какая только существует в рамках рыночного хозяйственного порядка. Более того, вкладывая в свое предприятие собственный капитал и свой труд, он отказывается от юридически обоснованных притязаний на получение процентов за временное отчуждение части своего имущества и даже на возврат инвестированного капитала на оплату своего труда. Итак, вместо того, чтобы в виде ссуды вложить свое состояние в чужое предприятие, предложить опять-таки чужому предприятию за высокое вознаграждение свои предпринимательские способности и рабочую силу и в обмен на все это получить статус кредитора со всеми связанными с этим гарантиями, предприниматель приносит все эти возможности в жертву *au fonds perdu*⁶⁶ ради удовольствия лично заниматься

⁶⁶ Безвозвратно (фр.). — Прим. пер.

предпринимательством. Единственным источником его доходов тогда становится предпринимательская прибыль, т.е. ежегодное превышение поступлений над расходами, если таковое имеет место. [...]

Следует признать, что осуществление собственной предпринимательской деятельности с общественной точки зрения является наиболее достойным делом, которому может себя посвятить человек с большим состоянием, это — занятие, позволяющее узаконить в социальном смысле обладание большим богатством и оправдать в социальном, рациональном и моральном плане общественный порядок, допускающий и даже провоцирующий существенные различия в уровне доходов и состояний. В любом случае, как свидетельствует опыт, большое число представителей состоятельного класса вынуждены лично заниматься предпринимательством, а те, кто этого не делает, направляют на инвестиции значительную часть своего состояния и, кроме того, часть доходов. Разумеется, они поступают так потому, что такая деятельность обещает им получение отчасти материальной прибыли, отчасти удовлетворения от приложения собственных сил и способностей. Если же отвлечься от личности и перенести фокус внимания на общественный и государственный порядок, то нельзя не признать, что по сравнению с частно-правовым порядком и соответствующей ему хозяйственной системой ни один известный в истории уклад не смог обеспечить сколь-либо близких по масштабу успехов в деле привлечения состоятельной части общества к участию в производственном процессе (феодалы, например, испытывали к нему глубочайшее презрение и отвращение) и инвестированию в этот процесс почти всего своего богатства. Беспрецедентно высокая степень высвобождения производительной энергии, которой удалось достичь этому координационному порядку, отмечалась даже авторами «Коммунистического манифеста».

Несмотря на это, обвинения по поводу плутократического характера рыночного распределения доходов предъявляются, в первую очередь, предпринимателям, а не богатым рантье. Возможно, потому, что предприниматели представляют собой как бы активную элиту всего имущего класса. Но в первую очередь, это, вероятно, объясняется тем обстоятельством, что их интересы со всей очевидностью противостоят интересам наемных работников: заинтересованность в более высокой предпринимательской прибыли равнозначна заинтересованности в наименьшем уровне заработной платы. Кроме того, предприниматели являются теми представителями имущего класса, которые противостоят рабочим на предприятии в качестве руководителей согласно договору найма, а на рынке труда — в качестве носителей спроса, наделенных правом распоряжения рабочими местами, т.е. они обладают, как говорят, особенно сильной переговорной позицией.

Если исходить из этой критики, «буржуазная» революция представляет собой не освободительное явление, а процесс нового порабощения. На смену древнему эксплуататорскому классу вояк-аристократов якобы приходит современный эксплуататорский класс, члены которого маскируются под частных лиц и на своих рабочих надевают маску партнеров по договору. Но на деле они якобы отличаются от рабовладельцев лишь тем, что им не приходится покупать своих рабов, а потому они не заинтересованы в поддержании их рабочей силы. Происходит якобы лишь смена техники эксплуатации и угнетения и доведение ее до высшей степени совершенства.

В то же время члены имущего класса рассматриваются как некая коллективная сущность. Хотя цель «буржуазной» (*bürgerlichen*) революции состояла в том, чтобы превратить всех людей в граждан (*Bürger*)⁶⁷, т.е. в равноправных членов общества и носителей государственного суверенитета, уничтожив в этих целях феодальные права господства и угнетенное положение людей, находящихся в личной зависимости, определение *Bürger*, стало употребляться лишь применительно к меньшинству зажиточных членов общества. С помощью такой терминологической уловки удалось исказить и высмеять цели и задачи Французской революции, приписав ей «буржуазный» характер. Говорили при этом о «крупной буржуазии» и «капиталистах». Пользование правом приобретать всевозможные товары со всего света, в том числе инвестиционные, например машины и инструменты, представлялось как процесс нового расслоения, при этом проводилась параллель с brutальным вооруженным покорением земледельческого народа дикими кочевниками или македонскими налетчиками с последующим разделом земель и людей между соратниками короля-завоевателя. Утверждение о том, что и здесь речь идет о массовой эксплуатации и угнетении, опиралось на изощренные теории стоимости. В результате с высочайшим драматизмом и наглядностью удалось демонизировать понятия «крупная буржуазия», «частная собственность», «прибавочная стоимость», «эксплуатация» и представить процесс установления власти буржуазного эксплуататорского класса над неимущими — с использованием совершенно безобидной и честной техники гражданского права — в виде подлинно апокалипсического, преисполненного трагическим насилием спектакля. Из научно-философской критики программы получилось объявление революционной войны социальному классу. [...]

Сторонники рыночной экономики проблему эксплуатации видят в ином свете.

⁶⁷ Слово *Bürger* имеет в немецком языке два значения — «гражданин» и «буржуа» («бюргер»), т.е. во втором значении им обозначается только представитель третьего сословия, а не всего общества. — *Прим. пер.*

По их мнению, у предпринимателей действительно может существовать возможность для эксплуатации работников путем выплаты им чрезмерно низкой заработной платы. Но эта возможность имеется не всегда, она возникает лишь при наличии определенных предпосылок, которые могут быть выявлены и описаны. При всем при этом, если предприниматель способен намеренно создавать такие предпосылки, то существует возможность как у рабочих прибегнуть к самопомощи, так и у законодателей, правительства или судов воспрепятствовать таким действиям работодателя или — если им соответствующие меры уже приняты — добиваться их отмены. Если же возможность эксплуатации предопределяется социальными, политическими или природными обстоятельствами, которые могут возникнуть только вследствие совместных усилий членов общества, посредством принятия законодательных и административных актов или принятия международных договорных обязательств, то должны быть предприняты усилия по исправлению ситуации, благоприятствующей эксплуатации. Речь в данном случае идет об одной из самых неотложных задач общества и государства. Она известна давно, и к ее решению уже приступили. Можно спорить о том, в какой мере ее действительно удастся решить. Однако можно сказать, что данная угроза в настоящее время гораздо менее актуальна. Напротив, возникла опасность противоположного свойства, а именно угроза снижения темпов роста общественного продукта вследствие завышенного уровня заработной платы, т.е. превышения уровня, отражающего дефицитность рабочей силы как товара. Предположение о том, что, возможно, практическое решение задачи устранения угрозы эксплуатации, может быть подкреплено научными аргументами и подтверждается процессом исторического развития. Частноправовое общество в сочетании с демократически конституированным правовым государством благоприятствует созданию структуры общества, при которой попытки одних социальных групп эксплуатировать другие социальные группы становятся совершенно бесперспективными и даже опасными для их инициаторов и одновременно активно поощряются в обществе и государстве тенденции, усиливающие нетерпимость по отношению к таким попыткам.

Сторонники рыночной экономики выступают, помимо прочего, против двух утверждений ее противников. Первое из них заключается в том, что частная собственность на средства производства порождает одностороннюю зависимость работников от собственников капитала и предпринимателей. Согласно второму утверждению, производное от частной автономии, частной собственности и свободы промыслов право собственника на получение доходов от инвестирования своих имущественных ценностей в процесс производства является по природе своей правом, основанным на эксплуатации, поскольку эти доходы

создаются рабочими людьми, т.е. представляют собой созданные трудом стоимости⁶⁸.

Остановимся сначала на первом из упомянутых утверждений. Поскольку рыночный хозяйственный порядок позволяет, согласно этой логике, приватизировать блага, по праву принадлежащие обществу, то он оставляет частным лицам, обладающим достаточным для приобретения средств производства состоянием, возможность уклониться от предоставления этих средств производства для нужд производства и тем самым отказаться от найма неимущих частных лиц, вынужденных ради поддержания собственного существования продавать свою рабочую силу. Обладание частной собственностью означает, можно сказать, возможность блокирования инвестиций путем простого бездействия. Тогда можно будет спокойно наблюдать, дожидаясь приемлемой цены, которую люди будут готовы заплатить за то, чтобы такое бездействие было прервано. [...] Затрачивая минимум усилий, можно заработать гораздо больше, чем зарабатывает квалифицированный работник своим утомительным трудом, требующим к тому же высокого уровня образования. [...]

Утверждению, выводящему эксплуататорский характер доходов от использования собственности из социально-паразитического характера частной собственности, сторонники рыночной экономики противопоставляют следующую аргументацию.

Инвестирование в производственный процесс представляет собой функцию, которая должна выполняться во всякой хозяйственной системе, причем должна отправляться людьми, т.е. посредством волевых решений индивидов. Коль скоро отправление этой функции членами частноправового общества в силу их частной автономии вызывает неприятие, следует позаботиться о том, чтобы она была передана в руки уполномоченных обществом лиц, которые соответственно занимаемой должности будут выполнять ее на основе указаний наделенной правом принятия решений, т.е. политической плановой инстанции. Если такой эксперимент будет проведен, следует дождаться его результатов и сравнить их с результатами, полученными в рыночной системе хозяйствования. Если окажется, что издержки функционирования общественного механизма инвестирования и планирования ниже, чем сумма частных доходов на капитал в рыночной экономике, или, говоря иначе, если жизненный уровень окажется в этом случае выше, чем в рыночной экономике, то утверждение о паразитической или эксплуататорской природе частных доходов от вложений капитала следует признать доказанным. Оно будет обосновано, по крайней мере, величиной «прибавочной стоимости», т.е. суммы, на которую «капиталистические» доходы на капи-

⁶⁸ В оригинале – Werte, что дословно переводится как ценности. – *Прим. пер.*

тал превысят инвестиционные издержки централизованного планового хозяйства, ориентированного на максимально полное удовлетворение потребностей всех — или как минимум — работающих членов общества.

Если на эту аргументацию последует возражение, что высшая плановая инстанция должна принимать во внимание не только обычные потребности индивидов, но и сверх того — потребности общества в целом и его политического аппарата, то следует в ответ указать на то, что и в странах с рыночной экономикой социальный продукт должен использоваться на удовлетворение как индивидуальных, так и общественных потребностей. [...]

Если же на практике будет доказано, что издержки, связанные с выполнением своей новой задачи государством бесклассового общества, т.е. административным аппаратом, отвечающим за централизованное планирование и последующую реализацию планов, окажутся непомерно высокими [...], то это будет означать, что частные собственники удовлетворяют потребности в капитале и его расширении с меньшими издержками и более экономично. Это будет также означать, что при выборе объектов приложения предоставленного в их распоряжение капитала под давлением рыночных цен, отражающих уровень дефицитности товаров, частный собственник способен в более полной мере и с лучшей информированностью учитывать интересы общества, чем это может происходить — и в любом случае имеет место на практике — в централизованно планируемой экономике. Тогда следует признать несостоятельными упреки в паразитическом характере и эксплуататорской сущности частной собственности. Если социальный климат в обществе с рыночной экономикой, в котором выдвинуто требование равных прав и равной свободы для каждого, все еще испытывает негативные последствия того, что доступ к выполнению общественно важной функции инвестирования, которое при любой системе остается делом меньшинства, регулируется плутократическим способом отбора, а не системой политического ведомственного распределения и борьбы за политическое влияние, то рыночное решение все же может претендовать на большую рациональность и целесообразность. Претендовать еще и потому, что оно предоставляет в распоряжение подавляющего большинства членов общества, располагающих лишь собственной рабочей силой и не имеющих возможности осуществлять инвестирование, значительно большую часть общественного продукта, чем любая другая экономическая система. Не говоря уже о том, что рыночная хозяйственная система развивается как в направлении, обеспечивающем максимизацию общественного продукта, т.е. максимально возможного преодоления дефицитности, так и в направлении оптимального с точки зрения удовлетворения индивидуальных потребностей распределения этого продукта между

потреблением и инвестированием, а также оптимального учета индивидуальных потребительских решений благодаря сигналам своеобразного плебисцита.

[...]

Столь же легко может быть опровергнут упомянутый первым тезис противников рыночной экономики, будто работники, которым приходится рассчитывать только на наличие рабочих мест, попадают в одностороннюю зависимость от инвесторов капитала, если инвестирование передается в руки частных собственников. Здесь следует сразу обратить внимание на то, что в обществе, основанном на отношениях обмена, все участники обмена друг от друга взаимозависят. При идеально функционирующей на обеих сторонах конкуренции и нейтральной стабильной стоимости денег цены обмена отражают лишь социально интерполированную степень дефицитности обмениваемых благ. При этом прибыль может быть получена только за счет применения прогрессивных достижений в области организации или технического знания для лучшего, чем до этого, преодоления дефицитности, а вовсе не за счет использования какой-либо из сторон рынка специфических преимуществ своего положения.

Разумеется, реальные формы рынка не соответствуют идеальной картине конкурентного, свободного от каких бы то ни было изъянов рынка. Однако, во-первых, несовершенство свойственно всем институтам всех существующих или возможных порядков. Во-вторых, рыночной экономике свойственна тенденция к расширению рынков, повышению степени транспарентности и мобильности субъектов хозяйствования, и вместе с этим сужаются фактические возможности для возникновения партикулярных ситуаций эксплуатации, равно как и уменьшается психологическая к ней предрасположенность, а также снижается интенсивность эксплуатации. Чем больше получится приблизить «партитуру» рыночного хозяйственного порядка к представлениям и интересам общества, тем больше будет стремление к интенсивному совершенствованию присущих политическому порядку институтов и правил. Соответственно, тем более ощутимой будет реакция общественного мнения на попытки через выхолащивание сущности институтов и нарушение или преднамеренно неверную интерпретацию правил игры получить посредством жульничества и эксплуатации преимущества, достичь материальных выгод или авторитета, участвуя в подрыве репутации хозяйственной системы.

Фактически то обстоятельство, что после окончания Первой мировой войны была реализована система централизованного планирования при радикальном устранении частной собственности на средства производства, вызвало глубокое разочарование и уныние в стане тех, кто с надеждой встретил этот великий исторический эксперимент. [...]

Успехи, достигнутые с решительным возобновлением серьезной рыночной экономической политики не только в Федеративной Республике, но и в других странах Запада также улучшили перспективы сохранения этого хозяйственного порядка. Однако едва ли можно утверждать, что где-либо в мире рыночная экономика пользуется подлинной популярностью. [...]

Тем большее значение приобретают усилия специалистов — знатоков рыночного хозяйственного порядка по раскрытию его преимуществ. Но также важно не оставлять без внимания его очевидные недостатки, содействуя, по мере сил, их преодолению.

Если мы начнем проверять, в каких местах системы в настоящее время обнаруживаются симптомы дисфункциональности, то обнаружим их не столько в общественной сфере, сколько где-то в месте «сочленения» общества и государства.

Следует еще раз напомнить, что в ходе Французской революции превращение феодального общества в частноправовое и замена абсолютной монархии демократической республикой сопровождалась правовым ограничением политических властных полномочий, особенно полномочий исполнительной власти.

Следует также напомнить, что в то время прекрасно осознавалась вся сложность задачи превращения народа, т.е. всей совокупности членов частноправового общества не просто в формального, а в реального суверена своего государства. Руссо раскрыл и четко определил ключевую проблему: это — чрезвычайная сложность современных для него процессов, происходящих в обществе и государстве, которую он объяснял одним единственным явлением, а именно разделением труда. Разделение труда разрушило автаркию человека и лишило его способности оберегать свое существование на основе индивидуального самообеспечения. Оно также лишило его свободы, поставив его в зависимость от себе подобных. Жизнь человека стала зависеть от получения услуг и от предоставления таковых. [...] [Соответственно] Руссо обдумывает ситуацию, в которую человек попадает в силу обусловленной разделением труда политической зависимости, поскольку ведь взаимодействие между зависящими друг от друга людьми вызывает настоятельную потребность установления законного порядка и административного руководства. С этим связано дальнейшее разделение труда: некие люди становятся законодателями, исполнителями законов и политическими вождями. Эта зависимость от людей, специализирующихся на выполнении административных функций, и составляет тогда действительную и наиболее скрываемую сущность рабства. По сравнению с зависимостью человека от людей, имеющих равные с ним права, т.е. зависимостью координационного типа, зави-

симось от вышестоящих лиц представляет собой субординацию, т.е. подчинение человека человеку. Эта субординация возникает в тех случаях, когда в силу именно разделения труда объективно неизбежным становится подчинение некой высшей норме или воле вышестоящих руководителей. Неизбежным потому, что человек твердо придерживается разделения труда и не может решиться отказаться от кооперации с себе подобными, вернувшись к состоянию дикаря-одиночки, живущего в условиях полной автаркии.

Поскольку Руссо считает разделение труда необратимым решением, определяющим судьбу человечества, его занимает вопрос о том, как человек может освободиться от подчинения властям без упразднения функций, выполняемых властями в интересах правящего слоя. Он решает этот вопрос способом, который сначала показался читателям, обратившим, в первую очередь, внимание на его практическую сторону, философской уловкой. В упрощенной редакции решение гласит: если люди хотят освободиться от подчинения власти вышестоящих, то гражданам следует взять управление в свои руки и самим выполнять властные функции. Они должны стать правителями, оставаясь при этом подданными, и в качестве таковых добровольно подчиняться решениям, которые они принимают в своем качестве носителей власти.

[...]

Если во все времена были люди, издававшие законы, действие которых распространялось на всех граждан государства, и отдававшие распоряжения, подлежащие всеобщему исполнению, то непонятно, почему эти законы и распоряжения, призванные действовать во благо подданных, не могут исходить от самих подданных. Разумеется, подданные, претендующие на власть, должны быть также преисполнены желанием посвятить себя добросовестному отправлению властных полномочий. Свое время и помыслы они должны направить на формулировку *volonté générale*. Этот расход времени и мыслительных усилий производится, естественно, за счет аналогичных затрат, которые тот же самый человек несет в тех случаях, когда он автономно принимает решения — может и должен их принимать — на основе *volonté individuelle* (индивидуальной воли). Руссо решающее значение придавал необходимости убедить людей в том, что суверенитет даром народу не достанется, за него придется уплатить цену — цену немалых этических усилий. Участие в реализации суверенитета своего государства будет действенным лишь тогда, когда человек выработает в себе необходимый для этого дух общности. [...] Это дело воспитания и упражнений, которым человек должен посвятить себя с детских лет. Недостаточно свергнуть монарха, аннексировать функции управления и власть в государстве, каждые два года ходить (или не ходить) к избирательным урнам и, передав ведение всех

дел депутатам, министрам и профессиональным чиновникам, посвятить себя исключительно таким занятиям, как производство цемента, работа по найму на чужих фабриках, продажа продуктов питания домохозяйкам, лечение пациентов, конструирование мостов, разгадывание тайн атома, написание криминальных романов и ведение судебных дел своих клиентов. Если люди, занятые профессиональной деятельностью, ведут себя подобным образом, то их попытки вырвать свою свободу из чужих рук — рук власть имущих потерпят неудачу, они лишь произведут смену властей предрежащих. Место абсолютного монарха занимают функционеры, которые плохо ли, хорошо ли станут исполнять ставшие «ничейными» государственные полномочия, реализуя *volonté générale* как *volonté professionnelle* (профессиональная воля). [...]

Другие мыслители — современники Руссо открыли, иную, вполне реальную возможность, несмотря на прогрессирующее разделение труда, безо всякого общественного аскетизма придать государству обозримый характер и ограничить круг выполняемых им задач. Речь идет об открытии возможности управления автономными планами членов общества с помощью автоматически функционирующего координационного порядка, по аналогии с плебисцитным методом управления. Тем самым государство освобождается от задачи централизованного управления экономикой, и его функции ограничиваются задачей установления и поддержания общих рамок хозяйственного порядка, а также принуждением к их соблюдению. Та роль, которая отводится государству в общей структуре такого порядка, содержательно прописана таким образом, что политический произвол ставится в очень тесные рамки. Если принимается политическое решение в пользу такой системы, то оно означает одновременно решение о том, какие законы должны принимать законодатели, чем будет заниматься правительство, и какими высшими принципами должны руководствоваться суды, интерпретируя закон. Эта система основывается на детально прописанной по инструментам и правовым методам партитуре преимущественно нормативного характера. Пространство произвола автономных членов общества ограничивается благодаря специфике координационного порядка их совместного существования. В свою очередь пространство произвола носителей политической власти под воздействием предписанных партитурой регулирующих инструментов сужается [...] до минимума, хотя при этом и остаются возможности для проявления системно совместимой формообразующей фантазии. Но при этом жестко ограничивается возможность отступления от партитуры, а нарушителей установленных предельных норм ожидает участь неудачников на экономическом и политическом поприще.

В этой системе не только открывается возможность для подданных в определенной степени постигать логику действий государства, но

и сама система соответственно своей партитуре предоставляет им масштаб оценки, благодаря чему они могут критически контролировать результаты законодательной деятельности и решения судов.

Таким образом, в рамках открывающихся здесь возможностей народу предоставляется реальный шанс утвердить и реализовать на практике свой суверенитет, хотя для начала он, естественно, должен ограничиться выбором депутатов, которые со своей стороны коллективно осуществляют отправление законодательной власти, а также назначают правительство — или по крайней мере его главу — и контролируют его деятельность. Опасность того, что назначенные на должность уполномоченные проигнорируют волю народа, подменив подготовленную в соответствии с партитурой *volonté générale* самовольной *volonté professionnelle*, в известной степени ограничена принуждением к выполнению фундаментальных решений, опять-таки обусловленных партитурой, так что обращение к *virtus*⁶⁹ подданных, к их духу общности играет здесь меньшую роль, чем у Руссо.

Здесь достаточно общего наброска взаимосвязей, поскольку в данной части исследования для нас важно только выявить ситуацию, при которой искушение нарушить системные требования угрожает принять масштабы, опасные для самой системы.

Такая ситуация возникает, когда формируется воля народа, служащая руководством для законодательной и исполнительной власти, т.е. когда граждане реализуют свои права наказа своим уполномоченным и контроля их исполнения, т.е. прежде всего во время выборов и в рамках того процесса, который называют выявлением общественного мнения. Именно здесь проявляется опасность того, что ожидания народа и его требования к своему правительству в большей или меньшей степени будут расходиться с тем, что предписывает правительству конституция. Это касается, по крайней мере, сферы экономики, т.е. рыночной хозяйственной системы.

Требования, вытекающие из конституции, свода системных правил (партитуры) и соответствующие логике системы, обязывают законодателей и правительство создавать и поддерживать рамочные условия хозяйственного порядка, обеспечивающие функционирование рыночного механизма управления. Таким образом, уже посредством механизма рынка определяется, насколько успешна или неудачна будет частнохозяйственная деятельность каждого из экономических субъектов, каким будет уровень их доходов, какими будут их планы производства и потребления и как они будут корректироваться; задача правительства состоит лишь в том, чтобы создать предпосылки для функционирования механизма управления, соответствующего партитуре системных правил.

⁶⁹ Добродетель (лат.). — Прим. пер.

Правительство должно строго выполнять эту функцию, поскольку соответствующее требование соответствует не только конституции, но и интересам всех членов частноправового общества, а значит — интересам всех граждан государства. Пока поддерживается рыночный хозяйственный порядок, эти интересы существуют. Единственно разумной альтернативой им была бы заинтересованность в упразднении этого порядка. Напротив, заинтересованность в повреждении системы посредством нарушения системных правил является нерациональной и может, в крайнем случае, найти разумное объяснение только с точки зрения революционной стратегии⁷⁰.

Однако в действительности при любом порядке, основанном на организующей силе правил, у каждого субъекта и у каждой группы субъектов существует возможность получения выгоды путем нарушения этих правил, разумеется, за счет интересов других субъектов и групп. И в рыночной экономике существуют возможность извлечения доходов мошенническим путем. Экономические субъекты и группы могут в рамках частноправового общества самовольно и, так сказать, приватно, т.е. злоупотребляя своей частной автономией, прибегнуть к нечестным приемам, будь-то в неприглядной форме недобросовестной конкуренции, ростовщичества и мошенничества, будь-то в респектабельной, но не менее пагубной форме попыток монополизации рынков, например, путем создания картелей. Однако несопоставимо более действенным средством такого рода является попытка групп экономических субъектов воспользоваться тем, что их члены являются избирателями и носителями народного суверенитета, и оказывать через них влияние на правительство и его политику. В этом случае нет необходимости самим идти на обман, поскольку можно с чистой совестью требовать от законодателей и правительства возвести мошенничество в принцип их программных установок. [...] Речь здесь идет об используемом в борьбе с конкурирующими группами изошренного воздействия на формирование воли государства (*volonté générale*) в пользу групп экономических субъектов, которые организуются вокруг частного корыстного интереса (*volonté professionnelle*). Государство пытаются принудить к игнорированию правил действующего порядка, и заставить потворствовать одной группе граждан за счет других групп. [...]

В этой связи важно осознавать, что объединения экономических субъектов (рабочих, работодателей, представителей от промышленности, сельского хозяйства, банковского сектора, малого и среднего предпринимательства, отдельных отраслей и т.д.), хотя и обеспечивают

⁷⁰ См.: *Hayek F.A. von*. Die Anschauungen der Mehrheit und die zeitgenössische Demokratie [Фридрих ф. Хайек. Представления большинства и современная демократия] ORDO. 15/16. 1965. S. 17 ff. (прежде всего § 5. S. 31 ff); *Ibid*. Arten der Ordnung [Виды порядка] ORDO. 1963. 14.

соблюдение обоснованных общих интересов, однако каждый из этих групповых интересов может быть «продвинут» путем отнюдь не нейтрального политического вмешательства в механизм рыночного ценообразования. При этом неизбежно ущемляются интересы других людей, и почти всегда наносится ущерб регулируемому механизму системы, т.е. существующему конституционному порядку. Коль скоро нет действенного средства для предотвращения политического самоуничтожения, каждому эффективному порядку присуще стимулирование в обществе и государстве тенденций, направленных на сохранение порядка, и подавление тенденций, направленных на его разрушение. Однако объединениям по интересам свойственно пытаться сориентировать политику государства, государственный и общественный порядок в направлении, противоречащем конституирующим принципам. [...]

Представим себе, что мы имеем дело с общественным и экономическим порядком, в котором все доходы носят характер премии за достижения, т.е. выполняют стимулирующую функцию. Решающее значение имеет то, какой вклад вносит получатель дохода в преодоление дефицитности тех или иных благ. [...] Принципы оценки такого вклада запрограммированы в регулирующем механизме, совместимом с правилами системы. Предпосылкой разумного и соответствующего порядку общественного развития является равная подчиненность всех членов общества одному регулируемому механизму и отсутствие каких-либо исключений, гандикапов и одиозных привилегий. [...]

Поскольку не существует совершенного, всеохватывающего порядка, разумеется, может возникнуть необходимость в исключениях, прежде всего в таких, которые связаны с политическим вмешательством (*politische Interventionen*) в процессы, управляемые посредством механизма рыночного ценообразования. Однако надо отдавать себе отчет в том, что такое вмешательство является именно исключением и всегда нуждается в обосновании своей необходимости и полезности. В то же время в пользу регулирующего принципа порядка свидетельствует и должно свидетельствовать предполагаемая полезность, поскольку это полностью соответствует фундаментальному конституционному политическому решению — выбору рыночной экономической системы и свободного от привилегий гражданско-правового общества. Механизм рыночного ценообразования представляет собой институт, являющийся неотъемлемой частью рыночного хозяйственного порядка.

Таким образом, интервенции в хозяйственную сферу представляют собой чрезвычайное событие и в соответствии с принципами правового государства они должны иметь законодательное оформление. Парламент и правительство, как минимум, должны высказать свои соображения относительно обоснованности вмешательства и принять соответ-

ствующее решение. Лишь в том случае, если вопрос будет рассмотрен со всей серьезностью, со строгой приверженностью базовым принципам и совершенно добросовестно, может быть обеспечен такой уровень предсказуемости системы, какой необходим для формирования планов автономных хозяйствующих субъектов.

«Прегрешения», которые здесь имеются в виду, состоят в том, что экономические субъекты поддаются искушению улучшить перспективы получения совместимых с требованиями рыночного порядка доходов, прибегая, насколько объективно возможно, к поведению, не соответствующему этим требованиям, или используют свои права участия в принятии политических решений и свое политическое влияние, чтобы побудить органы государственной власти пойти на не соответствующие порядку исключения в интересах определенных групп. А органы государственной власти могут поддаться такому давлению.

Однако нас здесь интересует не сущность этих прегрешений и не психологическая склонность к их совершению, а величина объективной констелляции искушения, определяемая особенностями самого порядка или некоторых его (необходимых) институтов.

Факторы, обуславливающие вмешательство в рыночную экономику, обладают в их переплетении и сочетании чрезвычайной силой. Это связано, в первую очередь, с объективной легитимностью объединений экономических субъектов в группы интересов для коллективной защиты сближающих их частных интересов. Такие союзы не только не могут и не должны быть запрещены — в силу соблюдения принципа свободы — но и являются необходимыми и важными институтами, соответствующими требованиям порядка, если интересы, которые они представляют, отстаиваются с помощью средств, конформных порядку. Однако искушение отстаивать их с помощью средств, с порядком не совместимых, [...] столь велико постольку, поскольку эти фатальные средства могут быть с легкостью использованы, а ожидаемые выгоды от их применения вполне очевидны для каждого отдельного интересанта. Решающее значение здесь имеет отсутствие риска столкнуться с достаточно сильным противодействием, будь то со стороны носителей противоположных частных интересов или со стороны приверженцев принципа порядка.

На сильное сопротивление со стороны других групп интересов не приходится рассчитывать потому, что они также заинтересованы в интервенциях государства, хотя, разумеется, противоположной направленности. [...]

Не будет преувеличением, если охарактеризовать эти происходящие на «стыке» общества и государства процессы, как весьма опасные для самого порядка, а то обстоятельство, что данные тенденции заложены в природе вещей, расценивать как серьезную слабость системы в целом. [...].

ФРИДРИХ ЛУТЦ

Введение

Эккехард Кёлер

Биография

Фридрих Лутц родился 29 декабря 1901 г. в Саарбурге (Лотарингия). Его отец, Фридрих Лутц, умер незадолго до его рождения, и его мать Амели Лутц (урожденная Метцер) воспитывала сына одна.

По окончании народной школы в Саарбурге, где он учился с 1908 по 1911 г., он проходил обучение в гуманитарной гимназии (1911–1918). После вхождения Лотарингии в состав Франции семья переселилась в Штутгарт, где Лутц окончил Карловскую гимназию и сдал в октябре 1920 г. экзамены абитуры. Лутц поступил в Гейдельбергский университет на факультет национальной экономики, но во время зимнего семестра 1921/1922 г. перешел в Берлинский университет, где он познакомился с Вальтером Ойкеном, ставшим впоследствии его научным руководителем. После успешного завершения аспирантуры под руководством Германа Шумахера Лутц вслед за Ойкеном перебрался в Тюбинген, где в 1925 г. получил ученую степень доктора политических наук за диссертацию о спросе на капитал. На службе в Ассоциации германских машиностроительных учреждений в 1926–1929 гг. Ф. Лутц познакомился и сблизился с Александром Рюстовым. В 1929 г. он перешел на должность ассистента Фрайбургского университета, где под руководством Вальтера Ойкена в 1932 г. успешно закончил докторантуру. Приват-доцент Фридрих Лутц стал стипендиатом фонда Рокфеллера и в этом качестве проходил стажировку в Англии (1934–1935), где он познакомился со своей будущей женой – Верой Констанцией Смит (1912–1975). После свадьбы, которая состоялась в марте 1937 г., чета переехала в США, где Лутц в 1937–1938 гг. продолжил обучение. В августе 1938 г. в Принстонском университете (Нью-Джерси, США) Лутц получил должность инструктора, позже ассистента, а летом 1947 г. стал полным профессором.

В сентябре 1944 г. он принял американское гражданство. После окончания Второй мировой войны Лутц возвращается в Европу. Сначала по

поручению Фонда Рокфеллера он преподает в университетах Германии, в том числе во Фрайбурге, где у него установились прочные связи с Фрайбургской школой. После смерти Вальтера Ойкена Лутц занял его место на кафедре (1951–1952) и получил затем должность ординарного профессора по теоретической социальной экономии и истории социальной экономии на факультете правоведения и общественно-политических наук университета Цюриха. В январе 1954 г. Лутц вместе с другими последователями учения своего учителя основал Институт Вальтера Ойкена и возглавил его правление в начальный период. В марте 1955 г. ему было возвращено гражданство Германии.

В период между 1957 и 1960 гг. Лутц занимает пост экономического советника Банка международных расчетов в Базеле. Он ведет исследовательскую работу в Кейптауне и Йоханнесбурге (1957), Швеции и Нидерландах (1961), приглашается на профессию в Йельский университет (1962/1963), затем в университеты Токио (1966) и Иерусалима (1972), что подчеркивает интернациональную направленность его научной деятельности.

Политическим советником Лутц работает сначала в США в Объединенном комитете по экономическим вопросам (1963), затем в Швейцарии, где он в 1966 г. был принят на должность руководителя Швейцарского института зарубежных исследований, и в Федеративной Республике Германии. Здесь с августа 1965 г. Лутц является членом Научного совета при Министерстве экономики, а также занимается разработкой экономической политики Западной Германии, принимая участие в исследованиях и проведении экспертиз.

В октябре 1967 г. факультет правоведения и общественно-политических наук университета Тюбингена присваивает ему звание почетного доктора. Фридрих А. Лутц скончался 4 октября 1975 г. в Цюрихе.

1. Значение представленных текстов и место трудов Лутца в экономической истории

Оба помещенных в сборнике текста относятся к числу самых значительных работ Фридриха Лутца. Его творческое наследие следует отнести к области преимущественно монетарной экономики.

Выдержки из его работы «Основная проблема денежной конституции», опубликованной в серии «Порядок экономики», дают представление об институционально-экономической позиции Фридриха Лутца в вопросах денежной политики.

Вальтер Ойкен из этой работы, которую сам Лутц положил в основу своей докторской диссертации, перенял целый ряд важных идей для своего более позднего главного труда «Основные принципы экономи-

ческой политики»: в разделе II главы XVI о «политико-валютном стабилизаторе» вне всякого сомнения можно узнать «Основную проблему денежной конституции», в конечном счете в основу концепции «примата валютной политики» Ойкена положен анализ Лутца¹. Так, Ойкен полностью поддерживает своего ученика в его требовании о введении 100%-го резервного покрытия, необходимого для решения проблемы мультиплицированного выпуска денег: Лутц раскрыл значение минимального резерва как дисциплинирующего средства в процессе банковского кредитования. Предложение о полном покрытии до того также обсуждалось в контексте Чикагской школы. То новое, что привнес Лутц, заключалось в том, что он как никто другой умел применить «мышление в категориях порядков» к законодательству в области финансов — денежной конституции: через изменение ее правил и «автоматизацию» денежной политики политика Центрального банка должна обрести «предсказуемость», и тогда могут формироваться долгосрочные «ожидания». Такая динамическая перспектива соответствует самой сути учения Ойкена, которое, как известно, нацеливает на установление конкурентного порядка, регулируемого посредством одного инструмента — механизма цен. Обе эти основные идеи были предложены в середине 1930-х годов и получили дальнейшее развитие в трудах Ойкена и Лутца. Лутц в 1936 г. предлагает новый подход в теории денег, который встраивается в традиционную исследовательскую методику ордолиберализма.

Вторая из представленных работ переведена полностью. Впервые она была опубликована во втором томе послевоенной серии «ORDO». Она в аналитическом отношении примыкает к первой работе в том смысле, что в ней рассматривается в дискуссионной форме взаимосвязь хозяйственного и денежного порядков на «фоне» реальной денежной политики в период образования Федеративной Республики Германии. Здесь Лутц распространяет свою критику с позиций теории порядков на современные реальности преобладавшей в тот период денежной политики. Бреттон-Вудскую систему он считает обреченной на неудачу «попыткой». Ознакомление с этим анализом позволяет понять, почему Лутца можно считать одним из самых первых сторонников и защитников гибкого валютного курса. Позднее он доработал свою позицию (в том числе в одной из немногих своих экспертиз, подготовленных им в качестве политического советника), которая впоследствии была положена в основу доводов пяти экспертов в пользу расторжения Бреттонвудских договоренностей.

¹ См.: Ойкен В. Основные принципы экономической политики. М.: Прогресс, 1995. С. 337–347.

2. *Восприятие трудов Лутца и их значение для развития концепции социального рыночного хозяйства, а также влияние на реальную экономическую политику*

Особую значимость для теории хозяйственного порядка имели труды Лутца в области монетарной (институциональной) экономики. Не следует забывать и о том, что вклад Лутца в теорию процентных ставок и рациональных ожиданий приобрел центральное значение для всей экономической науки в целом. Оба предлагаемых текста служат тому подтверждением. На концепцию же социального рыночного хозяйства, как таковую, Фридрих Лутц, напротив, оказал, скорее, незначительное влияние. Является ли стабильная денежная политика и вместе с ней надежность банков действительно несущей опорой социальной рыночной экономики? Эти положения справедливы также и по отношению к англосаксонскому капитализму, а не исключительно к социальному рыночному хозяйству, но с другой стороны, последнее представляет собой именно рыночную экономику и соответственно следует ее правилам.

Основная проблема денежной конституции*

Проблема

Германия пережила в 1931 г. самый большой банковский кризис в своей экономической истории. Течение этого кризиса и его последствия — остановка платежей, обострение общеэкономического кризиса, рост безработицы, социальные потрясения — еще свежи в нашей памяти, так что их описание можно опустить. Несколько позднее похожий шторм пронесся по Соединенным Штатам, отступил, весной 1933 г. начался снова, унес тысячи жизней, разрушил бессчетное число состояний, по мере своего развития выбросил на улицы миллионы людей. Это был впечатляющий по своей наглядности урок.

Этот урок заставил нас прозреть и в то же время оставил нас слепыми. Мы прозрели, поскольку он лучше всякого литературного описания заставил осознать значение для национальной экономики упорядоченной и надежно функционирующей денежной системы. Одновременно он со всей возможной отчетливостью показал, что такой надежной

* В данной публикации приводится фрагмент работы Фридриха Лутца «Основная проблема денежной конституции». Перевод осуществлен по изданию: *Lutz, Friedrich. Das Grundproblem der Geldverfassung. Stuttgart und Berlin: Verlag von Kohlhammer, 1936 XXI, 96 S.; Gr. 8 Ordnung der Wirtschaft; H. 2. S. 1–7, 92–96.*

функционирующей системы не существовало — к величайшему удивлению и потрясению большинства из нас. Слепыми мы остались потому, что кризис, как всякое крупное историческое событие, которое мы переживаем и от которого мы страдаем, влияет на нас столь сильно, что мы способны, лишь дистанцировавшись, правильно оценить пережитое; как человек, стоящий непосредственно у подножия горы, видит только ее и не замечает, что гора является частью горного хребта, в котором она — одна из вершин. Мы сможем правильно сориентироваться лишь с некоторой дистанции. Удовлетворительная оценка банковского кризиса — проблем, которые он поднял, и недостатков, которые он вскрыл, — возможна только при сочетании систематического его анализа с попыткой оценить событие исторически, определить место, которое ему принадлежит в развитии денежной конституции.

Проблема, о которой мы здесь говорим, возникла не сегодня. Банковский кризис лишь вновь ее обнажил, в действительности она существует столько же времени, сколько и современная кредитная система. Еще сто лет тому назад над ее решением бились так же, как мы сегодня. Попробуем выявить ее корни.

На протяжении десятилетий деньги создавались государством, которое пускало их в виде монет в обращение. То, какими принципами оно при этом руководствовалось, значения не имеет. Определяло ли оно, что все монеты из одного металла становились деньгами, или же следовало другим правилам, нас здесь не интересует. Существенно только то, что создание денег не было передано в частные руки, а мысль о том, что деньги могут создаваться самими гражданами государства в соответствии с принципом свободной конкуренции, была чужда даже физиократам, которые ввели в оборот термин *laissez-faire*. Деньги относились к прерогативе государства; оно должно было заботиться об их обеспечении и безопасности и регулировать их объем в обращении. То, что государство владеет монополией в денежной сфере, казалось само собой разумеющимся.

В XIX веке все изменилось коренным образом. Сначала, хотя это мало кто осознал, произошла полная перестройка денежной системы. Это свершилось в двух направлениях. Во-первых, наряду с государством деньги в значительно больших объемах стали создавать частные институты. Сначала банкноты стали выпускать, конкурируя друг с другом частные эмиссионные банки, затем выпуск банкнот стал монополией центрального банка. Кредитные банки, также конкурирующие друг с другом, стали создавать важнейшую в настоящее время форму денег — депозиты (безналичные деньги, чековые деньги). Во-вторых, создаваемые таким образом деньги поступали в оборот не в виде отчеканенного металла, а посредством кредитования — по крайней мере — в своей ос-

новной функции, т.е. до тех пор, пока не производилась оплата поставленного золота.

Таковы факты и на них основывается вся аргументация настоящего исследования. К сожалению, эти факты вновь и вновь требуют доказательств. Никто не оспаривает того, что эмиссионный банк создает деньги, выпуская новые банкноты. Но то, что кредитный банк является частным монетным двором, или может таковым стать, т.е. может создавать деньги, все еще отрицается, и прежде всего практиками из банковской сферы. Ситуацию можно объяснить в нескольких словах. Предположим, что вследствие введения безналичного расчета в банковскую систему влились 1000 марок. Если все они поступили только в один банк, то происходит следующее: для плательщика совершение платежа означает превращение одного вида денег — наличных в безналичные. Если у банка норма кассовой наличности составляет 10% к безналичным, то может ссужать 900 марок. Эти 900 марок либо уходят из банка в виде наличных, либо поступают в расчетный оборот. Они поступают теперь в другой банк, и, как в первом случае, предположим, что все 900 марок достаются одному банку. В этом втором банке вновь «возникают» безналичные от 900 марок, 810 марок ссужаются и вновь перетекают и т.д., так что в результате при допущении, что норма кассовой наличности во всех банках составляет 10%, во всей банковской системе создаются безналичные деньги в размере, десятикратно превышающем сумму поступившей в банковскую систему наличности. Соответственно, при более высокой норме кассовой наличности эта сумма будет меньше, а при более низкой — больше². Из этого следует, что банки могут создавать дополнительный кредит, а с ним и дополнительные деньги, если а) к ним поступают наличные из денежного оборота — вследствие расширения практики безналичных платежей; б) Центральный банк выпускает новые наличные деньги, которые хотя бы частично перетекают в банки; в) банки решают снизить долю наличности (изменить кассовые пропорции). Впрочем, из сказанного сам собой напрашивается вывод, что все безналичные деньги, которые в каждый момент превышают сумму кассовой наличности, банки создают именно таким способом.

Как мы отмечали, в XIX столетии в денежной конституции появились два принципиальных нововведения. Наряду с государством, конкурируя друг с другом, деньги создают и частные банки, и эти деньги посредством кредитования поступают в оборот. Что означают оба эти новшества? Какие проблемы они порождают?

² См.: Phillips, *Bank Credit*, New York, 1920 Kap. III. Современная монетарная теория в этом вопросе придерживается единого подхода. В том или ином виде он довольно часто описывается в литературе. Подробно он рассмотрен в работе Ганса Гештриха «Новая кредитная политика» (*Hans Gestrich. Neue Kreditpolitik*).

Связанные с ними трудности, которые возникают для структурированной денежной системы, в первую очередь, вызваны тем обстоятельством, что деньги создаются при предоставлении кредита, что оба процесса между собой неразрывно связаны: создание денег является лишь пассивной стороной активной операции — предоставления кредита³. Дилемма, из-за которой решение проблемы денежной конституции становится невозможным, обусловлена тем, что для активной стороны одного и того же процесса — предоставления кредита — действует кардинально иной организационный принцип, чем для пассивной стороны — создания денег.

Что касается стороны пассива, т.е. создания денег, то нет ни малейшего смысла в том, чтобы передавать этот процесс в частную сферу, регулируемую свободной конкуренцией. Конкуренция — и в этом ее преимущество — как известно, заботится о том, чтобы потребность субъекта хозяйствования в каком-либо товаре (благе) в границах имеющегося дохода удовлетворялась настолько полно и дешево, насколько это позволяют наличествующие факторы производства и неотложность других потребностей. А что все это должно означать, если речь идет о деньгах? Что означает по возможности полное и дешевое обеспечение потребности в денежных знаках? Очевидно, что в этом случае эти категории бессмысленны. Причина в том, деньги являются товаром, который удовлетворяет потребность не напрямую, а опосредованно, через покупку товаров (благ). Поскольку в принципе любая денежная масса при условии соответствующих цен достаточна для покупки всех товаров, то пожелание «по возможности полное» по отношению к этому товару становится бессмысленным. Увеличение его количества ведет лишь к росту цен, но никак не позволяет удовлетворять потребности лучше. Итак, свободная конкуренция не может служить принципом порядка при создании денег. Напротив, таковое относится к прерогативам государства, а оно может его делегировать определенным учреждениям, которые обязаны руководствоваться общими интересами. Создание денег должно осуществляться согласно имеющим приоритетное значение требованиям целесообразной денежной и валютной политики. Здесь мы не касаемся вопроса о ее содержании; одно можно утверждать совершенно определенно — она не должна проводиться по принципу «как можно больше и дешевле».

Вместе с прерогативой создания денег государству выпадает и вторая задача — обеспечения их надежности, необходимой постольку, поскольку ее отсутствие ведет к остановке платежей и наносит ущерб ни в чем не повинным обладателям денег.

³ Наиболее четко это проявляется в английском бухгалтерском учете, когда заемщику одновременно с предоставлением кредита на ту же сумму открывается вклад.

Совершенно иначе обстоит дело с предоставлением кредита. Эту функцию лучше всего выполняют конкурирующие между собой частные институты. (Читатель должен на некоторое время забыть о всем пережитом во время банковского кризиса, заставляющем, по всей видимости, противиться этому тезису.) Здесь, в кредитной сфере от кредитора требуется особое чувство кончиков пальцев, точное знание фирм и частных лиц, быстрая реакция, строгая ориентация на надежность и рентабельность клиентов, чтобы с учетом несовершенства человеческой природы добиться наилучшего с общеэкономической точки зрения варианта кредитования. Лишь частные институты, осознающие, что оплатой за ошибочное и легкомысленное кредитование может стать их ликвидация, способны обеспечить такое кредитование. Социализация кредитной сферы таила бы в себе большую опасность, во всяком случае, большую, чем та, что сопряжена с недостаточно компетентным управлением частным институтом. Бюрократический аппарат, недостаточная гибкость, недостаточность кредитовых рисков (ведь убытки в случае ошибки ложатся на налогоплательщиков, а не на отвечающие своим имуществом частные банки, а это всегда провоцирует халатность), отсутствие конкуренции с ее стимулирующим воздействием и не в последнюю очередь опасность предоставления кредита из иных, не экономических соображений — все эти, а также некоторые другие, более глубокие причины, которые уже связаны с формированием кредитной ставки, делают передачу аппарата кредитования государству крайне нежелательной. Но и само государство с его властью и авторитетом имеет достаточно очевидную заинтересованность в том, чтобы не стремиться к социализации кредитной сферы. Вина за все ошибки и неудачи в сфере кредитования была бы возложена на государство, постоянно присутствовала бы угроза перерастания экономического кризиса в государственный. В силу всех этих причин мы не сомневаемся в том, что соответствующий сущности кредитного дела организационный принцип предполагает осуществление кредитования частными организациями на основе конкуренции.

Соответственно упомянутые две стороны одного процесса требуют совершенно разных организационных принципов. Сторона кредитования предполагает наличие частных институций и конкуренции, «денежная» сторона — управления и обеспечения «сверху». Поскольку, однако, в современной экономике обе стороны сопряжены и друг от друга неотделимы, возникает дилемма, та самая сложность, которую мы обозначаем как «основную проблему денежной конституции». Как решать эту проблему? Как могут два всадника, руководствуясь двумя разными принципами, одновременно управлять одной лошадью?

В спокойные времена иногда казалось, что решение найдено, во всяком случае, не отмечалось возмущений в системе. Но снова и снова слу-

чались взрывы, которые обнаруживали отсутствие удовлетворительного решения. Последним таким потрясением стал банковский кризис 1931 г.

Что продемонстрировал этот кризис применительно к нашей проблеме?

Прежде всего, государство доказало, что оно чувствует свою ответственность за обращающиеся в немецкой экономике деньги, в том числе и за безналичные, создаваемые банками. Оно гарантировало депозиты в частных банках и предотвращало банкротство крупных банков по той простой причине, что потеря такой большой массы денег обернулась бы непредсказуемыми экономическими и социальными последствиями. Подобное происходило и в Соединенных Штатах, где государство сверх того взяло на себя даже возмещение значительной части потерь банков. Таким образом, оно социализировало пассивную сторону бюджетов банков, предоставив, однако, активную сторону руководству банков в полное распоряжение, и дилемма современной денежной конституции предстала перед зрителями в первоизданном виде и как бы освещенная прожекторами. [...]

Заключение

Историческая ситуация и проблема

В ходе настоящего исследования удалось в достаточной мере определить, в какой точке исторического развития мы находимся. В наше время требуется решение «основной проблемы» в отношении депозитов, как еще сто лет назад ее пытались решить в отношении банкнот в Банковском акте Пиля⁴. Лучше всего ситуацию характеризует сам факт присутствия той же проблемы еще в Акте Пиля, а «Чикагский план» ее содержанию соответствует полностью, разумеется, с одним отличием — он разработан для более продвинутого уровня денежно-кредитной системы. В нем предпринята попытка решить проблему депозитных денег соотносительно с деньгами Центрального банка аналогично тому, как Акт Пиля решает проблему соотношения банкнот и золота. Выпуск банкнот там был изъят из частных рук и передан в руки Эмиссионного департамента, также как здесь создание депозитных денег доверено Центральному Банку — в обоих случаях с целью обеспечить полноценный централизованный контроль денежного обращения. В обоих случаях создание денег изымается из сферы частного кредитования. В первом случае банкноты на 100% обеспечивались золотом, во втором депозитные деньги на 100% покрывались средствами Центрального банка, в обоих случаях — с целью

⁴ Акт Парламента Великобритании, который ограничил деятельность эмиссионных банков и фактически передал полномочия по эмиссии фунта стерлингов Банку Англии. — *Прим. пер.*

обеспечения полной надежности соответствующих видов денег и предотвращения возможности их потери. Как в первом случае, по чикагскому плану собственно банковский бизнес передается частным институтам, оперирующим в соответствии с принципом свободной конкуренции. Таким образом, чикагский план представляет собой последовательное развитие идей 1844 г., указывая тем самым, в какой точке исторического развития денежной конституции мы теперь находимся.

Из этого, однако, не следует, что чикагский план является наиболее целесообразным решением — ему явно недостает технической проработки в деталях — и что можно дать ему окончательную оценку. Еще меньше оснований считать, что предлагаемое им решение — единственно возможное. Как показывает пример Англии, и действовавшие до сих пор системы в состоянии предложить денежную конституцию, в которой бы удовлетворительно решалась наша «основная проблема». Еще раз отметим, что для этого требуется.

А. Для обеспечения количественного контроля Центрального банка за денежной массой необходимы:

1. Четкие пропорции кассовой наличности банков, контроль за соблюдением которых Центральный банк мог бы возложить на себя. Здесь можно было бы предложить совершенствование английской системы: пропорции соблюдаются не по отношению ко всем кредиторам, а относительно оборота (депозиты на скорость обращения) по чековым счетам, в соответствии с упомянутым предложением американского Комитета. Правда, в этом случае может получиться так, что в период депрессии будет невозможно поддерживать ставку, поскольку деньги, возникающие путем покупки ценных бумаг банками для компенсации падающей скорости обращения, могут быть законсервированы. Несомненно, и в сегодняшней Англии объем кассовой наличности колеблется в ходе конъюнктурного цикла по отношению если не к депозитам, то к оборотам по депозитным счетам! Тем не менее все же можно рекомендовать взять за основу именно соотношение кассовой наличности с оборотом по этим счетам, тогда, по крайней мере, в периоды подъема будет обеспечено более сильное торможение роста эффективной денежной массы. Если же кассовые пропорции будут привязаны только к депозитам, то в начале подъема эффективная денежная масса может значительно возрасти в связи с повышением скорости обращения, но не будет необходимых рычагов торможения.
2. Проведение денежной политики на основе взаимодополнения политики открытого рынка и дисконтной политики с тем расчетом, чтобы рынок по возможности меньше допускался «в банки», что

- достигается посредством соблюдения принципа: «банковские ставки выше ставок открытого рынка». Непосредственное сношение Центрального банка с «экономикой» затрудняет такую политику.
3. Политика Центрального банка должна быть выстроена таким образом, чтобы переход клиентов от одного вида денег к другому — от банкнотов к депозитам и наоборот — не оказывал никакого влияния на общую денежную массу. Т.е. вмешательство в виде оказания финансовой помощи производится в случае кризиса при снятии средств со счетов или при сокращении кассовой наличности в связи с распространением безналичного оборота, если расширение денежной массы нежелательно. Для этого, естественно, требуется солидный запас ценных бумаг.
 4. Тесное сотрудничество с Министерством финансов или казначейством.

В. Для обеспечения депозитных денег требуется:

1. Постоянная готовность Центрального банка вмешаться для оказания помощи при возникновении кризиса ликвидности, в самом крайнем случае путем принятия непригодного материала*. Эта готовность служит своего рода гарантией, она подменяет собой фактическое 100%-ное покрытие, предлагаемое чикагским планом.
2. Обеспечение платежеспособности банков. Этого можно добиться за счет создания надежной «подушки безопасности» на случай возникновения убытков — т.е. за счет поддержания высокой доли собственных средств по отношению к обязательствам. Помимо этого необходима передача высоко рискованных операций тем собственным институтам, у которых в пассивах отсутствуют безналичные деньги; в этой связи следует, в первую очередь подумать о долгосрочном финансировании промышленности, связанном с эмиссией акций. В период слабого рынка капиталов и длительной неустойчивости экономических показателей эти операции должны передаваться в компетенцию институций, которые работают только с долгосрочным собственным или привлеченным капиталом.

С. Если оба эти требования выполняются, то банки в принципе можно рассматривать как частные институты, которые самостоятельно распоряжаются своими активами и подчиняются принципу конкуренции. Но при этом весьма желательна определенная самодисциплина, особенно в части соблюдения пропорций в активах.

* Имеются в виду, например, не принимаемые обычно к учету векселя и прочие «второсортные» платежные документы. — *Прим. пер.*

Итак, существуют иные, помимо чикагского плана, пути решения нашей основной проблемы, более приближенные к действительности. Но какой бы из них ни был выбран, не будет пользы, если будут приниматься односторонние меры в каждом отдельном случае. Все отдельные способы решения должны применяться в соответствии с основным принципом, благодаря соблюдению которого они и обретают свой более глубокий смысл. Этот основной принцип, имеющий значение путевого указателя денежной конституции, заключается в том, что власть и ответственность в денежной сфере выпадают государству или его Центральному банку, а качественный контроль в сфере кредитования является делом частных, функционирующих в условиях конкуренции институтов. Чем строже соблюдается этот принцип, тем более транспарентно конструируется на его основе денежная конституция, тем яснее определяется ответственность, тем лучше для экономики государства.

Благодаря такому подходу к регулированию денежная система обретает конституцию, имеющую в основе своей те же принципы, на которых должна базироваться в целом вся национальная экономика, частью которой она является, коль скоро мы стремимся к упорядоченной организации хозяйственной жизни⁵. В сфере производства товаров и благ имеют место случаи, к которым неприменим принцип порядка свободной конкуренции. Как отмечал еще лорд Оверстон, этих случаев меньшинство, но если они встречаются, то, как правило, обретают большое значение. Эту часть экономики нельзя доверять частным монополиям, она должна относиться к государственному сектору, подлежать надзору государства и непосредственно подчиняться его власти. Иначе дело обстоит с другой, значительно большей частью. Этот сектор развивается наилучшим образом, если подвержен строгой конкуренции. Здесь важная задача государства заключается в том, чтобы заботиться о соблюдении правил игры со стороны участников соревнования. Денежная конституция, сконструированная в соответствии с требованиями нашей основной проблемы, полностью вписывается в эту систему. Ее единственная особенность состоит лишь в том, что линия, разделяющая государственный и частный секторы в разумно организованной экономике, проходит между денежной и кредитной сферами. При этом одна половина — денежная попадает в государственный сектор, а вторая — кредитная — в частный. Итак, денежная конституция с такой разделительной линией четко и последовательно встраивается в общий хозяйственный порядок в качестве денежного порядка, вписанного в хозяйственную конституцию и адекватного ей. Денежная конституция, таким образом,

⁵ См.: *Böhm F. Die Ordnung der Wirtschaft als geschichtliche Aufgabe und rechtsschöpferische Leistung* [Франц Бём. Хозяйственный порядок как историческая задача и достижение правотворчества].

целесообразна не только сама по себе, т.е. применительно к отдельно взятой проблеме, но и с точки зрения всего хозяйственного порядка, органичной частью которого она становится.

Денежная политика и хозяйственный порядок*

Более десятилетия тому назад автор в работе «Золотой стандарт и хозяйственный порядок» (1935) попытался доказать, что система, основанная на золотом стандарте, представляет собой денежную систему конкурентного порядка (т.е. особого проявления рыночного уклада хозяйствования). Во-первых, потому, что система золотого стандарта основывается на том же принципе, что и конкурентный порядок, а именно на принципе рационально сконструированного автоматического механизма. Подобно тому, как механизм каждому отдельному субъекту хозяйствования предписывает его действия, механизм золотого стандарта диктует, что должны делать руководители эмиссионных банков, и их денежная политика становится более или менее автоматической реакцией на приливы и отливы золота. Поэтому золотой стандарт несовместим с национальным планированием денежной политики, точно так же, как конкурентный порядок исключает централизованное планирование экономических процессов. Во-вторых, еще и потому, что функционирование системы золотого стандарта предполагает конкурентный порядок, т.е. отсутствие монополий и количественных ограничений во внешней торговле, таких как квоты на импорт и тому подобное.

За время, прошедшее после написания того исследования, в сфере денежной политики произошли настолько важные изменения, что, кажется, пришла пора прошедшее с тридцатых годов развитие интерпретировать с тех же, что и в упомянутой работе, принципиальных позиций. При этом не предполагается описывать изменения денежной политики различных государств за последние двадцать лет с исторической точки зрения. Намного важнее вскрыть взаимосвязи между хозяйственным порядком и денежной политикой. Читателю, однако, вскоре станет ясно, что подобный подход в то же время позволяет, по крайней мере, в общих чертах отразить действительное развитие.

* В данной публикации приводится фрагмент работы Фридриха Лутца «Денежная политика и хозяйственный порядок». Перевод осуществлен по изданию: Lutz, Friedrich (1949). *Geldpolitik und Wirtschaftsordnung*“. *Ornung der Wirtschaft*, Bd. 2. S. 207–228.

I

От золотого стандарта по существу отказались в силу его несовместимости с автономной национальной денежной политикой. В двадцатых годах экономисты-теоретики столь резко подчеркивали значение денежной политики для развития конъюнктуры, что, естественно, руководители эмиссионных банков все больше и больше преисполнялись убеждением, что задача денежной политики состоит если не в устранении, то хотя бы в смягчении конъюнктурных колебаний. Подобная задача могла быть выполнена, только если денежная политика была бы в принципе независимой от приливов и отливов золота. Но в результате рухнул золотой стандарт.

Целью автономной денежной политики изначально была «полная занятость». Достижение этой цели считалось возможным через введение централизованного планирования в специальной сфере денежного обращения. Новая денежная политика отличалась от денежной политики времен золотого стандарта как *инструментами* ее проведения, так и своим *воздействием*. Инструмент, которым в основном пользовались центральные банки в двадцатых годах, дисконтная политика, в начале тридцатых годов оказался дискредитирован, поскольку действие его наступало недостаточно быстро. Стало ясно, что с помощью дисконтной политики хотя и можно, вероятно, подъем сдержать, однако нельзя его вызвать, по крайней мере достаточно быстро вызвать. Кроме того, все еще низкая дисконтная ставка в период депрессии не побуждает предпринимателей брать кредиты в банках, пока они не увидят возможностей для прибыльных инвестиций. Поэтому во время депрессии невозможно вызвать бурное извержение этого источника денежной экспансии. Хотя можно через сокращение банковской ликвидности с помощью открытой рыночной политики побудить банки к покупке во время депрессии ценных бумаг. На этой основе можно увеличить количество депозитов в экономике. Но и это не переведет экономику из стадии депрессии в стадию подъема, поскольку продавцы ценных бумаг, как правило, меняют лишь форму своего имущества, т.е. уходят из ценных бумаг в наличность; у них нет намерения расходовать свои новоприобретенные активы. Скорость их оборота, таким образом, равна нулю, и общий спрос на товары в экономике остается неизменным, несмотря на увеличение денежной массы.

Поэтому неудивительно, что начались поиски инструмента денежной политики, который бы отличался от дисконтной политики более быстрым действием. Казалось, что такой инструмент найден и им является предоставление государственных кредитов. Здесь опять было возможно использование различных методов. Министерство финансов

могло подготовить государственную программу инвестиций и посредством продажи ценных бумаг банкам обеспечивать себе средства путем предоставления кредитов. Или можно было — и эта идея особенно сильно пропагандировалась в последнее время — отказавшись от метода государственной инвестиционной программы, установить расходную часть бюджета в размере, который покрывался бы налогами только в случае полной занятости, а при меньшей занятости дефицит, автоматически образующийся в силу сокращения доходов, покрывался бы путем продажи банкам долговых обязательств. В обоих случаях возникают новые депозиты, которые расходует государство, благодаря чему растет общий спрос и создается стимул для расширения производства. Первый метод — второй пока не применялся — оказался, однако, не всегда действенным, поскольку предприниматели зачастую использовали притекающие новые денежные средства для покрытия своих банковских долгов, так что увеличение депозитов на основе государственного кредитования компенсировалось их сокращением вследствие выплаты долгов предпринимателями. Подобное могло бы случиться и при использовании второго метода. Помимо этого последний связан с опасностью прогрессирующей государственной задолженности. Он пропагандируется, естественно, теми экономистами, которые исходят из продолжительной дефицитности инвестиционных возможностей, в силу которой государство постоянно должно вмешиваться для поддержания полной занятости.

Обращение к этим новым методам планирования национальной денежной политики неизбежно повлекло за собой очень важные институциональные изменения. Центр тяжести денежной политики переместился от центрального банка к министерству финансов, и это можно было наблюдать в тридцатые годы во всех странах. Преподобней независимости центральных банков больше нет. Они работают в сотрудничестве с министерствами финансов, причем проведение денежной политики теперь, без сомнения, возложено на министерство. Время покажет, что это институциональное изменение имеет очень важное последствие для денежной политики как таковой, а именно в силу того, что министерства финансов в целом менее заинтересованы в подавлении инфляционных тенденций, чем эмиссионные банки.

Воздействие новой денежной политики, ориентированной на обеспечение полной занятости, как правило, носит инфляционистский характер. Это обусловлено в основном тремя причинами:

В основу политики полной занятости, которая должна была проводиться с помощью дефицитного финансирования, была положена идея о том, что дефицитное финансирование осуществляется только во время депрессии. Но с наступлением подъема должен быть достигнут профи-

цит бюджета, от которого ожидается воздействие, тормозящее подъем. Таким образом, считалось, что государственный бюджет будет равновесным не каждый год, а, вероятно, в период всего конъюнктурного цикла, так что не должна возникнуть тенденция постоянного роста государственного долга или, тем более, инфляции. Проводить такую политику, однако, удавалось очень редко. Практический опыт, подкрепленный также и конъюнктурной теорией, доказывает, что очень трудно, если не невозможно, с помощью денежной политики перевести экономику из стадии депрессии в стадию подъема и удерживать затем высокий уровень занятости при стабильном уровне цен. Теория, как и опыт, свидетельствует о том, что как только в конце подъема достигается стабилизация, практический успех сменяется спадом. Если денежная политика ориентирована на то, чтобы избежать подобный затяжной спад, она будет невольно принуждена к новой кредитной инфляции с тем результатом, что цены начнут стабильно расти.

Склонность проводящих денежную политику инстанций к затяжной кредитной экспансии подкрепляется влиянием кейнсианской теории. Если верно то, что в богатых экономиках (*mature economies*) существует дефицит инвестиционных возможностей, и поэтому всегда имеет место тенденция опережающего роста сбережений по сравнению с ростом частных инвестиций, то во избежание депрессивного давления, возникающего обычно из этого несоответствия, государство должно постоянно повышать свою задолженность и заниматься кредитной экспансией.

В случае утверждения рыночной экономики с монополиями, прежде всего профсоюзными монополиями, инфляционистская тенденция усиливается. В последние годы это стало очевидно, например, в Соединенных Штатах: очень мощные профсоюзы, которым удается добиваться повышения заработной платы, лишь только у предприятий появляется прибыль, вносят существенный вклад в раскручивание инфляции. Несколькими преувеличивая, можно сказать, что профсоюзы делают денежную политику. При росте зарплаты возрастают и соответствующие отчисления, что вынуждает предпринимателей для их финансирования брать все новые кредиты у банков. В результате возрастает денежная масса в обращении, и, как следствие, продолжает расти денежный спрос на товары, цены растут, вновь появляется прибыль, а с нею возникают новые требования повышения зарплат, и весь кругооборот возобновляется.

Третьим элементом, способствующим раскручиванию инфляции, является собственно государственная задолженность. Если она достигает определенных размеров, министерство финансов страны начинает заботиться о курсе государственных ценных бумаг. При этом исходят из того, что значительные колебания курса государственных бумаг подрывают кредитоспособность государства, что сильное снижение этого

курса равносильно повышению процентной ставки: вследствие необходимости обновления долга существенно возрастает возлагаемое на госбюджет бремя процентов на госдолг. Подобный рост процентной нагрузки нежелателен для любого министерства финансов, поскольку, как отмечалось выше, предполагает использование силы власти для поддержания курса государственных бумаг. Воздействие такой политики можно пояснить на примере Соединенных Штатов, где она проводилась в последние годы. В 1946—1948 гг. сильный спрос на банковские кредиты со стороны предпринимателей вызвал значительное расширение депозитов и вместе с этим породил инфляции и общий рост цен. Единственным средством ограничения спроса на банковский кредит было повышение процентной ставки. Такую политику банки Федеральной резервной системы могли бы очень легко проводить. Они могли бы, например, посредством политики открытого рынка сократить резервы банков-членов и путем повышения дисконтной ставки сделать более дорогим для банков-членов использование Федеральной резервной системы, что принудило бы в свою очередь эти банки к повышению процентной ставки по кредитам для своих клиентов. Но теперь банки-члены владеют большим количеством государственных бумаг, которые они могут в любое время продать на рынке и выручить деньги для удовлетворения спроса на банковские кредиты. Подобная продажа ценных бумаг банками привела бы, разумеется, к обвалу курса, т.е. к росту процентной ставки. Банки Федеральной резервной системы, представляющие интересы Министерства финансов, не допускают падения курса государственных бумаг ниже номинального уровня. Если угроза такого падения возникает, банки Федерального резерва вступают в игру и покупают ценные бумаги. Но это означает не что иное, как создание таким образом новых резервов для банков-членов, которые теперь со своей стороны могут без труда удовлетворить спрос на банковские кредиты на основе этих резервов. До тех пор, пока Министерство финансов в союзе с Центральными банками не проявит готовность к повышению процентной ставки, инфляционистская тенденция не прекратится, если только сам собой не снизится спрос на кредиты со стороны предпринимателей.

Подытоживая, можно сказать, что введение планирования денежной политики на национальном уровне с целью обеспечения полной занятости с применением методов дефицитного финансирования вызывает инфляционистскую тенденцию, которая нарастает, если монополии, прежде всего профсоюзные, занимают сильные властные позиции, которые они готовы безоглядно использовать для повышения заработной платы. Поэтому можно с определенной уверенностью предсказать, что в долгосрочной перспективе уровень мировых цен, в существенной мере предопределяемый уровнем цен в Соединенных Штатах, будет

иметь затяжную тенденцию к росту; естественно, возможны временные снижения в связи с депрессиями. Однако принуждение современных государств к предотвращению любой ценой значительной и продолжительной неполной занятости, а также развитие профсоюзных монополий и рост государственной задолженности как таковой, несомненно, будут подталкивать к проведению денежной политики в инфляционистском направлении.

II

Мы рассмотрели, как введение национального планирования в денежной сфере влияет изнутри на сами страны, подверженные этой денежной политике. Само собой разумеется, такого рода политика имеет и внешнеэкономические последствия. Национальная денежная политика, как указывалось выше, несовместима с золотым стандартом и потому принципиально несовместима с твердым обменным курсом. Валютная система, приспособленная к проведению денежной политики, нацеленной на обеспечение полной занятости, несомненно, предполагает независимую валюту со свободным обменным курсом. Страна, осуществляющая денежную экспансию в целях полной занятости, при условии, что другие страны не проводят параллельную денежную экспансию, маневрирует в направлении пассивного платежного баланса. При золотом стандарте дефицит платежного баланса покрывался бы за счет вывоза золота, что имело бы своим неминуемым следствием прекращение политики денежной экспансии в стране, теряющей золотые запасы. Если этого хотят избежать в интересах обеспечения полной занятости, то придется пойти на выравнивание платежного баланса путем снижения ценности своей валюты по отношению к валютам других стран. Подвижный обменный курс поэтому является оборотной стороной национальной денежной политики, ориентированной на полную занятость.

Ни одна страна, естественно, не может относиться с безразличием к движению обменного курса. Сильные каждодневные колебания, которые могут быть вызваны валютными спекуляциями и бегством капиталов, оказывают неблагоприятное воздействие на внешнюю торговлю. Поэтому Министерство финансов или Центральный банк будут пытаться в интересах внешней торговли противостоять влиянию вышеупомянутых факторов на обменный курс. Как показывает опыт, страны, перешедшие в 1930-е годы к независимой валюте, создавали стабилизирующие фонды, предназначенные для сглаживания или даже устранения ежедневных курсовых колебаний. Правда, они могли содействовать лишь поддержанию низкого курса собственной валюты. Поскольку они располагали неограниченным объемом собственной валюты, они могли ее неограничен-

но предлагать на валютных рынках. Возможности этих фондов в части поддержания курса собственной валюты на высоком уровне, напротив, ограничивались объемом имеющегося в их распоряжении запаса золота и иностранной валюты. Едва эти боеприпасы в войне против спекуляции заканчивались, они были вынуждены опускать свою валюту до уровня соответствия спроса и предложения. В подобную ситуацию, например, дважды в 1930-е годы попадал стабилизационный фонд Англии.

Создание стабилизационных фондов означает не что иное, как попытку инстанций, отвечающих за монетарную сферу, не только централизованно планировать внутреннюю денежную политику, но и удерживать в определенных границах обменный курс. Внутреннее денежно-политическое планирование совершенно последовательно ведет к планированию внешней денежной политики, принимающему форму влияния на обменный курс.

Этим, однако, ни в коей мере не ограничивается внешнее влияние денежной политики. Если представить себе мир, в котором каждая страна проводит независимую национальную денежную политику и одновременно пытается с помощью стабилизационного фонда влиять на курс собственной валюты, то, очевидно, существует не только возможность, но и вероятность того, что стабилизационные фонды разных стран станут бороться друг с другом. Как нередко бывает, страна, поддерживающая в целях стимулирования экспорта низкий курс своей валюты, ограничивает тем самым экспортные возможности других стран. Последние будут пытаться нейтрализовать неблагоприятное воздействие курсовой политики первой страны на их экспорт путем предложения через свои стабилизационные фонды своих денег на валютных рынках. Следствием станет всеобщая война валют, которая действительно имела место в отдельные периоды в 1930-е годы. Однажды наступит момент, когда участвующие в ней страны поймут, что эти сражения друг с другом никому пользы не приносят. Следствием станет стремление к соглашению, регулирующему страновые обменные курсы. Примером такового является соглашение трех держав – Соединенных Штатов, Англии и Франции 1937 года. Ход развития, таким образом, вынуждает переходить от национального планирования внутренней денежной политики к национальному и, в конечном итоге, интернациональному планированию внешней стоимости денег. Иными словами, планирование денежной политики не может ограничиваться национальной экономикой.

Воздействие национального планирования денежной политики простирается, как правило, еще дальше. Если однажды оно вводится, то возникает тенденция – теоретически не обязательная, а практически весьма вероятная – вмешательства через планирование денежной политики собственно в экономический процесс. При возникновении

вследствие денежной экспансии дефицита платежного баланса, стране не обязательно для его преодоления допускать падение обменного курса своей валюты. Существуют другие возможности для приведения платежного баланса в равновесие. Могут вводиться таможенные пошлины, импортные квоты или, в экстремальном случае, валютные ограничения. Как показал опыт, страны очень часто отдают предпочтение подобным мерам принудительного ограничения импорта и экспорта перед девальвацией, особенно если давление на платежный баланс обусловлено бегством капиталов или если неминуемое удорожание после девальвации импорта продовольствия и сырья воспринимается как политически неприемлемый результат. Государства, таким образом, очень легко принуждаются к непосредственному регулированию платежного баланса, а потом вновь возникает необходимость вмешательства во внутренний экономический процесс. Хозяйственный порядок все больше приближается к директивной экономике.

Теоретиков национальной экономики нельзя освободить от ответственности за то, что они существенно способствуют подобному развитию, а именно, прежде всего, за их «установку» на плановую экономику, приверженцами которой стал целый ряд экономистов в 1930-е годы, а также за те специальные исследования, в которых, как представляется, оправдывается политика прямого регулирования платежного баланса. Здесь мы имеем в виду различные исследования эластичности цен импорта и экспорта, очень часто приходившие к выводу, что эта эластичность меньше единицы, отчего следовало, что девальвация собственной валюты не способна привести к равновесию платежного баланса. По логике этих аналитиков, если при данном валютном курсе возникает дефицит платежного баланса, снижение курса своей валюты приведет к тому, что при росте физического объема вывоза товаров сократится совокупная стоимость вырученной за него валюты, тогда как на стороне импорта, хотя и сократится физический объем ввозимых товаров, их совокупная стоимость в валюте не снизится или снизится незначительно. В результате дефицит платежного баланса, вместо того чтобы сокращаться, возрастет. Если бы эти представления, основывающиеся, по мнению автора, на непрочном теоретическом фундаменте, были верны, то следовало бы приводить платежный баланс к равновесию не посредством девальвации, а посредством спланированного осознанного вмешательства в отдельные его статьи.

III

Мы начали с того, что ввели элемент централизованного планирования в рыночную экономику, в которой хозяйственные процессы регули-

руются механизмом цен — централизованное планирование в денежной сфере. Мы видели, что такое планирование имеет тенденцию доводить дело до интернационального планирования обменных курсов и, сверх того, высвобождает силы, способствующие преобразованию рыночной экономики в централизованно управляемую. Теперь мы переходим к экономической системе, которая тотально управляется из одного центра.

В системе такого рода деньги теряют важную функцию, которую они выполняют в рыночной экономике, регулируемой ценовым механизмом. В рыночной экономике деньги выступают носителем свободного потребительского выбора; они позволяют их обладателям приобретать те товары и блага, на которые имеется самый насущный спрос. Обладатель денег единственный принимает решение о том, какие товары приобретать. Деньги здесь — средство для реализации свободы, свободы потребительского выбора. Эта функция денег исчезает в централизованно управляемой экономике. То, что потребитель может приобрести, определяется более не его денежным доходом, а тем рационом, который ему выделен. Это имеет далеко идущие последствия. Если в рыночной экономике, регулируемой ценовым механизмом, усилия индивидов направлены на повышение их доходов, чтобы тем самым увеличить потребление, в системе, в которой решения о том, что и сколько можно купить, принимаются рацией карточкой, индивидуум далек от стремления к повышению своих денежных доходов. Если одновременно не увеличивается выделяемый рацион, то получателю дохода относительно безразлична его величина; в результате парализуется стремление через повышение производительности труда и достижение лучших показателей в работе добиваться более высокого уровня доходов, а вместе с этим и потребления. Если работник может частью своего дохода оплатить весь положенный ему рацион, он мало заинтересован в том, чтобы за счет сверхурочных увеличивать свои денежные доходы. Это действительно одна из тяжелейших проблем директивной экономики — найти замену стимулу к достижению лучших трудовых показателей, который имеется в рыночной экономике благодаря возможности добиваться роста доходов. Пример английской экономики показывает, что эта проблема не решена удовлетворительным образом и, вероятно, не может быть решена.

Поскольку деньги не являются более носителями свободного потребительского выбора и объем денежной массы более не определяется совокупным спросом на товары и блага, денежная политика в такой системе в принципе более не выполняет задачу определения совокупного спроса и вместе с ним — уровня цен. Эту функцию выполняют рация и контроль над ценами: денежной политике отводится обслуживающая роль. Ее задача в основном состоит лишь в предоставлении средств, необходимых для выполнения инвестиционного

плана правительства. Если запланированные инвестиции превышают по величине объем сбережений, которые в экономике такого рода хозяйствующие субъекты предоставили для инвестиций, то разница финансируется посредством выделения кредитных средств. Министерство финансов в целом заинтересовано в поддержании низкой процентной ставки, чтобы иметь возможность финансировать инвестиции государства с наименьшими издержками и предотвратить чрезмерное увеличение кредитной нагрузки на бюджет.

Теоретически, конечно, возможно поддержание в такой системе уровня инвестиций, который бы позволял их финансирование за счет добровольно предоставляемых для этого сбережений. Но поскольку объем последних в предстоящем плановом периоде заранее не известен и, кроме того, отмечается склонность к большим инвестициям во избежание неполной занятости, то существует определенная вероятность того, что инвестирование будет опережать предоставление сбережений, образовавшиеся бреши будут финансироваться путем эмиссии и будет проводиться инфляционистская денежная политика. В хорошо организованном плановом хозяйстве с налаженным контролем ценовых и количественных показателей нет необходимости доводить до повышения цен. Если контроль над ценами имеет успех, увеличение денежной массы найдет выражение в образовании денежных «кладов», которые не могут быть использованы для покупок, поскольку этому препятствует контроль количественных показателей. Результатом является так называемый денежный навес, другими словами — отложенная или подавленная инфляция (*zurückgehaltene Inflation*).

Политика, приводящая таким образом к денежному навесу, может продолжаться довольно долго, но в конечном итоге она должна закончиться крахом. Тогда возникают две возможности.

Первая возможность связана с функционированием черного рынка, который всегда неразрывно связан с контролированием цен и количества, и который разрастется настолько, что его обороты превысят обороты контролируемого рынка. Подобное развитие, естественно, окончательно подорвет централизованное планирование, поскольку не будет больше гарантии того, что сырье и материалы, предназначенные для отдельных производств, действительно будут использоваться по назначению. Если, например, во Франции, как рассказывают, крестьяне получают бензин по довольно высоким нормам рациона, тогда как частные автомобилисты — по весьма заниженным, и крестьяне по сильно завышенным ценам продают свой бензин на черном рынке частным автовладельцам, то, естественно, существование черного рынка подрывает весь план сельскохозяйственного производства. Расширение черного рынка имеет тогда своим неизбежным следствием тенденцию к свертыванию контроля цен

и количества и к возвращению к рыночной, регулируемой ценами экономике, тенденцию, которая становится все заметнее на всем континенте.

Вторая возможность связана с попыткой снизить уровень плановых инвестиций или повысить уровень сбережений, готовых для инвестирования, с тем чтобы заделать дыру, через которую в экономику вливается дополнительная денежная масса. Этот второй подход типичен для экономической политики Англии. Инвестиционная программа разными способами сокращена. Процентная ставка повышена не столько ради ограничения спроса на кредиты — инвестиции управляются централизованно, т.е. ратионируются — сколько для поощрения роста сбережений и, в первую очередь, чтобы побудить вкладчиков к инвестированию. Если удастся таким образом привести объем инвестирования в соответствие с объемом готовых к инвестированию сбережений, то давление, заставляющее вернуться к рыночной системе, будет менее сильным, чем в странах, в которых продолжается инфляция при одновременном контроле цен и количества.

Из сказанного следует, что в условиях политической демократии даже централизованная плановая экономика не может совсем отказаться от механизма цен. При демократии нельзя принудить граждан государства к инвестированию своих сбережений, и для стимулирования инвестиций приходится, поэтому, прибегать к повышению процентной ставки. Другой пример невозможности полного игнорирования механизма цен предоставляет рынок рабочей силы. В условиях демократии вряд ли можно предписывать работникам, на каких предприятиях они должны трудиться, хотя распределение сырья предполагало бы подобное распределение и рабочей силы. Поэтому на рынке труда приходится прибегать к дифференциации заработной платы, позволяющей обеспечить перелив рабочей силы в те отрасли, которым благоприятствует центральное руководство. Правда, профсоюзы, как правило, энергично протестуют против таких различий в заработной плате.

Подытоживая, можно сказать, что в централизованной плановой экономике денежная политика вынуждена играть подчиненную роль; ее задача заключается в содействии выполнению централизованного плана инвестирования при том, однако, что опасность подавленной (отложенной) инфляции, т.е. образования денежного навеса, налагает на денежную политику ограничения, которые приходится соблюдать, чтобы не допустить краха плановой экономики.

IV

Какие последствия для обменного курса и внешнеторговых связей имеет внедрение централизованно управляемой экономики? Ни золо-

той стандарт, ни свободный обменный курс несовместимы с национальным хозяйственным планом. Формой международных экономических отношений, полностью скоординированной с национальным планированием, неизбежно становится государственный контроль над валютными операциями. Экспорт и импорт должны быть интегрированной частью национального плана, т.е. должны подвергаться ценовому и количественному контролю. Это означает не что иное, как контролирование наряду с другими ценами и обменного курса, а также выравнивание платежного баланса посредством лицензирования экспорта и импорта. Надежды на введение всемирного свободного обращения валют, которые еще во многих местах питают, не оправдаются до тех пор, пока еще существуют экономики, приверженные системе централизованного управления процессом хозяйствования.

Хотя национальное планирование неизбежно предполагает коррелирующее плановое согласование объемов экспорта, импорта и обменного курса, из этого еще не следует, что система централизованно управляемой экономики столь же неизбежно должна вести к двусторонним платежным соглашениям между парами стран. Вполне можно представить составление «всемирного плана», в котором, например, «предусмотрено» превышение экспорта в торговле Аргентины с Англией, и превышение импорта в ее торговле с США, тогда как Англия «получает» положительное сальдо в торговле с Америкой. Аргентинцы могли бы тогда фунты стерлингов, полученные в результате превышения их экспорта, превратить в доллары и оплатить ими отрицательное сальдо в торговле с Соединенными Штатами. Подобная трехсторонняя торговля вполне возможна, и теоретически допустимы более сложные системы международной торговли, иными словами, возможно ведение на такой основе «многосторонней» торговли. Ясно, однако, что такая многосторонняя торговля практически вряд ли возможна. Если все экономики станут центрально управляемыми, то неизбежным практическим следствием было бы преобладание двусторонних платежных соглашений, возможно, при наличии отдельных трехсторонних. Следует, таким образом, считаться с тем, что экономические отношения стран с такими системами хозяйствования принимают в основном форму двусторонних соглашений, в которых обменный курс, положенный в основу расчетов по экспорту и импорту, возможно, становится предметом торга, причем решающее значение при определении страны с привилегированным курсом имеет относительное соотношение сил партнеров по соглашению. Высокий обменный курс валюты одной из стран в таком соглашении означал бы, что пропорции обмена «сдвигаются» в пользу страны с более высоким курсом.

Если же, как это имеет место в настоящий момент, одновременно сосуществуют экономики с рыночным ценовым регулированием и цен-

трализовано управляемые экономики, то у последних возникают трудности особого рода. «Нехватка долларов», от которой страдает в настоящее время большинство европейских стран, в принципе, есть следствие централизованного управления хозяйственным процессом. В экономической системе со свободным обменным курсом подобная нехватка долларов была бы невозможна. С одной стороны, она связана с обменным курсом, который переоценивает валюту страны, испытывающей недостаток долларов и потому сдерживающей экспорт в Соединенные Штаты. С другой стороны, она предопределяется экономическим планированием, поощряющим инвестиции или потребление за счет экспорта, так что производительные силы, которые могли бы быть использованы для обеспечения экспорта, связаны выполнением планов по инвестициям и потреблению. Заключение двусторонних соглашений между странами с рыночной экономикой и странами с централизованным управлением может способствовать приобщению первых к долларовому дефициту. Так, например, Бельгия, страна с рыночной экономикой, страдает от «нехватки долларов» в основном именно потому, что она не может обменивать на доллары свои активы в Англии и других странах, накопленные в результате двустороннего обмена. Уступка плановой экономике, которую делает Бельгия, заключая двусторонние внешнеторговые соглашения, оборачивается для нее «нехваткой долларов», которая ею и вызвана. Здесь неуместно рассматривать вопрос, вынуждены ли практически такие страны с рыночной экономикой, как Бельгия, заключать подобные соглашения, или же они, подобно Соединенным Штатам, могут от этого отказаться. Долларовый дефицит у такой страны, как Бельгия, несомненно, обостряется еще и потому, что ее валюта переоценена по отношению к доллару. Нехватка долларов, таким образом, является следствием централизованного управления экономикой или уступки ей во внешнем обмене. Это не есть нечто Богом данное, хотя некоторые экономисты и привыкли рассматривать трудности платежного баланса европейских стран как обстоятельство непреодолимой силы.

Обобщая, можно сказать, что государственный валютный контроль, контролирование валютного курса и строгое регулирование импорта и экспорта являются дополнением внутреннего централизованного планирования экономического процесса. Международные экономические отношения, по крайней мере, на практике имеют тенденцию развиваться в рамках двусторонних соглашений, притом что страны с рыночной экономикой, которые отклоняют двусторонние отношения и которые не должны испытывать нехватку долларов, в действительности ее все же ощущают. Централизованное управление экономическим процессом в странах, участвующих в международной торговле, всегда будет приводить к ее искажению, поскольку международная торговля в результате

не может пользоваться каналами, проложенными в соответствии с компаративными преимуществами отдельных стран, и общий полезный эффект от международного разделения труда весьма заметно снижается.

V

Система золотого стандарта представляла собой строгий порядок международной торговли, который, как все порядки, основывался на определенных правилах игры, обладал прозрачной конструкцией и был понятен каждому участнику. Он образовался в рамках конкурентного порядка и был его отражением в узкой сфере денежного хозяйства. После отказа от золотого стандарта до сих пор не удалось создать новую международную, четко организованную денежную систему. Реагируя на изменения экономико-политической идеологии и самого хозяйственного порядка, денежная политика в 1930-е годы развивалась в направлении независимости валют друг от друга, что позволяло проводить национальную денежную политику в целях обеспечения полной занятости. Связанные с этим трудности возникали в основном во внешнеэкономической сфере, где развернулась борьба национальных валют, которая, в конце концов, должна была быть прекращена посредством интернационального планирования обменных курсов и кооперации стабилизационных фондов, хотя эта кооперация не стала очень эффективным средством. Реагирование на переход от экономики рыночного типа к централизованно управляемому хозяйству вновь привело к изменению характера денежной политики – внутри страны она потеряла самостоятельное значение и играла подчиненную роль в рамках общехозяйственного плана, а во внешних сношениях она подводила к валютному регулированию и заключению двусторонних соглашений.

В настоящее время существуют одновременно экономики с преимущественно централизованным управлением и экономики рыночного типа, причем встречаются все возможные варианты перехода от одного типа к другому. Представляется невозможным создание в таком мире международной денежной системы, которая бы основывалась на строгих принципах единого порядка. Ясно, что золотой стандарт не будет больше вводиться, поскольку государства не хотят отказываться от своего права на проведение автономной конъюнктурной политики, т.е. политики по обеспечению полной занятости. Неудивительно, что при таких обстоятельствах порядок международной денежной системы, попытка создания которого предпринята в Бреттон-Вудсе, носит и должен носить выраженный компромиссный характер. Бреттон-Вудское соглашение представляет собой в своей основе не что иное, как компромисс между всеми валютными системами, получившими развитие после

золотого стандарта. Эта система содержит элементы системы золотого стандарта, системы независимых валют с подвижными курсами и, в конечном счете, элементы валютного контроля.

Остатки системы золотого стандарта, распознаваемые в Бреттон-Вудском соглашении, продолжают существовать в виде признания золота в качестве все еще международного платежного средства, фиксированного золотого содержания валют, но, прежде всего, в ориентации соглашения на твердые обменные курсы.

Однако обменные курсы не фиксируются перманентно, как было при золотом стандарте. Теперь у страны существует возможность обесценить свою валюту — и в этом находят свое проявление элементы системы независимых валют с подвижными курсами. Страна может односторонне обесценить свою валюту на десять процентов по сравнению с курсом, с которым она вступала в Бреттон-Вудское соглашение, и может по согласованию с другими членами валютного фонда и далее снижать курс, если она находится в состоянии «фундаментального неравновесия». Это положение было необходимо постольку, поскольку в соглашении, что для него характерно, каждой стране разрешено проводить ту внутреннюю денежную политику, которая ей подходит. Если страна, например, вследствие проведения экспансионистской денежной политики начинает испытывать трудности с платежным балансом, то, как отмечалось выше, обменный курс валюты в силу ее независимости может быть ухудшен, и таким путем платежный баланс может быть приведен в равновесие. Этот механизм по сути был перенят Бреттон-Вудской системой. Правда, свободное курсообразование не допускается, и страна должна испрашивать обесценение собственной валюты, которое подлежит одобрению другими членами валютного фонда. Время покажет, насколько удачной была эта идея. Весьма вероятно, что другие члены не согласятся на такое обесценение, поскольку они, со своей стороны, не заинтересованы в росте экспорта соответствующей страны и в торможении своего экспорта в соответствующую страну или в третьи страны. Поэтому вполне возможно, что на практике обменные курсы будут менее подвижными, чем могли предполагать авторы соглашения. Характерно, что в случае Франции другие члены валютного фонда, прежде всего Англия, не согласились с обесценением франка в той форме, в какой это было предложено Францией. Несмотря на это, Франция понизила курс, что имело своим следствием лишение ее права претендовать в будущем на средства фонда.

Третий элемент — государственное контролирование валютных операций — содержится в двух положениях Бреттон-Вудского соглашения. Во-первых, страны наделены правом препятствовать бегству капиталов посредством валютного контроля. Во-вторых, валютный фонд может

объявить дефицитной валюту, на которую отмечается сильный спрос со стороны других членов, т.е. валюта тогда будет распределяться между отдельными странами. Одновременно в этом случае страны сами могут вводить систему контроля для такой валюты.

Что касается первого пункта – предотвращения посредством валютного контроля бегства капиталов – то подобная мера требует не только обоснования запрашивающей валюту стороны целей ее использования, но и готовности предложить валюту от тех, кто заработал ее в результате экспорта. Но это означает создание всего аппарата, требуемого для общего валютного контроля. Не всегда представляется возможным свободно купить валюту на рынке. И тогда велика опасность того, что центральное ведомство, которое валюту запрашивает и которому она предлагается, будет использовать свои полномочия не для того, чтобы предотвращать бегство капиталов, а чтобы контролировать текущий импорт. Как показывает опыт прошлого, если начинают с валютного контроля для предотвращения бегства капиталов, то заканчивают полным контролем над валютными операциями. Таким образом, существует возможность того, что контроль в валютной сфере приобретет значение, не отвечающее целям соглашения. И пока существуют хозяйственные порядки директивного типа, контролирование валютных операций остается необходимостью. Что касается второго пункта, объявления валюты дефицитной, то было бы правильным в таком случае не вводить валютный контроль, а требовать повышения курса соответствующей валюты; поскольку такое повышение ее стоимости в случае активного сальдо платежного баланса дополняло бы противоположное по смыслу обесценение валюты, предусмотренное соглашением на случай дефицита платежного баланса. Таким способом можно было бы устранить причину, обуславливающую введение валютного контроля. Не совсем ясно, почему повышение курса не предусмотрено в качестве меры преодоления дефицитности валют. Можно догадываться, что авторы соглашения исходили из предположения, что поскольку обесценения валют весьма популярны, повышения курса – напротив, весьма не популярны, и поэтому нельзя будет добиться согласия соответствующей страны на такое повышение.

Критикуя отдельные положения Бреттон-Вудского соглашения, нельзя в то же время не признать, что оно последовательно постольку, поскольку означает явное поражение существующих в настоящее время денежных систем. Если одновременно существуют рыночные и централизованно управляемые экономики и если представлены все оттенки этих двух крайностей, то международный порядок в денежной сфере может иметь только компромиссный характер, позволяющий всем одновременно принимать в нем участие. Нельзя ожидать от международ-

ного порядка в денежной сфере, чтобы он основывался на единственном эффективном принципе, как это было во времена золотого стандарта. Нельзя ожидать и от такого компромиссного решения международной денежной проблемы теоретически удовлетворительной и практически безупречной реализации.

VI

Имея в виду конфузную ситуацию в сфере международных финансов и тот факт, что Бреттон-Вудское соглашение не представляет собой патентованное решение и не может быть таковым, вряд ли следует удивляться, что экономисты пытались изобрести международный денежный порядок, который призван, во-первых, предотвращать интенсивную депрессию, или, иными словами, гарантировать высокий средний уровень занятости, во-вторых, основываться на прозрачных четких принципах, в-третьих, воплотить идею автоматического механизма, каковой лежал в основе золотого стандарта.

В Соединенных Штатах особенно интенсивно дискутируется план, который пропагандируют Бенджамин Грэхем и профессор Франк Д. Грэхем. Первоначально план был разработан только для США. Однако его легко можно доработать и сделать международным. Здесь вряд ли уместно излагать его детали и критиковать слабые стороны. Однако читателю, вероятно, будет интересна его основная идея, позволяющая продемонстрировать, в каком направлении работает мышление некоторых экономистов, заинтересованных в конкурентном денежном порядке. План, кроме того, получил поддержку профессора Хайека и других известных экономистов.

Согласно этому плану должно быть создано центральное ведомство, наделенное правом в заданных фиксированных пропорциях скупать и продавать определенные виды сырья и сельскохозяйственных продуктов длительного хранения (15–20 наименований). Составленный таким образом набор товаров оценивается, например, в 1000 долларов; центральное ведомство готово покупать его по этой цене и продавать с небольшой – например, 5 долларов – наценкой, требуемой для покрытия расходов на хранение. Важно отметить, что цены на отдельные товары из набора могут колебаться в зависимости от спроса и предложения, лишь общая цена набора остается фиксированной.

Действие плана лучше всего представить применительно к процессам, протекающим в периоды депрессии и подъема. Предположим, наступает депрессия, и наблюдается тенденция, снижения рыночных цен на товары, в том числе и на те, которые входят в набор. Тогда специализирующимся на данном виде сделок торговцам было бы выгодно скупать

товары на рынке, составлять из них в определенных пропорциях набор и продавать его центральному ведомству, которое предлагает твердую цену в размере 1000 долларов. Центральное ведомство, естественно сотрудничающее с Центральным банком, оплачивало бы этот набор вновь «созданными» деньгами, так что денежная масса во время депрессии автоматически возрастает. Тем самым достигается стабилизация существенного сектора экономики, а именно производителей этих 15–20 товаров, что весьма важно потому, что производители сырья и сельскохозяйственной продукции особенно сильно страдают от депрессии. Кроме того, расширение денежной массы, возникающее в результате продажи этого набора центральному ведомству, косвенно будет способствовать оживлению спроса и на другие товары, не входящие в набор. Принцип, на котором основывается план, тот же самый, что и в системе золотого стандарта, с той разницей, что фиксируется цена не одного товара — золота, а целого набора товаров. И точно так же, как при золотом стандарте производство золота растет в период депрессии, т.к. растет цена на золото, тогда как остальные цены относительно цены золота снижаются, согласно новому плану стимулируется производство всех этих входящих в набор товаров. И точно так же, как рост производства золота оказывает на остальную экономику оживляющее воздействие, которое, правда, в действительности весьма слабое, от производства и продажи «товаров набора» тоже распространялось бы на другие сектора экономики оживляющее воздействие, которое в этом случае было бы значительным, поскольку место производства золота занимает теперь заметная часть совокупного производства.

Если же в стадии подъема цены на набор товаров начнут расти, торговцам будет выгодно выкупить у центрального ведомства эти товары из набора и предложить их на свободном рынке. Это имело бы своим следствием не только рост цен на эти товары, как это бывает в подобных случаях, но автоматическое сжатие денежной массы, благодаря чему подъем тормозится. Таким образом, по мнению сторонников этого плана, создается механизм, способствующий стабилизации конъюнктуры и функционирующий совершенно автоматически. Тем самым достигается тот же эффект, который хотят получить сторонники обеспечения полной занятости посредством планирования денежной политики, но с тем преимуществом, что процесс протекает автоматически вместо того, чтобы зависеть от идей и пристрастий руководителей, осуществляющих денежную политику.

План, естественно, нуждается в тщательной проработке, прежде всего, в части его международного воздействия и проблематики обменных курсов. Прежде чем план может быть выведен на сцену, должны быть также решены и некоторые проблемы содержательного характера,

например, вопрос величины расходов на хранение или возможности изменения цены набора в случае снижения производственных издержек. Но основная идея плана — создание механизма автоматического действия — задает, по мнению его авторов, верное направление. В связи с этим следует, однако, подчеркнуть, что реализация плана такого рода возможна только в том случае, если важнейшие национальные экономики перейдут к хозяйственному порядку рыночного типа. Невозможно осуществление на практике строгого порядка международной денежной сферы, пока одновременно существуют совершенно разные системы хозяйствования, по той простой причине, что всякому хозяйственному порядку соответствует определенная денежная система, и международный порядок, основанный на едином принципе, возможен лишь в случае, если на одном основном принципе базируется мировая экономическая система.

ЛЕОНХАРД МИКШ

Введение

Нильс Гольдшмидт

Биография

Леонхард Микш родился в богемском городе Теплице-Шёнау¹ 20 мая 1901 г. В течение шести семестров он обучался химии в университетах Праги и Тюбингена – обстоятельство, объясняющее несвойственный ордолиберализму естественно-научный и математический подход, заметный в его ранних трудах. Начиная с зимнего семестра 1923–1924 гг., Микш обратился к изучению экономических дисциплин, окончив курс защитой диплома (1926 г.). Спустя три года он защитил диссертацию по политическим и экономическим наукам с присвоением степени *Diplomatus rerum politicarum*. Диссертацию на тему «Существует ли всеобщее перепроизводство?» он писал под руководством Вальтера Ойкена, который с 1925 г. преподавал в Тюбингенском университете. Ойкен стал не только научным руководителем, но и, в последующие годы, покровителем и другом Микша.

После защиты диссертации, прослужив два года в архиве Общества имперского кредита² (Берлин), Микш посвятил себя журналистской деятельности. Пятнадцать лет, с 1929 г., он был редактором берлинского отделения газеты «Франкфуртер цайтунг», а с 1932 г. вплоть до запрета газеты в 1943 г. возглавлял экономический отдел ее редакции. В те годы у Микша сформировался собственный стиль изложения, который характерен для его позднейших научных трудов: исключительно глубокие профессиональные знания излагаются четко, образным языком, при этом теоретические положения иллюстрируются примерами из прак-

¹ Совр. Теплице в Чехии. До Версальского мира город был в составе Австро-Венгерской империи, в 1918–1938 и 1945–1991 гг. – Чехословакии, в 1938 г. в составе Судетской области был передан Германии. – *Прим. пер.*

² Общество имперского кредита – банк (основан в 1917 г., с 1924 г. – ООО), занимался предоставлением кредитов промышленным и торговым предприятиям, выдачей кредитов на экспортно-импортные операции, эмиссией, выпускал ежегодные обзоры германской экономики. – *Прим. пер.*

тики. После запрета «Франкфуртер цайтунг» национал-социалистами Микш работал коммерческим редактором газеты «Берлинер Бёрзенцайтунг», а потом, после нескольких месяцев армейской службы, — служащим информационного отдела Рейхспочты.

Занимаясь экономической журналистикой, Микш никогда не терял связи с академической наукой. Главным итогом его научной работы стала докторская диссертация «Конкуренция как задача. Принципы конкурентного порядка», которая была опубликована в издававшейся Францем Бёмом, Вальтером Ойкеном и Гансом Гроссманн-Дёртом серии «Порядок экономики», № 4 за 1937 г. Таким образом, эта работа относится к ранним научным публикациям по ордолиберальной тематике. Ойкен, будучи первым рецензентом, оценил докторскую диссертацию Микша как «необычайное достижение», поскольку в работе удалось добиться «редкостного соединения конкретных экономических знаний с принципиальными обобщениями». Автор второй рецензии, фрайбургский исследователь финансовых проблем Адольф Лампе, указывал, что работа Микша «бесспорно, написана в духе Фрайбурга»³. Хотя Микшу была присвоена академическая степень доктора наук, он не стал претендовать на получение должности доцента, поскольку это повлекло бы за собой принадлежность национал-социалистической доцентуре и потребовало демонстрации поддержки официальной идеологии⁴.

После окончания войны Микш работал заместителем Ведомства по продовольствию берлинского административного района Вильмерсдорф и редактором экономических программ Берлинского радио. С 1 июля 1946 г. он перешел на работу в Центральное экономическое ведомство британской оккупационной зоны, которое находилось в г. Минден. Затем Микш стал сотрудником Административного совета по хозяйственным вопросам Бизонии (также располагавшегося в Миндене), а также Экономического управления во Франкфурте — учреждения, из которого впоследствии сформировалось министерство экономики. Здесь с течением времени он начал работать в тесном контакте с Людвигом Эрхардом, который с марта 1948 г. возглавил Управление. Из-под пера Микша вышел окончательный проект Закона об основных принципах, посредством которого Эрхард одновременно осуществил отказ от директивного ценообразования и финансовую реформу: с позиций сегодняшнего дня, именно эта мера видится залогом экономических успехов Западной Германии в послевоенные годы. В дальнейшем Эрхард называл Микша «передовым борцом за возврат к рыночному хо-

³ Документы хранятся в личном деле Микша, см. Архив Фрайбургского университета, В110/77.

⁴ Тем не менее, отношение Микша к национал-социализму следует определить как по меньшей мере противоречивое. См. об этом: Feld und Köhler (2015).

зайству»⁵. 31 мая 1949 г., накануне назначения на должность министерского советника, Микш по собственному желанию уволился с административно-хозяйственной работы.

К летнему семестру 1949 г. Микш принял приглашение вновь открытой Государственной школы экономики в Мангейме на должность штатного преподавателя экономической теории. Уже в следующем семестре Микш перебрался во Фрайбургский университет, возглавив там кафедру теории экономики и финансов.

Академическая карьера Микша оказалась короткой. 5 декабря 1949 г. он прочитал вводную лекцию на тему «Моральное значение конкурентного порядка». Разумеется, на факультете Фрайбургского университета Микш поддерживал близкие отношения с Вальтером Ойкеном, чья скоропостижная смерть в марте 1950 г. глубоко потрясла Микша. В скором времени, 19 сентября 1950 г., скончался и сам Леонхард Микш.

Труды и вклад в теорию ордолиберализма

Хотя Микш написал несколько сотен научных и журналистских статей практически по всем темам экономической науки, для развития фрайбургской школы, бесспорно, самой значимой является его диссертационная работа с характерным названием «Конкуренция как задача». В противовес вере в нерушимую гармонию и в непрерывный исторический прогресс, Микш предложил решение, известное сегодня всем, кто знаком с концепцией ордолиберализма: «свободная экономика может существовать только в том случае, если государство занимается ее организацией на основе принципов свободы» (Miksch 1937: S. 9 и далее); конкуренция — это «дело государства» (там же). Поддерживая Франца Бёма, Микш выступал за создание экономической конституции («правил игры»), которая обеспечивала бы от лица государства экономический порядок. В качестве «основного правила» для создания такой конституции Микш предложил использовать разработанную в 1934 г. Генрихом фон Штакельбергом⁶ классификацию форм рынка: конкуренцию, олигополию и монополию, дополнив ее сначала частичной монополией, а во втором издании 1947 г. частичной олигополией⁷.

⁵ Служебная характеристика Леонхарда Микша, составленная федеральным министром экономики Людвигом Эрхардом от 23 декабря 1950 г. (см. Государственный архив Фрайбурга, Staatsarchiv Freiburg, С 25/2, 137).

⁶ Генрих фон Штакельберг (1905–1946) — немецкий экономист. Выделял 9 форм рынка в зависимости от степени монополизации спроса и предложения. — *Прим. пер.*

⁷ Эта последняя классификация соответствует классификации Ойкена, изложенной в его труде «Основы национальной экономики» (1940). Ойкен и Микш по-разному подходят к основанию классификации: для Микша важнее число участников рынка, тогда как у Ойкена решающим критерием выступают *плановые задания*.

Выделение этих (экономических) форм рынка и вывод о необходимости (юридически оформленной) рыночной конституции, по Микшу, ставят несколько принципиально важных задач, решение которых представляет залог эффективности теории и практики конкуренции. Если совершенная конкуренция, для которой характерна тенденция к макроэкономическому равновесию, уже существует или ее следует создать, ее нужно включить в юридически закрепленную рыночную конституцию, которая обеспечивает свободную конкуренцию в рамках гарантированного ею всеобщего конкурентного порядка (правовой порядок). Если же сохраняется несовершенная конкуренция, то в рыночной конституции следует прописать конкурентный порядок, например, посредством специального конкурентного права, т.е. с помощью особых предписаний. Эту задачу Микш связывает с требованием «организовать все эти рынки таким образом, как будто на них существует неограниченная конкуренция» (Miksch 1937: 136). Своим требованием «как будто» работающей конкуренции Микш никоим образом не намеревается обосновать государственный интервенционизм. Напротив, это требование увязано со стремлением расширить свободу конкуренции: «Удовлетворительное решение вопроса о монополиях и об ограничениях конкуренции требует от государства по меньшей мере части той твердости, которую демонстрирует сам рынок, организованный на принципе свободы» (Miksch 1937: 76). Данный критерий «как будто» конкуренции, который в литературе по теории конкуренции до сегодняшнего дня представляется спорным, нашел отражение в конкурентном законодательстве Федеративной Республики Германия. § 19 Закона против ограничений конкуренции⁸ составлен на основании концепции о (гипотетическом) сравнении рынков. В своих позднейших трудах Микш сосредоточился на том, чтобы выделить рынки, на которых «как бы конкуренция» не годится — рынки труда и кредитов, где должна иметь место конкуренция.

Тем самым конкуренция остается для Микша основополагающим принципом порядка, благодаря которому экономические акторы наилучшим образом могут раскрыть свой творческий потенциал и координировать свое поведение на рынке свободным принятием решений. Действие сил, присущих конкуренции, Микш воспринимает как «внутренний процесс» конкуренции. Необходимое внешнее дополнение представляет собой рыночная конституция. Но в оптимальном случае эта конституция призвана не регулировать процессы, а создать условия

⁸ Закон против ограничений конкуренции был принят после многолетних прений в 1957 г. Действующая редакция закона относится к 2016 г. § 19 декларирует запрет на злоупотребление господством на рынке одним или несколькими предприятиями. — *Прим. пер.*

для развития в нужном направлении: «Правила относятся к внешнему процессу, а упорядочение — к внутреннему» (Miksch 1937: 11).

Эта дифференциация внутренней и внешней компонент экономической координации, отраженная в отличии правил от упорядочения, стала центральной темой более поздних работ Микша по теории ордолиберализма. «Любой процесс в экономике требует координации разделения труда в обществе. Она может осуществляться только в двух формах: либо извне, инстанцией, которая выступает как вышестоящая по отношению к отдельным акторам, либо изнутри, когда эти акторы действуют самостоятельно. Таким образом, внешняя координация основана на власти, а внутренняя — на свободе» (Miksch 1950b: 85).

С точки зрения Микша, принципы внутренней и внешней координации имеют основополагающее значение для обеих полярных экономических систем: *чисто меновой и командной экономики* (Miksch 1948: 175). Принципы связаны друг с другом, но их комбинация не может быть произвольной. Более того, нельзя найти такую комбинацию, которая позволит создать экономическую конституцию, подходящую на все времена: это исключается из-за трансформаций, обусловленных техническим прогрессом, но в первую очередь — изменением потребностей индивидуумов. Поиск оптимальной на данное время комбинации внешней и внутренней координации для политики порядка и конкуренции остается «извечной задачей» (Miksch 1950a: 31).

С точки зрения Микша, особого внимания заслуживают при этом различные формы внешней координации: «Любая экономическая политика — это внешняя координация, но не всякая внешняя координация — это экономическая политика» (Miksch 1950a: 46). Вероятно, опираясь в числе прочего и на собственный опыт в сфере государственного управления, Микш строго разделяет правовой порядок и принуждение со стороны управленческих органов. Если правовой порядок и всеобщий закон применимы по отношению ко всем индивидуумам, они рассчитаны на то, чтобы подвести под общие правила и возможно более широкий временной горизонт по возможности максимальное количество многообразных явлений, то система принуждения направлена на индивидуальный случай. Таким образом, принуждение со стороны управленческих органов включает элемент произвола, который, в итоге, сводит на нет упорядочивающую функцию внутренней координации.

Эти взгляды подвели Микша в его послевоенных работах к рассуждениям на политэкономическую тему: экономическая конституция должна быть утверждена и закреплена на политическом поле таким образом, чтобы исключить опасность ее уничтожения под действием произвола внешней координации. Несмотря на то что в этом вопросе концепция Микша осталась на незавершенной, фрагментарной стадии, его главный

аргумент заключается в том, что, как и в случае совершенной конкуренции, только принцип *больших чисел* предотвращает появление ростков произвола и злоупотребления властью. Из этого следует, что экономическая политика всегда должна противодействовать властным злоупотреблениям: «Ясно, что экономическую политику должна проводить инстанция, которая представляет общество в целом, а не односторонние экономические интересы» (Miksch 1950a: 47 и далее). Таким образом, демократия для Микша — это политический эквивалент чистой меновой экономики: «Чистая меновая экономика — это во всех единичных проявлениях хозяйственный аналог политической демократии» (Miksch 1948: 194 и Miksch 1947). Важнейшей точкой отсчета в обосновании правового порядка, который должен регулировать хозяйственную и политическую жизнь, для Микша остается индивидуум. Защита индивидуальной свободы, связанная с ограничением собственной сферы свободы ради защиты свободы других, находит единственно верное соотношение через такой порядок, основанный на внутренней координации и принципе демократии. В то же время порядок, подчиненный этому масштабу, предполагает воплощение максимальной справедливости: «Принцип оплаты по труду и вся внутренняя координация в целом соответствуют выравнивающей справедливости» (Miksch 1950a: 58), которая, по Микшу, и есть единственная форма справедливости. Размышления по поводу соотношения рынка и демократии на основе экономической теории намечают связь научных воззрений Микша с теориями общественного выбора или конституциональной экономики.

ЛИТЕРАТУРА

Работы Л. Микша

- MIKSCH, LEONHARD (1929). Gibt es eine allgemeine Überproduktion? Jena: Fischer.
- MIKSCH, LEONHARD (1937). Wettbewerb als Aufgabe. Grundsätze einer Wettbewerbsordnung (= Die Ordnung der Wirtschaft, Heft 4), Stuttgart, Berlin: Kohlhammer; 2., erw. Aufl., Godesberg: Küpper 1947.
- MIKSCH, LEONHARD (1942). Möglichkeiten und Grenzen der gebundenen Konkurrenz, in: Günter Schmölders (Hg.). Der Wettbewerb als Mittel volkswirtschaftlicher Leistungssteigerung und Leistungsauslese, Berlin: Duncker&Humblot. S. 99–106.
- MIKSCH, LEONHARD (1947). Wirtschaftspolitik in der Demokratie, Die Zeit vom 03. Juli 1947. S. 5.
- MIKSCH, LEONHARD (1948). Zur Theorie des Gleichgewichts, ORDO 1, S. 175–196.
- MIKSCH, LEONHARD (1949a). Die Geldordnung der Zukunft, Zeitschrift für das gesamte Kreditwesen 2. S. 155–158.

- MIKSCH, LEONHARD (1949b). Die Geldschöpfung in der Gleichgewichtstheorie, *ORDO* 2. S. 308–328.
- MIKSCH, LEONHARD (1949c). Die Wirtschaftspolitik des Als-Ob, *Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft* 105. S. 310–338.
- MIKSCH, LEONHARD (1950a). Die sittliche Bedeutung der inneren Koordination, *ORDO* 3. S. 29–73.
- MIKSCH, LEONHARD (1950b). Die Verstaatlichung der Produktionsmittel in der Morphologie der Wirtschaftsordnungen, in: Walter Weddigen (Hg.). *Untersuchungen zur sozialen Gestaltung der Wirtschaftsordnung*, Berlin: Duncker&Humblot. S. 85–142.

Научная и критическая литература

- BERNDT, ARNOLD und NILS GOLDSCHMIDT (2000). „Wettbewerb als Aufgabe“ – Leonhard Mikschs Beitrag zur Ordnungstheorie und -politik, *ORDO* 51. S. 33–74.
- EUCKEN, EDITH (1950). Bauer und Bohemien. Zum Gedenken an Leonhard Miksch, *Frankfurter Allgemeine Zeitung* vom 18. Oktober 1950. S. 6.
- FELD, LARS P. und KÖHLER, EKKEHARD A. (Hrsg.) (2015): *Wettbewerbsordnung und Monopolbekämpfung. Zum Gedenken an Leonhard Miksch (1901–1950)*, Tübingen: Mohr Siebeck.
- GOLDSCHMIDT, NILS und ARNOLD BERNDT (2005). Leonhard Miksch (1901–1950). A Forgotten Member of the Freiburg School, *American Journal of Economics and Sociology* 64. S. 973–998.

Конкуренция как задача. Принципы конкурентного порядка*

Введение

Техническая революция XVIII и XIX веков наполнила хозяйственную жизнь безостановочным движением. Конкуренция была внешней формой этого движения. На нее, а не на технический прогресс на протяжении 150 лет направлена непрерывная критика. В настоящее время, когда обсуждается такое множество различных вопросов, проблема хозяйственной организации также вновь становится предметом дискуссий.

Для ревностных реформаторов всех стран положение дел выглядит в большинстве случаев весьма просто. Согласно их представлениям, экономика свободного рынка возникла во второй половине XVIII столетия как готовая система, которая хотя и привела к подъему произво-

* В данной публикации приводится фрагмент работы Леонхарда Микша «Конкуренция как задача. Принципы конкурентного порядка». Перевод осуществлен по изданию: *Miksch, Leonhard* (1937). *Wettbewerb als Aufgabe. Grundsätze einer Wettbewerbsordnung. Die Ordnung der Wirtschaft*, Heft 4, Stuttgart, Berlin: Kohlhammer; 2., erw. Aufl., Godesberg: Kipper 1947. S. 1–27, 134–139.

дительных сил, одновременно, однако, породила социальную и хозяйственную анархию. Ей на смену должна прийти система обязательств, причем подразумевается либо централизованная плановая экономика, либо организация постоянных объединений, либо и то и другое. Основной пункт — неприятие конкуренции, которая рассматривается и характеризуется как беспорядочная борьба всех против всех, как анархическая военная ситуация и как деструктивный элемент. На ее критике настолько сфокусированы усилия и желания перемен, что будущее обустройство часто отступает на второй план и всякое ограничение конкуренции рассматривается уже как прогресс, независимо от того, означает ли оно осмысленный путь к новой форме хозяйствования или всего лишь создание препятствий для существующей экономики.

В действительности же конкуренция не является изобретением последних столетий. Стремление к состязательности глубоко укоренено в человеческой природе, и далеко не только в экономической области оно стимулирует участников к достижению наивысших результатов. В известной мере конкурентная борьба за рынок велась всегда с тех пор, как существует меновое хозяйство. Лишь сфера, внутри которой разворачивалась конкуренция, в отдельные эпохи была очень разной. Экономика в эпоху расцвета римской античности, к примеру, представляла собой свободное рыночное хозяйство, тогда как на предыдущих стадиях древнегреческой и древнеримской истории, а также в Средневековье связывающие обязательства преобладали, хотя значение последних не следует переоценивать, рассматривая их как результат продуманной экономической организации. Они были приемлемы только для локальных общностей и никогда не распространялись на товары, изготавливаемые для обширного рынка. С расширением рынков они должны были исчезать сами собой. Таким образом, одностороннее рассмотрение прошлого легко может привести к тому, что не более чем примитивные состояния общества начинают считать истиной в конечной инстанции, в то время как зачастую упускают из виду обстоятельство, решающим образом отличающее современный мир от прежних стадий исторического развития. *Век машин коренным образом преобразовал все экономические отношения. Вплоть до нынешнего времени техническое развитие проходило медленно и постепенно без связи с рыночной организацией экономики.* Несвободное Средневековье было более богато открытиями, чем рыночная экономика эпохи римского процветания. Однако даже самые важные открытия человечества в ранние эпохи нельзя сравнить с событиями XIX столетия. В прежние времена технический прогресс вряд ли ощущался, техника использовалась волнообразно соответственно подъему и упадку культур. Если сравнивать высшие точки цивилизаций, то прогресс обнаруживается лишь при очень внимательном рассмотрении.

Формы жизни XVIII столетия, жилищные условия в городах и на селе, транспорт, передача сообщений, ремесленное производство, многие другие вещи мало отличались от соответствующих форм и устройств антики или шумеров периода расцвета — за 5000 лет до нашего времени. Лишь современная естественная наука с ее открытиями в области физики и химии преобразовала облик земли и породила интенсивное освоение природы, приумножившее человеческие силы в несчетном числе направлений. В этом заключается то *абсолютно новое, что отличает нынешнее время от всех предыдущих тысячелетий*, открытия которых всегда затрагивали лишь отдельные сферы жизни и прогресс которых ограничивался узко прикладным использованием того или иного средства.

Если развитие рассматривать таким образом, то и формы организации экономики надо оценивать с других позиций. Современная техника обусловила дифференциацию производства, которая в свою очередь привела к доселе непредставимому уровню разделения труда. Производство для собственных нужд совершенно отошло на задний план по сравнению с производством для рынка, который одновременно необыкновенно расширился вследствие развития техники транспорта. Возникла необходимость подумать о путях и средствах, позволяющих выравнять ставшие необозримыми факторы спроса и предложения. Отсюда впервые возникла в связи с технической революцией идея сделать стремление людей к соревнованию, которая всегда имело место, общепризнанной и осознанной основой организации экономики. Неслучайно именно в тот момент, когда технический прогресс находит свое применение, впервые в истории поднимается вопрос организации экономики, и проблема эта с тех пор ощущается в полной мере. Экономической науке почти ровно столько же лет, сколько современному промышленному производству. *Старые формы жизни были руинированы не рыночной экономикой и не конкуренцией, а техникой*. И коль скоро критика направлена против хозяйственной динамики, она должна таким образом насыщать проклятия на технический прогресс, который один только сделал эту динамику возможной. Однако сделать такой вывод сторонники несвободных форм хозяйствования готовы лишь в очень редких случаях. Неприятие конкуренции, таким образом, само по себе не логично и в этом заключается причина явно незначительной политико-исторической обоснованности критики, обратно пропорциональной ее интенсивности.

С другой стороны, нельзя отрицать того, что рыночная экономика в той форме, как она была организована в XIX веке и развивалась впоследствии, была отягчена *тяжкими недугами*. Здесь критика в большей части оправдана, но она исходит чаще всего из ошибочной предпосылки и сама, таким образом, становится препятствием для энергичной и целенаправленной реформы. Поскольку, если допустить, что конкурентная

экономика вошла в этот мир 150 лет тому назад как, в известной мере, совершенная и готовая форма организации, то такое предположение будет не соответствовать историческим фактам. Даже те узкие круги, в которых существовало ясное представление о значимости принципа конкуренции, были несвободны от мнений и пожеланий своего времени. Тогда свобода конкуренции означала в первую очередь свободу от государственной опеки. При этом изначально игнорировалось, что стремление к власти на рынке, не менее естественное, чем стремление к соревнованию, при сдержанной позиции государства неминуемо ведет к монополистическому злоупотреблению свободой. *Более широким слоям никогда не была известна разница между конкуренцией, мобилизующей силы каждого в отдельности, но одновременно государственно регулируемой, и борьбой без правил. Важнейшим обстоятельством было, однако, то, что тогда еще не существовал тот промышленный аппарат, для которого была задумана организация.* И сейчас мы еще находимся посередине большой перестройки экономических и социальных отношений, порожденной машинным развитием, с начала которой прошел чрезвычайно малый период времени, если мерить историческими масштабами. Можно было бы много выиграть, рассматривая вещи под таким углом зрения *без предубеждений*. Никто еще не нашел средство, способное в целом заменить частную инициативу. Никто также не готов отказаться от дальнейшего развития техники. Если рассматривать систему конкуренции как уже полностью реализованную в прошлом и совершенно завершенную или как проявившую свою непригодность, то это значит отрезать себе все пути к удовлетворительной организации экономики. Верно противоположное. *Конкурентный порядок — не пережиток прошлого, а задача будущего.*

Освобождение идеи конкуренции от связи с представлениями, с которыми она ассоциировалась изначально, пойдет лишь на пользу дела реализации этой задачи. Она интересует нас сегодня пока еще как идея организации экономической политики. Тем легче в веке двадцатом, более далеком от экономического либерализма, наверстать то, что было упущено в веке девятнадцатом. И второе обстоятельство предрасполагает к видам на успех. Отношения между государством и экономикой изменились. В одних странах этот процесс изменений происходит отчетливее, чем в других, там осознанно, здесь неосознанно, но развитие в этом направлении протекает везде, тенденция налицо. Индивидуализм был неспособен организовать растущие массы и многообразие их отношений. Поэтому государство в другом совсем диапазоне, чем ранее, прибегает к своим властным полномочиям. Анархия современного производства совершенно отчетливо показывает, что создание упорядоченной экономической конституции в духе Франца Бёма немислимо без сильного государства, которое организует отдельные рынки с большей или меньшей

степенью свободы и заботится о том, чтобы система, как таковая, не потеряла вновь свою целостность и завершенность. *Усилившаяся — ни в коем случае в силу только экономических причин — руководящая воля государства выполняет, таким образом, требования конкурентной политики.*

Тем самым уже дано понять, что речь не о том, чтобы «подогреть» прежние представления. Время *laissez-faire* миновало, вера в гармонию интересов при полной свободе действий оказалась иллюзорной. Конкуренция сегодня должна пониматься как существенный элемент *порядка, государством установленного и меняющегося лишь соответственно государственным целям и задачам.*

Формирование конкурентного порядка, соответствующего сложности современной экономики, невозможно без большой подготовительной работы. Автор отдает себе отчет в том, что его предложения представляют собой не более чем побуждение к размышлению и задают лишь общие рамки. Поскольку речь идет, в первую очередь, о применении экономической теории в области экономической политики, невозможно обойтись без более-менее подробного рассмотрения теоретических вопросов.

Часть первая

Предварительные замечания экономико-политического характера

Экономико-политическая дискуссия по поводу конкуренции в максимально возможной степениотягчена недопониманиями и ошибочными альтернативами. Представления о том, что такое свободная конкуренция или какой она должна быть, колеблются в столь широком диапазоне, что для лучшего понимания политической части настоящей работы необходимо дать некоторые пояснения. В создании путаницы поучаствовал целый ряд самых разных ассоциаций, поскольку в экономической политике научная терминология соприкасается с политическим лексиконом. Идеи из области политики или духовной истории перемешались с устаревшими научными взглядами или с вульгарными экономическими воззрениями. Поэтому не так легко разработать дефиницию свободной конкуренции, которая бы соответствовала современному уровню политэкономии и была бы пригодна для экономической политики. Три группы вопросов в этой связи нуждаются в разъяснении. Они касаются *соотношений конкуренции и государства, конкуренции и конъюнктуры, а также конкуренции и рынка.*

Конкуренция и государство

«Свободная экономика»

На протяжении десятилетий рассуждения на тему экономической политики связаны с противопоставлением двух понятий — «свободная

экономика» и «плановое хозяйство». Оба термина с течением времени стали настолько неясными, что нередко накладываются друг на друга. В понятии «плановое хозяйство» сокрыта целая шкала представлений — от мер оправданного государственного регулирования до самого худшего монополизма «интересантов», с одной стороны, и до марксистской утопии централизованного управления хозяйственными процессами, с другой. «Свободной экономикой» обозначают предоставленную самой себе, по возможности независимую от государства экономику, например такую, в которой государство не чинит препятствий монополистическим тенденциям. Правда, прежде в это понятие вкладывался иной смысл. Однако положение вещей сегодня таково, что частный монополизм может представлять свои действия в зависимости от политической данности либо как либеральные, либо как социалистические. В соответствии с классическим экономическим либерализмом, воспринимавшим конкурентный порядок как естественную форму, свобода от государственного вмешательства имеет своим следствием соответствие действий каждого в отдельности этому порядку. Однако со временем содержание понятия «экономическая свобода» изменилось, а научные представления о конкуренции расширились. Так что *отождествление свободной экономики и конкурентной экономики теперь более не оправдано*. И лишь трудно определяемое понятие «свобода», которое без дополнительного пояснения совершенно лишено содержания, способно восстановить эту взаимосвязь. Между тем, отвлекается внимание от ключевого пункта. Заблуждения и недопонимания становятся, таким образом, экономико-политическим фактом, значение которого вряд ли можно переоценить. Эти заблуждения, уходящие своими корнями в историю идей XIX столетия, необходимо, наконец, преодолеть, коль скоро мы хотим проложить дорогу к плодотворной конкурентной политике.

Конкуренция — государственное мероприятие

У Адама Смита мы находим некоторые мысли, доказывающие, что он осознавал роль государственного правового порядка⁹. Если он относительно мало акцентировал значимость государственной экономической политики, то это объясняется различными причинами, предопределенными временем, в котором он жил. Он стоял в оппозиции к предшествовавшему периоду меркантилизма и слишком переоценивал присущую саморегулирующейся экономике гармонию. Отождествление свободной экономики со свободой конкуренции обосновывалось, главным образом, этими представлениями о гармонии. К тому же следует учитывать,

⁹ Adam Smith. Untersuchung über das Wesen und die Ursachen des Volkswohlstandes [Адам Смит. Исследование о природе и причинах богатства народов] Ausgabe von R. Prager. I. 10,2.

что Смит, как все мыслители XVIII века, придерживался естественного права в духе идей просвещения, соответственно государство выводил из индивидуума, а свободу действий в экономике воспринимал как результат *свободной от государства сферы* деятельности и как естественный порядок¹⁰. Коррекция этих представлений не представляет больших затруднений. Если сегодня место воззрений в духе естественного права заняло учение о примате государства, то государственное вмешательство получает совсем иное обоснование. Конкурентная политика государства, значение которой классики не осознавали или осознавали недостаточно, занимает центральное место, *превращаясь из естественного порядка в государственное мероприятие*. Для определения места конкуренции в общей экономической и социальной системе эта смена точки зрения имеет чрезвычайно важное значение. А для конкретной организации рынка она, напротив, не столь значима. Поскольку практически нет большой разницы между требованием того, что государство должно ограничивать свободу действий индивидуума настолько, насколько необходимо, и требованием предоставления им столько свободы действий, сколько это представляется целесообразным. А что касается гармонии свободной конкуренции, то в экономической теории давно доказано, что она далеко не без пробелов.

Фатализм и его последствия

Как ни странно, но необходимой корректировки не последовало. *Именно представление о гармонии стало общим местом отмирающего и высмеянного либерализма*. Было позабыто, что свободная экономика может быть только организованной государством с использованием принципов свободы, и понятие свободной экономики было, таким образом, лишено своего политического содержания. Осталась лишь негативная сторона – отрицание государственного вмешательства. Это роковое развитие не было бы возможным, не будь фальшивая оппозиция, которую занял экономический либерализм, подкреплена идеями совершенно другого рода. А именно как раз в это время развитие теоретической мысли, особенно в Германии, развернулось в сторону увлечения историей. Историзм составил законы исторического развития¹¹. Веру в несокрушимую гармонию свободной от государства экономики постепенно заменила вера в безостановочное развитие в направлении к одной из форм плановой экономики. Идея хозяйственного порядка, столь необходимая для естественного хозяйственного права, была в результате оттеснена на второй

¹⁰ *Böhm Fr.* Die Ordnung der Wirtschaft als geschichtliche Aufgabe und rechtsschöpferische Leistung [*Бём Фр.* Хозяйственный порядок как историческая задача и результат развития права] Stuttgart 1937. S. 26 f.

¹¹ См. введение от издателя выпусков 1 и 2 этой серии.

план, поскольку рассудок и воля человека были как бы смещены с пьедестала в угоду автоматическому действию законов развития. Таким образом, *историзм оказался причудливым образом связанным с пустой оболочкой экономического либерализма*. Оба течения подталкивали к *laissez-faire*. Теперь стало считаться, что государство должно предоставить «свободной экономике» самостоятельно найти приемлемую для нее и соответствующую историческим законам форму. Понятие «свободная экономики» получило противоположный смысл, оно стало боевым кличем в борьбе с государством, которое в результате совершенно потеряло идею порядка, осуществляло вмешательства исключительно бессистемно, исполняя волю интересантов, и таким образом приходило на помощь анонимным экономическим силам¹². Странники планового хозяйства зачастую преследовали ту же цель. Они отличались от сторонников либерализма такого рода лишь тем, что по их представлениям разрушение конкурентной экономики происходило недостаточно быстро.

Три принципа порядка для государства

Из этой неразберихи необходимо прийти к новому пониманию, которое уже отчетливо намечается в экономической политике последних лет, особенно в Германии. Свободная экономика, понимаемая как экономика, свободная от государства, является состоянием, которое не только нежелательно, но и невозможно. Было бы лучше вообще не использовать этот термин, связанный с таким множеством заблуждений. Мы теперь знаем или узнали вновь, что при всех обстоятельствах задача государства заключается в том, чтобы упорядочивать экономику, а именно посредством единой и свободной от противоречий хозяйственной конституции¹³. Упорядочивать, однако, ни в коем случае не означает централизованно управлять и регулировать. Свободное, ответственное решение участвующих в хозяйственном процессе персон образует мощный источник сил прогресса. Кроме того, централизованное регулирование всех хозяйственных процессов вряд ли осуществимо. В этом случае государство было бы закружено неслыханной, непродуктивной и к тому же в высшей степени спекулятивной, умозрительной

¹² Rüstow A. Die staatspolitischen Voraussetzungen des wirtschaftlichen Liberalismus / Рюстов А. Государственно-политические предпосылки экономического либерализма / Schriften des Vereins für Sozialpolitik. Bd. 187. Walter Eucken. Staatliche Strukturwandlungen und die Krisis des Kapitalismus / Вальтер Ойкен. Изменения государственной структуры и кризис капитализма / Weltwirtschaftliches Archiv, Bd. 36, Heft 2. Erich Welter. Nachkriegskapitalismus / Эрх Вельтер. Послевоенный капитализм / Frankfurt 1931.

¹³ Эту идею порядка впервые четко сформулировал Франц Бём в своей книге «Wettbewerb und Monopolkampf» [Конкуренция и борьба монополий], Berlin 1933. В качестве важного предшественника следует также упомянуть Ганса Гештриха и его работу «Liberalismus als Wirtschaftsmethode» [Либерализм как метод хозяйствования], Berlin 1930.

работой. Сложное действие хозяйственного аппарата должно быть организовано на свободных началах. *Упорядочивать — значит организовывать на началах свободы.* Это отвечает смыслу слова. Досадно было бы по привычке обозначать в качестве «рыночного порядка» также такое состояние, которое зачастую представляет собой не что иное, как осуществляемое интересантами регулирование рынка. Регулирование относится к внешнему, а упорядочивание, наряду с этим, еще и к внутреннему процессу. Регулировать процесс означает управлять им извне. А упорядочивать его означает формировать факторы, его определяющие, таким образом, чтобы он сам по себе проходил в желаемом направлении. Так, если использовать наглядный пример, регулируется движение толпы посредством полицейского оцепления. Упорядочивается оно лишь в том случае, если люди, из которых толпа состоит, ведут себя дисциплинированно¹⁴. В строгом смысле лишь свободная конкуренция заслуживает того, чтобы называться таким порядком. Там, где она невозможна, должно применяться государственное регулирование, но также и оно должно обозначаться как порядок тогда, и только тогда, когда оно осуществляется согласно принципам, не нарушающим единство хозяйственной конституции. При этом в любом случае не должен забываться принцип конкурентности, как *первичный принцип порядка*. Цель экономического состязания заключается в том, чтобы обеспечить наибольший успех самому лучшему результату и тем самым стимулировать его достижение. Гармоничное взаимодействие рыночных сил возникает из состязания не всегда, а только в том случае, если оно проходит в рамках определенных правил. Отсюда вытекает требование приспособления конкуренции к экономическим реалиям. Три возможности имеются у государства, если исходить из принципа конкурентности:

1. **Свободная конкуренция.** Все участвующие в хозяйственном процессе персоны свободны в своих решениях и связаны только общим конкурентным правом. Последнее представляет собой в этом случае *средство для организации и упорядочивания свободной конкуренции.*
2. **Ограниченная (связанная) конкуренция.** Свобода принятия решений участвующих в хозяйственном процессе персон ограничена либо особыми предписаниями, либо надзором и текущим соучастием со стороны государства или уполномоченных им инстанций. *Особые предписания для определенных рынков и областей экономики, включая государственные полномочия и практику управления, образуют специальное конкурентное право.*

¹⁴ *Leonhard Miksch. Marktordnung — Marktregulierung [Леонард Микш. Рыночный порядок — рыночное регулирование] Wirtschaftskurve 15. Jg. Heft 4.*

3. **Государственное регулирование.** Государство полностью исключает свободу принятия решений участвующих в хозяйственном процессе персон и само регулирует хозяйственный процесс.

Задача настоящего исследования заключается в том, чтобы показать, где и в каких масштабах следует применять каждую из трех названных форм.

Конкуренция и конъюнктура

Оптический обман

Предприниматель полагает, что он столкнулся с конкуренцией, как с деструктивным элементом, во время кризиса. В это время цены опускались так сильно, что убытки терпели все или почти все предприниматели многих отраслей производства. *Для многих предприятий обострение конкурентной борьбы было внешним проявлением падения цен.* Сам собой напрашивался соблазн сделать конкуренцию ответственной за это падение. В результате в широких кругах возникла усталость от конкуренции, последствия которой, возможно, еще долго будут ощущаться.

В действительности же причинно-следственные связи были, разумеется, совсем иными. Цены опускались потому, что резкое сокращение объема кредитов привело к уменьшению спроса на товары. В неконкурентной экономике они должны были бы точно так же снижаться, пока имеет место процесс дефляции. Не организация товарного рынка, а организация кредитной системы обусловила нарушение порядка. Принцип конкурентности *причинно* никак не связан с падением цен в период кризиса.

Однако наличие течений, враждебных конкуренции, в 1930 г., впрочем, как и во время прежних кризисов, говорит о том, что *по политическим и социологическим причинам конкурентный порядок длительное время может поддерживаться только в рамках общего хозяйственного порядка.* В самом общем смысле принцип конкурентности предполагает, что в экономическом соревновании имеются победители и проигравшие. Если проигрывают все, то кажется, что конкуренция теряет свой смысл. С другой стороны, в случае сворачивания всей денежной и кредитной массы возможен проигрыш для всех или почти для всех¹⁵. Если развитие денежной массы соответствует предложению товаров, то лишь небольшая часть предпринимателей может нести потери, причем этим потерям должен противостоять равный им по величине дифференциальный выигрыш других предпринимателей. Поскольку общее предложение

¹⁵ *Leonhard Miksch. Gibt es allgemeine Überproduktion? [Леонхард Микш. Есть ли общее перепроизводство?]* Jena 1929.

и общий спрос при вышеназванных условиях всегда уравниваются, частичные сдвиги в этом равновесии отражаются в частичных повышениях и снижениях цен и в соответствующих приобретениях и потерях. Иными словами: если исключено всякое влияние сферы денег, то теряют лишь предприниматели, неконкурентоспособные как в их производственной области, так и, соответственно, в рамках экономики в целом. Из сказанного становится ясным большое значение кредитной политики для поддержания конкурентного порядка¹⁶. Между организацией конкуренции и кредитной политикой существуют и другие причинно-следственные связи, которым до сих пор уделялось мало внимания. Они убедительно показывают, насколько важно, по крайней мере, в теории строго различать рыночно-хозяйственные и кредитно-хозяйственные процессы и принципы порядка.

Мистика фиксированных издержек

Современная экономика вследствие высокой доли фиксированных издержек обладает меньшей эластичностью по сравнению с экономикой, которой приходится считаться с преимущественно подвижными издержками. Большие колебания производства, обусловленные процессами в кредитно-хозяйственной сфере, означают для предприятий с фиксированной структурой издержек чрезвычайно большую нагрузку. Величина инвестированных капиталов затрудняет остановку производства, сильная деградация издержек на имеющихся мощностях дает повод для поддержания уровня производства даже при значительном снижении цен. Этот факт хорошо известен, его неоднократно обсуждали. Однако это ни в коем случае не означает, как это вновь и вновь утверждают, что вследствие фиксированных издержек невозможна обязательная предпосылка конкуренции — постепенное вытеснение менее эффективных конкурентов и приспособление производства к потребностям. Представления, дающие повод для таких утверждений, в большинстве своем совершенно неясны. Разумеется, приспособление откладывается. До тех пор, пока расходы на текущее производство не возмещены, а проценты на производственный капитал не получены, производство продолжается с убытком. Но как только достигается граница, за которой вышеназванные издержки за счет доходов покрывать уже невозможно, предприятие вынуждено выбывать из конкурентной борьбы. Структура фиксированных издержек современной экономики, которая никак не влияет на сильный разброс издержек от предприятия к предприятию, таким образом, приводит лишь к тому, что роль «пограничного» предпринимателя играет не только тот, кто только покрывает свои издержки,

¹⁶ *Hans Gestrich. Neue Kreditpolitik [Ганс Гейстрих. Новая кредитная политика] Stuttgart 1936.*

но и тот, у которого производственный капитал приносит средний национальный процент. До тех пор, пока он испытывает трудности с кредитованием, на него распространяются все выводы теории, которые обычно делаются в отношении пограничного предприятия.

Лишь в случае дефляции, возникновения сильных колебаний, «кредитно» обусловленных, возникают нарушения, способные подвергнуть серьезной опасности функционирование конкурентного порядка. Существенно то, что в этом случае связанный с фиксированными вложениями риск находит свое проявление уже *по широкому фронту*. У предпринимателей, желающих избежать этих рисков, нарастает склонность к образованию картелей¹⁷. В этом отношении нередко встречающееся утверждение, будто картели — дети нужды, отчасти обосновано. Доходит до того, что циклический характер колебаний конъюнктуры и объема кредитов побуждает предпринимателя к тому, чтобы сохранять свою долю производства при всех обстоятельствах. Кредиторы нередко готовы пополнять средства и сверх пограничного уровня, чтобы избежать потери общей суммы требований. В таких случаях и малое предприятие, и компания с солидным финансированием иногда уступают в соревновании предприятию — легкомысленному заемщику, с которым кредиторы сильнейшим образом связаны. Процессы такого рода, если они получают широкое распространение, серьезно потрясают основы конкурентной политики. Однако одновременно — и это принципиально — должно быть установлено, что значение, которое с недавнего времени иногда придается фиксированным издержкам при оценке перспектив конкурентной экономики¹⁸, может быть в какой-то мере оправдано только при наличии обусловленных кредитной политикой общих колебаний сбыта. Фиксированные издержки, как таковые, не могут, как это будет показано в другом контексте, привести к ограничению конкуренции¹⁹.

Принцип эффективности и неплатежеспособность

Особенно трудный вопрос конкурентного порядка представляет собой соотношение результата хозяйственной деятельности со стоимостью финансирования. В среде практиков иногда высказывается мнение, что недобросовестная конкуренция имеет место уже тогда,

¹⁷ Встроенный в конкурентную экономику картель способен, особенно при застывшем спросе, держать высокий уровень цен в условиях дефляционного кризиса, разумеется, за счет остальной экономики, которая от этого еще больше свертывается. В экономике, совершенно свободной от картелей, такая возможность была бы исключена. Таким образом, здесь нет противоречия с нашим утверждением того, что падение цен во время кризиса не обусловлено конкуренцией.

¹⁸ Z. V. Schmalenbach

¹⁹ Их значение, впрочем, в большинстве случаев переоценивается. Фиксированные издержки, конечно, были всегда.

когда величина процентов на собственный вложенный капитал совсем не принимается во внимание или учитываются в недостаточной мере, поскольку при соответствующей конкурентному порядку калькуляции речь идет о продаже в убыток. Аналогичный аргумент приводится также относительно сохранения имущественной субстанции при соответствующих амортизационных списаниях. Мнения такого рода объясняются незнанием задач конкуренции. Поскольку существуют стабильные капиталовложения и фиксированные издержки, хозяйственный процесс протекает в одном определенном направлении, а осуществленные инвестиции и складские запасы уже невозможно обратно превратить в исходные материалы и найти им иное применение, то и *убыточные операции также являются составной частью конкурентного порядка*²⁰. Доказано, что между первым превышением сметы общих расходов и пограничным пунктом, за которым следует остановка предприятия, существует немалый промежуток. *Народнохозяйственный* интерес требует, чтобы этот промежуток использовался. Поскольку пока вложения приносят доход, их замораживание означало бы потери капитала в масштабах всего народного хозяйства. Лишь достижение пограничного пункта означает наступление времени сдачи предприятия в утиль. Таким образом, *убытки на уровне предприятия не означают ущерба для народного хозяйства*. Напротив. Они содействуют полному использованию устаревшего оборудования и создают вполне здоровое торможение технического прогресса. Было бы явным расточительством капитала заменять старое оборудование на технически более совершенное, пока первое еще выполняет свою функцию. Еще отчетливее проявляется необходимость убыточных продаж товаров, которые вследствие неверной оценки рынка могут реализовываться по цене, не покрывающей издержки производства. Как и с устаревшим оборудованием, в этом случае остается только один выбор — между продажей ниже себестоимости и немедленным уничтожением. Продажа ниже себестоимости означает лишь частнохозяйственный, а уничтожение — народно-хозяйственный ущерб. *Между продажей в убыток и принципом эффективности нет принципиального противоречия*. Прибыль и убыток представляют собой два равнозначных полюса, между которыми происходит и должно происходить движение участников конкурентной борьбы.

Из сказанного следует, что влияние финансовых конструкций предпринимателя на его расчеты издержек с точки зрения не имеет никакого значения при проведении конкурентной политики. С позиций государственного конкурентного порядка его можно не принимать в расчет.

²⁰ О том, что имеются убыточные операции, противоречащие идее порядка, речь идет в другом месте настоящего исследования. Но тогда наряду со снижением расчетных показателей издержек находят свое проявление и другие признаки.

Также и обучение правильной калькуляции, на которое уполномочил специальные группы своим указом от 12 ноября 1936 г. рейхсминистр экономики, имеет и может иметь лишь задачу помощи предпринимателю в уяснении его положения на рынке. Он должен знать, продает ли он в убыток или нет. А выводы, которые он сделает, находятся уже в сфере его компетенции. Отсюда, естественно, вытекает, что предприниматель, который использует для финансирования преимущественно собственный капитал, при известных условиях обладает, может и должен обладать независимым от чисто производственных издержек преимуществом перед тем, кто использует чужой капитал.

Финансирование с привлечением чужого капитала ставит целый ряд новых вопросов. Если собственный капитал предприятия равен основному капиталу или больше его, то исключение такого предприятия из конкурентной борьбы происходит описанным выше образом. Продажи с убытком могут продолжаться до тех пор, пока производственный капитал приносит проценты. Поскольку это означает, что та часть капитала, которая в любое время может найти иное применение, в другом месте вкладывается и приносит пользу. У предприятия, чей основной капитал не покрывается собственными средствами, в промежутке между двумя критическими точками — переходом к убыточным продажам и остановкой предприятия — располагается погашение задолженности. Отказ от получения процентов и от амортизационных отчислений, постепенное истощение имущества из-за продаж в убыток в случае финансирования предприятия из собственных средств есть внутренний процесс. У предприятия, имеющего внешнюю задолженность, напротив, выплата процентов и осуществление амортизационных отчислений представляют собой вынужденные обязательные расходы. Предприятие должно пройти через банкротство или согласиться на мировую. И если его пограничное состояние было обусловлено только способом финансирования, предприятие может быть в таком случае совсем «извлечено» из сферы деятельности, тогда как процесс истощения до полного краха может еще продолжаться. Очевидно, для того, чтобы предотвратить в этом пункте злоупотребление конкурентным порядком, требуется строгое законодательство по вопросам неплатежеспособности. Списанию долгов, как и продажам в убыток, нет смысла препятствовать. Оба явления являются следствием установленных правил инвестирования. То обстоятельство, что зачастую свободное от долгов предприятие завоевывает кратковременное или продолжительное преимущество на рынке, не является каким-то особым проявлением конкуренции, а представляет собой форму, в которой должно происходить истощение имущества в случае привлечения предприятием заемного капитала.

Но и в этом случае остается лишь констатировать, что разрушительное воздействие, которое может быть свойственно этим подходам при определенных обстоятельствах и которое тогда накладывает на конкуренцию отпечаток страстной борьбы, возможно лишь постольку, поскольку сокращается сбыт вследствие колебаний, обусловленных кредитной политикой, первоначальные калькуляции продаж отбрасываются, и растет бремя реальной задолженности. Лишь тогда в упорядоченной хозяйственной системе нормально протекающий процесс вдруг становится очагом волнений и разрушения рынка.

Конкуренция и рынок

Недостаточность определения

До сих пор конкуренция определялась как свобода действий предпринимателей в установленных конкурентным правом границах. В материальном отношении эта свобода предполагает в первую очередь беспрепятственный доступ к предпринимательству, а далее – возможность произвольно комбинировать факторы производства и самостоятельно определять его объемы. Общее конкурентное право обеспечивает ведение экономической конкурентной борьбы *на основе принципа эффективности*.

Данное определение по существу соответствует тому, которое до сих пор было общепринятым. Поскольку по сей день внимание в силу вышеизложенных причин концентрировалось почти исключительно на противоречии между «свободной» и государственно регулируемой экономикой, отличительный признак конкуренции усматривался в отсутствии привязки к государству или к уполномоченным государством частным структурам. Вся дискуссия по поводу конкурентной и антикартельной политики демонстрирует, однако, насколько недостаточно подобное – чисто юридическое – определение. Противники картелей не могли доказать, что картели и договоренности по ценам *всегда* излишни, а сторонники картелей были не в состоянии рекомендовать картели в качестве всеобщего средства организации и в большинстве своем даже не желали делать такой вывод. Почти на каждой странице материалов опроса, проведенного специально созданным комитетом²¹, можно встретить эти кажущиеся беспомощными «с одной стороны», «с другой стороны». Например, указывалось, что без договоренности по ценам тот или иной рынок увязнет в беспощадной ценовой борьбе, в которой победит не эф-

²¹ Ausschuß zur Untersuchung der Erzeugungs- und Absatzbedingungen der deutschen Wirtschaft, 1. Unterausschuß, 3. Arbeitsgruppe, 4. Teil [Комитет по исследованию условий производства и сбыта германской промышленности, 1-й подкомитет, 3-я рабочая группа, часть 4], Berlin 1930.

фективный, а могущественный и бессовестный. Даже острейшая дефляция не заставила отважиться на роспуск картелей. Сколь ни была бы оправдана эта критика свободной конкуренции в определенных условиях, она не способна породить плодотворный принцип хозяйственной политики. Поэтому, как правило, верх брал фатализм, который возник из симбиоза выродившегося либерализма и историзма, и который выражал удобное и для интересантов мнение, что надо предоставить самой экономике возможность покончить с нарушениями конкуренции. Тем не менее, в основе такой точки зрения лежало верное ощущение того, что ситуация различается от рынка к рынку, что конкуренция на одном рынке функционирует не так, как на другом. Невозможно было предложить правило, которое позволяло хотя бы теоретически провести различие между конкурентоспособной, частично или полностью неконкурентоспособной областью экономики. В результате картели и другие формы частного регулирования рынка в теории многократно проклипались, а на практике одобрялись.

Уже указывалось, насколько сильно идее хозяйственного порядка приходится страдать от этой неопределенности. Конечно, сила частной организации проявляется преимущественно там, где имеют место нарушения конкуренции, но экономический порядок не мог включаться таким же образом. Частное регулирование рынка предопределяется не народно-хозяйственными, а частными соображениями. При частном регулировании соседние области не принимаются во внимание, оно заходит отчасти слишком далеко — вплоть до монополизации, если последняя достижима, отчасти недостаточно далеко, когда устанавливаются высокие цены, позволяющие извлекать доход и аутсайдерам, так что в тени картелей тогда расцветает расточительство и коррупция. Все эти недостатки особенно отчетливо проявляются при высоких требованиях к экономической эластичности. Послевоенная экономика представляла собой уже не хозяйственный порядок, а хозяйственную анархию.

Теория рыночных форм как эмпирическое правило

Прогресс экономической науки вооружает нас инструментарием, позволяющим полностью перестроить конкурентную политику. Два пункта имеют при этом существенное значение. Порядок не может воплощаться самой экономикой, он должен проводиться в жизнь государством. Чтобы выполнить эту задачу, государство должно обладать эмпирическим правилом, указывающим, где организовывать свободную конкуренцию, где ограниченную, а где использовать государственное регулирование. Такое эмпирическое правило предлагает теория рыночных форм, благодаря которой становится ясно, что свободная конкуренция способна выполнять свою функцию лишь на тех рынках, где име-

ются определенные экономические условия. Речь здесь идет ни в коем случае о каких-то новых откровениях. Еще меркантилизм различал монополии, олигополии и полиполии, т.е. предложение от одного поставщика, от ограниченного или неограниченного числа поставщиков. Понятие полиполии примерно соответствует свободной конкуренции. Бехер считал одинаково вредной как монополию, так и свободную конкуренцию, поскольку соответствующее цеховой организации пропитание может быть обеспечено лишь при ограниченном числе лиц, занимающихся промыслом. Разумеется, при этом имелось в виду не столько число поставщиков на данный момент времени в соответствии с объемом спроса на рынке, сколько вообще число допускаемых к занятию ремеслом. Олигополия соответствует цеховой организации²². Правда, если высказывалось мнение, что свободная конкуренция легко приводит к монополии, то оно должно было быть, по крайней мере, подкреплено определенными наблюдениями, которые, однако, за отсутствием теории цен не имели прочного фундамента. У классиков, разработавших такую теорию, на переднем плане, естественным образом, стояло открытие того, что *свободная конкуренция представляет собой саморегулирующийся порядок*. Свободная конкуренция рассматривалась как преобладающее или, по крайней мере, как в любое время воспроизводимое состояние²³. Считалось, что этого достаточно, чтобы противостоять тенденции к образованию монополий. Сначала переворот произвел Курно, чей труд, появившийся в 1838 г., и сегодня имеет основополагающее значение²⁴. Курно первым стал порицать классическую теорию цен за то, что она оказалась не в состоянии более точно разобраться с воздействиями конкуренции. Монополия и свободная конкуренция были для него лишь математически формулируемыми пограничными случаями. Монополист противостоит совокупному рыночному спросу, растущему по мере снижения цен, т.е. в общем он может восприниматься как понижающая функция цены. Если монополист может произвольно определять объем производства, то устанавливая он его будет на таком уровне, чтобы возникающая в результате цена приносила ему наибольшую в соотношении с издержками прибыль. Если количество оферентов, напротив, бесконечно велико, то возникает в строго математическом смысле пограничный случай свободной конкуренции. Поскольку предложение

²² F. Becher. Der Merkantilismus [Ф. Бехер. Меркантилизм] Deutsch von Mackenroth, Jena 1932, I. S. 250s.

²³ A. Smith, a.a.O. [А. Смит, цит. произв.] I Kap., 7. D. Ricardo. Grundsätze der Volkswirtschaft und Besteuerung [Д. Рикардо. Начала политической экономии и налогообложения] Sammlung Waentig, Kap. 17, Kap. 30.

²⁴ A. Cournot. Untersuchungen über die mathematischen Grundlagen der Theorie des Reichtums [А. Курно. Исследование математических принципов теории богатства] Sammlung Waentig, Jena 1924.

каждого отдельного оферента по отношению к совокупному спросу бесконечно мало, оно вообще не оказывает влияния на рыночную цену, кривая спроса для каждого оферента становится, в результате, прямой, которая в системе координат проходит параллельно абсциссе (оси количества оферентов), поскольку цена для каждого отдельного участника рынка не меняется при изменении количества предложений. Между этими двумя крайними случаями располагаются реально существующие формы рынка, с которыми приходится иметь дело в действительности. Курно, впрочем, считал, что по важнейшим товарам имеет место совершенная конкуренция²⁵. Позднее идеи Курно получили развитие, прежде всего, в англосаксонской и итальянской литературе — в исследованиях проблем равновесия Маршалла, Вальраса и Парето. Так что имеется обширный материал, который еще ждет своего обобщения в духе конкурентной политики²⁶.

Решающим здесь является, прежде всего, осознание того, что рыночная гармония, которую искал классический экономический либерализм в «свободной конкуренции», наступает лишь тогда, когда число участников рынка очень велико как на стороне спроса, так и на стороне предложения. И это положение теории, в строгом смысле действительное только при условии бесконечно большого числа участников рынка, с достаточной точностью может быть применено в практических случаях. С экономической точки зрения эта конкуренция представляет собой особый случай в ряду возможных многочисленных форм рынка, не допускающих совершенную конкуренцию. Если на одной из сторон рынка существует частичная монополия или ограничено число участников — такое состояние следует определить, как олигополия — то совершенная конкуренция также невозможна, даже если *юридически* рынок организован по принципу свободной конкуренции.

Соответственно количеству участников можно выделить 16 форм рынка.

²⁵ А.а.О. /Цит. произв./ . S. 78.

²⁶ В этой связи следует отметить работу Чемберлена *E. Chamberlin* “The Theorie of Monopolistic Competition” [*Э. Чемберлен. Теория монополистической конкуренции*] Cambridge 1935. Второе издание содержит подробную библиографию проблемы. Конкретные проблемы исследуются в работе *A.R. Burns. The Decline of Competition* [*А. Бернс. Упадок конкуренции*] New York, 1936. Немецкоязычный обзор предлагает *W. Zoll. Das Kostenproblem in der Wirtschaftstheorie* [*В. Цолль. Проблема издержек в экономической теории*] Stuttgart 1936. Автор настоящей работы с 1933 г. занимается публицистическим обобщением проблем конкурентной политики в редакционных статьях для «Франкфуртер Цайтунг». Он пользуется возможностью сердечно поблагодарить профессора Ойкена за многочисленные подсказки и творческие импульсы по этой и другим темам.

Формы рынка*

		Спрос			
		Конкуренция	Олигополия	Частичная монополия	Монополия
Предложение	Конкуренция	Совершенная конкуренция	Олигополия спроса	Частичная монополия спроса	Монополия спроса
	Олигополия	Олигополия предложения	Двусторонняя олигополия	Олигополистически ограниченная частичная монополия спроса	Олигополистически ограниченная монополия спроса
	Частичная монополия	Частичная монополия предложения	Олигополистически ограниченная частичная монополия предложения	Двусторонняя частичная монополия	Частично монополистически ограниченная монополия спроса
	Монополия	Монополия предложения			Двусторонняя монополия

Примечание: * Термины скомбинированы таким образом, чтобы по тем формам рынка, у которых на двух сторонах отмечается различный уровень несовершенной конкуренции, первой указывалась сторона, более близкая к состоянию монополии, второй – более отдаленная от него.

Форма рынка и организация рынка (рыночная конституция)

Для лучшего понимания следует иметь в виду, что речь здесь идет об экономических, а не юридических категориях. В экономической теории о конкуренции часто говорится в смысле формы рынка, что может легко дать повод для путаницы. Выражение «свободная конкуренция» должно оставаться в лексиконе *государственной рыночной конституции*. В смысле конкурентного права речь здесь всегда должна идти о свободной конкуренции, ограниченной (связанной) конкуренции и о государственном регулировании, а в смысле экономической и рыночной теории – о совершенной конкуренции, несовершенной конкуренции и монополии. Сущность свободной конкуренции выражает общее конкурентное право²⁷. Совершенная конкуренция

²⁷ См. систематизацию в разделе «Три основных государственных принципа порядка»

имеет место, если число участников рынка очень велико. Никакого другого условия не требуется, поскольку все другие свойства, которые обычно еще перечисляются в качестве признаков «несовершенства рынка», сводятся к соотношению числа участников и объема рынка. К несовершенной конкуренции относятся все констелляции, при которых на одной или на обеих сторонах имеют место либо олигополия некоторого примерно равного числа участников рынка либо частичная монополия, т.е. присутствие одного, оказывающего сильное влияние на рынок участника. Государственное регулирование и полная монополия находятся уже вне конкуренции. Они лишь потому рассматриваются в рамках конкурентной политики, что они встроены в конкурентную экономику.

Это терминологическое отступление можно извинить. В экономической политике, и особенно в рассматриваемой здесь ее области, однозначное толкование терминов необходимо, чтобы исключить заблуждения. Терминологическое различие *рыночной конституции в духе конкурентного права* и *экономических форм рынка* уже потому является вынужденной необходимостью, что *перед конкурентной политикой стоит задача приспособления рыночной конституции к формам рынка*. Эти классификации в действительности до сих пор не перекрывают друг друга, и, поскольку это не происходит, *конкурентная экономика в ее современной форме не удовлетворяет требованиям, предъявляемым к единому порядку*.

Поскольку полной монополии в качестве единственной организационной формы должно соответствовать государственное регулирование, при котором интересанты сохраняют единение, то следует констатировать, что в современном состоянии на отдельных рынках царит свободная конкуренция, а на других — конкуренция, ограниченная частным рыночным регулированием. Формы частного рыночного регулирования, как правило, складывались анархически, и они не соответствуют в силу этого требованиям общего порядка в духе конкурентной политики. С одной стороны, отдельные рынки отвечают требованиям совершенной конкуренции, с другой — существует неполноценная конкуренция. Наряду с этим, однако, существуют рынки, на которых условия для совершенной конкуренции могут быть созданы с помощью определенных мер. Поскольку речь при этом идет об изменении рыночной формы, а не рыночной конституции, то эти меры относятся не к сфере конкурентного права, а к сфере экономической политики. Среди такого рода мер можно назвать, например, снижение таможенных пошлин, благодаря которому на рынке увеличивается число потенциальных оферентов. Если рынок, на котором уже имеются условия для совершенной конкуренции, организуется соответственно принципам свободной конкуренции, то конкуренция функционирует хорошо. Напротив, на рынках, которые, вопреки несовершенству конкуренции на них, организованы как рынки свобод-

ной конкуренции, как правило, наблюдаются процессы разложения. Поэтому на подобных рынках необходимо ввести упорядоченное ограничение конкуренции. Поскольку такие рынки в большинстве случаев, как правило, в какой-либо форме уже регулируются, то это рыночное регулирование должно быть единообразно упорядочено в рамках правовых норм ограниченной конкуренции. Рынки, на которых присутствуют условия совершенной конкуренции, но которые, однако, остаются в какой-то форме связанными, должны быть вновь переведены в режим свободной конкуренции. Наконец, рынки, на которых может быть установлена совершенная конкуренция, если на них до сих пор имела место свободная конкуренция, должны быть освобождены от помех и нарушений с помощью мер экономической политики, и если они уже отрегулированы, после установления совершенной конкуренции, их следует организовать на принципах свободной конкуренции. Следующая схема призвана облегчить понимание этих сложных соотношений:

	Организация рынка (конституция)		
	Свободная конкуренция	Частное регулирование рынка	Упорядоченная ограниченная конкуренция
Совершенная конкуренция	Сохраняется	Перевод в режим свободной конкуренции	Перевод в режим свободной конкуренции
Установление совершенной конкуренции возможно	Устранение рыночных помех через установление совершенной конкуренции	Установление совершенной конкуренции, перевод в режим свободной конкуренции	Установление совершенной конкуренции, перевод в режим свободной конкуренции
Несовершенная конкуренция	Переход к ограниченной конкуренции	Переход к ограниченной конкуренции	Сохраняется

Как следует из схемы, сформулировано пять задач:

1. Везде, где присутствует рыночная форма совершенной конкуренции, рыночная конституция призвана ввести и поддерживать режим свободной конкуренции.
2. Везде, где можно установить рыночную форму совершенной конкуренции, она должна быть установлена.
3. Везде, где установлена рыночная форма совершенной конкуренции, должен быть введен и обеспечен режим свободной конкуренции.

4. Везде, где присутствует рыночная форма несовершенной конкуренции, режим свободной конкуренции должен быть заменен на режим ограниченной конкуренции.
5. Везде, где имеет место рыночная форма несовершенной конкуренции и осуществляется частное регулирование рынка, оно посредством конституционной организации рынка должно быть заменено на упорядоченное ограничение конкуренции.

[...]

Заключение

Конкурентное право и рыночная конституция

На нескольких страницах невозможно охватить бесконечное разнообразие современной хозяйственной жизни. *Задача настоящего исследования состояла лишь в том, чтобы показать возможности аналитического подхода с позиций конкурентной политики в соответствии с необходимостью установления единого хозяйственного порядка.* Плодотворность этой идеи порядка была продемонстрирована на конкретных примерах, которые не претендуют на исчерпывающую полноту охвата. Думающий читатель самостоятельно найдет в сфере своего опыта достаточно материала, чтобы проверить применимость основных принципов конкурентного порядка. Поскольку преимущество основополагающего исследования в том и заключается, чтобы на передний план поставить не особенное, а общее, которое должно подчинять себе частное. Если общий принцип верен, то такое соподчинение всегда осуществимо. Но это не означает, что действительность должна подгоняться под абстрактную схему. Напротив. Укоренение конкурентной политики в конкретных формах рынка предполагает больше реализма и знания деталей, чем это требовалось до сих пор. Не понимает это лишь тот, кто смешивает близость к действительности и беспринципность.

Как следует из различных исследований, потребности общей и экономической политики могут в ряде случаев вступать в противоречие с требованиями конкурентной политики. Неизбежность такого напряжения, произрастающая из природы вещей, не является аргументом против принципиального восприятия конкурентной политики. Опасность заключается не в конфликте, а в затхлой атмосфере боязни ответственности, уклонения от принятия конкретных решений и следовании линии наименьшего сопротивления. *Конкурентный порядок тоже не является абсолютной ценностью, он — средство для достижения цели.* Но он может стать настолько важной и плодотворной составной частью национальной жизни, что если он и будет нарушаться, то *никогда необдуманно*, а лишь после *сознательного взвешивания всех последствий.*

То, что такой сложный, находящийся в состоянии постоянного движения механизм, как современная экономика, может сохранять свою эффективность лишь в рамках единой хозяйственной конституции, не нуждается в дополнительных доказательствах. То, что саморегулирующийся порядок свободной конкуренции должен быть, насколько возможно, сохранен в хозяйственной конституции, вытекает из того факта, что решительно никакой другой принцип не позволяет достичь максимума результативности, эластичности и прогресса с минимальными затратами на управление. Что, однако, отделяет нас от экономического либерализма XIX века, так это то, что мы научились различать *laissez-faire* и конкуренцию, что мы очень решительно выступаем за построение порядка, что мы мыслим в категориях «хозяйственных конституций» и что мы знаем, какие поставлены границы применимости принципа свободной конкуренции. Имеются рынки, на которых свободная конкуренция оказывается несостоятельной, поскольку недостаточно действенны тенденции сохранения равновесия. Благодаря последним свобода принятия решений, свобода действия и бездействия, стремление к максимальной прибыли находятся под постоянным давлением и направляются в приемлемом сточки зрения всеобщего блага направлении. Если эти направляющие барьеры отсутствуют, то *вся энергия свободно хозяйствующего человека*, о мощи которой красноречиво говорят достижения XIX столетия, оборачивается *против общества*. Все превращается в свою противоположность. Если до сих пор преимуществом было производить много и дешево, то теперь кажется правильным предлагать мало и дорого. Если прежде всякий технический прогресс приветствовался как вспомогательное средство в конкурентной борьбе, то теперь лучше похоронить его результаты в архиве, чтобы не обесценить собственные прежние вложения. Мы не можем составить себе представление о том, как могла бы выглядеть свободная монополизированная экономика, лишь потому, что ни в одной стране государство и общественность не станут пассивно взирать даже на отдаленно напоминающий ее облик. В любом случае нет смысла требовать *абсолютной свободы конкуренции*. Напротив, вероятно, есть смысл в требовании того, чтобы государство всегда тогда «организовывало» свободную конкуренцию, когда есть основания полагать, что в рамках *общего конкурентного права* может происходить *честная конкуренция достижений*. Выяснено, при каких условиях совершенная конкуренция возможна. Если эти условия существуют или если они могут быть созданы посредством мер экономической политики, то свободная конкуренция является единственно уместным принципом порядка. Для участников рынка конкуренция является тогда *не только правом, но обязанностью*. Сфера ее применения совсем не мала. Совершенная конкуренция в прибли-

женном к образцу виде существует на многих рынках. На других она может быть установлена и обеспечена посредством облегчения международного товарообмена, устранения монополистов общественного мнения и проведения разного рода организационных мер.

В тех областях, где конкуренция несовершенна или благодаря образованию монополий устранена, *у свободной конкуренции нет возможностей для применения*. Было бы ошибкой делать из этого вывод, что создание условий для нее можно предоставить частному рыночному регулированию. *Скорее отсюда возникает вторая и несоизмеримо более сложная задача конкурентной политики*. Коль скоро мы говорим о едином характере экономической конституции, то не остается никакой другой возможности, кроме как организовать все эти рынки таким образом, чтобы, в конечном счете, возникло состояние, близкое к совершенной конкуренции. Но это, конечно, лишь общая установка. Она, однако, может быть дополнена констатацией того, что в случае наличия монополий или похожих на монополию образований желаемая цель может быть достигнута только посредством государственного регулирования. Тогда как при других формах несовершенной конкуренции следует пытаться сформулировать настолько тесные условия конкурентной борьбы, чтобы *у участвующих в ней предпринимателей не оставалось иного выбора, кроме как вести честную конкуренцию достижений*. Задачу, которая здесь поставлена перед специальным конкурентным правом, определенно нельзя считать легкой. Государственное регулирование справилось бы с ней легче, но тем самым мы бы больше, чем нужно, отделились от конкурентного принципа и нарушили основные требования конкурентного порядка. Не следует забывать и о том, что несовершенная конкуренция может вновь перетечь в совершенную, поэтому не рекомендуется возбуждать процесс, который вряд ли можно будет сделать обратимым. Итак, задача должна быть решена. То, что решение возможно, что уже сегодня имеются для этого предпосылки, которые могут быть использованы при проведении конкурентной политики, вполне доказуемо. Конечно, для общего применения подходов такого рода необходимо весьма кропотливое изучение соответствующих отдельных рынков и проведение тщательных теоретических и эмпирических исследований структуры издержек. Для контролирования калькуляций, которое в большинстве случаев представляется неизбежным, пока совершенно не хватает необходимых документов и опыта.

Если основные принципы общего конкурентного права легко можно вывести из теории совершенной конкуренции, то по отношению к специальному конкурентному праву предъявляются столь разнообразные требования, что о них вряд ли можно сказать больше того, что выходило бы за рамки общей целеустановки. Его содержание должно выте-

кать из тех требований, которые возникают при переводе того или иного рынка в режим упорядоченной несовершенной конкуренции. Специальное конкурентное право в прошлом ограничивалось правовым регулированием организованных в форме картелей олигополий. Распоряжение о злоупотреблении экономической властью от 2.11.1923 г. имело своей целью предотвращение разрастания картелей. Государственные вмешательства и разрешительная практика поначалу были сильно ограничены. Инициатива в борьбе со злоупотреблениями исходила в основном от участников рынка и от специальных судебных инстанций. Члены картелей получили право в любое время расторгать договор в силу важных причин. Данное распоряжение и особенно положения параграфа 9, согласно которым картель имел право на запрет поставок и иные схожие меры только с одобрения председателя картельного суда, способствовали ослаблению частного организационного принуждения и облегчили деятельность аутсайдеров. Распоряжение по картелям действует по сей день, хотя в последующих редакциях акценты заметно сместились в сторону усиления государственного вмешательства и надзора. Лишь чрезвычайное распоряжение от 30.8.1930 г., запрещавшее ценовые обязательства по товарам, к которым связанные договорными обязательствами отношения не имели, имело ту же направленность. Распространение картельного права на ценовые соглашения второго уровня, предусмотренное чрезвычайным распоряжением от 26.7.1930 г., в силу не вступило, поскольку не было одобрено высшей судебной инстанцией. Но уже в 1930 г. правительство страны получило право отмены соглашений по ценам. По законам от 15.7.1933 г. это право перешло к министру экономики, который, кроме того, был уполномочен на создание принудительных картелей, на регулирование картельных соглашений и на издание запрета на инвестиции. Наконец, по распоряжению от 16.5.1934 г. все новые договоренности по ценам подлежат предварительному цензурированию со стороны министерства экономики. Таким образом, *государство обладает уже почти всеми возможностями*, необходимыми для правового оформления ограниченной конкуренции, хотя более позднее законодательство берет свое начало по сути от распоряжения по картелям 1923 г., ориентированное преимущественно на договорное право. Последнее нацелено исключительно на горизонтальные ценовые соглашения, которые являются хотя и важной, но не единственной сферой, нуждающейся в урегулировании с помощью норм конкурентного права. Правда, и других полномочий инстанциям, отвечающим за экономическую политику, в настоящее время вполне достаточно, чтобы произвести любое желаемое вмешательство.

Распоряжение по картелям 1923 г., несомненно, было весьма прогрессивным шагом для своего времени, однако попытка регулирования

деятельности картелей посредством улучшения положения аутсайдеров была обусловлена незнанием сущности несовершенной конкуренции. Она могла иметь успех лишь там, где проходит граница между совершенной и несовершенной конкуренцией, т.е. где существуют довольно открытые картели. В тени более высокоразвитых картелей скрываются мотивы, определяющие поведение аутсайдера, не всегда такое, какое было бы желательно с точки зрения конкурентной политики. Сколь мало аутсайдер похож на вредителя, каковым его хотели бы представить картельные интересанты, столь же мало он может считаться фигурой, вокруг которой должна строиться конкурентная политика. Невозможно вообще достичь цели на основе *только* дальнейшего развития договорного права, не говоря уже о том, что картельное законодательство до сих пор базируется на свободе ценовых соглашений. Подключение механизма особых судебных полномочий в области ограниченной конкуренции дает, правда, некоторые преимущества, поскольку тем самым разгружается административный аппарат и повышается действенность правовой системы, однако оно должно иметь под собой совсем иное основание и получить намного большую сферу применения, чем нынешнее картельное право. На переднем плане должно, однако, стоять детализированное *специальное законодательство* для различных не приспособленных для свободной конкуренции рынков и отраслей экономики, и оно должно представлять собой почти всегда *принудительное право для всех участников рынка*. Санкционному праву и арбитражной деятельности инстанций, уполномоченных государством на осуществление надзора, отводится соответственно более важная роль, чем общему или специальному гражданскому судопроизводству.

Перед инстанциями, ответственными за проведение конкурентной политики, должна быть поставлена задача надзора за соблюдением основных общих идей порядка в каждом отдельном случае. С такой задачей не сможет справиться ни центральный орган, которому не хватает связи с реальной жизнью, ни узко специализированные ведомства, у которых, как показывает опыт, частные вопросы отдельных областей экономики и рынка заслоняют проблемы общего характера. Лишь инстанция, сочетающая общий обзор с точным знанием условий конкретных рынков, способна с требуемым реализмом, верностью принципам и с требуемой жесткостью обновить конкурентное право и построить из многообразных рыночных конституций единую хозяйственную конституцию.

ФРИДРИХ АВГУСТ ФОН ХАЙЕК

Введение*

Михаэль Вольгемут

Биография

Фридрих Август фон Хайек родился 8 мая 1899 года в Вене в семье ученых: его отец был биологом, дед – профессором публичного права. Вернувшись с войны, Хайек записался на факультет правоведения Венского университета, хотя уже в то время он интересовался философией и психологией.

В 1920 году, будучи еще студентом-правоведом, Хайек написал объемистую работу по теоретической психологии, которая была опубликована лишь в 1952 году (с незначительными изменениями) на английском языке под названием «Порядок восприятия. Исследование основ теоретической психологии» (The Sensory Order. An Inquiry into the Foundations of Theoretical Psychology, Hayek 1952). Защитив в 1921 году диссертацию по праву, Хайек занялся государствоведением и через два года завершил курс также защитой диссертации. С 1923 года началось тесное сотрудничество Хайека с Людвигом фон Мизесом. Хайек посещал его знаменитый частный семинар в Вене, а в 1927 году они вместе основали Австрийский институт конъюнктурных исследований. В 1929 году Хайек получил в Венском университете степень доктора экономических наук, защитив диссертацию по теме «Теория денег и теория конъюнктуры» (Hayek 1929).

Его теория чрезмерных и ошибочных инвестиций, вызванных монетарными соображениями, изначально существенно отличалась от идей Джона Мейнарда Кейнса, получавших все большую популярность в мире. По инициативе Лайонела Роббинса в 1931 году Хайек стал первым иностранцем, кого пригласили преподавать в Лондонскую школу

* Настоящее введение основано на материалах статьи автора: Wohlgemuth (2008), „Zur Einführung: Friedrich August von Hayek (1899–1992)“, в кн.: Nils Goldschmidt und Michael Wohlgemuth (Hrsg.). Grundtexte zur Freiburger Tradition der Ordnungsökonomik [Нильс Гольдшмидт и Михаэль Вольгемут (Ред.). Базовые тексты по фрайбургской традиции теоретической экономики], Tübingen: Mohr Siebeck. S. 615–624.

экономики, где впоследствии он завоевал мировую известность как критик кейнсианства и Кембриджской школы. В 1938 году Хайек получил британское гражданство.

Опубликованная в 1944 году книга «Дорога к рабству» (*The Road to Serfdom*; Hayek 1944) принесла Хайеку скандальный успех. Эта политическая книга, посвященная «социалистам всех партий», превратилась в мировой бестселлер. Ее скандальность состояла, с одной стороны, в том, что Хайек доказывал наличие глубокого духовного родства между фашизмом и социализмом; но еще сильнее шокировало публику предостережение Хайека о том, что социал-демократия и интервенционистское государство всеобщего благоденствия («Новый курс» в США и «Доклад Бевериджа» в Великобритании) ведут общество к тоталитаризму (даже и вопреки желанию правительства).

Угроза индивидуальной свободе, исходящая от разных видов коллективизма – правого или левого – стала для Хайека поводом к тому, чтобы в 1947 году вместе с немногими оставшимися идейными единомышленниками начать дискуссию о содержании и будущем либерализма. Этот «либеральный интернационал» назвал себя «Общество Мон Пелерин» (подробнее об этом см. ниже).

В 1950 году фон Хайек принял предложение Чикагского университета преподавать «социальные науки и этику». К тому времени тематика его работ уже давно вышла за рамки чистой экономики. Главным результатом профессуры в Чикаго стала «Конституция свободы», увидевшая свет в 1960 году. Это произведение до сих пор считается одной из самых значительных социально-философских работ XX века.

В 1962 году 63-летний Хайек принял предложение руководить кафедрой экономической политики Фрайбургского университета Альберта-Людвига и вскоре стал также членом совета директоров Института Вальтера Ойкена. В последующие годы он написал важные труды по теории спонтанного порядка и по концепции конкуренции как процедуре открытия (Hayek 1968).

В 1977 году, после многолетней работы в Зальцбурге в качестве внештатного профессора, фон Хайек возвратился во Фрайбург. Здесь он завершил трилогию «Право, законодательство и свобода» (Hayek, 1973–1979), которая наряду с «Конституцией свободы» считается важнейшим трудом Хайека по экономической теории порядка.

Среди многочисленных наград Хайека выделяется врученная ему в 1974 г. Нобелевская премия по экономике. В эпоху всеобщего увлечения планированием Нобелевская речь Хайека «Претензии знания» (Hayek, 1975) – призыв к интеллектуальному смирению и протест против заносчивости конструктивистского рационализма – произвела странное впечатление на большинство современников.

Лишь в конце 1970-х годов антиинтервенционистские идеи Хайека были открыты заново, а Маргарет Тэтчер и Рональд Рейган даже называли его труды одним из главных идейных источников своей политики. В 1988 году, незадолго до (предсказанного Хайеком еще в 1930-е годы) крушения большинства коммунистических систем, вышла его последняя книга «Пагубная самонадеянность — ошибки социализма» (*The Fatal Conceit — The Errors of Socialism*. Найек, 1988). Фридрих Август фон Хайек скончался 23 марта 1992 года во Фрайбурге.

Творчество и влияние

Наследие Хайека охватывает более 20 книг, около 30 брошюр и примерно три сотни научных статей. Его важнейшие труды переведены более чем на 20 языков. Сам Хайек утверждал, что сделал за свою жизнь в науке «одно открытие и два изобретения» (Найек 1980).

Открытием он считал созревшее в 1936 и опубликованное в 1937 году (Найек 1937) «осознание того, что ценовая система представляет собой систему сигналов, дающую человеку возможность приспособиться к обстоятельствам, о которых он ничего не знает». Но для того, чтобы цены могли осуществлять информационную и «направляющую» функцию, они должны быть «результатом конкурентного процесса, в котором используется информации намного больше, чем доступно кому бы то ни было» (Найек 1980). Эта концепция разделения информации легла в основу понимания рыночного процесса и конкуренции, которое у Хайека (как и его ранняя работа по теории денег и конкуренции) существенно отличается не только от кейнсианской макроэкономики, но и от неоклассической микроэкономики.

Конкретным поводом ко все большему отходу Хайека от постулатов общей неоклассической теории равновесия стали «дебаты о калькуляции» начала 1930-х годов. На тезис, высказанный первоначально Мизесом, о том, что в отсутствие свободного ценообразования на рынках капитала централизованная экономика лишена ориентиров для экономического обоснования аллокации ресурсов, Оскар Ланге и другие экономисты-неоклассики возражали ссылкой на модель общего равновесия Вальраса: с помощью этого инструмента система центрального планирования сможет имитировать совершенную конкуренцию, рассчитать равновесные цены и спустить их на предприятия в качестве обязательных.

Подобная попытка превратить эвристическую модель «невидимой руки» в удобную схему для централизованного планирования позволила Хайеку распознать истинную суть конкуренции: конкуренция важна именно потому, что существенная информация неизвестна и не поддается

ся централизации. Существенная информация — это знание чаще всего локальное, эфемерное, неполное и распределенное между многими индивидами; поэтому ее ценность может быть выявлена только в результате децентрализованных попыток и ошибок в рамках конкуренции и доведена до общества посредством текущей корректировки относительных цен.

Оба изобретения, о которых говорил Хайек, связаны с проведением институциональных реформ, посредством чего Хайек надеялся ограничить произвол государства.

В конце книги «Право, законодательство и свобода» (1973—1979) Хайек предложил учредить «законодательное собрание», которое существенно отличалось бы от современных парламентов тем, что в его исключительной компетенции находилась бы выработка общих, не зависящих от обстоятельств «правил справедливого поведения» (граждан и правительства) — в противоположность действиям правительства, которое стремится к выполнению поставленных целей, руководствуясь законом. Двухпалатная модель Хайека должна служить прежде всего иллюстрацией к тому, а в определенных случаях — например, при трансформации тоталитарной системы правления в правовое государство — также институционализации его идеала «правительства, подчиненного закону». Это значит, что демократические правительства тоже должны действовать в рамках Общего Закона, если они не хотят выродиться в «правительства мошенников».

Второе «изобретение» — это идея «денационализации денег» (Науек 1976). Хайек выступил за ликвидацию монетарной монополии государства. По его мнению, граждане должны быть свободны в выборе валюты — только так можно достичь денежной стабильности.

Оба «изобретения» пока не получили политического воплощения, как не нашли и особого отклика в академических кругах. Иначе обстоит дело со вновь открытыми и углубленными Хайеком идеями — особенно идеями шотландских философов-моралистов Смита, Хьюма и Фергюсона. Теорию культурной эволюции, разделенного знания и спонтанного порядка Хайек заново открыл у классиков, разработав и систематизировав ее в научную программу экономического порядка, которая до сих пор служит идейной базой Новой институциональной экономики, эволюционной экономики и теории рыночного процесса («Austrian economics») (Wohlgemuth 2013).

«Свободная экономика» и конкурентный порядок

Данная глава в целом опирается на содержание вводного доклада, с которым Хайек выступил на учредительной конференции «Общества Мон Пелерин», состоявшейся в апреле 1947 года.

В декабре 1946 года Хайек разослал приглашения примерно шестидесяти экономистам, историкам, социальным философам и публицистам, сохранившим верность либеральным идеям в эпоху агрессии коллективизма. На приглашение откликнулись чуть более половины адресатов, среди них Вальтер Ойкен — он оказался единственным участником конференции из Германии (см. Hennecke 2000: 212 и далее).

Из других до сих пор известных участников следует назвать следующих: Милтон Фридман, Бертран де Жувенель, Фрэнк Найт, Фриц Махлуп, Людвиг фон Мизес, Майкл Полани, Карл Поппер, Лайонел Роббинс, Вильгельм Рёпке, Джордж Стиглер.

Для обсуждения Хайек предложил следующие темы: границы свободной экономики в рамках конкурентного порядка, шансы на создание европейской федерации, будущее Германии, односторонность современной историографии, задачи политического воспитания, либерализм и христианство. Цель конференции Хайек сформулировал косвенно, посетовав на то, что «нигде в мире нет организованной политической группы, которая выступала бы за действительно свободную систему». Существуют отдельные группы, выступающие против тенденций к установлению «все более широкого государственного контроля», но у них нет программы, «последовательного мировоззрения».

Хуже того: мнимые защитники «свободной экономики» зачастую утрачивают последовательность, когда речь заходит об их собственных привилегиях, которые они, в конечном счете, и защищают. Создавая новое «общество», Хайек, таким образом, хотел предложить платформу для обсуждения и уточнения либерального мировоззрения, опираясь на которую это мировоззрение в долгосрочной перспективе могло бы влиять на общественное мнение и, в конечном счете, на политические решения.

«Свободная экономика» и конкурентный порядок» — вероятно, самая «ордолиберальная» публикация Хайека. Об этом говорит уже использование центрального для Фрайбургской школы термина «конкурентный порядок». И если Хайек вместо попустительского требования *laissez-faire* выступает за проведение политики, «которая открыто признает конкуренцию, рынок и цены как его структурный принцип и которая использует навязываемые государством законодательные рамки для того, чтобы сделать конкуренцию максимально эффективной и благотворной», то никак нельзя не вспомнить Ойкена или Бёма.

Так что «свободную экономику» следует отличать от «конкурентного порядка», «и нам нужно именно второе». Аналогично тому, как это позже сделает Ойкен в своих «Принципах экономической политики» (1952), Хайек выдвигает тезис о том, что частная собственность и свобода заключения договоров хотя и являются конструктивной предпосыл-

кой рыночной экономики, но далеко еще в недостаточной мере характеризуют конкурентный порядок. Внимательного рассмотрения требует вопрос о том, как следует правильно формировать право собственности и право на заключение договоров — прежде всего с точки зрения влияния на поддержание конкуренции.

Хайек опасается того, что «рабское применение понятия "собственность"» — например, в отношении изобретений, издательских прав или товарных знаков — будет способствовать росту монополий и привилегий. Аналогично не следует чрезмерно раздувать свободу заключения договоров, чтобы ее не использовали, например, для картельных соглашений. И если корпорации заключают договоры, то в этом случае уже не договор, а закон должен определять, кто несет ответственность.

Может показаться удивительным, что здесь Хайек довольно широко использует некоторые классические аргументы критиков капитализма, не только позволяя законодателю и судебной власти прагматично толковать право собственности и свободу заключения договоров, но и объявляя это их либеральной обязанностью. В более поздних его работах критика целенаправленного законодательства и конструктивистских попыток управлять спонтанным рыночным процессом снова усилится, Хайек предупреждает об опасностях, которые кроются в манипуляциях рыночными структурами с помощью инсайдерской информации.

Свою «программу», свое «мировоззрение» свободного общества Хайек изложил в «Конституции свободы» (1960). В 1970-е годы («Право, законодательство и свобода») он более резко выразит свои сомнения в способности современных парламентских и корпоративных систем сохранить рынок и свободу. Так что некоторые различия между взглядами Хайека и изначальными подходами Фрайбургской школы проявились лишь на более позднем этапе.

Таким образом, можно сказать, что Ойкен и Хайек в некоторых областях приходят к разным выводам, потому что для Ойкена и «фрайбуржцев» системное ядро проблемы экономического порядка состоит в «проблеме власти», а для Хайека — в «проблеме знания» (Streit / Wohlgenuth 2000).

Если рассматривать, например, конкуренцию в первую очередь как «инструмент лишения власти» (Ойкен, Бём) или как «процедуру открытия» (Хайек), то это отчасти объясняет, почему теория и политика конкуренции у представителей Фрайбургской школы долгое время оставалась скорее статичной и этатистской, в то время как Хайек подходил к ее трактовке эволюционно, подчеркивая необходимость защиты свободы конкуренции от государственного вмешательства и «монополизации знания».

В своей поздней лекции о «новом открытии свободы» в Германии Хайек более сдержанно высказывается об ордолибералах, подчеркивая,

что «речь идет о, скажем так, умеренных либералах» (Науек 1983). О том, что Хайек привнес во Фрайбургскую школу менее умеренный вариант либерализма, свидетельствуют уже некоторые положения его первой лекции во Фрайбурге (Науек 1962). Прежде всего, его резкая критика идеи «социальной справедливости» в смысле распределительной справедливости, политическая реализация которой требует «не только личной не-свободы, но и... тоталитарного режима в самом строгом смысле слова» (там же), наверняка вызвала некоторое удивление во фрайбургской аудитории. Этот тезис Хайек выдвигал уже в работе «Дорога к рабству» (1944), но основное внимание «фантому социальной справедливости» он уделит в книге «Право, законодательство и свобода» (Науек 1973–1979).

Ойкен писал: «Вопрос социальной справедливости заслуживает самого серьезного внимания» (Eucken 1952/90), причем «социальный вопрос» следует решать прежде всего с помощью конкурентного порядка. Для Хайека же вопрос социальной справедливости, если при этом имеется в виду справедливость распределения благ, в рамках спонтанного конкурентного порядка даже нельзя осмысленно поднимать, поскольку здесь никто на распределение доходов и имущества сознательно не влияет.

Так что Хайек скорее подтверждает тезис Людвиг Эрхарда, который считал, что «социальная рыночная экономика» по сути своей «социальна», только если она «свободна»: свободна от искусственных ограничений доступа на рынки, от привилегий и особых преимуществ (Wohlge-muth 2011).

ЛИТЕРАТУРА

Собрания сочинений Ф. Хайека

The Collected Works of F.A. Hayek. Founding Editor: W.W. Bartley III; General Editor: Bruce Caldwell, Chicago: University of Chicago Press (запланировано 19 томов, выходит с 1988 года).

Gesammelte Schriften in deutscher Sprache von Friedrich A. von Hayek. Herausgegeben von Alfred Bosch, Erich Streissler, Manfred E. Streit, Viktor J. Vanberg und Reinhold Veit [Собрание сочинений Фридриха А. фон Хайека на немецком языке. Под редакцией Альфреда Боша, Эриха Штрайслера, Манфреда Э. Штрайта, Виктора Й. Ванберга и Райнхольда Файта], Tübingen: Mohr Siebeck (запланировано 14 томов, выходит с 2001 года).

Работы Ф. Хайека

НАУЕК (1929). Geldtheorie und Konjunkturtheorie [Теория денег и теория конъюнктуры], Wien, Leipzig: Hölder-Pichler-Tempsky.

——— (1937). Economics and Knowledge, *Economica* 4. S. 33–54.

——— (1944). The Road to Serfdom, London: Routledge.

- (1952). *The Sensory Order. An Inquiry into the Foundations of Theoretical Psychology*, Chicago: University of Chicago Press.
- (1960). *The Constitution of Liberty*, London: Routledge.
- (1962/2008): *Wirtschaft, Wissenschaft und Politik*, in: Nils Goldschmidt und Michael Wohlgemuth (Hrsg.). *Grundtexte zur Freiburger Tradition der Ordnungsökonomik [Экономика, наука и политика, в кн.: Нильс Гольдшмидт и Михаэль Вольгемут (Ред.). Базовые тексты по фрайбургской традиции теоретической экономики]*, Tübingen: Mohr Siebeck. S. 637–651.
- (1968). *Der Wettbewerb als Entdeckungsverfahren [Конкуренция как процедура открытия]*, Kieler Vorträge, Neue Folge 56, Kiel: Institut für Weltwirtschaft der Universität Kiel.
- (1973–1979). *Law, Legislation and Liberty. A New Statement of the Liberal Principles of Justice and Political Economy*, London: Routledge.
- (1975). *Die Anmaßung von Wissen [Претензии знания]*, *ORDO* 26. S. 12–21.
- (1976). *Denationalisation of Money. An Analysis and Practice of Concurrent Currencies*, London: The Institute of Economic Affairs.
- (1980): *Dankadresse*, in: Friedrich A. von Hayek. *Vorträge und Ansprachen auf der Festveranstaltung der Freiburger Wirtschaftswissenschaftlichen Fakultät zum 80. Geburtstag von Friedrich A. von Hayek [Благодарственный адрес, в кн.: Фридрих А. фон Хайек. Доклады и выступления на торжественном заседании Фрайбургского экономического факультета в связи с 80-летием Фридриха А. фон Хайека]*, Baden-Baden: Nomos.
- (1983). *Die Wiederentdeckung der Freiheit – Persönliche Erinnerungen, in: Produktivität, Eigenverantwortung, Beschäftigung. Für eine wirtschaftspolitische Vorwärtsstrategie. Herausgegeben vom Verband Deutscher Maschinen- und Anlagenbau [Новое открытие свободы – личные воспоминания, в кн.: Производительность, личная ответственность, занятость. За политико-экономическую стратегию движения вперед. Издание Союза немецких производителей машин и оборудования]*, Köln: Deutscher Instituts-Verlag. S. 9–22.
- (1988). *The Fatal Conceit. The Errors of Socialism*, Chicago: University of Chicago Press.

Критическая и научная литература

- CALDWELL, BRUCE (2004). *Hayek's Challenge: An Intellectual Biography of F.A. Hayek*, Chicago: University of Chicago Press.
- HENNECKE, HANS JÖRG (2000). *Friedrich August von Hayek. Die Tradition der Freiheit [Традиция свободы]*, Düsseldorf: Verlag Wirtschaft und Finanzen.
- HORN, KAREN I. (2013): *Hayek für Jedermann [Хайек для всех]*, Frankfurt: FAZ Buch.
- STREIT, MANFRED E. UND WOHLGEMUTH, MICHAEL (2000): *Walter Eucken und Friedrich A. von Hayek: Initiatoren der Ordnungsökonomik*, in: Bernhard Külp und Viktor Vanberg (Hg.). *Freiheit und wettbewerbliche Ordnung. Gedenkbund zur Erinnerung an Walter Eucken [Вальтер Ойкен и Фридрих А. фон Хайек: Инициаторы экономики порядка, в кн.: Бернхард Кюльп и Виктор Ванберг (Ред.), Свобода и конкурентный порядок. Памяти Вальтера Ойкена]*, Freiburg: Haufe. S. 461–500.

- VANBERG, VIKTOR J. (Hg.) (1999). Freiheit, Wettbewerb und Wirtschaftsordnung. Hommage zum 100. Geburtstag von Friedrich A. von Hayek [Свобода, конкуренция и экономический порядок. К 100-летию со дня рождения Фридриха А. фон Хайека], Freiburg: Haufe.
- WOHLGEMUTH, MICHAEL (2011): “Der Sozialstaat in der Sozialen Marktwirtschaft”, in: Hans-Gert Pötering (Hrsg.), Die Zukunft des Sozialstaats [«Социальное государство в социальной рыночной экономике», в кн.: Ганс-Герт Пёттеринг, «Будущее социального государства»], Freiburg: Herder. S. 12–46.
- WOHLGEMUTH, MICHAEL (2013): The Freiburg school and the Hayekian challenge, *Review of Austrian Economics*, vol. 26, pp. 149–160.

«Свободная экономика» и конкурентный порядок*

1

Если в ближайшие годы, то есть в течение периода, которым только и занимаются политики-практики, в большей части мира почти неизбежно возобладает тенденция к расширению государственного контроля, то это обусловлено прежде всего тем, что группы, которые хотят этому противостоять, не имеют программы, или, лучше сказать, не имеют четкого мировоззрения. Положение даже еще хуже, чем просто отсутствие программы; ведь в действительности почти везде группы, утверждающие, что противостоят социализму, в то же время поддерживают политику, которая, если обобщить ее основополагающие принципы, в не меньшей мере привела бы к социализму, чем откровенно социалистическая политика. По крайней мере, не совсем лишены оснований шутки о том, что многие мнимые поборники «свободной экономики» в действительности скорее являются защитниками привилегий и сторонниками государственного вмешательства ради собственной пользы, чем противниками любых привилегий. Экономический протекционизм, поддерживаемые государством картели и сельскохозяйственная политика консервативных групп — это в принципе то же самое, что и требования глубокого регулирования хозяйственной жизни, выдвигаемые социалистами. Иллюзорна вера консервативных интервенционистов в то, что они сумеют удержать государственный контроль в приемлемых для них рамках. Если однажды будет признан принцип, состоящий в том, что государство берет на себя ответственность за уровень жизни и положение определенных групп, то этот контроль — по крайней мере, в демократическом

* В данной публикации приводится фрагмент работы Фридриха фон Хайека «Свободная экономика» и конкурентный порядок. Перевод осуществлен по изданию: *Friedrich A. von Hayek* (1947). *Grundtexte zur Freiburger Tradition der Ordnungsökonomik*. Herausgeg. Von Nils Goldschmidt und Michael Wohlgemuth. Verlag „Mohr Siebeck“, Tübingen, 2008. S. 625–635.

обществе — с неизбежностью будет распространен на удовлетворение ожиданий и предубеждений широких масс. Нет никакой надежды на возврат к более свободной системе, пока лидеры движения против государственного контроля сами не будут готовы подчиниться дисциплине конкуренции, прежде чем требовать этого от масс населения. Виды на ближайшее будущее безнадежны в первую очередь потому, что нигде в мире нет организованной политической группы, которая выступала бы за действительно свободную систему.

Политики-практики, возможно, правы со своей точки зрения, и с учетом нынешнего общественного мнения ничего другого достичь нельзя. Но то, что является для политиков четкими границами возможного, потому что так их определило общественное мнение, вовсе не обязательно должно ограничивать нас. Общественное мнение по этим вопросам — это творение наших коллег, экономистов-теоретиков и экономистов-философов прошлых поколений, которые создали атмосферу, в которой вынуждены действовать политики нашего времени. Я не часто соглашаюсь с покойным лордом Кейнсом; но он был бесконечно прав, говоря о предмете, в котором он разбирался как никто другой благодаря личному опыту. Он пишет: «...идеи экономистов-теоретиков и философов воздействуют сильнее, чем обычно считается, причем как тогда, когда они правы, так и тогда, когда они заблуждаются. Фактически именно они правят миром. Безумцы во власти, внимающие голосам свыше, черпают свои фантазии из сочинений какого-нибудь ученого писака прежних лет. Я убежден в том, что власть реальных интересов сильно переоценивается по сравнению с медленным проникновением идей. Конечно, не сразу, а лишь по прошествии определенного времени; ведь в области философии экономики и государства новые теории мало влияют на умы людей, перешагнувших рубеж 25–30-летнего возраста, так что идеи, используемые чиновниками или политиками и даже агитаторами, обычно не самые новые. Но рано или поздно именно идеи, а не интересы начинают влиять на вопросы добра и зла»¹.

Именно такая долгосрочная перспектива должна определять нашу задачу. Мы должны заниматься мнениями, которые следует распространять, чтобы свободное общество сохранялось или восстанавливалось, а не тем, что на данный момент представляется осуществимым. Но раз уж мы должны освободиться от предубеждений, в которых погряз политический деятель, то нам необходимо также со всей трезвостью подумать о том, чего можно достичь с помощью убеждения и наставления. Хотя мы и можем надеяться на то, что общественность в определенной

¹ Keynes (1936: 383–384) [перевод цитаты выполнен с нем. яз. по тексту, приводимому Хайеком. — Прим. пер.]

мере воспримет разумные доводы, касающиеся применяемых средств и избираемых методов, надо все же исходить из того, что действие ее актуальных ценностей, ее этических норм распространяется на гораздо больший период, что они в определенной мере лежат вне сферы рациональных подходов. Наша задача состоит, в частности, в том, чтобы показать, что цели, поставленные нашим поколением, плохо сочетаются и даже противоречат друг другу и что ориентация на определенные цели, возможно, угрожает другим, более важным ценностям. В то же время мы, возможно, обнаружим, что в некоторых областях за последнее столетие сложились определенные моральные идеалы, для осуществления которых в свободном обществе могут быть найдены подходящие средства. Даже если мы не придаем особого значения некоторым из этих новых ценностей, нам придется предположить, что они в течение длительного времени будут определять устремления людей, так что нам надо будет хорошо подумать о том, какое место найти для них в свободном обществе. Прежде всего я, конечно, имею в виду требования большей безопасности и большего равенства. Думаю, что поиск в свободном обществе места и для того, и для другого заслуживает самого серьезного внимания.

В другом смысле я считаю, что мы должны совершенно осознанно обратить внимание на нравственный настрой нынешнего человека, если мы хотим переключить его силы с вредной политики, на которую он их сейчас направляет, на новый поиск индивидуальной свободы. Если мы не сможем поставить перед человеком определенную задачу в рамках программы свободы, на решение которой он мог бы направить свою реформаторскую энергию, и не укажем на реформы, достойные самоотверженной борьбы, его нравственная энергия будет скорее всего использована против свободы. Фатальная тактическая ошибка многих либералов XIX века состояла, наверное, в том, что они создали впечатление, будто устранение всех вредных и необязательных государственных функций — это венец политической мудрости и будто вопрос о том, *каким образом* государству надлежит применять ту власть, которую у него никто не оспаривал, не вызовет никаких серьезных и важных проблем, которые разные люди могут оценивать по-разному.

Это относится, конечно, не ко всем либералам XIX века. Лет сто назад Джон С. Милль, тогда еще настоящий либерал, четко описал одну из наших главных нынешних проблем. В первом издании своих «Принципов политической экономии» он писал: «Законы о собственности еще никак не приспособлены к принципам, на которых основана легитимация частной собственности. Они установили собственность на вещи, которые никак не должны были становиться собственностью, и узаконили безусловную собственность там, где она должна была быть лишь

условной. ... Если бы усилия законодателей были бы направлены на то, чтобы поощрять не концентрацию, а распространение благосостояния, и на то, чтобы стимулировать разукрупнение больших единиц, а не их сохранение, то стало бы ясно, что принцип частной собственности никак не связан с тем физическим и социальным злом, которое побуждает многие умы к тому, чтобы предаваться любым — даже самым отчаянным — надеждам на улучшение положения»². И в самом деле не было сделано практически ничего, чтобы лучше согласовать законы о собственности с ее логическими основами. Сам Милль, как и многие другие, вскоре переключил внимание на планы, ориентированные скорее на ограничение и упразднение частной собственности, чем на ее лучшее использование.

Не было бы большим преувеличением сказать, что толкование основополагающих принципов либерализма как отсутствие любого вмешательства со стороны государства, а не как политики, которая признает конкуренцию, рынок и цены в качестве упорядочивающего принципа и использует законодательные рамки, установленные государством, для того чтобы сделать конкуренцию максимально эффективной и полезной, дополняя ее там и только там, где она не применима, — что такое толкование в той же мере является причиной эрозии конкуренции, как и активная поддержка, которую правительство прямо или косвенно оказало растущим монополиям. Первый общий тезис, который нам предстоит проверить, состоит в том, что определенные меры государства могут сделать конкуренцию более действенной и успешной, чем она была бы без такого вмешательства. Некоторые из этих мер всегда встречали одобрение, хотя теперь зачастую делают вид, что этого не помнят. То, что нормальная работа рынка предполагает не только отсутствие насилия и мошенничества, но и защиту определенных прав — например, прав собственности, а также обеспечение исполнения договоров, всегда рассматривается как нечто само собой разумеющееся. Изъятием традиционной дискуссии является, однако, распространенное мнение, согласно которому признание принципов частной собственности и свободы заключения договоров, которые, разумеется, признает всякий либерал, уже само по себе решает все вопросы, будто права собственности и договорное право уже всегда существовали в окончательной и оптимальной форме, то есть в той форме, которая позволяет рыночной экономике работать наилучшим образом. Но настоящая проблема возникает лишь тогда, когда мы договорились об этих принципах.

Именно это я хотел подчеркнуть, озаглавив свой доклад «Свободная экономика и конкурентный порядок». Эти два понятия не обязательно характеризуют одну и ту же систему, нам здесь важнее второе понятие.

² *Mill* (1848/1869), I, 218 (том II, глава 1, § 3).

Здесь я должен, наверное, сразу же подчеркнуть, что под «конкурентным порядком» я понимаю нечто почти противоположное «упорядоченной конкуренции». Конкурентный порядок призван сделать конкуренцию эффективной, в то время как цель так называемой «упорядоченной конкуренции» почти всегда состоит в том, чтобы ограничить эффективность конкуренции. Так что такое понимание нашего предмета сразу отличает наш путь как от концепции плановиков-консерваторов, так и от подхода социалистов.

Во вводном обзоре я должен ограничиться перечислением главных проблем, которые нам предстоит обсудить, любой более подробный анализ я предоставляю последующим докладчикам. Лучше всего было бы, наверное, начать с того, чтобы более четко, чем ранее, подчеркнуть, что нам нужно, прежде всего, обратить внимание на то, что рынок должен работать там, где он эффективен. Но при этом нельзя забывать о том, что в современном обществе существует целый ряд необходимых услуг (например, санитарных и прочих мероприятий в сфере здравоохранения), которых рынок не предоставляет — по той простой причине, что от тех людей, которые в них нуждаются, нельзя требовать платы, или, лучше сказать, что их благотворное воздействие нельзя ограничивать только кругом тех людей, которые готовы и в состоянии за такие услуги заплатить. Существуют и другие подобные сферы, но если мы посмотрим на эти вещи внимательно, мы увидим, что такие сферы плавно переходят в другие, где услугу можно целиком продать любому клиенту, который того пожелает. На каком-то этапе нам, конечно, придется подумать, в каком случае мы всегда должны ожидать, что государство обеспечит нас той или иной услугой *вне рынка*, и в какой мере это обстоятельство будет влиять на условия, в которых работает рыночная экономика.

2

Есть еще две проблемы, которые в большей мере затрагивают основы конкурентной системы, чем то, что можно было бы назвать собственно рыночной политикой, и которые я должен упомянуть. Во-первых, это вопрос о характере валютно-финансовой политики, необходимой, чтобы обеспечить достаточную экономическую стабильность. Мы, наверное, все согласимся с тем, что смягчение периодической безработицы зависит — по крайней мере, частично — от валютной политики. Рассматривая эту проблему, мы должны прежде всего обратить внимание на то, в какой мере можно автоматически регулировать монетарные меры или, по крайней мере, сделать их предсказуемыми за счет привязки к четким правилам. Второй важный вопрос, на который мы должны дать определенный ответ, особенно не углубляясь при этом в детали, состоит в том, что в со-

временном обществе мы должны принимать как факт то обстоятельство, что для безработных и бедных людей, которые не могут найти работу, надо будет создать некую систему обеспечения. В этой связи мы должны думать не о том, стоит ли вводить такую систему обеспечения или нет, а лишь о том, в какой форме она менее всего мешала бы работе рынка.

Я назвал эти два пункта в основном для того, чтобы четче очертить свой главный предмет. Прежде чем я перейду к простому перечислению, которым я должен ограничиться, я хотел бы лишь добавить, что мне представляется чрезвычайно желательным, чтобы либералы имели по этим вопросам разные мнения — чем больше они будут различаться, тем лучше. Ведь самое главное, чтобы вопросы политики, направленной на формирование конкурентного порядка, снова стали предметом живой публичной дискуссии; и мы внесли бы значительный вклад в эту дискуссию, если бы нам удалось привлечь к ней внимание.

3

На мой взгляд, главные аспекты при рассмотрении мер, необходимых для обеспечения успешного конкурентного порядка, это право собственности и договорное право, далее корпоративное право, включая, в частности, нормы, регулирующие деятельность профсоюзов, а также проблемы, связанные с отношением к монополиям или монопольным позициям, которые остались бы, кстати, и при грамотно разработанном рамочном законодательстве, проблемы налогообложения и проблемы международной торговли — в наше время, в частности, отношения между свободными и плановыми экономическими системами.

Что касается второй сферы права собственности и договорного права, то мы должны, как я уже подчеркивал, прежде всего остерегаться заблуждения, что такие формулы, как «частная собственность» и «свобода заключения договоров», позволят решить наши проблемы. Они не являются достаточными решениями, поскольку их смысл неоднозначен. Наши проблемы начинаются с вопроса о том, каково должно быть содержание законов о собственности, какие договоры должны подлежать исполнению, и как следует толковать договоры или, лучше сказать, каким образом нужно интерпретировать неофициальные договоренности будничной деловой жизни.

Что касается права собственности, то нетрудно заметить, что простые правила, которых достаточно для обращения с обычными движимыми «вещами», не могут бесконечно расширяться. Достаточно вспомнить хотя бы о проблемах, возникающих при осуществлении сделок с земельными участками — в частности, с участками под застройку в современных больших городах, чтобы понять, что термин «собствен-

ность», смысл которого вытекает из предположения, что использование отдельного объекта владения затрагивает только интересы владельца, перестает работать. Не приходится сомневаться в том, что, по крайней мере, часть проблем, которыми занимаются современные планировщики, представляют собой настоящие проблемы, которые должны решать правительства или местные власти. Если в таких областях, как эта, мы не сможем предложить некое руководство относительно того, в чем состоят оправданные и необходимые государственные функции и где проходят их границы, то нечего будет сетовать на то, что наши оценки не воспринимаются всерьез, когда мы выступаем против иных, менее оправданных методов «планирования».

Проблема противодействия монополизации и сохранения конкуренции оказывается гораздо острее в некоторых других областях, на которые лишь в последнее время было распространено понятие собственности. Я имею в виду распространение понятия собственности на права и привилегии, такие как патенты на изобретения, издательские права, товарные знаки и тому подобное. На мой взгляд, нет сомнения в том, что в этих сферах рабское применение понятия «собственность», разработанного для материальных вещей, во многом способствовало росту монополий и что здесь потребуются глубокие реформы, чтобы конкуренция была эффективной. В частности, в области промышленных патентов надо будет со всей строгостью проверять, является ли предоставление монопольной привилегии действительно соразмерной и самой успешной формой вознаграждения за риск, связанный с инвестициями в научные исследования.

С нашей точки зрения именно патенты представляют особый интерес, поскольку они отчетливо демонстрируют, насколько во всех этих случаях необходимо не просто применять какую-то заданную формулу, а возвращаться к логическим основам рыночной экономики, чтобы решать для каждой отдельной области вопрос о том, какие права должно охранять государство. Эта задача в равной мере стоит как перед экономистами-теоретиками, так и перед юристами. Надеюсь, что я не злоупотреблю вашим временем, если для лучшего объяснения того, что я имею в виду, процитирую известное решение одного американского судьи. Он пишет: «Что касается мнения о том, что конкуренты должны быть исключены из использования патента, то мы считаем, что как раз такое исключение и является сутью права, предоставляемого патентом», и добавляет: «... так же как привилегия каждого собственника состоит в том, чтобы использовать или не использовать свою собственность — без указания причин»³. Последнее замечание, на мой взгляд, весьма

³ Continental Bag Co. V. Eastern Bag Co. 210 U.S. 405 (1909).

характерно в том плане, что механическое расширение юристами понятия собственности в значительной мере способствовало созданию нежелательных и вредных привилегий.

4

Другая сфера, где механическое расширение упрощенного понимания собственности привело к нежелательным результатам, это сфера товарных знаков и юридически защищенных названий товаров. Лично я не сомневаюсь в том, что законодателям здесь еще предстоит выполнить важные задачи и что одна — и только одна — из этих задач состоит в том, чтобы давать соразмерную и правдивую информацию о происхождении каждого изделия. Но исключительное внимание, уделяемое названию производителя, при одновременном отсутствии аналогичного внимания к характеру и качеству товара в определенной мере способствовало созданию условий для роста монополий, поскольку товарные знаки со временем начинают использоваться как обозначения вида товаров, которые тогда, разумеется, имеет право производить только владелец товарного знака («Kodak», «Coca-Cola»). Эту проблему можно было бы, наверное, решить так, чтобы товарный знак подлежал охране только в сочетании с описательным названием, использовать которое может любой человек.

Аналогична ситуация в сфере договоров. Мы не можем считать «свободу заключения договоров» реальным ответом на наши проблемы, ведь мы же знаем, что закон не должен защищать все договоры. Напротив, мы должны выступать за то, чтобы договоры, ограничивающие конкуренцию, не подлежали защите. Если мы однажды распространим право на заключение договоров с физических лиц на корпорации и подобные субъекты, тогда уже не договор, а закон будет определять, кто несет ответственность и как следует определять и охранять право собственности, которое ограничивает ответственность корпорации.

«Свобода заключения договоров» не дает решения уже потому, что в столь сложной экономике, как наша, ни в одном договоре не могут быть четко прописаны все возможности и что суды и законодатели разрабатывают типовые договоры для самых разных целей, которые не только имеют тенденцию к тому, чтобы стать единственно исполнимыми и понятными, но и определяют толкование всех договоров, которые реально могут заключаться, а также используются для заполнения имеющихся в них пробелов. Правовая система, которая полностью отдавала бы определение типа договорных обязательств, на которых основан общественный порядок, на усмотрение сторон договора, каждый раз принимающих новое решение, никогда не существовала и, вероятно, не может существовать. Здесь — как и в праве собственности — важнейшее значение для работы

рыночной экономики имеют четко проработанное содержание рамочного законодательства и законы гражданского права. Степень, в которой развитие гражданского права — как в плане наработок судебной практики, так и в результате совершенствования законодательства — может определять становление конкурентной системы, и то, в какой мере эти перемены в гражданском праве определяются господствующими идеями о желательном общественном строе, лучше всего демонстрирует развитие за последние 50 лет законодательства и судебной практики о картелях, монополиях и ограничениях торговли в целом. Мне кажется бесспорным тот факт, что эти тенденции — в том числе там, где они полностью сохранили принцип «свободы заключения договоров», и частью именно потому, что это было сделано, — в большой степени способствовали уничтожению конкуренции. При этом мало умственных усилий было употреблено, чтобы изучить вопрос о том, как следует модифицировать правовые рамки, чтобы сделать конкуренцию более эффективной.

Главная область, где проявляются эти проблемы и на материале которой я лучше всего могу проиллюстрировать свою точку зрения, это корпоративное право, и в частности правовые нормы, касающиеся акционерных обществ. Вряд ли приходится сомневаться в том, что особая форма, которую здесь приняло законодательство, в значительной мере способствовала росту монополий и что только благодаря особому законодательству, предоставившему особые права, — не столько самим корпорациям, сколько людям, вступающим с ними в деловые отношения, — размер предприятий, превышающий технически оправданный предел, стал преимуществом. Я считаю, что в общем и целом свободу физических лиц не стоит расширять до таких пределов, чтобы равные права предоставлялись всем группам индивидов, и что иногда государство обязано защищать отдельных людей от организованных групп. Мне также кажется, что в области корпоративного права мы исторически находимся в ситуации, которая очень похожа на ту, что мы имеем в сфере права собственности, о котором я уже говорил. Как в сфере права собственности законы, разработанные для обычной движимой собственности, были без критического подхода и без соответствующей модификации распространены на все виды новых прав, так и признание компаний фиктивными или юридическими лицами привело к тому, что все права физического лица были автоматически перенесены на компании. Имеются серьезные причины для того, чтобы формировать корпоративное право так, чтобы неограниченный рост отдельных обществ был затруднен; как это можно сделать без установления каких-либо абсолютных пределов или без наделения государства нежелательными полномочиями для прямого вмешательства — это одна из интереснейших проблем, которые нам следует обсудить.

5

До сих пор я намеренно говорил лишь о том, что нужно предпринять, чтобы сделать эффективной конкуренцию со стороны работодателей — не потому, что придаю этому аспекту исключительное значение, а потому, что я убежден, что в политическом плане не стоит ожидать, что в отношении другой стороны проблемы — то есть в отношении рабочих — будет что-то сделано, пока работодатели со своей стороны не покажут, что они верят в конкуренцию и намерены сначала навести порядок в собственном доме. Но нас не должен сбивать с толку тот факт, что во многих аспектах самая критичная, сложная и щекотливая часть нашей задачи состоит в том, чтобы выработать грамотную программу взаимодействия с рабочими и профсоюзами. Думаю, что развитие либеральных идей не было ни в одной другой сфере столь непоследовательным или неудачным, как здесь. Даже настоящие нынешние либералы чувствуют себя здесь очень неуверенно. Поначалу либерализм, если обратиться к истории, слишком долго стоял на позициях неоправданной враждебности по отношению к профсоюзам, но затем, в начале века, либералы полностью капитулировали, согласившись на множество исключений из обычного права в пользу профсоюзов и даже практически легализовав применение ими насилия, принуждения и запугивания. Так что если и существует какая-то надежда на возврат к свободной экономике, то одним из самых важных вопросов, заслуживающих самого серьезного внимания, должен стать вопрос о том, как разумно ограничить власть профсоюзов — как через закон, так и фактически. Я сегодня уже не раз испытывал желание сослаться на труды покойного Генри Саймонса, но сейчас хочу, в частности, обратить ваше внимание на его «Размышления о синдикализме», где он излагает эту проблему на редкость смело и с особой ясностью⁴.

В последнее время ситуация, конечно, еще больше обострилась за счет того, что большинство правительств взяли на себя ответственность за так называемую «полную занятость» и все, что с этим связано, и я считаю, что мы уже не можем отделить эти проблемы, раз уж мы с ними столкнулись, от более общих проблем валютной политики, хотя я бы предпочел рассматривать их по возможности отдельно. То же самое относится к следующему большому кругу проблем, которые я сейчас могу упомянуть лишь вкратце: проблемы международной торговли, таможенных барьеров, валютного контроля и т.д. Хотя наша долгосрочная позиция по всем этим вопросам не должна вызывать сомнений, они порождают, конечно, реальные проблемы на ближайшее будущее, которые нам все же, очевидно, лучше отложить, поскольку они скорее относятся к сфере практической политики, чем к уровню базовых, долгосрочных

⁴ *Simons* (1944).

принципов. Боюсь, что мы не вправе так поступить в отношении другой уже упомянутой мною проблемы – проблемы отношений между свободной и плановой экономическими системами.

Раз уж я должен ограничиться перечислением основных проблем, то прежде чем я завершу свое выступление, мне хотелось бы затронуть еще одну важную тему – тему налогов. Конечно, это очень обширная область, и я остановлюсь только на двух ее аспектах. Один аспект – это влияние прогрессивного подоходного налога на том уровне, который теперь достигнут и используется в целях крайней уравниловки. Два последствия, которые мне кажутся наиболее серьезными, это, с одной стороны, социальный застой, вызываемый таким подходом, поскольку успешный человек в таких условиях практически не может подняться по социальной лестнице, накопив состояние, и, с другой стороны, тот факт, что почти исчез важнейший элемент любого свободного общества: независимый человек со средствами, обладающий свободным мнением и вообще сохраняющий атмосферу независимости от государственного контроля – фигура, важную роль которой мы начинаем осознавать лишь тогда, когда она уходит со сцены. То же самое относится к налогу на наследство и, в частности, к пошлинам на наследство, которые в настоящее время взимают в Англии. Говоря об этом, я должен сразу же добавить, что налоги на наследство, конечно, тоже можно использовать как инструмент для повышения социальной мобильности и более широкого распределения собственности, так что их также можно рассматривать как важное средство истинно либеральной политики, которое не теряет своей значимости, хотя здесь имеют место злоупотребления.

Есть еще много важных проблем, которые я даже не упомянул. Но надеюсь, что сказанного будет достаточно, чтобы очертить область, которую я имел в виду, когда предложил тему для нашей сегодняшней дискуссии. Область эта слишком велика, чтобы подробно осветить все ее аспекты, даже если бы у нас было намного больше времени. Но как уже отметил раньше, я надеюсь, что эти дискуссии будут лишь началом, и тогда будет уже не столь важно, с какой точки начать.

ЛИТЕРАТУРА

- KEYNES, JOHN MAYNARD (1936), *The General Theory of Employment, Interest and Money*, London: Macmillan.
- MILL, JOHN STUART (1848/1869), *Grundsätze der politischen Ökonomie*. Übersetzt von Adolf Soetbeer, 3. Aufl. [Принципы политической экономии. Перевод Адольфа Зётбеера, 3-е изд.], Leipzig: Fues.
- SIMONS, HENRY C. (1944), *Some Reflections on Syndicalism*, *Journal of Political Economy* 52. Pp. 1–25; перепечатано в кн.: *Henry C. Simons, Economic Policy for a Free Society*, Chicago: University of Chicago Press 1948. Pp. 121–158.

АЛЕКСАНДР РЮСТОВ

Введение*

Реми и Франк Майер-Ригауд

Жизнь и карьера

Александр Рюстов родился 8 апреля 1885 года в Висбадене. После окончания школы в Берлине он изучал математику, физику, философию, естествознание, классическую филологию, право и экономику в университетах Гёттингена (1903–1905), Мюнхена (1905) и Берлина (1905–1908). В 1908 году Рюстов закончил аспирантуру в университете Эрлангена, защитив свою новаторскую диссертацию о парадоксе Рассела под названием «Лжец. Теория, история и решение». С 1908 по 1911 год он занимал должность ответственного управляющего научным отделом в издательстве *B.G. Teubner* в Лейпциге. Из-за начала Первой мировой войны он вынужден был прервать работу над своей докторской работой о Пармениде, которая должна была обеспечить ему статус доцента университета Мюнхена.

После войны он вращался в кругах социально ориентированных интеллектуалов и занимался не только марксистской теорией, но и экономическим либерализмом. В это время Рюстов познакомился с экономистом и социологом Францем Оппенгеймером (1864–1943), с которым разделял его мнение о том, что преимущества коммунизма и капитализма должны быть объединены для развития по третьему пути¹. В последующие годы он поддерживал тесные дружеские отношения с учениками Оппенгеймера Адольфом Лёве, Эдуардом Гейманном и Герхардом Кольмом. В 1920-е годы Рюстов отошел от социализма в варианте Маркса и Энгельса и стал приверженцем демократического социализма Лассаля.

С 1919 по 1924 год Рюстов работал референтом в Имперском министерстве экономики. В рамках своих обязанностей он впервые встретился с Вильгельмом Рёпке, который, несмотря на то что был моложе, играл

* Биографический экскурс является сокращенным и переработанным вариантом Maier-Rigaud / Maier-Rigaud (2001).

¹ *Siehe* Z. B. Oppenheimer (1962 [1919]).

важную роль в жизни Рюстова. В министерстве Рюстов был уполномоченным по делам картелей и участвовал в разработке «Положения по борьбе со злоупотреблениями экономической властью» (1923). Рюстов считал, что лоббисты ослабляют действие этого положения, несомненно, это заставляло его выступать за сильное государство, способное дать отпор частным интересам. Похожим образом обстояли дела со значительно более поздним «Законом против ограничений конкуренции», принятым в Германии в 1957 году. Несмотря на свое влияние на этот закон, который представлялся ему испытанием для социальной рыночной экономики, он вновь остался недоволен результатом².

В 1924 году Рюстов вступил в Германскую федерацию машиностроителей (VDMA), где остался до 1933 года и имел возможность работать в качестве научного и экономического советника. Здесь он заложил фундамент для своих глубоких политэкономических взглядов. На тот момент Рюстов еще считал себя социалистом. Позднее, с характерной ему открытостью, он говорил, что «он и сам был охвачен чарами этого спасительного учения, и что ему было не просто вырваться из этих чар»³. В 1945 году он отмечал, что нет иного решения, «нежели с мужеством отчаяния искать третий путь, который пролегает между потерпевшим крах историческим либерализмом и опасным коллективизмом, ведя человечество к новой возможности жить по-человечески и достойно»⁴.

Эти мысли Рюстов впервые высказал в систематической форме в рамках основного доклада на последнем заседании Союза социальной политики накануне его закрытия национал-социалистами⁵. Из-за давления политики экономии и наличия более пяти миллионов безработных в то время часто раздавались голоса, требовавшие значительного вмешательства в сферу экономики, иногда речь шла даже о необходимости введения директивного планирования. Рюстов выступал за путь развития, предполагавший, что механизм рынка остается экономическим принципом управления, а государственные интервенции ограничиваются вмешательствами, соответствующими требованиям рынка. Так, уже в 1932 году Рюстов сформулировал принципы либерального вмешательства, характерные для Фрайбургской школы ордолиберализма. Вне зависимости от этих тезисов Рюстов, и лишь немного позже Вальтер Ойкен, также представил подобные принципы⁶. Статья Рюстова «Свободная экономика — сильное государство. Государственные и политические предпосылки

² О разработке Закона против ограничений конкуренции и, среди прочего, о роли Рюстова см.: Maier-Rigaud (2012).

³ Rüstow (1957: 648).

⁴ Rüstow (2001: 141).

⁵ См.: Janssen (2000).

⁶ См.: Rüstow (1963 [1932]), а также Eucken (1932).

экономико-политического либерализма» („Freie Wirtschaft – starker Staat. Die staatspolitischen Voraussetzungen des wirtschaftspolitischen Liberalismus“) имеет хорошую «славу», поскольку уже в этом тексте важную роль играет разделение между, говоря языком Хайека, правопорядком и порядком в торговле. Рюстов, всегда считавший социалистические требования справедливости абсолютно необходимыми, искал решение проблемы на конституциональном уровне. Без сильного государства, которое вопреки групповым интересам проводит курс на обеспечение конкуренции по результатам и равных стартовых возможностей, как считал Рюстов, невозможно гарантировать ни свободу, ни процветание.

Рюстов противился захвату власти национал-социалистами в 1933 году, и после поражения в этой борьбе он отправился в добровольную эмиграцию в Стамбул. В этот период его научной деятельности важную роль сыграл «Коллоквиум Уолтера Липпмана» в Париже 1938 г.⁷ На этом заседании Рюстов представил доклад о психологических, социологических, политических и идеологических причинах провала старого либерализма, который он, используя свойственный ему талант метких высказываний, назвал палеолиберализмом. Рюстов продолжал развивать свои идеи по этому вопросу на протяжении 16 лет интенсивных исследований на Босфоре и представил их в систематичном виде в 1945 году в своем первом издании «Провал экономического либерализма» („Das Versagen des Wirtschaftsliberalismus“)⁸. Кроме того, Рюстов уже в то время работал над своим основным трудом «Определение местонахождения современности» („Ortsbestimmung der Gegenwart“), первый вариант которого Ойкен и Рёпке получили еще в 1937 году.

Рюстов вернулся в Гейдельберг сначала в качестве приглашенного профессора (1949), а позже как заведующего кафедрой экономических и социальных наук и директора Института Альфреда Вебера (1950). Здесь он еще преподавал в зимнем семестре 1955/1956 гг. после ухода на пенсию. По приезде Рюстов сразу опубликовал большую статью «Между капитализмом и коммунизмом» („Zwischen Kapitalismus und Kommunismus“) в ежегоднике ОРДО (ORDO), второе издание «Провала экономического либерализма» и первый том своего основного культурологического и социологического труда «Определение местонахождения современности»⁹. Опираясь на широкую этнологическую, античную, археологиче-

⁷ См.: CWL (1938).

⁸ О значении данной работы Майер-Руст пишет (1993: 252): «В то время как Макс Вебер рассматривает “дух капитализма” как секуляризацию протестантской этики, Рюстов определяет “дух либерализма” как такую же секуляризацию деистско-стоической веры в гармонию».

⁹ За первым томом (1950) „Ursprung der Herrschaft“ последовал второй том (1952) „Weg der Freiheit“ и пять лет спустя (1957) – третий том „Herrschaft oder Freiheit“.

скую, экономическую и универсально-историческую базу исследований и подготовительных работ Рюстов превосходным образом обновил социальную теорию государства Гумпловича и Оппенгеймера, не отрицая влияния Карла Маркса и Макса Вебера и считая себя последователем их теорий. Целью основного труда Рюстова было создание мощной культурологической и социологической базы для экономико-политических воззрений Фрайбургской школы ордолиберализма. Именно таким образом Рюстов надеялся защитить либерализм от неблагоприятных деформаций. Александр Рюстов, интеллектуально преодолевший в себе самом идеологию марксизма и к концу Веймарского периода признавший негативное влияние методологии Макса Вебера на ориентированных на практику интеллектуалов, пришел к убеждению, что всякий научный анализ социальных явлений должен основываться на, безусловно, обоснованных оценках ученых: «Отталкиваясь от своего принципиального методологического убеждения, я пришел к выводу, что не следует сомневаться в том, что я отрицал или принимал в прошлом или настоящем, а также что буду принимать или отрицать в будущем»¹⁰. Заслуги Рюстова на академическом поприще и в общественно-политической сфере деятельности, помимо прочего, признаны университетами Берна и Эрлангена, которые присудили ему почетную докторскую степень, они также подтверждаются двумя юбилейными изданиями его трудов. Александр Рюстов умер 30 июня 1963 г. в Гейдельберге в возрасте 78 лет.

*Комментарий к представленным в сборнике работам Рюстова: ошибка вульгарного либерализма, третий путь посредством сильного государства и витально-политического¹¹ оформления периферии рынка**

Первый текст представляет собой фрагмент из работы Рюстова «Провал экономического либерализма». Здесь речь идет о впервые опубликованной в 1945 году работе с остроумным анализом ошибок вульгарного либерализма XVIII и XIX веков и выявлением тех духовно-исторических корней, которые лежат в основе убеждений исторического либерализма. Своего рода экономико-теологическое превозношение рынка рассматривается как основная проблема, которую Рюстов замечает у многих мыслителей вплоть до античности. Лишь из-за этого либерализм упу-

¹⁰ Rüstow (1950: 18).

¹¹ Термин «витальная политика» (Vitalpolitik) введен в оборот Александром Рюстовым. Под ним понимается приложение традиционной политики порядков (Ordnungspolitik) к конкретной жизненной ситуации (Vitalsituation) человека. — *Прим. ред.*

* Этот отрывок частично основан на переработанных выдержках Maier-Regaud (2009) и Maier-Regaud (2015).

стил из виду ограниченность своих сил и внедрялся во всё новые сферы жизни. И хотя он сдержал обещание о прогрессе и экономическом процветании, это не коснулось широких слоев населения. Бедность, обнищание, отчужденность и обострение социальных противоречий стали результатом индустриализации, в соответствии с вульгарной либеральной парадигмой. Эта парадигма характеризуется пассивностью: не учитывались ни институциональные пограничные условия действующих рынков, ни социологические аспекты. Либерализм впал в догматическое суеверие о безусловности, согласно которому законы рынка безоговорочно создают лучший из миров.

Второй текст — фрагмент из статьи Рюстова «Между капитализмом и социализмом», которая была опубликована несколько лет позже, в 1949 г. Основываясь на анализе «Провала экономического либерализма», Рюстов перенес акцент на формирование послевоенного устройства, которое должно было избежать ошибки вульгарного либерализма. Темой работы стал поиск третьего пути для молодой Федеративной Республики Германии. Этим путем должна была стать социальная рыночная экономика как ответ на «протекционистско-дотационно-монополистическую дегенерацию»¹² рыночной экономики, порожденную вульгарным либерализмом. В отличие от Хайека, который отрицал термин «социальная рыночная экономика», Рюстов с энтузиазмом принял его и заменил им старое понятие третьего пути, а также используемый им термин «социальный либерализм». Под социальной компонентой Рюстов понимал не государство благосостояния и не традиционную социальную политику, а составление социального плана в традиции ордолиберализма, в котором соответственно принципу субсидиарности центральное место занимает ответственность гражданина. Однако основную составляющую социальной рыночной экономики Рюстов всегда видел в равенстве стартовых возможностей, понимаемых им как равенство шансов при получении образования, а также в отношении обретения имущества и собственности. Именно потому, что рыночная экономика неизбежно связана с ориентацией на результат, принципом, которому чужда солидарность, рынку должны быть заданы четкие границы, причем за пределами сферы рынка должны быть укреплены и институализированы морально-этические принципы.

Этому устройству соответствовали два основных направления: во-первых, сильное государство, которое гарантирует соблюдение рыночной экономикой границ рынка и функционирование конкуренции по результатам; во-вторых, структурирование периферийного окружения рынка, которое — в форме так называемой «витальной политики» — должно соответствовать антропологическим и социальным потребностям человека.

¹² Rüstow (1949: 131).

Основа политики конкуренции в социальной рыночной экономике, по Рюстову, состоит из следующих элементов¹³: во-первых, компактная государственная рыночная полиция для защиты справедливого состязания по эффективности и строгого пресечения любой недобросовестной конкуренции, во-вторых, социализация всех отраслей экономики, которые, как, например, железнодорожное сообщение и государственные предприятия по обслуживанию населения, по своей природе, в силу технических или иных причин неизбежно имеют структуру монополии; в-третьих, государственное ограничение экономической свободы до тех пор, пока оставшиеся олигополистические структуры не станут соблюдать правила конкуренции по результатам; в-четвертых, ликвидация тех обществ с ограниченной ответственностью, деятельность которых противоречит рыночному принципу принятия на себя всей полноты ответственности, а также реорганизация тех акционерных обществ, которые, предоставляя негативные шансы обществу, а позитивными возможностями наделяя банки, крупных капиталистов и их окружение, становятся инструментом разрушающих конструкцию злоупотреблений¹⁴. И, наконец, предлагается реформа патентного права в целях поддержки индивидуальных изобретателей. Реформа необходима, поскольку это право вследствие злоупотреблений со временем стало полученным от государства монопольным оружием в недобросовестной конкуренции организаций крупного капитала¹⁵. При этом, согласно Рюстову, следует при любых обстоятельствах следить за тем, чтобы полицейская и стратегическая власть на рынке всегда находилась в руках государства.

В своих работах Рюстов всегда подчеркивал важность роли рыночной полиции, а также сильной конкурентной политики. В конечном счете, немецкая и европейская политика поощрения конкуренции в объединенной Европе, поборником которой был Рюстов, достигла больших успехов, развиваясь по пути, им намеченному. Органы по надзору за конкуренцией существуют во многих государствах¹⁶. Например, даже в Китае в 2007 г. появилась соответствующая структура¹⁷. Так что времена, когда такие органы существовали только в США, Канаде, Японии и Германии, давно миновали.

¹³ См.: *Rüstow* (1949: 133–138).

¹⁴ Этот взгляд мог бы быть особенно полезен в дискуссии о последствиях финансового кризиса.

¹⁵ Это также крайне актуально, например, что касается проблем в фармацевтике. Так, регистрируются патенты, чтобы вытеснить конкурентов с рынка, хотя запатентованные инновации не (всегда) реально существуют и получают развитие.

¹⁶ По состоянию на 2005 г. 101 государство установило правила конкуренции. В 75 странах законодательство по защите конкуренции действует лишь на протяжении менее чем 15 лет. См.: *Paradopoulos* (2008) и *Gerber* (2000).

¹⁷ Так называемый антимонопольный закон был принят после 13 лет дискуссий 30 августа 2007 г. на Всекитайском собрании народных представителей и вступил в силу 1 августа 2008 г.

Второй опорой социальной рыночной экономики для Рюстова была «витальная» политика, под которой понималось формирование свободных социально-политических сознательно отграниченных от рынка областей. Ведь помимо проблематики Фрайбургской ордолиберальной школы Рюстова, как и Рёпке, волновала сфера «по ту сторону спроса и предложения», а именно развитие и реализация надэкономических ценностей и определенного социально-политического идеала – витальной политики. Под ней следует понимать политику, имеющую целью улучшение жизненной ситуации, т.е. политику, «которая не только учитывает экономические ценности, измеряемые цифрами и денежными суммами, но и отдает отчет в том, что гораздо важнее самоощущения людей. Это самоощущение человека в его жизненной ситуации, в своей основе хотя зависит и от экономических аспектов, однако в гораздо большей степени – от надэкономических»¹⁸.

Цель обеспечения благоприятной жизненной обстановки, которая достигается посредством витальной политики, охватывает все сферы существования, которые имеют воздействие на самоощущение человека. Иначе говоря, витальная политика включает в себя все качественные факторы вне рынка, которые воздействуют на жизненные условия личности¹⁹. К этому в особенности относятся семья, жилищные условия, природа и личный сад, однако также и соседи, досуг, условия труда и не в последнюю очередь равные стартовые возможности в отношении получения образования и имущественных прав²⁰. Данный подход является основной составляющей в понимании социальной рыночной экономики по Рюстову, которая, таким образом, четко отделена от вульгарно-либерального и коллективистского течений и представляет собой третий путь²¹. Витальная политика, понимаемая как этическое оформление рынка, является демократически генерируемой целевой функцией, которая определяет внеэкономические цели хорошей жизни в свободном обществе. С этим связано подчинение экономики, как инструмента, как своего рода «обслуживающей функции» для человека в его «витальной ситуации», как сказано у Рюстова в предлагаемой вниманию заключительной главе «Провала экономического либерализма»²².

Итак, речь идет о «надэкономических ценностях», которые обслуживает экономика, которые, однако, имеют свою цену²³. В связи с этим Рюстов подчеркивает, что проведение подобной политики предполагает

¹⁸ Rüstow (1963a: 82f.). Vgl. auch Rieter / Schmolz (1993: 104).

¹⁹ См.: Rüstow (1963b: 285).

²⁰ См.: Rüstow (1952) und Hegner (2000: 52).

²¹ См.: Rüstow (2001: 143).

²² См.: Rüstow (2001: 142/143).

²³ Rüstow (1960: 14).

готовность «принесения неизбежных экономических жертв»²⁴. Рюстов приходит к выводу, что это качественное различие между инструментальным характером обслуживающей экономики и общественной целью витальной политики не было учтено ни глухим к общественным нуждам вульгарным либерализмом, ни социализмом. Поскольку и тот, и другой оценивают благосостояние лишь по уровню дохода и количеству свободного времени, но не по положению личности в обществе, а значит, не по качеству жизненных условий²⁵.

Рюстов призывает к тому, чтобы в основу социальной рыночной экономики была положена концепция социальной справедливости, предполагающая обеспечение равных стартовых возможностей в части образовательных и имущественных прав²⁶. Всякие иные социально-политические вмешательства с эгалитаристскими намерениями, в особенности с целью перераспределения, Рюстов отвергает: «Равенства в начале пути (равные стартовые возможности) можно требовать во имя справедливости, равенства в конце пути — во имя зависти. Каждому — то, что он заслужил, требует справедливость; каждому — то же, что и другим, требует зависть»²⁷. Если же обеспечиваются равные стартовые возможности, то возникающее неравенство в обществе не будет «врожденным феодально-классовым неравенством»²⁸, а справедливым неравенством, связанным, как считает Рюстов, с индивидуально обусловленной разницей в способностях. Справедливость в доступе к образованию занимает более важное место по отношению к возможностям приобретения собственности, поскольку доступ к образованию является залогом получения дохода. Человек не должен лишаться возможности получить доступ к образованию по финансовым причинам, что, однако, не должно вести к «социализации образования»²⁹. Рюстов выступает за государственную политику образования, при которой стипендии предоставляются не только на основе частных инициатив³⁰. Что касается справедливости в обретении имущества, то Рюстов предлагает идеал полного равенства на старте, однако он видит сложности в его прямой реализации, и потому предлагает поначалу делать ставку на «сильный прогрессивный налог на наследство»³¹.

Выдержки из текстов демонстрируют актуальность идей Рюстова. Поскольку сегодня мы вновь активно занимаемся поиском путей огра-

²⁴ Rüstow (1960: 14).

²⁵ См.: Rüstow (2001: 141–143).

²⁶ См.: Rüstow (2009: 83–98), Rüstow (1957: 90–104) и Rüstow (1959: 17/18).

²⁷ Rüstow (1957: 90).

²⁸ Rüstow (1957: 94).

²⁹ Rüstow (2009: 85).

³⁰ Vgl. Rüstow (2009: 84–86).

³¹ Rüstow (2009: 95).

ничения глобального доминирования капитализма и его разрушительных социальных и экологических последствий. Рюстов напоминает об ошибках и провалах необузданного вульгарного либерализма, что в особенности связано с отсутствием сильной воли государства. Он, однако, не ограничивается критикой, а предлагает третий путь, который предполагает, что невидимая рука экономики служит созданию ориентированного на человека жизненного уклада.

ЛИТЕРАТУРА

- CWL (1938): *Compte-Rendu des Séances du Colloque Walter Lippmann – 26–30 Aout – Travaux du Centre International d’Etudes pour la Rénovation du Libéralisme*, Cahier No 1, Paris.
- EUCKEN, W. (1932): Staatliche Strukturwandlungen und die Krise des Kapitalismus, in: *Weltwirtschaftliches Archiv* 36. S. 297–323.
- GERBER, D. (2000): *Law and Competition in the Twentieth Century: Protecting Prometheus*, Oxford.
- HEGNER, J. (2000): Alexander Rüstow. Ordnungspolitische Konzeption und Einfluß auf das wirtschaftspolitische Leitbild der Nachkriegszeit in der Bundesrepublik Deutschland, Stuttgart.
- JANSSEN, H. (2000): *Nationalökonomie und Nationalsozialismus. Die deutsche Volkswirtschaftslehre in den dreißiger Jahren*, 2. Auflage, Marburg.
- MAIER-RIGAUD, F.P. (2012): On the normative foundations of competition law – efficiency, political freedom and the freedom to compete, in: Zimmer, D. (Hg.): *The Goals of Competition Law*, Cheltenham und Northampton. S. 132–168.
- MAIER-RIGAUD, F.P. / MAIER-RIGAUD, G. (2001): Alexander Rüstow: Leben und Werk, in: Maier-Rigaud, F. P./Maier-Rigaud, G. (Hg.): *Das neoliberale Projekt (das Buch beinhaltet die dritte Auflage von Rüstows „Das Versagen des Wirtschaftsliberalismus“)*, Marburg. S. 307–318.
- MAIER-RIGAUD, F.P. / MAIER-RIGAUD, R. (2009): Rüstows Konzept der Sozialen Marktwirtschaft. Sozial und wettbewerbspolitische Dimensionen einer überwirtschaftlichen Ordnung, in: Abländer, M. S./Ulrich, P. (Hg.): *60 Jahre Soziale Marktwirtschaft. Illusionen und Reinterpretationen einer ordnungspolitischen Integrationsformel*, Bern et al. S. 69–94.
- MAIER-RIGAUD, R. (2015, im Erscheinen): Vitalpolitik und Sozialstaatskritik: Zwei Gesichter Alexander Rüstows?, in: Kubon-Gilke, G. / Sesselmeier, W. / Goldschmidt, N. (Hg.): *Vitalpolitik und Inklusion*, Münster.
- MEIER-RUST, K. (1993): Alexander Rüstow. Geschichtsdeutung und liberales Engagement, Stuttgart.
- OPPENHEIMER (1962 [1919]): *Weder Kapitalismus noch Kommunismus*, 3. Auflage, Stuttgart.
- PAPADOPOULOS, A. (2008): *The Role of Competition Law and Policy of the EU in the Formation of International Agreements on Competition*, Dissertation (LSE).
- RIETER, H./SCHMOLZ, M. (1993): The ideas of German Ordoliberalism 1938–1945: pointing the way to a new economic order, in: *The European Journal of the History of Economic Thought* 1. S. 87–114.

- RÜSTOW A. (1949): Zwischen Kapitalismus und Kommunismus, in: ORDO – Jahrbuch für die Ordnung von Wirtschaft und Gesellschaft 2. S. 100–169.
- (1950): Ortsbestimmung der Gegenwart. Eine universalgeschichtliche Kulturkritik, Bd. 1: Ursprung der Herrschaft, Erlenbach–Zürich/Stuttgart.
- (1952): Der Mensch in der Wirtschaft. Umriss einer Vitalpolitik. Nach einem Vortrag gehalten auf der Jahrestagung des Wirtschaftsverbandes der deutschen Kautschukindustrie e. V., Baden–Baden. 24. Juni 1952.
- (1957): Ortsbestimmung der Gegenwart. Eine universalgeschichtliche Kulturkritik, Bd. 3: Herrschaft oder Freiheit?, Erlenbach–Zürich/Stuttgart.
- (1959): Sozialpolitik diesseits und jenseits des Klassenkampfes, in: Rüstow, A. et al.: Sinnvolle und sinnwidrige Sozialpolitik, Vorträge und Diskussionen der zwölften Arbeitstagung der Aktionsgemeinschaft Soziale Marktwirtschaft am 22. und 23. Januar 1959 in Bad Godesberg, Ludwigsburg. S. 11–21.
- (1960): Wirtschaft als Dienerin der Menschlichkeit, in: Rüstow, A. et al.: Was wichtiger ist als Wirtschaft, Vorträge auf der fünfzehnten Tagung der Aktionsgemeinschaft Soziale Marktwirtschaft am 29. Juni 1960 in Bad Godesberg, Ludwigsburg. S. 7–16.
- (1963 [1932]): Freie Wirtschaft – Starker Staat. Diskussionsrede auf der Tagung des Vereins für Socialpolitik: Deutschland und die Weltkrise, in: Hoch, W. (Hg.), Alexander Rüstow – Rede und Antwort, Ludwigsburg. S. 249–258.
- (1963a [1960]): Wirtschaft als Dienerin der Menschlichkeit, in: Hoch, W. (Hg.), Alexander Rüstow – Rede und Antwort, Ludwigsburg. S. 76–91.
- (1963b): Garten und Familie, in: Karrenberg, F./Albert, H. (Hg.): Sozialwissenschaft und Gesellschaftsgestaltung. Festschrift für Gerhard Weisser, Berlin. S. 285–303.
- (2001 [1945]): Das Versagen des Wirtschaftsliberalismus, 3. überarbeitete Auflage, Marburg.
- (2009 [1942]): Die Religion der Marktwirtschaft, 3. Auflage, Berlin.

Провал экономического либерализма*

Либерализм и экономика

Пожалуй, редко нарождение какого-либо движения сопровождалось таким энтузиазмом и такими надеждами, как появление на свет в XVIII веке либерализма. Существовала глубокая убежденность в том, что внедрение свободы, особенно в сфере экономики, повлечет за собой, с одной стороны, невиданный экономический рост, с другой – всеобщую гармонию интересов и взглядов. Первое из этих ожиданий

* В данной публикации приводится фрагмент работы Александра Рюстова «Провал экономического либерализма». Перевод осуществлен по изданию: Rüstow, Alexander (2001) [1945]: Das Versagen des Wirtschaftsliberalismus, 3. überarbeitete Auflage mit Übersetzungen, herausgegeben von Frank P. und Gerhard Maier-Rigaud, Marburg, Metropolis-Verlag, 2001. S. 25–27, 138–153.

беспримерно и с избытком воплотилось в жизнь, второе, однако, реализовалось в гораздо меньшей степени. Невиданный подъем экономики в XIX столетии в то же время сопровождался беспримерным обострением социальных и политических противоречий. Чем дальше, тем больше эта ущербность в сравнении с пользой выступала на передний план, так что либеральный эксперимент воспринимался уже как фатальная ошибка, в том числе как раз сторонниками этого мировоззрения. В результате сегодня понятие «либеральное» воспринимается почти как ругательство, во всяком случае, используется для обозначения чего-то совершенно конченного и более не обсуждаемого.

Давно уже пришло осознание того, что к этой катастрофе привели совершенно определенные слабости и ошибки, своего рода слепота, не позволявшая разглядеть предпосылки и обусловленность собственного мышления и собственных действий. Вопрос, который здесь ставится и на который должен быть дан ответ — это вопрос об исторических и духовных корнях этих слабостей и ошибок.

Если бы либерализм характеризовался только этими ошибками, и у него не было бы никаких иных качеств, то он, несомненно, вообще бы не состоялся. Однако нынешняя катастрофа, очевидно, предрасполагает скорее к исследованию его ошибок, чем его преимуществ, тем более что самобытность и незаменимость его преимуществ предполагает искоренение его ошибок. Диагноз болезни и выяснение ее причины в этом случае должны быть поставлены, в конечном счете, на службу терапии.

Социальная и хозяйственная катастрофа экономического либерализма в существенной степени была следствием той абсолютности, с которой он проводил в жизнь присущую ему максиму *“laissez faire, laissez passer”*. Сегодня мы знаем, что предполагаемое при этом совпадение частных и общественных интересов возможно только в определенной сфере рынка с совершенной конкуренцией, т.е. наступает там и тогда, где и пока государство, как содержатель полиции рынка, обеспечивает сохранение этой сферы частного хозяйствования. То обстоятельство, что границы действия конкурентной гармонии исторический либерализм проглядел в теории и перешагнул на практике, и стало самой существенной причиной его катастрофического провала.

Идеи вряд ли могут быть претворены на практике без существенного упрощения и огрубления. На пути практического воплощения неминуемо отпадают оговорки, ограничивающие условия, уточнения, особенно если они препятствуют движению или затрудняют его. С другой стороны, форма, которую принимает идея в соответствующей сфере действия, также довольно часто зависит от весьма subtilных структурных условий в области ее возникновения. Эта двойственность принуждает к своеобразному сочетанию грубости

и тонкости, которое на первый взгляд может показаться противоречивым и произвольным.

Противники этого роковым образом ослепшего либерализма, который господствовал в решающий период в экономической политике XIX столетия, обозвали его «манчестерским либерализмом», после того как Ричард Кобден основал в 1838 г. свою Лигу против хлебных законов со штаб-квартирой в Манчестере. Основоположники и классики, однако, никоим образом не были «манчестерцами». У них, особенно непосредственно у Адама Смита, широта взглядов и гармоничность мышления которого до сих пор вызывают восхищение, мы находим множество основополагающих идей и подходов, дальнейшее развитие которых могло бы впоследствии воспрепятствовать роковому развитию. С тем большей остротой на первый план выходит вопрос, почему эти идеи и подходы остались невостребованными и не оказали на дальнейшее развитие никакого заметного влияния.

Либерализм представляет собой общую человеческую позицию, которая может найти и находит свое проявление во всех областях жизни³². Но для исторического развития, которое проделал либерализм XVIII и XIX веков, характерно то, что экономика оказалась главной и основополагающей сферой, в которой в первую очередь должны были применяться на практике принципы либерализма. Либерализм в XIX в. практически означает, в самую первую очередь, экономическую свободу, свободу основывающейся на конкуренции рыночной экономики.

Это центральное место экономики в мировоззренческой системе либерализма было в значительной мере обусловлено идейно-исторически, точнее научно-исторически. Поскольку в области экономической теории либерализму, как научному направлению, удалось великое, революционное, эпохальное открытие. Это было открытие автоматизма рыночной экономики, саморегулирования конкурентной экономики посредством ценового механизма спроса и предложения и той гармонии частных интересов и всеобщего блага, эгоизма каждого в отдельности и наибольшего благосостояния для всех, которая устанавливается и поддерживается посредством этого невидимого автоматизма.

[...]

Уже беглый обзор в самых общих чертах показывает, в какой степени современная мировая катастрофа во всех затронутых ею областях экономики, внутренней и внешней политики обусловлена одинаковыми фатальными слабостями и ошибками вульгарного либерализма. Прежде

³² Еще в IV веке до н.э. мудрый Коринтер Тимолон возвел в Сиракузах алтарь Аутоматии.

всего, речь идет о его псевдо-универсализме, его неумении различать обусловленные границы и ограничивающие условия собственной деятельности. Эта вряд ли постижимая слепота покоится, как мы видели, на теологически метафизическом происхождении существенных составных частей либерального мировоззрения и экономической теории. Эти составные части хотя и не превалируют количественно, однако в качественном отношении оказали подобное гормональному воздействию на всю систему этих взглядов. Так, экономическая теория в период своего возникновения находилась под очаровывающим влиянием чуждых ей, нематериальных идей и чувств. Этот теологически метафизический характер происхождения — знание свободы вместо знания результата — поначалу наделил либерализм и либеральную экономическую политику в том мире господства теологии невиданной миссионерской силой и всеокрушающим напором; апостолы чувствовали себя прямо-таки носителями убеждения: Этого хочет Бог! Однако этот одинаково теологический метафизический характер в ходе дальнейшего развития показал свою роковую обратную сторону и привел, в конечном счете, к краху либерализма и вместе с этим к нынешней мировой катастрофе³³. Можно утрируя сказать, что в конечном счете в наших несчастьях виноваты Пифагор и Конфуций. Во всяком случае по отношению ко всем теологи-

³³ Некоторые весьма примечательные намеки на прослеживаемые здесь взаимосвязи мы, впрочем, находим уже у Вильгельма Хасбаха в его в высшей степени достойном сочинении «Об общих философских основах политической экономии, обоснованной Франсуа Кенэ и Адамом Смитом» [Über die allgemeinen philosophischen Grundlagen der von Francois Quesnay und Adam Smith begründeten politischen Ökonomie, Leipzig 1890]. Там на стр. 31–32 сказано: «Либерализм стал... вреден потому, что он облачился в одеяние естественного права и, во-первых, перенес в головы и чувства широких масс доктринерские, неисторические основы естественного права. Во-вторых, верные для своего времени и ограниченные потребности получили штамп угодных Богу, действующих для всех времен и народов требований». Таким образом, либерализм приобретает «нетерпимый, фанатичный характер, присущий религиозным движениям: его последователи более не спрашивали, целесообразна ли свобода (Хасбах имеет в виду *экономическую* свободу), а действовали по принципу: либеральные идеи должны быть претворены в жизнь, каковы бы ни были последствия».

То, что речь, вероятно, должна идти о своего рода путанице и затмении сознания, даже об иррациональной одержимости либерализма. Что «здесь что-то нечисто», порой чувствовали уже и другие, испытывая недоумение и растерянность от вторжения чего-то совершенно чуждого в область, кажущуюся столь светлой и рациональной. Весьма показательна в этом отношении работа Артура Шпитгофа «Политическая экономия как историческая теория» [Die allgemeine Volkswirtschaftslehre als geschichtliche Theorie, Schmollers Jahrbuch 1932, Band 56]. Хотя в остальном мы не можем согласиться с его мнением, отметим его высказывание на стр. 895–896: «Чистая теория, безусловно, подвергается большой опасности, когда забывается, что она служит эвристическим вспомогательным средством, и когда она воспринимается как отражение реальной действительности. Должна присутствовать (!) глубочайшая непредвзятость (!), способная предотвратить подобное смешение на практике» (См. мою работу: «К основам экономической науки» [Zu den Grundlagen der Wirtschaftswissenschaft, Revue de la Faculte des Sciences Economiques de l'Universite d'Istanbul, 1941, vol. II. S. 106].

ческим и метафизическим наркотикам применимо: *qui mange du pain en meurt* [«Кто ест с папой, тот от этого умрет» – франц. Историческая поговорка времен правления папы Александра VI Борджиа. Считалось, что он угощал отравленным вином тех, от кого хотел избавиться].

* * *

Если сегодня традиционному либерализму по нашим ощущениям присуще нечто от патриархальной напыщенности, фатального фальшивого пафоса и досадной пустяшности, то это последние невыветренные остатки ставшей со временем затхлой атмосферы этой просветительской теологии.

Однако еще Бендетто Кроче, поклонник возрождения и левых гегельянцев, который подобно почтенной убеленной снегами вершине старого либерализма странным образом возвышается в нашем времени, свою историю Европы XIX в. завершает словами: «Положитесь на волю Божию, которая лучше нас людей в этом понимает, которая с нами, в нас и через нас вершит дела свои! Это слова, как мы их слышали в нашей юности и как мы произносили их в нашей христианской жизни; наряду со многими схожими изречениями они имеют отношение к “религии свободы”».

Между тем, мы оставили далеко позади, в конечном счете, основополагающие теологические и субтеологические предубеждения, так что уже трудно было распознать идейно-историческую причинно-следственную связь. Но лишь на основе подобного осознания, подобной самокритики либерализма, возможно «радикальное», то есть вплоть до корней, преодоление.

Своим идейно-историческим анализом и критикой мы провели черту, которая отделяет ошибочные составные части исторического либерализма, повинные в его крушении, от ядра правильных взглядов и позитивных компонентов, на которых зиждутся его заслуги перед мировой историей. Однако одного такого аналитического отделения неправильного недостаточно. Пробелы должны быть вновь заполнены, на место неверного старого следует синтетически поставить правильное новое. Старый либерализм с помощью трезвой оценки его ошибок и слабостей, должен быть основательно обновлен.

Заключение

Обновление либерализма

Как мы видели, фальшивое субтеологическое безусловное суеверие либерализма несло ответственность и за подъем радикального антилиберального коллективизма. Ведь если безоговорочность и безграничность *laissez-faire* со всеми их фатальными последствиями лежат в основе

самого принципа либерализма, и если эти последствия на почве либерализма невозможно избежать и предотвратить, то помимо безропотного смирения не остается ничего, кроме радикального отречения, решительного отрицания самого либерального принципа, то есть тотального коллективизма.

Пока этот коллективизм оставался еще религиозным убеждением борющихся и миссионерных меньшинств, его сторонники могли обещать себе и другим от его воплощения тысячелетний рай и рай на земле. Но после того как коллективизм самых разных видов стал ужасной действительностью в нескольких крупных странах и показал всему миру свое истинное лицо, всякий благоразумный человек доброй воли перед альтернативой либерализм-коллективизм должен чувствовать себя как между Сциллой и Харибдой. Нам ничего другого не остается, кроме как с мужеством отчаяния искать «третий путь», который приведет человечество между рухнувшим историческим либерализмом и грозящим коллективизмом к новым возможностям, когда люди смогут жить достойной человека жизнью.

Этот «третий путь» в качестве несформулированной программы уже был положен в основу нашей критики старого либерализма, его слабостей и ошибок. Именно поэтому следует теперь попытаться обрисовать также и позитивную программу «третьего пути» настолько, насколько это позволит краткость изложения³⁴. Поскольку при этом речь идет, как уже должно быть ясно, о радикальном и фундаментальном обновлении либерализма, о его преобразовании и новом рождении, то проще всего будет и в этом случае применить уже опробованную методику, основанную на критике старого либерализма и его ошибочных капиталистических проявлений. Это соответствует и исторической ситуации, в которой мы сегодня живем на не-тоталитарной почве.

Поскольку при этом, как и прежде, центральное место в большей или меньшей степени принадлежит экономике, то лишь данное обстоятельство определяет постановку темы и рамки настоящего исследования. Вопреки традиционному, до сих пор широко распространенному мнению мы считаем, что чрезмерная переоценка экономики представляет собой один из симптомов болезни XIX в. и одну из ошибок старого либерализма. Пришло время вернуть экономику, несмотря на ее безуслов-

³⁴ Для более детального изложения и обоснования программы я рекомендую не так давно вышедшие книги моего друга Вильгельма Рёнке: *Die Gesellschaftskrisis der Gegenwart* [Общественный кризис современности] Erlenbach-Zürich 1942, 4. Auflage 1944; и *Civitas humana, Grundfragen der Gesellschafts- und Wirtschaftsreform* [Гуманное государство, Основные вопросы общественной и экономической реформ], также вышедшую в 1944 г., и, кроме того, на мою недавно изданную книгу *Zur weltgeschichtlichen Ortsbestimmung der Gegenwart, Eine Kulturkritik unserer Zeit* [К определению исторического места современности. Критика культуры нашего времени].

ную незаменимость, на присущее ей подчиненное, «обслуживающее» место, которое она всегда занимала, за исключением XIX в. Человек жив не только хлебом единым. Следует при этом осознавать, что внутри экономики не поддающееся измерению витальное и антропологическое начало важнее, чем собственно экономическое, количественно определяемое. Поскольку экономика существует по воле человека, а не человек по воле экономики — что за время, в котором приходится изрекать подобные банальности! — то и витальная ситуация человека хозяйствующего является сверхэкономической ценностью внутри экономики. Экономика — средство, витальная ситуация — цель.

Эта основополагающая истина относится к числу тех, которую игнорировал прежний, несоциологичный либерализм. Отсюда вытекало для него само собой разумеющееся и перенятое также и социализмом убеждение, что ощущение счастья работника пропорционально величине его зарплаты и обратно пропорционально рабочему времени. Тогда как в действительности глубокое недовольство современного промышленного рабочего предопределяется его витальной ситуацией, противной человеческой природе, неестественностью крупных городов, удаленных от природы, усыханием семейной жизни, проживанием в наемных казармах городских «теснин», стадной работой на фабриках в рабочих казармах по команде, далекой от смысла разобщенностью трудового процесса, его спешным темпом и не меньшей суетливостью и угнетающей бессмысленностью развлечений и удовольствий крупных городов. Когда вопреки всему из инстинктивной самопомощи в Германии или где-либо еще городской рабочий возделывал где только можно свой огороδικ, маленький и жалкий, то это само по себе служило трогательным доказательством того, что добрый человек в своем неясном порыве, возможно, выбирает правильный путь — вопреки искаженным теориям и ценностям, которые ему навязывают и в которые он сам верит. Поскольку собственный огороδικ является, в конечном счете, нечем иным, как попыткой подобными куцыми средствами хотя отчасти обеспечить возврат к витальной ситуации крестьянина. Намного более действенным и удовлетворительным выходом можно считать тот случай, когда промышленный рабочий действительно находится еще в ситуации «полукрестьянина», когда он живет со своей семьей в небольшом сельском доме и владеет собственным сносным участком земли. Этот участок дает работу его семье, занимает его свободное время и время безработицы, одновременно способствуя в той или иной мере самообеспечению, что воспроизводит, прежде всего, чувство связи с землей, близости к природе, семейного благополучия и связи поколений (подобное встречается в некоторых местностях Франции, Швейцарии, Вюртемберга и др.). В какой-то части это еще в большей мере относится к сельскому

надомному промышленному производству (*fabrique dispersée*) и надомному труду в более-менее удовлетворительных экономических условиях. Там, где нет этих, по меньшей мере, сносных экономических условий, их создание и обеспечение должно стать первоочередной целью экономической и социальной политики. Это касается и крестьян, попавших в результате обнищания, дробления наделов или технической отсталости в тяжелое материальное положение. Известная из реальной жизни, равно как и из романов, крестьянская жадность происходит собственно из отчаянной ситуации обнищавшего крестьянина с крошечным наделом, находящегося на самом краю физического прожиточного минимума, ведущего последние бои в борьбе за существование под девизом: Нужда не знает заповеди. Лишь по этой причине и из затаенного страха перед нуждой подобная жизненная установка распространяется в отдельных случаях и на зажиточного крестьянина, если речь не идет о чисто индивидуальных проявлениях.

Похожим образом следует относиться и к условиям надомного труда и домашнего производства. Эндемический туберкулез, эксплуатация детей и т.д. и т.п. являются в этом случае исключительно следствиями придавленного ниже прожиточного минимума материального положения. С этим следует бороться исключительно мерами социальной политики, не устраняя институции как таковые.

Однако оптимум во всех этих отношениях устанавливает, естественно, сам крестьянин и приравненный к нему сельский ремесленник или надомник. Поэтому большое утешение — знать, что более половины человечества с давних пор находится в этой действительно человеческой витальной ситуации.

Социологические преимущества этой ситуации — прежде всего это касается самостоятельности, самобытности, семейной сплоченности — разделяют также городские ремесленники, собственники мелких предприятий, мелкие торговцы и так называемые лица свободных профессий, до определенной степени также и служащие.

На негативном полюсе этой оценочной шкалы — витальная ситуация на грани неудовлетворительности пролетариата крупных городов и приравненных к нему слоев населения. Однако, к счастью, в ней находится лишь часть всего человечества, и даже в самых индустриализированных странах на эту категорию приходится меньше половины от общей численности населения. Но и эта доля может и должна быть существенно сокращена, витальная ситуация оставшейся части должна быть существенно и кардинально улучшена после того, как это станет однажды главной задачей социальной политики и начнется практическое решение таковой. Это вместо того, чтобы считать отчаянное положение промышленных рабочих крупных городов неотвратимым будущим всего

человечества, не догадываясь, что такой суеверный фатализм, который сам себя прославляет как «героический пессимизм», в действительности является лишь последним дегенерирующим и извращенным ответвлением старого либерализма.

Однако из сказанного естественно следует задача осознанной ориентации всей аграрной политики на крестьянина и на его жизненное положение.

Это в свою очередь выводит на проблему экономической концентрации и размера предприятия. Если последний, как было показано выше, далеко превосходит по патологическим причинам технически и экономически обоснованный уровень, то скорее более оправданным по сверхэкономическим причинам было бы экономический оптимум сознательно снизить. Сориентированная в этом направлении экономическая политика могла бы достичь неожиданных результатов при уменьшении объема производства и увеличении числа малых и средних самостоятельных предприятий. Тем самым существенно была бы облегчена задача рассредоточения промышленности и перевода производств в сельскую местность, к чему также подталкивает и опыт воздушной войны. Вскользь упомянем и о том, насколько эластичнее и устойчивее к кризисам можно было бы сделать одновременно структуру экономики.

Существенным мотивом сверхоптимальной концентрации было стремление к монопольному положению. Из вышеприведенной критики проводившейся до сих пор неудачной монопольной политики следует, что абсолютный законодательный запрет всякой частной монополии в явной или скрытой форме был бы правильной мерой. Мы не касаемся здесь методов претворения этой меры в жизнь. Отрасли экономики, в которых по естественным, техническим или каким-либо иным причинам сложилась монопольная ситуация, должны быть отданы в руки публичного сектора, в чьей собственности или под чьим контролем сейчас уже преимущественно находятся, например, предприятия общественного транспорта или коммунальные услуги.

В целях строгого поддержания и обеспечения честной конкуренции по эффективности во всей сфере частной рыночной экономики следовало бы проводить независимую, компетентную, сильную и осторожную политику государственной рыночной полиции с соответствующим законодательством, правовым обеспечением и административной практикой. Всякая форма ограничения конкуренции не только не должна иметь правовой защиты, но и быть наказуема.

Как следует из тезиса о рыночной полиции, свободная экономика для своей защиты и сохранения нуждается в сильной государственной власти, что резко контрастирует с позицией сторонников либерализма в духе *laissez-faire*. Еще имеются такие области, в которых может быть

необходимо вмешательство государства в экономику по экономическим или неэкономическим причинам. Но в любом случае это возможно, если речь идет о сильном и независимом государстве; его вмешательство ограничивается действительно необходимым минимумом, и оно осуществляется не вопреки рыночным законам и не ведет к нарушению рыночной структуры, а направлено на ее сохранение сообразно с законами рынка. Иными словами, оно должно быть совместимым — интервенция в целях приспособления, а не содержания. В особенности делом государства должно быть осуществление рыночных сдвигов больших масштабов, которые автоматически реализуемы лишь в долгосрочной перспективе и с тяжелыми потерями, а краткосрочное их проведение означает экономию на этих потерях и немедленное предвосхищение конечного результата. Я назвал этот вид вмешательства, которое представляет собой несколько противоположное тому, что до сих пор применялось, «либеральным интервенционизмом»³⁵.

По той же причине делом государства в тех случаях, когда оно выступает инициатором подобных рыночных структурных сдвигов, является осуществление их настолько медленно и постепенно, чтобы все затронутые ими имели время и возможность для приспособления. Интересно, что подобное требование выдвигалось еще Адамом Смитом в его знаменитом труде. Там, где он в интересах свободы торговли и хозяйствования настаивает на устранении различных запретов на ввоз и защитных таможенных пошлин, он добавляет: «Чувство человечности может в подобных случаях требовать, чтобы свобода торговли была восстановлена лишь постепенно и с большой осторожностью и предусмотрительностью. При отмене сразу всех этих высоких пошлин и запрещений более дешевые иностранные товары этой отрасли промышленности могут нахлынуть в таком количестве на внутренний рынок, что лишат сразу многие тысячи нашего населения обычной работы и средств к существованию. Расстройство, которое будет этим вызвано, может, без сомнения, оказаться очень значительным». И далее: «...справедливое внимание к его интересам [затронутого мерами предпринимателя] требует, чтобы перемены такого рода производились от-

³⁵ См. мое дискуссионное выступление «Свободная экономика — сильное государство» на последнем заседании Общества социальной политики, Дрезден 1932. Schriften des Vereins, Band 187, München 1933. S. 62–69 (Перепечатано под заголовком «Die Staatspolitischen Voraussetzungen des Wirtschaftspolitischen Liberalismus» [Государственно-политические предпосылки экономико-политического либерализма] в сборнике Alexander Rüstow: Rede und Antwort. 21 Rede und viele Diskussionsbeiträge aus den Jahren 1932 bis 1962..., Ludwigsburg 1963. S. 249–258]. Я принимаю предложенное Рёпке уточняющее сужение понятия «либеральный интервенционизм»: это должны быть мероприятия не политики общего характера (*Rahmenpolitik*), а рыночной политики (*Marktpolitik*). См.: Civitas humana, Erlenbach-Zürich 1944. S. 97 Anmerkung 16.

нюдь не внезапно, а медленно, постепенно и после предупреждения за продолжительный срок»³⁶.

Хотя в экономике со структурой, о которой здесь идет речь, проблема кризиса вновь редуцировалась бы до приемлемых, если не сказать идиллических, пропорций периода до Первой мировой войны, следовало бы принять во внимание меры в духе либерального интервенционизма по обеспечению прожиточного минимума в кризисный период, которые, однако, — в противовес проводимой до сих пор бессмысленной политики минимальной заработной платы — должны основываться на страховочном принципе выплаты компенсации в плохие времена за счет хороших. На это направлено и предложение Кейнса^{37*}, с которым можно полностью безоговорочно согласиться и которое, однако, как раз в силу своего благоразумия вряд ли согласуется с прочими весьма сомнительными теориями и опасными предложениями этого автора.

Все эти экономико-политические меры уже приведут к значительному сглаживанию до сих пор существующего грубейшего неравенства в распределении доходов и состояний. Но при этом требование экономической справедливости должно быть поставлено самым принципиальным и радикальным образом. Этому требованию соответствует лишь такое неравенство в распределении дохода, которое обусловлено неравенством результатов в условиях конкуренции по эффективности. В высшей мере несправедливы неравенство стартовых условий и неравенство наследуемых состояний. Напротив, необходимо выдвинуть требования экономического *равенства на старте и стартовой справедливости*. Их реализация находится в тесной связи с проблемой размеров предприятий. В случае семейных предприятий крестьян, ремесленников и мелких торговцев (а также приравненных к ним групп населения) равенство на старте достигается почти автоматически и нуждается лишь в незначительной законодательной поддержке: никто не должен наследовать более одного земельного надела, одного предприятия, а лишние предприятия должны распределяться между лицами, лишенными состояния. В случае более крупных предприятий следует прибегнуть к распределению собственности, которое соответственно регулируется наследственным правом.

Поскольку такое уравнивание в наследовании для обеспечения равных стартовых условий может быть применимо, самое раннее, с наступлением совершеннолетия, то оно должно быть дополнено установлением справедливых стартовых условий и в части воспитания и образования.

³⁶ Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. Книга IV, гл. 2. <http://www.e-reading.by/book.php?book=100806>

³⁷ См.: Кейнс Дж. М. How to Pay for the War [Кейнс Дж. М. Как оплатить войну]. London 1940, Macmillan.

Никому не может быть отказано в получении образования, к которому у него есть способности и предрасположенность. Применяемые в настоящее время стипендии малоимущим — шаг в этом направлении, однако эта практика должна быть обобщена и распространена.

Благодаря подобному соединению стартовой справедливости со свободной конкуренцией по эффективности можно было бы достичь действительного максимума экономической и социальной справедливости: каждый человек стал бы действительно кузнецом своего счастья. Либерализм и капитализм просмотрели отчасти из социологической слепоты и боязни вмешательств — наряду с этими в силу эгоизма и феодального мышления привилегированных слоев — что традиционное неограниченное наследственное право было феодальным элементом, придавшим капитализму субфеодальный плутократический характер и наделившим более поздний либерализм столь типичной для него нечистой совестью перед лицом бесспорно оправданных требований справедливости, выдвигаемых социализмом. Однако, как мы сегодня знаем и видим, требуемая социализмом в качестве противоядия коллективистская форма хозяйствования с устранением частной собственности при претворении в жизнь ведет к еще большему поправанию справедливости. Поскольку чисто фиктивное, формально равное участие каждого в отдельности в социалистической совместной собственности не может скрыть того, что фактическое распоряжение правом владения и командование в условиях государственной экономики находится в еще меньшем числе рук и сконцентрировано в значительно большей степени, чем это имеет место в частнокапиталистической экономике, где концентрация зашла столь далеко³⁸. В действительности все обстоит так, что социализм при своем воплощении попирает выдвинутое им оправданное требование социальной справедливости еще более чувствительным образом, чем вульгарно-либеральный капитализм, и что это требование вообще может быть реализовано не коллективистским, а лишь индивидуалистским путем.

Потребность в обеспечении безопасности³⁹, правда, может быть реализована на коллективистской основе, хотя и ценой свободы. Рабы, как государства, так и частного хозяина, могут не опасаться безработицы. И если в бравом Новом Свете каждый гражданин — мужчина, женщина и ребенок — от колыбели до могилы застрахован государством на случай любого мыслимого риска, то государство получает в этом случае аванс. Но рано или поздно — в странах с традициями индивидуализма позд-

³⁸ См.: *Eucken W. Die Grundlagen der Nationalökonomie / Ойкен В. Основы национальной экономики / Jena 1940, особенно с. 103. Мои заметки по этой книге см. Revue de la Faculte des sciences Economiques de l'Universite d'Istanbul, 1941, Band II, Heft 2. S. 139–141.*

³⁹ Имеется в виду социальная безопасность. — *Прим. пер.*

нее, чем в других — оно оказывается не в состоянии предъявлять счета и взыскивать по ним. Поскольку когда личная инициатива и самоответственность теряют свой самый сильный и последний импульс, то государство должно, как в случае со страхованием, все больше и больше брать на себя инициативу, а значит, и принимать команду по отношению к рабочей жизни каждого в отдельности. Оно вынуждено терпеть, если каждый в отдельности, ощущая свою гарантированную государством безопасность, начинает лениться. К тому же происходит постепенный распад семьи, как неминуемое следствие принятие государством на себя ее важнейшей и пока незаменимой экономической функции. Другая прямо противоположная также и с точки зрения обеспечения безопасности возможность заключается в том, чтобы наделить каждого в отдельности полагающейся ему долей в капитале и предоставить ему вместо коллективной индивидуальную безопасность. И здесь мы сталкиваемся с альтернативой: либо собственность есть у каждого, либо ни у кого.

Радикально либеральный и индивидуалистический хозяйственный порядок, как мы его обрисовали, — не единственный, при котором может быть выполнено требование экономической справедливости, но в то же время единственный, который гарантирует максимум свободы и человеческого достоинства. Сегодня мы знаем, как обстоят дела со свободой и достоинством при коллективизме тоталитарной государственной экономики. Индивидуальная частная собственность при справедливом и всеохватывающем распределении единственная образует сколь-либо надежный и крепкий фундамент свободы, независимости и человеческого достоинства каждого в отдельности. В этом заключается действительная, далеко выходящая за пределы чисто экономического свойства ценность частной собственности, и в этом ее единственное действительное оправдание⁴⁰. Страстные этические и социальные нападки на

⁴⁰ Весьма схожих взглядов и целей придерживается Лига дистрибутистов [Distributist League, London], см. их программный документ: Hilaire Belloc, *An Essay on the Restauration of Property* [Эссе о восстановлении собственности], London 1936. Такое же положение мы находим в программе так называемой Радикал-социалистической партии Франции: «радикал-социалистическая партия... считает единственным средством устранения наемного труда является умножение собственности, тогда как упразднение собственности, напротив, способствовало бы сохранению универсализации наемного труда» (Gide-Rist, *Histoire des doctrines economique*, 5ieme edition, Paris 1926, p. 553).

Еще основатель шотландской школы Фрэнсис Хатчиссон (1694—1746), учитель и предшественник Адама Смита, со ссылкой на Джона Локка (1632—1704) высказывал разумное предложение: «inconveniencies, arising from property» [неудобные явления, связанные с собственностью] могут быть по большей части устранены «by proper laws about education, testaments, and succession» [с помощью правильных законов, касающихся образования, завещания и прав наследования] (Hasbach, *Grundlagen*. S., 79, Anm. 2). Джереми Бентам (1748—1832) также выступал за ограничение права наследования, и граф Сен-Симон (1760—1825) предлагал передать в ведение распределительных банков выравнивание на-

частную собственность — «*la propriété c'est le vol*»⁴¹, ударные традиции которых перенял социализм, с фатальным рационалистическим абсолютизированием нацеливались на частную собственность, как таковую, вместо того, что было бы правильно, быть направленными только против несправедливого феодального ее распределения, которое продолжало произрастать благодаря устаревшему плутократическому наследственному праву⁴².

Обе эти в высшей степени «надэкономические» ценности — справедливость и свобода — сами по себе могли бы окупить тяжелые жертвы экономического характера. Однако удивительным образом дело обстоит так, что та экономическая форма, которая гарантирует высочайшие сверхэкономические ценности, и в экономическом отношении является самой производительной из всех нам известных экономических форм. Поскольку все прочие хозяйственные порядки в конечном итоге сводятся к изнурительной непрерывной борьбе с человеческим эгоизмом. Конкурентная экономика, напротив, является единственной экономической формой, которая способна поставить себе на службу в качестве источника раскрепощенной энергии эту самую всеобщую, самую обыденную и самую мощную человеческую силу. Одна и та же экономическая форма, таким образом, объединяет в себе справедливость и свободу, с одной стороны, и высочайшую экономическую продуктивность,

следственных состояний. Со ссылкой на последнего еще Джон Стюарт Милль (1806–1873) внес предложение о законодательном установлении верхней границы стоимости завещаемого одному лицу (*Principles of Political Economy with some of their applications to social philosophy*, Book II, Chapter II, § 4).

⁴¹ История этих нападок на собственность [«собственность — это кража», фр. — *Прим. пер.*] могла бы стать важной и благодарной темой монографического исследования.

⁴² Атаки на несправедливое плутократическое неравенство в распределении собственности и доходов еще раньше пытались отразить с помощью утверждения, будто это неравенство является результатом прилежания и бережливости одной стороны и лени и расточительства — другой. Эту самоуверенную морализирующую теорию от Кристофа фон Шмида Маркс по праву высмеял как историю из «детского букваря». В гениальной 24-й главе I тома «Капитала» в первом разделе «Тайна первоначального накопления» он пишет: «Как известно, в действительной истории большую роль играют завоевание, порабощение, разбой, — одним словом, насилие». И этим он справедливо объясняет «previous accumulation» /первоначальное накопление/ по Адаму Смиту [Это понятие встречается в «Богатстве народов» в несколько иной формулировке — см. Кн. II, §2/§3]. В действительности, то неравенство имеет феодальное происхождение и носит феодальный характер, оно возникает и возобновляется с помощью не экономических, а политических средств (в терминологии Франца Оппенгеймера), продолжает существовать благодаря неограниченному праву наследования. Если бы «сказки из букваря» были правдой, если бы нынешние различия состояний и доходов, экономическое классовое разграничение возникали бы через конкуренцию различных способностей и достижений на правовой основе частной собственности, то не оставалось бы ничего другого, кроме ликвидации частной собственности и конкуренции. Представляется, что подобный ход рассуждений вольно или невольно сыграл немаловажную роль в возникновении неприятия частной собственности.

с другой. Это совершенно незаслуженное счастье, и человечество должно еще доказывать, что оно его достойно.

Между капитализмом и коммунизмом*

Место экономики

Вряд ли значение, которое мы придаем экономике, основано на том, что, начиная с XIX в., она считается самой важной сферой нашей жизни. Преодоление подобного суеверного «экономоцентристского» материализма представляется нам архиважной предпосылкой возвращения к соответствующему здоровым человеческим представлениям ранжированию ценностей, а также к определению места и важности экономики. Мы начинаем с экономики, потому что это самая нижняя ступень среди всех сфер жизни; задача ее в том, чтобы подчиниться и служить всем остальным ступеням, на основе этого содействуя развитию жизни вообще — в рамках общества, государства и всего человечества.

Значительно более высокое место на шкале ценностей экономика занимает (это аномальное положение вещей) только тогда, когда она не в состоянии выполнять свои функции и обеспечивать людям хотя бы прожиточный минимум (это стало известно немецкому народу в 1945—1948 гг.). Но такое состояние необходимо сначала всеми средствами устранить, прежде чем продолжать думать и продолжать говорить.

Закономерные требования планомерности в областях, расположенных за пределами экономики

Противоречие между успешной планомерностью в области техники и беспомощной бесплановостью во всех других областях жизни впервые было осознано не американскими технократами, а уже в XIX в., по мере того, как стали подвергаться сомнению неосознанно принимавшиеся на веру, само собой разумеющиеся традиции во всех этих областях; остатки этих традиций дегенерировали и закостенели. В этих условиях, естественно, возникает необходимость подчинить планомерному исследованию и регулированию те явления, прежнее самостоятельное развитие которых более не удовлетворяет требованиям, которое мы сами должны будем в дальнейшем постоянно выдвигать.

* В данной публикации приводится фрагмент работы Александра Рюстова «Между капитализмом и коммунизмом». Перевод осуществлен по изданию: *Rüstow, Alexander* (1949): *Zwischen Kapitalismus und Kommunismus*, in: *ORDO – Jahrbuch für die Ordnung von Wirtschaft und Gesellschaft* 2. S. 100–103, 138–169.

Во всех этих случаях речь идет о том, чтобы путём исследования структуры тех явлений, которые до этого были более или менее представлены сами себе, овладеть ими и научиться планомерно ставить их на службу нашим целям. Большинство этих вопросов по своему уровню и значению значительно превосходит вопросы экономики. Экономическому материализму нашего времени, однако, присуще то, что «носящееся в воздухе» и справедливое требование планомерности, которое в действительности имеет более высокие и далеко простирающиеся цели, до сознания доходят всегда только в форме требований плановой экономики.

В этом есть как раз что-то трагикомическое, так как среди всех сфер жизни единственным исключением является именно экономика, в отношении которой имеются серьезные аргументы для отказа (сознательного и планомерного) от сквозного планирования (в узком смысле), в то время как в других областях (включая экономическую политику) совершенно недопустимо и непростительно сохранять в дальнейшем существующую до сего времени большую или меньшую бесплановость.

*Патент рыночной экономики*⁴³

К самым гениальным достижениям эпохи Просвещения принадлежит открытие невидимого автоматизма рыночной экономики. Этот автоматизм имеет огромное преимущество, состоящее в том, что если при определенных условиях экономике позволяют вести собственную игру, то эгоистическое преимущество каждого в отдельности совпадает вместе с совокупным интересом всех. Между тем, при всех других экономико-политических экспериментальных порядках противоречие между индивидуальной и общей выгодой сохраняется, и индивидуальная выгода может быть подчинена общей выгоде только с помощью предупреждений и запретов, премий и штрафов, предписаний и контроля, что неизбежно ведет к большим трениям, затруднениям и растрате сил. Исходя из этого, можно себе представить, насколько работающая без подобных тормозов рыночная экономика, пока она функционирует в соответствии со своим механизмом, должна превосходить по уровню дееспособности все другие экономические формы. Конечно, есть люди, которые в конфликтной ситуации действительно ставят общую выгоду выше индивидуальной выгоды. Однако их всегда немного. В экономике, однако, участвуют все. Если им задать такую установку, которая,

⁴³ Под «рыночной экономикой» мы будем иметь в виду экономический порядок, характеризующийся преимущественно свободным экономическим обращением товаров и услуг, под «плановой» — экономический порядок, характеризующийся преимущественно централизованным управлением экономикой.

как можно предвидеть, наверняка воспринимается лишь немногими, в то время как всем остальным поведение, соответствующее такой установке, должно быть навязано извне, уменьшится полезный эффект, а многочисленность случаев скрытого противодействия или показного соблюдения провозглашенных обязанностей будет действовать деморализующе и разлагающе.

Если, напротив, поставить общую выгоду и индивидуальную выгоду в сфере экономики параллельно, тогда можно с наибольшей, какой только можно достичь, уверенностью рассчитывать на всеобщее, соответствующее правилам, соблюдение порядка даже тогда, когда отсутствует всякая возможность контроля. Потому что именно индивидуальная выгода, которая в противоположном случае должна завоевываться с трудом, и успех в достижении которой весьма проблематичен, здесь буквально, что называется, бежит впереди собственной повозки, притом очень успешно, запряженная вместе с активностью, удовлетворенностью достижениями и гордостью достижениями.

При этом ни в коем случае не следует опасаться, что для утверждения на практике верности обязательствам и готовности к жертвам (как за пределами рыночной экономики, так на ее рубежах) возможностей еще совершенно недостаточно. Однако проявление подобных добродетелей в этом случае не навязывается, как в противоположном.

Разумеется, такое совпадение индивидуальной выгоды и общей выгоды имеет место только в определенной части всей области, границы которой можно четко обозначить. Если хотят соответствующим образом работать, то первое условие - гарантия, что экономическая жизнь строго придерживается границ данной области. Такое гарантирование является задачей государственной рыночной полиции, ответственной и важной задачей законодательства и управления, что предъявляет высокие требования к силе власти, независимости, компетентности и бдительности государства и его органов.

Все эти предпосылки рыночно-полицейского характера на протяжении XIX в., однако, все больше и больше предавались забвению и исчезали. Уже либеральная теория XVIII в., вследствие своей приверженности деистической теологии⁴⁴ и в соответствии со своим критическим отношением к государству, пренебрегла позитивным значением разработки государственных рамочных условий рыночной экономики. С этого началась дегенерация рыночной экономики, происходившая на протяжении XIX–XX вв., особенно характеризующаяся разрастанием чуждых и враждебных рыночной экономике монополистических тен-

⁴⁴ Аргументацию этой теологической приверженности либерализма я привел в своей работе *Das Versagen des Wirtschaftsliberalismus als religionsgeschichtliches Problem*. *Istanbulier Arbeiten N 12*. – Istanbul, 1945.

денций. Неизбежные негативные последствия, дилетантские суждения (которым придал мужество психоз всенародного просвещения) приписывали рыночной экономике как таковой, а не ее разрушению и видоизменению, в то время как всегда следует осознавать, что «невидимая гармония» рыночной экономики, как было сказано, реализуется только в совершенно определенных границах и что эти границы, не соблюдаемые и не охраняемые должным образом государством, с конца XIX в. все чаще и чаще перешагивались. Те, кто такую экономику «монополистического капитализма» характеризуют как хаотичную, в большей или меньшей степени правы. Суть безнадежно запутанной дискуссии в итоге состояла в том, что представители национально-экономической теории классических традиций справедливо и с понятным негодованием обвиняли дилетантствующих любителей от экономической политики в их происходящей из примитивного игнорирования слепоте в том, что касается существования неосознанного и произвольного, а поэтому невидимого теоретически невооруженным глазом благодатного порядка экономики, основанной на конкуренции в чистом виде. Сами они, однако, зачастую не видели, в какой степени развитие реальной экономики удалилось от сферы полноценной конкуренции и приблизилось к хаосу плюралистичной экономики погони за добычей⁴⁵.

Вследствие обусловленного этим дилетантского ошибочного диагноза участвовавшие случаи заинтересованного вмешательства плюралистских и тоталитарных правительств, особенно после ужасающего экзогенного нарушения равновесия, вызванного Первой мировой войной и ее последствиями, вели ко все большему разрушению как народных хозяйств, так и их международной экономической взаимозависимости, которое еще более возросло в результате Второй мировой войны.

[...]

Образ жизни и структура общества

Все прослеживаемые нами изменения экономической структуры служат изменению образа жизни и структуры общества, к которым мы стремимся. О чем же идет речь?

⁴⁵ С полным правом мы должны настаивать на категорическом отмежевании действительно свободной рыночной экономики с полноценной конкуренцией, соответствующей идеальному типу либеральной теории, от ее субвенционистского монополистически-плюралистического перерождения на рубеже XIX–XX вв., которое представляет собой патологическую форму дегенерации, во многом и в существенном — прямо противоположную настоящей конкурентной экономике. Именно поэтому нам необходим специальный термин для определения этой формы; почему бы, наконец, не исследовать недавно укоренившийся повсеместно термин «капитализм»?

Еще со времен романтизма с удвоенной энергией ответ звучит — общность! Прочь от привычного общества с его холодностью, разобщенностью, оцепенением — к настоящей общности, с ее теплотой, близостью, живым духом! Ни из какого иного, более мощного, чем это, стремления не произрастет имманентная тяга нашего времени к выздоровлению. Но здесь заключена и большая опасность, столь типичная и постоянно возникающая опасность противодействия, базирующегося на обоснованном противоречии. Если один человек слишком отделился от другого, то считается, что они не могут быть достаточно близки друг другу. Если социальная атмосфера стала столь холодной, считается, что она не может стать достаточно теплой. Если ни в чем более не было единства, считается, что обязательно нужно сходиться во всем подряд.

Перед лицом опасности впадения из одной крайности в другую, когда очевидные преувеличения не в состоянии убедить людей в обоснованности требования как такового, впредь необходимо придерживаться срединной добродетели между двумя пороками — «слишком много» и «слишком мало», — ясно осознавать, что на самом деле, как и во многих прочих случаях, речь при всех условиях идет не о максимуме, а об оптимуме социальной близости.

Существует не только опасность отсутствия связей, но и противоположное тому отсутствие дистанции, что из-за слишком большой навязанной близости имеет долговременным результатом лишь трения, воспалительные процессы и самопроизвольно вскрывающиеся нарывы. Речь идет о верном нахождении середины между этими двумя крайностями, о настоящем равновесии между самостоятельностью отдельного лица и товарищеской взаимосвязью, о дистанции, которая не слишком велика и не слишком мала; Кант был не так уж неправ, когда называл естественную социальную структуру человеческого общежития «необщительной общностью»⁴⁶. Модель такой общности, такого сочетания близости и дистанции — это социальная структура здорового

⁴⁶ Насколько человеческая природа рассчитывает на поддержание средней социальной дистанции и насколько решительно она также противится слишком большой близости, доказывает симптом, с которым мы сталкиваемся почти ежедневно, но как таковой его не истолковываем — типичная невоспитанность избалованных и изнеженных детей. На первый взгляд, можно подумать, что чем больше ему дается любви и нежности, тем лучше ребенок себя ведет и тем он будет более счастлив, весел и общителен — такого мнения особенно придерживаются многие матери. И тем больше их разочарование и негодование, когда ребенок, как известно, отвечает на такой переизбыток нежности и близости инстинктивным отстранением, капризной невоспитанностью и несносностью. Детскую комнату, как и любую жилую комнату, нельзя отапливать слишком; и в отношении социальной температуры, как во всех других областях человеческой жизни, не максимум, а оптимум стоит того, чтобы к нему стремиться, именно он уместен.

крестьянства. В этом заключено одно из преимуществ крестьянской жизни, и не единственное.

В противоположность жизни крестьянства, современная жизнь в большом городе уже больше не имеет смысла сама по себе, именно поэтому массово предлагаемые суррогаты удовлетворения потребностей, которые в большинстве случаев превращаются просто в разновидности анестезии, делают ее в конечном итоге лишь еще более бессмысленной.

Глупо, естественно, было бы считать, что «бегство в деревню» сводится к постыдной слабости характера перед лицом греховных соблазнов городской жизни. Оно — это в гораздо большей степени вынужденное следствие производственно-технического прогресса, в результате которого на производство сельскохозяйственных продуктов питания требуется все меньший процент общих трудовых затрат — следствие, которое затрагивает ту неизбежно растущую в этой связи часть населения, чья рабочая сила не используется в непосредственно аграрном производстве.

То, что намного более половины человечества и сегодня еще пребывает в непосредственно исполненном смысле положении крестьянства (или крестьянского ремесленничества), — большое, но еще недостаточно оцененное счастье для человечества. И в так называемых индустриальных странах крестьянство играет существенно более важную роль, чем это в большинстве случаев осознается более или менее сопоставимыми с ним, довольными своей жизнью слоями населения⁴⁷.

Из изложенного вытекает значимость политики, выходящей за пределы экономической, которая экстенсивно и интенсивно направлена на сохранение крестьянства и содействие ему (конечно, исключая средства, угрожающие социальному здоровью самого крестьянства).

Крестьянство — одновременно естественная основа здорового либерализма, о чем свидетельствует антифеодалное крестьянское стихотворение поучительного характера, написанное Гесиодом (ок. 700 г. до н.э.), которое остается до сего дня классическим⁴⁸.

Вопрос о том, какие слои населения сопоставимы с крестьянством в своей самоуспокоенной, умиротворяющей жизненной ценности, требует специального исследования. Он важен еще и потому, что значительному увеличению численности крестьянства мешает сама упомянутая

⁴⁷ См.: *Gerhard Colm*. Kapitalistische und nichtkapitalistische Elemente in der heutigen deutschen Volkswirtschaft // *Kapital und Kapitalismus*. Berlin, 1930. V. 1. S. 105–135.

Важной задачей статистики было бы проведение когда-нибудь с точностью, которую позволяют имеющиеся в наличии материалы, соответствующих подсчетов по всем другим странам, прежде всего с учетом социальных слоев и их структуры.

Зомбарт (*Der moderne Kapitalismus*. — München, 1928. — S. 269) приходит к выводу, что примерно $\frac{2}{3}$ человечества живут сегодня как крестьяне. Оценка очень груба и во многих своих предпосылках уязвима, но вывод не слишком далек от истины.

⁴⁸ См.: наст. изд., стр. 244, прим. 54.

экономическая неизбежность прогрессирующей рационализации. При этом обнаруживается, что при здоровых организационно-экономических условиях (которые могут быть обеспечены в государственном порядке) и сельский надомник на своем месте все же принимает участие в создании удовлетворительного жизненного статуса крестьянина. Нечто подобное относится даже к фабричному рабочему, занятому на карликового размера крестьянском семейном предприятии вюртембергского типа⁴⁹. Требуется радикального пересмотра вся литература и терминология XIX в., связанная с семейным производством и надомным трудом, в которой предвзято и односторонне фиксируется внимание на уровне доходов.

В формировании социального слоя, приближающегося к крестьянскому, также принимают участие мелкий торговец, самостоятельный коммерсант, мелкий самостоятельный фабрикант и немало других. И особым образом — люди так называемых свободных профессий, особенно когда они используют свои возможности в этом направлении⁵⁰.

Если же, как это делаем мы, крестьянскому слою в качестве другой крайности противопоставить пролетарский или пролетаризированный слой, выявляется существование и других социологических групп, которые, не будучи крестьянскими, по-своему являются непролетарскими и свободны от специфических изъянов пролетаризации. Сюда, прежде всего, относится все чиновничество государственной и частной сферы, которое в смысле социалистического мировоззрения представляет идеал, противоположный пролетариату, служащие высшего и среднего ранга.

С этой точки зрения в мировой статистке нужно бы противопоставить пролетариат всем прочим непролетаризированным социальным группам.

Пролетаризация промышленного рабочего, его урбанизация, подчинение его рабочего дня чужим приказам, заключение его в казармы огромных фабричных помещений — таковы были настоящие причины глубокой жизненной неудовлетворенности, не возмещаемые ни высокой заработной платой, ни сокращением рабочего времени⁵¹. В XIX в. их

⁴⁹ Preiser E. Die wuerttembergische Wirtschaft als Vorbild. Stuttgart, 1937; Lampe A. Ruckkehr der Industrie zur Landwirtschaft // Die Gegenwart. Freiburg, 1947.

⁵⁰ Для многих немецких ученых хорошей старой закалкой несомненным по характеру и отношению к жизни был социологический тип интеллектуального крестьянина, духовно одаренного ремесленника, «мыслящего сапожника».

⁵¹ «Поскольку экономика существует ради человека, а не человек ради экономики, жизненная среда хозяйствующего человека представляет надэкономическую ценность. Экономика — средство, а жизненная среда — цель. Эта основополагающая истина относится к тем, которые упустил из виду слепой в отношении социологии вульгарный либерализм. Отсюда берет начало само собой разумеющееся для него и воспринятое также социализмом убеждение, что ощущение счастья работающего человека должно быть пропорционально уровню заработной платы и обратно пропорционально рабочему времени. На самом же деле глубокая неудовлетворенность современного промышленного рабочего

считали неизбежными последствиями технического прогресса, полагая, что именно машина отрывает рабочего от его клочка земли и затягивает в город.

Сегодня мы знаем, что это была не машина сама по себе, а лишь определенный тип машины, оказавший столь роковое воздействие, а именно, рабочая машина, приводимая в действие с помощью вала и ременной передачи от центральной поршневой паровой машины, — устройство, технически вынуждавшее как можно более уплотнить, возможно, большее число рабочих мест, потому что с удлинением вала значительно возрасли технические трудности и потери энергии.

Первым шагом, вызвавшим необычайные и разнообразные последствия противоположного направления, было изобретение в 1830 г. швейной машины французом Тимонье, за которым последовали в США (1845 г.) Хоув и Зингер. Швейная машина до сегодняшнего дня защищала все пошивочное ремесло от заражения слоновой болезнью, от тенденции к созданию крупного предприятия и сохранила одно из важнейших и самых распространенных ремесел для семейного круга. Свободная от социалистических предубеждений, социальная история швейной машины могла бы стать весьма благодатным объектом монографического исследования.

[...]

В области транспорта схожее деконцентрирующее воздействие оказал переход от железной дороги к автомобилю, которому предшествовал велосипед и за которым последовал мотоцикл.

Но и в собственно производстве эта техническая необходимость давно преодолена с помощью современного единичного электропривода (частично с помощью небольшого мотора), давшего широкие возможности устанавливать рабочему его машину на дому. Поскольку при этом затраты выше и до определенной степени обременяют зарплату, в большинстве случаев этот недостаток во многом компенсируется непосредственными жизненными преимуществами. Нельзя забывать, что заработная плата — все-таки не самоцель, а всего лишь средство предоставления рабочему возможностей существования, которые он может обеспечивать себе с ее помощью. Если же он в состоянии создать для себя более удовлетворительные условия при меньшей зарплате, ему явно не хуже, а лучше.

обусловлена недостойной человека жизненной средой, противоестественностью большого города и его удаленностью от природы, свертыванием семейной жизни, проживанием в арендованных казармах и уличных провалах, скученной работой на фабрике в трудовых казармах и по приказу бессмысленной фрагментарностью этого труда, его бешеным темпом и оглушающей бессмысленностью удовольствий и развлечений большого города». (Das Versagen des Wirtschaftsliberalismus als religionsgeschichtliches Problem, 1945. S. 91–92.)

Разумеется, подобная возможность «рассредоточения мастерской»⁵² имеет свои пределы – рабочий не может установить в гостиной маленькую домну. Но мы еще даже теоретически не знаем этих пределов, не говоря уж о том, что они практически находятся далеко за горизонтом нашего видения. Пример Японии призван заставить нас задуматься о том, как с помощью надомного труда производить современные локомотивы.

В отношении домны и т.п. экспериментальная физиология доказала, что для немалого числа людей труд по команде, в едином ритме и в одной колонне приносит большее жизненное удовлетворение, чем крестьянская по своему характеру ответственность перед собой и участие в семейном труде.

Следовало бы еще изучить вопрос, не совпадает ли случайно доля людей со склонностями такого рода с той долей работников, которую используют отрасли промышленности, по техническим причинам не поддающиеся под рассредоточение.

С помощью подобных мероприятий процесс урбанизации населения был бы заметно смягчен, но, конечно, ни в коем случае не остановлен. Поэтому большое значение имеет прогресс, достигнутый в последние десятилетия в области городского планирования и городской гигиены. Он сможет все более закрепляться по мере того, как мы будем учиться рассматривать проблему города и его функций жизнеобеспечения, исходя из иных, гораздо более значимых, социологических и историко-мировых позиций.

Причины возникновения и роста городов более или менее неизбежны; по большей части они действуют и сегодня. Город развился как естественное и необходимое место зарождения высокой культуры⁵³. И это обстоятельство обосновывает притязание города на категорийное человеческое достоинство и значение, которые по-своему с полным правом могут быть сопоставимы с достоинством и значением крестьянства. Город – это, пожалуй, больше, чем просто необходимое зло. Как существует «вечный крестьянин», так существует и «вечный город». Кто не отрицает существования высокой культуры, не может отрицать и города как такового. Ставшее в определенных кругах модным презрительное отношение к городу – близорукий снобизм, если он не коренится просто-напросто в безнадежном аграрном эгоизме. Связанное с этим и глубоко засевшее пренебрежительное восприятие значимости гражданина и буржуа покоится на столь же редком, сколь и интересном смещении старого феодального и нового социалистического чувства безнадежности. Город, в отличие от

⁵² См.: *Hellpach W, Lang R. Gruppenfabrikation; Eugen Rosenstock. Werkstattaussiedlung, Untersuchungen über den Lebensraum des Industriearbeiters // Sozialpsychologische Forschungen, herausgegeben von Willy Hellpach. Bd. 1, 2. Berlin, 1922.*

⁵³ *Rüstow A. Entstehungs- und Lebensbedingungen der Hochkulturen // Synopsis. Festtage für Alfred Weber. Heidelberg, 1948. S. 399–433.*

статичности крестьянства, являет динамичный элемент прогресса; именно это дает ему право занять особое место и обладать собственным правом, полярно противоположным по отношению к крестьянству⁵⁴.

Крестьянство давным-давно нашло присущую ему и в целом «окончательную» форму жизни, а город даже не приблизился к этой цели. Это обстоятельство связано с большой сложностью задачи, которая к тому же постоянно усугубляется ввиду крайне динамичного характера самого города. Для соответствующего решения этой постоянно усложняющейся задачи недостаточно тех тысячелетий, которые преодолело человечество, тем более что необходимо вычестить из них значительные перерывы во времени и утрату традиций⁵⁵. Представляется, многие предшествовавшие эпохи по своим предпосылкам подходили к решению вопроса ближе, чем мы. Нам же, при заданных усложненных условиях, предстоит еще совершить самое главное. И для решения этой значимой, созидательной и, как мы видели, совершенно безотлагательной задачи мы располагаем некоторыми предпосылками технического, а также интеллектуального порядка, которые отсутствовали в прежние времена⁵⁶.

Естественно, как бы ни была мала возможность превращения внешней пространственной близости в близость в рамках сообщества, можно бы предпринять кое-какие шаги для содействия и обеспечения возможных при данных обстоятельствах минимально добрососедских отношений, проявляющихся в уважении и готовности к помощи. Сюда относилось бы, к примеру, восстановление юридически закрепленной обязанности оказывать помощь в случае крайней необходимости. Еще в средние века, как известно, существовало право взывания к помощи:

⁵⁴ Исследование исторических колебаний в оценках города и деревни и объяснение соответствующих причин их происхождения было бы в высшей степени интересной и показательной задачей. Важна в этой связи история понятия «буржуа». (См.: Rudolf Smend. Bürger und Bourgeois im deutschen Staatsrecht. Berlin, 1933.)

⁵⁵ Вспоминается поразительный уровень техники городского строительства, достигнутый культурой, резвившейся в бассейне реки Инд в III в. до н.э.

⁵⁶ Технические проблемы большого города в значительной части объясняются тем, что отбросы и отходы, которые в сельской местности рассасываются более или менее «сами по себе», в городе требуют создания специальных предприятий для уничтожения и нейтрализации. Что касается твердых и жидких отходов, эта проблема в целом решена благодаря канализации, вывозу мусора и уборке улиц. Загрязнение воздуха копотью и продуктами сгорания можно также упредить соответствующими техническими мерами или сократить до допустимых размеров, если речь идет о конкретном процессе сгорания на определенной территории, в то время как выхлопные газы автомобилей и т.д. представляют собой все еще непреодолимую проблему. В самом начале пути находится человек и в борьбе с шумом, акустическим загрязнением воздуха. В основе должны бы признаваться права каждого человека на то, чтобы, в соответствии с соответствующими полицейскими предписаниями, не испытывать нежелательных звуковых нагрузок и таких, которых можно избежать. Установка на взаимное уважение в социально-этическом плане воздействовала бы только благоприятно.

каждый, кто слышал крик типа *Mordio! Diebio! Feurio!* (Убивают! Грабят! Пожар! - *лат.*) и не приходил на помощь, подлежал наказанию, а сегодня наказание абсолютно неэффективно и наступает лишь согласно уголовному кодексу, если не последовать требованию полиции об оказании помощи, когда можно было это сделать, не подвергая себя серьезной угрозе⁵⁷. Но, как мне представляется, правовое чувство здесь вновь идет значительно дальше, и оно потребовало бы, конечно же, примерного наказания человека, который, будучи хорошим пловцом, хладнокровно позволил бы у себя на глазах захлебнуться тому, кто взывает о помощи.

Прогресс транспортной техники сделал возможным рассредоточение населения за пределы города, что во многих случаях уже имеет место. Атомная бомба придала этой проблеме мрачную актуальность и насущность. Но одним этим дело далеко не ограничивается, стоит к тому же помнить, что беспрепятственное осуществление этого принципа в европейских странах с их высокой средней плотностью населения могло бы привести к тому, что вскоре вообще исчезнет какая бы то ни было «сельская местность», а все пространство будет занято одним городом с нечеткими границами (сегодня это происходит, например, в рейнско-вестфальской промышленной зоне или в отдельных частях Бельгии и Англии). Основная проблема сводится именно к абсолютному перенаселению.

Одним из самых скверных проявлений болезни нашего современного обезличивания является полная утрата постоянства проживания. Современный горожанин, постоянно «переезжая» из одной арендованной квартиры в другую, будучи «переселенцем» или сменяя по каким-либо экономическим и прочим причинам один город на другой, уже больше не знает, что такое «родина», ландшафт, клочок земли, чем может и должен быть собственный дом для того, кто прочно, в течение поколений всеми своими корнями уходит в эту землю, кто родился и когда-нибудь умрет на этом самом месте, кто сидит под деревьями, посаженными его дедом или прадедом, кто сам высаживает деревья, которые дадут плоды и тень его внукам и правнукам.

Когда ты, горожанин, едешь в железнодорожном вагоне по простой и скромной местности и видишь у ручья, у подножья холма, у края леса домики, которые по-прежнему являются переходящей из поколения в поколения родиной для каждого члена ближайшей, знакомой с детства округи и каждого человека, тогда ты с тоской осознаешь, чего лишены мы, беспокойные горожане.

⁵⁷ § 360 Уголовного кодекса гласит: «Денежный штраф в сто пятьдесят марок взимается... 10. С того, кто при несчастных случаях или простой опасности или надобности не следует призыву полицейского учреждения или его представителей прийти на помощь, хотя мог бы последовать такому призыву безо всякой для себя опасности».

Крестьянское понимание того, что следовало бы жить в собственном семейном доме и что арендованная квартира по сути своей ненормальна и недостойна человека, не сохранилось более живо ни в какой другой стране, кроме Англии, где раньше всего крестьянство вообще исчезло как таковое, но крестьянский дух сохранился сильнее всего, прежде всего, вероятно, среди мелкого полукрестьянского сельского дворянства. Возможно, именно исчезновение каждодневной крестьянской реальности и связанное с этим устранение характерного для европейского континента снисходительного отношения горожанина и феодала к крестьянину, породило ее идеализацию и окрасило крестьянский дух в романтические тона.

Крестьянин и крестьянин-ремесленник воспринимают наследуемую оседлость семейного дома как нечто само собой разумеющееся, впрочем, как это еще делает надомный рабочий-полукрестьянин или фабричный рабочий. Но у последнего уже начинают возникать проблемы, во всей остроте присущие чисто промышленному рабочему, а именно, антиномия между идеалом оседлости и потребностью в возможно большей адаптации к мобильности, что составляет один из важнейших способов преодоления кризисов; подобная адаптация не всегда, но часто делает неизбежной перемену мест, и по причинам кризисно-политического характера мы требовали даже наибольшего возможного облегчения и ускорения подобной адаптации и подобной перемены места жительства. Именно в этом состоит одна из тех (к сожалению, довольно многочисленных) «антиномий общества», которая, однако, при более пристальном рассмотрении становится не столь острой, как на первый взгляд. Ведь требование, обусловленное кризисно-политическими соображениями и заключающееся в максимально возможной мобильности при перемене места жительства, распространяется практически на всех городских промышленных рабочих, у которых в этом смысле уже нечего больше портить, которые и без того привыкли постоянно менять свою безрадостную арендуемую квартиру даже при неизменном месте работы, для которых смена города в большинстве случаев скорее всего будет восприниматься как желаемая перемена обстоятельств. По-настоящему противоречивой становится ситуация лишь для рабочих-полукрестьян, но поскольку они и без того в силу своего полукрестьянского положения устойчивы к кризисам, то могут и не менять места своего проживания.

В другой сфере, охватывающей (по социальным меркам) более высокие и так называемые свободные профессии, весьма частое и обычное для сегодняшнего дня непостоянство места проживания в большинстве добровольно или профессионально обусловлено, но это ни в коем случае не является неизбежностью. Если превалирующее стремление к перемене места было бы заменено противоположным стремлением — к постоянству, если бы в каждом отдельном случае человек задумывался, какая

перемена места по существу необходима на самом деле, а какая — излишняя, или какой, по крайней мере, можно избежать даже ценой отказа от определенных преимуществ или хотя бы малых материальных жертв или недостатков, можно было бы закрепить постоянные места проживания и оседлость. Конечно, все это имеет смысл тогда, когда в распоряжении семьи находится наследуемый семейный дом, а не какая-нибудь арендованная квартира⁵⁸.

Из этой самой необходимости в рассредоточении населения, вызванной современной войной в воздухе и даже атомной бомбой, вытекают неизвестные ранее возможности, которые следует рассмотреть целостно и планомерно, со всеми их разнообразными позитивными последствиями.

Стартовая справедливость

Чем больше социальное распределение доходов переходит в зависимость от строго контролируемой, справедливой конкуренции по эффективности и от ее обусловленной рынком законности, тем, естественно, больше требование социальной справедливости должно сосредотачиваться на индивидуальном старте в этом соревновании⁵⁹. Видимо, это не соответствует основам справедливой, нацеленной исключительно на эффективность конкуренции, если в ней значительное преимущество отдается участнику конкуренции только в силу того, что к выбору своих родителей он смог подойти с необходимой осмотрительностью, и стартовал как сын богатого отца. Распространяющееся на него требование стартовой справедливости в целом подразумевает две вещи: образование и состояние. Это двойное требование было выдвинуто уже в конце V в. до н.э. греческим социологом и правоведом Фалесом из Калхедона⁶⁰, который, как пишет Аристотель, придерживался мнения, что в двух вещах должна господствовать конституционно закрепленная справедливость — в имуществе и в образовании⁶¹.

⁵⁸ Подобная тенденция могла поддерживаться обществом, с одной стороны, путем освобождения такого собственного семейного дома от налогов и сборов, с другой стороны, предоставлением преимуществ при выделении ипотечных кредитов и определении их условий.

⁵⁹ «Следовательно, одним из самых важных проблем правительства является предотвращение крайнего неравенства в успехе». (J.J. Rousseau. *Économie politique; Considérations sur le gouvernement de Pologne*, ch. X: «Необходимо, чтобы законодательная власть всегда проявляла стремление к сокращению большого неравенства в успехе и в будущем».)

⁶⁰ Калхедон находится в Малой Азии близ Стамбула, где пролив Босфор соединяется с Мраморным морем; позднее его называли Халкедон, а сегодня — Кадыкёй; с 1933 г. — место проживания автора.

⁶¹ См.: *Аристотель*. Политика. Т. II. п. 32. Это основополагающее суждение следовало бы выписать в виде фрагментов из работ досократовских философов. Помимо прочего, этот мой согражданин по Кадыкёю заслуживает монографического исследования.

Из этих двух требований наиболее важным и легче всего выполнимым является требование справедливого равенства в образовании. На поздних стадиях развития традиционное превосходство верхнего слоя населения основывалось не в последней степени на его монополии на образование, которая со временем все более принимала плутократическую форму. Именно в этой форме несправедливость и бессмысленность монополии на образование была столь однозначна, что нельзя было избежать ее ослабления. Сегодня, однако, требуется полное устранение этой монополии.

В сущности, по материальным причинам никому не должно бы быть заказано образование, если есть способности и стремление. Для этого издавна существовали вакансии, стипендии и пр. Значит, речь не идет по существу и на практике о чем-то абсолютно новом — имеющиеся предпосылки следовало бы только модернизировать и обобщить. Всеобщей социализации образования ни в коем случае не требуется, напротив, можно бы со спокойной — в социальном смысле слова — совестью, при жестком упорядочении предъявлять высокие духовные и человеческие требования. Равным образом никто не должен насильственно отесняться от более высокого образовательного уровня, если стоимость такого образования полностью берет на себя он сам или его родители, а не общество, как это было до сих пор. Если такое образование не соответствует способностям человека, то в борьбе за жизнь в условиях свободной конкуренции по эффективности оно, скорее всего, окажется никчемным балластом, а не преимуществом. Еще более усилится ошущаемая тенденция к тому, чтобы детям давали образование, соответствующее их истинным способностям и наклонностям, а не образование, «соответствующее положению».

Такое требование справедливости в области образования по причине своей очевидной и неоспоримой дешевизны встретит наименьшее сопротивление и его можно будет провести в жизнь с наименьшими затратами по части юридических норм и издержек⁶². При этом оно станет особенно действенным. Поскольку намного важнее, с каким воспитанием и начальным образованием, с какими знаниями и умениями человек вступает в конкурентную жизненную борьбу, чем с каким состоянием. К тому же способность к труду — гораздо более надежное достояние, чем

⁶² Разумеется, и здесь не обходится без трудностей и проблем. В XIX в. полагали (как иногда и сегодня), что нужно, «нажимая на все пружины и педали», решить проблему объективного и справедливого отбора по дарованиям благодаря применению все более тщательных экспериментально-психологических методов тестирования. Однако существуют тестовые таланты (как и вообще экзаменационные таланты), не являющиеся продуктивными дарованиями, и, наоборот, главное и значимое в даровании и характере не обнаруживается при тестировании. Никто из наших экспериментаторов-психологов не пропустил бы в ходе тестирования по ораторскому искусству молодого Демосфена с его дефектом речи.

имущество, которое, особенно в сегодняшних условиях, слишком легко можно утратить; однако, благодаря способности к труду, можно в любое время и в любом месте заново приобрести доход и состояние. Особенно явственно это сейчас, когда вторая мировая война уничтожила много имущества, и прежние его владельцы и их дети могут опираться только на свои умения и на то, чему они научились.

Особо значимой и эффективной была в этом отношении практическая деятельность католической церкви. Поскольку в силу обета безбрачия духовенство не могло пользоваться правами наследования, здесь с самого начала отсутствовало мощное препятствие, обычно тяготившее стартовую справедливость. На базе учения о равенстве всех бессмертных душ перед богом могла беспрепятственно, без оглядки на социальное происхождение реализоваться заинтересованность церкви в одаренном и работоспособном подрастающем поколении.

Благочестивые благотворительные фонды, содействующие образованию одаренных неимущих молодых людей, перенесли свою деятельность и на светскую сферу; особенно интенсивно занимался этим пиеизм. Рационализм просвещения обобщил это коренное требование, но, как и раньше, передал частной благотворительности вопрос о стипендиях. Лишь Веймарская конституция содействовала общественному признанию этого принципа в Германии; только закон Батлера в лейбористской Англии перешел в стадию юридического и общественного исполнения; достигнутые результаты и накопленный опыт будут представлять огромный интерес.

Насколько легко и, безусловно, усматривать и обосновывать справедливость и значимость требования о стартовой экономической справедливости, настолько неожиданными представлялись разного рода трудности, встававшие на пути ее осуществления. Так как до сих пор единственным принимаемым во внимание средством осуществления этого требования был либо конфискационный налог на наследство (который постепенно должен был передавать все большую часть экономики в руки государства и привести к полной социализации), либо именно немедленная полная социализация, что было бы и проще и последовательнее, хотя в действительности сопряжено с успехом прямо противоположного рода - от катом к более примитивным и, в сущности, более жестким формам социального неравенства.

Но я полагаю, что существует индивидуалистский, а не коллективистский путь достижения и обеспечения полного стартового экономического равенства при сохранении рыночной экономики и свободы конкуренции.

В качестве гипотетического эксперимента представим себе мелкокрестьянское народное хозяйство с абсолютно нормальными по разме-

рам семейными хозяйствами. Для них проблема стартового равенства легко разрешима. Делаем свободу рыночного хозяйства неограниченной, в том числе неограниченной — продажу и покупку недвижимости. Тогда в течение своей жизни каждый крестьянин, в зависимости от успешности хозяйствования, может потерять свой двор или же скупить любое число дворов⁶³. Нам только нужно определиться в том, что каждый крестьянский сын не может наследовать больше одного двора и что образующиеся лишние дворы передаются завещателем или через государственные структуры в пользу неимущих крестьянских сыновей. Если мы к тому же примем численность населения неизменной (как, например, сегодня в областях Франции с мелкими крестьянскими хозяйствами), то проблема стартового равенства оказывается разрешимой при наличии полной свободы рыночного хозяйства. Все останется неизменным, если мы сделаем еще один шаг к реальности и обратимся к ремесленным и торговым семейным предприятиям, отношение к которым будет точно таким же, как к крестьянским дворам. Нужно, естественно, позаботиться о разумных предписаниях по процедуре осуществления, прежде всего о гарантии против обходных маневров; и это можно сделать.

Такой мысленный эксперимент уже показывает, что проблема стартового равенства теснейшим образом связана с вопросом о величине предприятия. Пока в экономике распространены мелкие семейные предприятия, проблема разрешима без затруднений. Это порождает новый весомый аргумент в пользу малого предприятия, а для его экономико-политического стимулирования и предпочтения есть много иных, неэкономических причин.

В отношении крупных предприятий такого рода проблему решить труднее. Под вопросом форма предприятия в виде товарищества, когда каждый рабочий в качестве совладельца владеет частью собственности предприятия. Такая форма развилась в позднее средневековье в тех отраслях производства, которые (например, в горнорудной промышленности) по техническим причинам неизбежно перерастали рамки мелкого семейного предприятия. Перед французскими и английскими анархо-социалистами XIX в. также маячило такое решение. В какой мере, в каких формах и отклонениях она была бы применима в современных условиях, этот вопрос заслуживает тщательного изучения.

⁶³ Эти возможности и соответствующий им экономический порядок еще около 700 г. до н.э. предвосхищал Гесиод в своем поучительном крестьянском стихе, где он обосновывал призыв к прилежанию: «Чтобы ты смог скупить дворы других, а не кто-то другой — твой двор» (строфа 341; предшествующие строфы — 336–340, как и 327–334 — орфические интерполяции).

При сохранении оставшихся крупных предприятий другим выходом может быть соответствующее расчленение титула собственности, чтобы стоимость каждой части соответствовала стоимости среднего крестьянского хозяйства (доли в предприятии, акции, пая и т.д.), а также применение к долям собственности тех же положений, касающихся права наследования, что и к крестьянским дворам и ремесленным предприятиям. Разумеется, порядок решения проблемы был бы значительно более сложным и затруднительным, но и здесь возможности этого сохраняются⁶⁴.

Так как указанное стартовое экономическое равенство для отдельно взятого человека может наступить только в его совершеннолетнем возрасте, нам тем более важно дополнить его стартовым равенством воспитания и образования.

Только решительное утверждение идеала стартового равенства сможет успокоить нашу совесть в смысле требования социализма о равенстве, идеала, который до сих пор роковым образом отсутствовал

⁶⁴ Изложенные здесь соображения касаются приобретенного имущества, производственного капитала, который экономически составляет существо дела. Что касается чисто потребительских товаров и имущества, составляющих разлагающую роскошь (замки, виллы, парки, коллекции и пр.), необходимо воспрепятствовать тому чтобы все это использовалось в обход предписаний по наследованию приобретенного имущества: продажа унаследованного имущества, составляющего роскошь, стала бы, таким образом, невозможной, и тогда оно гораздо чаще попадало бы в государственные руки. Но при наличии подобной гарантии имущество, представляющее собой роскошь, могло бы быть разрешено, как его любое новообразование за счет самостоятельно сколоченного состояния, а также его наследование в формах, аналогичных наследованию заповедного владения, постольку поскольку наследник его может и хочет сохранить.

Показательно, что последняя предпосылка сегодня все больше и больше исчезает, в том числе в странах с либеральной экономической конституцией. Кольцо феодальных замков, вилл и парков, которое, к примеру, окружает Женеву, уже почти полностью находится в стадии передачи по завещанию или покупке государством (эта тенденция заслуживает монографического рассмотрения и социологического анализа). По сути, даже объекты представительной роскоши никогда не были чисто личным делом, каковы их неверно воспринимал извращенный XIX век. Их содержание было, так сказать, должностной обязанностью представителей высшего слоя общества, обязанностью, соответствующей званию, забвение которой (к примеру, из-за личной скупости) считалось огромным позором согласно кодексу феодальной этики (*noblesse oblige* — положение обязывает). Так что передача в государственное ведение собственности, составляющей представительную роскошь, означает в определенном смысле слова восстановление этой ее первоначальной сути с поправкой на изменившиеся условия. В остальном правильно понятому собственному интересу самой семьи, которой это касается, отвечает подобная трактовка права наследования, которая принудила бы наследника миллионера, составившего свое состояние ценой собственных усилий, к тому, чтобы, следуя примеру своего отца, он в хозяйственном смысле начал все сначала. Именно поэтому даже американские миллионеры добровольно и явно в интересах своих отпрысков ступили на этот путь, но все же сделали это недостаточно радикально лишь по причине нежной мягкости и доброты отцовского сердца. В будущем закон добавил бы радикализма.

и должен был отсутствовать. Не свободное рыночное хозяйство как таковое ведет к социальной нищете и обеднению как массовому явлению и не рыночное хозяйство вместе с частной собственностью, а только рыночное хозяйство с вполне определенным (феодално-подобным) институциональным регулированием права частного наследования, того самого, которое провоцирует наследуемое стартовое неравенство⁶⁵.

В той мере, в какой несправедливо наследуемое неравенство уступит место справедливому стартовому равенству, а экономические преимущества будут достигаться только при открытой конкуренции по эффективности, в той же мере коренным образом изменятся социальные и экономические мерки в суждениях и оценках, изменится атмосфера экономики и господствующее в ней ощущение жизни. Тогда каждый станет кузнецом своего счастья. Каждый сам сделает свой выбор — предпочтет ли он больше спать или больше есть, представится ли ему достойным стремление к спокойной скромности или к напряженному движению вперед, захочет ли он в жизни вести себя как пешеход на прогулке или как альпинист — при том, что то и другое имеет плюсы и минусы. Если скромный доход, оказывается, сопряжен с покоем, а более высокий доход — с усилиями, никто не станет больше жаловаться на результаты собственного выбора; социальная зависть лишится своей опоры. Естественно, и тогда будут иметь место случаи положительного и отрицательного свойства, счастье и несчастье, но в трудовой жизни они будут играть не большую роль, чем, например, в спорте, где их тоже нельзя совсем исключить, но о них не будут сокрушаться хотя бы потому, что долговременно удача обычно сопутствует только старательному, и только нестарательному — неудача: *fortem fortuna adjuvat* (судьба помогает смелому — *лат.*). Подобно тому, как в любом спортивном сооружении есть перевязочный пункт и медицинский персонал, забота всего сообщества и его социальной политики сводится к тому, чтобы сделать обязательным страхование от обычных житейских случайностей и, кроме того, приходить на помощь в случаях крайней надобности.

Можно упрекать очерченную здесь программу в том, что она носит утопический характер, но можно и сказать, что она не более утопична, чем была программа коммунизма 100 лет назад. Каждая идея как таковая, каждая программа как таковая вначале утопична, и только посте-

⁶⁵ Роковая ошибка в том, что радикально-рационалистская критика общества XVIII в., радикализируя определенные древнехристиански-патриотические суждения, возложила ответственность за экономическое и социальное неравенство в обществе на частную собственность как таковую («Собственность — это кража!»), а социализм воспринял это заблуждение и сделал его основой своей системы.

К тому же уже 200 лет назад Хатчесон, учитель А. Смита, отстаивал свою убежденность в том, что можно преодолеть большинство недостатков частной собственности с помощью соответствующих законов, касающихся образования, завещаний и наследования.

пенно, благодаря интенсивной работе она постепенно приближается к реальности и сложностям. И все-таки ни в коем случае нельзя дожидаться завершения работы, целый ряд шагов в направлении нашей цели можно предпринять уже сейчас.

Если бы стартовая справедливость в области образования строго соблюдалась, если бы везде во всем остальном оказывалось содействие осуществлению принципа эффективности и здоровой конкуренции во имя победы, если бы с помощью строгой рыночной полиции стало невозможным существование частных монополий, если бы мелким предприятиям во всех соответствующих областях оказывалась помощь, а крупные предприятия и крупные компании считались социально нежелательными и ставились в отягощающие условия, если бы серьезный прогрессивный налог на наследование по английскому образцу смягчил массовые налоги, если бы, без снижения ответственности человека перед самим собой и самопомощи, за счет принципа страхования был устранен риск кризисной ситуации, превосходящей возможности отдельного человека и если бы одновременно семья и ее укорененность получали всякое мыслимое содействие, то, вероятно, можно было бы дожидаться комбинированного конвергирующего эффекта всех этих мероприятий и нового духа, воплощенного в них, а также отодвигать строго юридическое осуществление принципа жесткого стартового экономического равенства со всеми его трудностями на столь долгий срок, пока (по крайней мере, в теории) не будет найдено удовлетворительное решение вопроса. Но важно иметь в виду, что это было бы радикальным решением, что оно в принципе возможно и что именно к этому следует стремиться. Во всяком случае, тогда мы будем обладать не менее радикальным контридеалом перед лицом коммунистического идеала абсолютной социализации, который, в свою очередь, легче было провозгласить, чем осуществить, и которому также потребовалось значительное время для реализации.

Значительное стартовое неравенство – самый существенный институциональный структурный элемент, посредством которого феодализм продолжает свое существование в рыночном обществе и превращает его в плутократию, в господство богатства. Весьма распространенное моральное ожесточение перед лицом этой основополагающей общественной несправедливости – вот значимая подсознательная составная часть продолжающей действовать феодальной идеологии⁶⁶. Для каждого

⁶⁶ Поскольку мы тысячелетиями живем при господстве по существу неограниченного феодально-плутократического права наследования, произошло сращивание традиционной структуры и идеологии семьи с этой формой права наследования. Радикальное изменение права наследования в обозначенном здесь направлении должно было бы повлечь за собой соответствующие изменения в структуре и идеологии семьи. Я убежден, что эти из-

отдельного человека очень важно выработать в себе самом чистоплотное отношение к данному деликатному вопросу. Бытовавшая до сих пор извинительная оговорка (иначе мы пришли бы к социализму, а, значит, к еще большему злу) теперь, после обнаружения третьего пути, больше не существует.

Атмосфера рыночной экономики

Мы знакомы со свободной конкуренцией в рыночной экономике только в той форме, в которой она воплотилась в XIX в.; чисто экономически она была действительно чрезвычайно успешна, но более антипатична и неприятна в человеческом плане.

«Если посмотреть пристальнее, то глубинная причина крупных успехов, связанных со свободным рыночным хозяйством, состоит в чрезвычайной беспощадности этой формы экономики, в той грандиозной, ранее редко встречавшейся, нелегко возобновляющейся беззаботности, с какой она затаптывала все, что было экономически нежизнеспособно, и безжалостно позволяла ему погибнуть, в грубом ощущении того само собой разумеющегося стремления (хочется назвать это почти бестактностью), с которым она выносила на поверхность того, кто был экономически крепок. Полагаю, что XIX век с его свободной экономикой выделится из других экономических эпох этой своей природной беспощадностью. Это столетие приобретет свою собственную, ника-

менения были бы и для самой семьи полезны, освободив ее от избыточного груза материальных интересов владения, но не лишая неотъемлемой экономической основы, а значительно повысив жизненность и актуальность ощущения семьи. Мне представляется, немного свежего воздуха не повредило бы нашему семейному чувству. Так как коллективизм ставит под вопрос действительные основы самой семьи, мы в конечном итоге стоим перед тем, что ощущаем риск операции, спасающей жизнь, т.е. перед выбором: либо мы подвергнем опасности существование самой семьи, либо, отказываясь от определенных традиционных проявлений в форме семьи, захотим спасти ее. В этом конфликте совести наш друг Ф.А. фон Хайек (*Individualismus: True and False. Finlay-Lecture. Dublin, 1946. P. 31*) становится на сторону традиционной наследной правовой формы семьи, что само по себе, пожалуй, можно понять. Но когда для защиты этой позиции он использует самоуверенный аргумент старого Данойера, как будто вытекающий из этого права наследования («извлекающая пользу из преимуществ, которые они ни в коей мере не заслужили»), он опирается на идею «происхождения от родителей, более умных или более сознательных, чем средние родители». Хайек, как и мы все, должен был бы все-таки знать, каким образом обычно возникали как старые феодальные, так и современные крупные капиталистические состояния. Также, вероятно, нельзя сказать, что, «с точки зрения индивидуализма, не могло бы даже возникнуть какое-либо оправдание того, что всех индивидов заставили бы стартовать с одного и того же уровня». Мы полагаем, что уже представили подобное оправдание, которое, кстати, очевидно. Но мы не стараемся оспорить, что существуют и контраргументы; во всяком случае, по части пунктов, в отношении которых дискуссия затронула самые значительные групповые интересы, следовало бы проявить особо тщательный самоконтроль, и здесь рекомендовалось бы самообладание.

кому другому столетию не свойственную известность не столько благодаря своим крупным техническим и экономическим успехам, сколько потому, что экономика этого столетия была больше, чем любая другая, близка самой природе. Как в соревновании индивидов и видов природа дает беспрепятственно развиваться старательному и безжалостно позволяет погибнуть бездеятельному, так и трудился XIX век. И не может быть иного, кроме того, что XIX век в виде колоссального спектакля должен представить последующим поколениям»⁶⁷.

Экономическое соревнование, конкуренция может осуществляться при самых разных представлениях и умонастроениях, и какое из этих умонастроений пробьет себе дорогу, зависит в основном от границ рыночной сферы и от характера «окраины» рынка, внеэкономической сферы жизни и ее интеграционные способности. Желательная конкурентная настроенность аналогична той, которая характерна для честного спорта. Она предполагает ограничение рыночной сферы конкуренцией по эффективности (т.е. строгое исключение любой конкуренции, нацеленной на создание препятствий и на уничтожение) и товарищеский, близкий сообществу по духу характер «окраины» рынка.

Ни одно из этих условий не было соблюдено в XIX в. На «окраине» рынка по-прежнему господствовали разрушительные силы, способствовавшие атомизации и превращению всего и вся в единую общую массу, а манчестерское высвобождение вредоносных и ненавистных форм конкуренции выявило, что экономическое уничтожение или подавление конкурентов, а также утверждение собственного монополистического господства с самого начала составляло собственно цель экономических действий. Так, хозяйственная жизнь XIX в. во многом выродилась во всеобщую борьбу и таким образом впервые реализовала мрачное представление о *bellum omnium contra omnes* (война всех против всех — лат.), которое Гоббс в XVII в. приписывал первобытным временам. А представление Дарвина о *struggle for life* (борьба за жизнь — англ.) во имя *survival of the fittest* (выживание сильнейшего — англ.) было тогда ничем иным как проекцией этой экономической и социальной структуры XIX в. с человеческого мира на мир животных — *lupus lupus homo*

⁶⁷ Так высказывается О. Шмаленбах, пожалуй, самый известный немецкий специалист по экономике и организации производства, о структурной обусловленности «колоссального технического и научного прогресса, который привел от системы, господствовавшей в XIX в., к системе свободной экономики». (Die Betriebswirtschaftslehre an der Schwelle der neuen Wirtschaftsverfassung. Vortrag: Wien, 1928; Zeitschrift für Handelswissenschaftliche Forschung. Leipzig, 1928. V. 22. S. 241–242). О вкладе пуританского аскетизма в этот менталитет XIX в. см. мои работы (Die Konfession in der Wirtschaftsgeschichte // Revue de la Faculte des Sciences Economiques de l'Université d'Istanbul. 1942. V. III. P. 362–389; Der moderne Pflicht- und Arbeitsmensch, Herkunft und Zukunft / Op. cit. 1944. V. V. P. 107–136.

(волк волку — человек — *лат.*), что, как известно, вовсе не соответствует действительности.

Мрачная, варварская жестокость — почерк XIX века — достигла своего апогея в превращении этой конкуренции в плюрализм, монополизм, субвенционизм, протекционизм. Именно переход болезни в свою критическую стадию заставляет нас с большим вниманием взглянуть на то, в какой мере эта болезнь ранее присутствовала в скрытой форме и насколько она с самого начала была обусловлена отсутствием каких бы то ни было государственно-социальных рамок и рыночно-полицейского надзора со стороны сильной и независимой государственной власти. Если эти отсутствовавшие в XIX в. предпосылки будут реализованы, то полноценная конкуренция «третьего пути», к которой мы стремимся, представит, в сущности, другую картину и наполнится сущности иной человеческой атмосферой. Она в гораздо большей степени примет тот благоприятный для человека облик, на который в связи с введением экономической свободы изначально возлагал надежды оптимизм XVIII в., поклонявшегося гармонии.

[...]

ВИЛЬГЕЛЬМ РЁПКЕ

Введение

Ингрид Шмале

Введение

Финансовые, экономические и политические кризисы последних лет вряд ли поразили бы Вильгельма Рёпке — хоть он и убежденный европеец. Его либеральный взгляд на экономическую политику позволяет вмиг установить причины: занимаясь вопросами денежной политики, он выступал за сохранение золотого стандарта и *против* создания политических валютных союзов, которые, с его точки зрения, обречены на провал без дисциплинирующих международно-правовых договоров. Также «он предупреждал о том, что общий рынок [Европейского экономического сообщества; *прим. авт.*] может превратиться в общую командную экономику»¹, которая приведет к непомерной европейской бюрократии, бесхозяйственности, порожденной неадекватными субсидиями, к дирижизму во внешней торговле и, прежде всего, к созданию «крепости Европа», которая вредит странам третьего мира². С социально-политической точки зрения он был приверженцем «экономического гуманизма», выражающегося в персонализации социального обеспечения и человеческой солидарности. Его активная защита принципа субсидиарности, который рассматривается как образцовая модель управления и суть которого заключается в приоритете самостоятельного и автономного решения посильных задач индивидами и малыми социальными группами перед делегированием задач на более высокий (государственный) уровень, показывает, что он всегда рассматривает экономику и общество с позиции индивида. Это дополняется требованиями по возможности организовывать социальную политику на федеральном уровне так, чтобы она максимально соответствовала имеющимся нуждам. Современное социальное государство и государство всеобщего благосостояния он критиковал за то, что «общественные акценты все больше смещаются к верхам, отдаляясь от индивида, от истинных видов общины — начиная с семьи — с их ответственностью и настоящим человеческим теплом — в направлении обезличенного государственного управ-

¹ Oswalt, 1996, S. 204.

² Ibid.

ления и сопровождающих государство таких же безличных массовых организаций. Это означает все возрастающую централизацию процесса принятия решений и ответственности, а также растущую коллективизацию условий личного благополучия и выстраивания индивидуальных жизненных планов»³. Прежде всего из этого проистекает необратимое расширение сферы влияния государства. Рёпке высказывается за возрождение крестьянского хозяйства, ремесленного производства и мелкой розничной торговли, которые, с его точки зрения, вытесняются крупными предприятиями, чья деятельность имеет и скрытые издержки: загрязнение угодий, порча ландшафта, шум и не в последнюю очередь — рост преступности⁴.

Даже если некоторые пассажи его работы кажутся сегодня очень консервативными и пронизаны «тоской» по малым, прозрачным структурам, его хозяйственно-политические и социологические рассуждения остаются «классическими текстами»⁵. Его критические рассуждения дают представление о критике культуры и цивилизации начала XX века, тесно связанной с развивающимися массовыми обществами. Он четко выделяет свои идеи политики порядка, присущие социальному рыночному хозяйству, как третий путь между социализмом и капитализмом.

Биография и труды

Вильгельм Рёпке родился 10 октября 1899 года в городе Швармштедт в Люнебургской пустоши и был вторым сыном и третьим из четырех детей в пасторской семье врача и учительницы. Он учился в гимназии, живя с дедушкой в городе Штаде, и в 1917 году сдал экзамены на аттестат зрелости. Несмотря на то что в том же году он начал изучать право в университете Гёттингена, его призвали на военную службу. Его старший брат погиб в ноябре 1917 года, сам Рёпке был ранен в марте 1918 года во Франции. «Каждый раз, когда он говорит о пережитом на войне, становится очевидно, что с мировой войны он вернулся убежденным антимилитаристом и пацифистом»⁶.

Возобновив юридическое образование, весной 1919 года он предпочитает ему изучение политической экономии в Тюбингене, а затем в Марбурге. После получения в 1921 году ученой степени кандидата наук в 1922 году он получает ученую степень доктора за классификацию эко-

³ Röpke 1955. S. 12, 13.

⁴ См.: Oswald, 1996. S. 204, 205.

⁵ См. диссертацию Скверча (Skwiercz), 1988, которая оценивает по достоинству, прежде всего, социологическое мышление Вильгельма Рёпке и рассматривает его в рамках избранных трудов о социологии общественных моделей как пример метода интерпретации современных обществ.

⁶ Hennecke, 2005. S. 20.

номических представлений о конъюнктуре и в 1924 году становится экстраординарным профессором в Йене – самым молодым профессором своего времени. В 1926–1927 годах в качестве приглашенного профессора Фонда Рокфеллера занимался изучением аграрных проблем в США⁷. Затем последовали приглашения на пост профессора в университеты Граца (1928) и Марбурга (1929). На научных конференциях, в особенности посвященных темам репарационных платежей и стимулирования конъюнктуры для преодоления рецессии и массовой безработицы, он выступает вместе с Вальтером Ойкеном и знакомится с Александром Рюстовом. Последний «в течение 1928 года [...] вживается в роль своего рода интегрирующей фигуры»⁸, которая объединяет молодых экономистов против представителей исторической школы. К их кругу причисляют теоретиков либерального и социалистического происхождения, таких как Герхард Кольм, Ганс Гестрих, Людвиг Альберт Хан, Эмиль Ледерер, Вильгельм Флейгельс, Эрих Зельтер, а также Йозеф Шумпетер (правда, его считали ненадежным человеком!), Людвиг фон Мизес и его семинаристы Марта Штефани Браун, Готфрид фон Хаберлер, Фридрих Август фон Хайек, Рихард фон Штригль, Кароль Шлезингер и Фриц Махлуп, позже к ним присоединился Вильгельм Лаутенбах⁹. На состоявшейся в 1938 году конференции «Коллоквиум Уолтера Липпмана»¹⁰ – на которой в кругу избранных интеллектуалов обсуждалась вышедшая в 1937 году книга Уолтера Липпмана «Хорошее общество» («*The Good Society*») – Александром Рюстовом было введено понятие «неолиберализм», относящееся к приверженцам обновления рыночной экономики в направлении устранения монопольных ситуаций – в духе известных сегодня как Фрайбургская школа ордолибералов (Вальтера Ойкена, Франца Бёма) или же в духе представителей социологического неолиберализма Вильгельма Рёпке и Александра Рюстова¹¹. Выяснилось, что фон Мизеса и фон Хайека следует скорее классифицировать как старолибералов или же палеолибералов, но никак не неолибералов¹².

Поскольку начиная с 1930 г. Рёпке резко критически высказывался о национал-социалистах, в том числе публично (например, в листовке «Национал-социалисты как враги крестьян» перед выборами в рейхстаг в 1930 г. или в траурной речи на похоронах своего академического на-

⁷ См.: Peuckert 2003.

⁸ Hennecke. 2005. S. 66.

⁹ См.: Hennecke. 2005. S. 66.

¹⁰ Colloque Walter Lippman – конференция, организованная в Париже в августе 1938 г. французским философом Л. Ружье и собравшая интеллектуалов и экономистов неолиберального толка. – *Прим. ред.*

¹¹ Hegner, 2000. S. 7.

¹² См.: Köhler, 2008.

ставника Вальтера Трёлча в 1933 г.¹³), весной 1933 г. он «добровольно» уходит со всех академических постов, после чего его временно отстраняют от должности. Путешествуя по Нидерландам и Англии, он получает — наряду с приглашением из университета Манчестера — предложение из Стамбульского университета в качестве профессора внести вклад в модернизацию Турции¹⁴. Его жена Ева, урожденная Финке, и его трое детей переселяются вместе с ним в Турцию. Четыре года спустя, в октябре 1937 г., Рёнке переезжает с семьей в Швейцарию, чтобы возглавить свою кафедру в Женевском институте международных отношений. Там он останется вплоть до своей смерти 12 февраля 1966 г., отвергая поступавшие после 1945 г. приглашения занять должность в университетах Германии¹⁵. На пути становления личности он эволюционировал от находящегося в поиске юноши, симпатизировавшего социализму, до либерала консервативных взглядов, а на склоне лет, возможно, превратился в консерватора. Рёнке с беспокойством наблюдает за губительными тенденциями во многих странах: автаркия, пролетаризация, атомизация общества, урбанизация, промышленные монополии — все это ключевые понятия его экономико-политических трудов, претендующих на социологическую и культурно-философскую составляющую. Пойкерт называет 20 монографий и 800 статей¹⁶. Научные и журналистские публикации Рёнке (например, в «Нойе Цюрхер Цайтунг») — по крайней мере, начиная со времени работы в Стамбуле — преследуют одну цель: «выработка политической и экономической программы, призванной оказать двойное сопротивление: с одной стороны, устранить ошибки, слабости и недостатки исторического капитализма, с другой стороны, бороться с губительной и мощной тенденцией времени — коллективизмом. Рёнке стремится к такому экономическому и социальному порядку, который, опираясь на рыночную экономику, воплощал бы дух экономически-морального гуманизма, ликвидируя при этом плановое хозяйство, автаркию и дезинтеграцию мировой экономики»¹⁷.

Значение данного текста и его место в современной истории

Уже во время Второй мировой войны Рёнке работает в Женеве над своей трилогией «Общественный кризис современности» (*Gesellschaftskrisis der Gegenwart*, 1942), «Гуманистическое общество» (*Civitas Humana*, 1944)

¹³ См.: Hennecke, 2005. S. 72, 73, 90.

¹⁴ См.: Hennecke, 2005. S. 94.

¹⁵ За исключением должности приглашенного профессора во Франкфурте в 1950 г. — *Прим. ред.*

¹⁶ См.: Peukert, 2003.

¹⁷ Hennecke, 2005. S. 117, 118.

и «Международный порядок сегодня» (*Internationale Ordnung – heute*, 1945). «Общественный кризис современности» прежде всего является социологическим и структурно-политическим диагнозом того времени, которое Рёпке характеризует как время «склеивания», обезличивания индивидов и пролетаризации. Он наблюдает «омертвляющее действие пролетарско-индустриального образа жизни и условий труда, которые не могут быть улучшены ни более высокой зарплатой, ни большими кинотеатрами»¹⁸. Понятие пролетаризации в меньшей степени характеризует материальную сторону жизни, а рабочий вопрос «рассматривается в первую очередь как вопрос личности»¹⁹. «Независимость», «большая свобода за счет более умеренных материальных притязаний» так, чтобы более скромное существование не воспринималось как деклассированное, «упрощение стиля жизни», «углубление взглядов на жизнь»²⁰ – таковы его идеалы сосуществования. Однако им противостоит действительность: разложение института семьи, запустение сельской общинной жизни, урбанизация и коммерциализация самой деревни²¹, кризис демократии и одновременный рост централизма, общий «культ гигантизма»²² и «эра тирании»²³ – это ключевые слова в его описании общественного кризиса. При этом он считает, что и социализм, стремящийся преодолеть капитализм, и тоталитаризм монопольного и субвенционного капитализма²⁴ «настолько противоположны конструктивному решению, что с их помощью мы можем отметить точку, максимально отдаленную от решения проблемы»²⁵.

Второй труд «Гуманистическое общество» в большей степени посвящен путям преодоления диагностированного общественного кризиса. Речь идет о проекте программы действий для послевоенного периода²⁶, который Рёпке обозначил как «третий путь». «Подлинный конкурентный порядок»²⁷, сильное и непредвзятое государство²⁸, устанавливающее рамочные условия рыночной экономики таким образом, чтобы «рыночная политика»²⁹ в значении либерального интервенционизма по Александру Рюстову допускала *конформное* и *неконформное*³⁰ вмешатель-

¹⁸ Röpke, 1948. S. 30.

¹⁹ Röpke, 1948. S. 358.

²⁰ См.: Röpke, 1949. S. 215.

²¹ См.: Röpke, 1948. S. 32.

²² Hahn, 1977. S. 22.

²³ Röpke, 1948. S. 34.

²⁴ См.: Röpke, 1948. S. 294.

²⁵ Röpke, 1948. S. 37.

²⁶ См.: Hennecke, 2005. S. 147.

²⁷ Röpke, 1949. S. 75.

²⁸ См.: Röpke, 1949. S. 76.

²⁹ Röpke, 1949. S. 76.

³⁰ См.: Röpke, 1949. S. 77, 78.

ство государства. Для смягчения трудностей, осложнений переходных периодов и сбоев в хозяйственной жизни Рёпке предлагает использовать адаптационные субвенции (*конформные*), в то время как поддерживающие субсидии, определяемые, как *неконформные*, он отвергает как «реакционные, опасные и иррациональные»³¹. В качестве третьей «направляющей» Рёпке рекомендует структурную политику, «которая более не воспринимает как данность социальные предпосылки рыночной экономики — такие как распределение расходов и имущества, размер предприятия, распределение населения между городом и селом, промышленностью и сельским хозяйством и между отдельными сословиями (*sic!*) — а желает изменить их в определенном направлении»³². Для подобной политики Рёпке создал определение «экономический гуманизм»³³. Смягчение сложностей и трений в пользу слабых, оказание предпочтения малым и средним предприятиям во всех отраслях экономики, «в интересах всего умеренного, самодостаточного, прозрачного/понятного и соответствующего человеческим измерениям, в пользу среднего класса, в пользу восстановления частной собственности во всех слоях населения, в пользу такой политики, которую можно обозначить ключевыми словами «депролитаризация» и «децентрализация» народного хозяйства»³⁴. При этом Швейцария заслуживает упоминания как реально существующая страна, соответствующая представлениям Рёпке: «Это наш идеал, воплощенный в самую настоящую реальность»³⁵.

Помимо этих экономико-политических мер Рёпке обращается к теме социальной политики. «Рыночная экономика — это еще далеко не все. Она занимает определенное место в здоровом и эффективном обществе, на котором она незаменима и на котором она должна быть кристально чистой и незапятнанной, однако в случае, если наряду с этим сектором не будет других: самообеспечения, государственного сектора экономики, планирования, самопожертвования и бескорыстной человечности, — непременно начнется ее разложение, и она отравит продуктами гниения другие сферы общества»³⁶. Здесь следует отметить, что Рёпке видит в «рационализме корень имевшего место в XIX веке ошибочного развития в духовной, политической и, наконец, экономической сфере»³⁷, впрочем, не отрицая связанного с ним его гуманитарного прогресса. Он не отворачивается от просвещения, он отворачивается

³¹ Röpke, 1949. S. 77.

³² Röpke, 1949. S. 79.

³³ Röpke, 1949. S. 79.

³⁴ Röpke, 1949. S. 80.

³⁵ Röpke, 1949. S. 81.

³⁶ Röpke, 1949. S. 83.

³⁷ Hahn, 1977. S. 21.

от сопутствующей вере в прогресс³⁸ надменности, убеждающей человека, что он может «пренебрегать границами природы и окружающего мира, стоит лишь все достаточно масштабно, комплексно и безупречно организовать»³⁹. Результаты религиозно-социологических рассуждений позволили ему говорить об «исключительном положении христианской цивилизации, без которой западноевропейская история пошла бы по радикально иному пути»⁴⁰. Не будучи агностиком, Рёпке рассматривает религию как «явление, несущее практическую ответственность за формирование верной ориентации в политических и моральных вопросах и за помощь в сохранении культурных традиций»⁴¹. Правоведческие изыскания в области римского права с его разграничением публичного и частного права, а также влияние немецкого права с его возможностью придать господствующим структурам «децентралистский» характер, приводят Рёпке к идее разделения феодальной децентрализации и децентрализации с помощью товариществ: «...Только эта кооперативная децентрализация на деле является “чистой прибылью” для свободы и здорового равновесия в обществе; лишь она служит полноценным противовесом государству и лишь она является фундаментом для настоящего федерализма, либерализма и демократизма»⁴².

В третьей книге трилогии — «Международный порядок» — Рёпке анализирует свои концепции в контексте международных отношений. Для диагностической оценки международных отношений он использует метафору ширмы в театре теней: «Международные отношения служат своего рода ширмой, на которую преувеличенно проецируются внутренние признаки разложения общества, отчего они становятся заметны много раньше, чем проявятся внутри нации.

Бесцеремонность, неблагородное поведение, размывание норм, беззаконие и разложение общества находят свои первые и самые легкие жертвы именно в этой сфере, и, как демонстрирует пример тоталитарных государств, окончательный крах нации удастся отсрочить на некоторое время, агрессивно перенаправив деструктивные силы вовне»⁴³. Он напоминает о — фактически и потенциально мультилатеральной⁴⁴ — мирохозяйственной системе XIX столетия. Благодаря существовавшему тогда золотому стандарту мировая экономика практически была «охватывающим весь мир платежным сообществом»⁴⁵. Идеалом мировой

³⁸ Здесь больше бы подошло выражение «иллюзорная вера в прогресс».

³⁹ Hahn, 1977. S. 21.

⁴⁰ Röpke, 1949. S. 196.

⁴¹ Hennecke, 2005. S. 108.

⁴² Röpke, 1949. S. 208, 209.

⁴³ Röpke, 1945. S. 30.

⁴⁴ См.: Röpke, 1945. S. 167.

⁴⁵ Röpke, 1945. S. 167, 168.

экономики для Рёнке представляется взаимозависимая, взаимосвязанная и мультилатеральная хозяйственная система, с международной валютной системой, минимальными экспортными и импортными ограничениями и с принципиально свободным международным оборотом мобильных факторов производства (труда⁴⁶ и капитала)⁴⁷. В этом случае форма хозяйственного порядка также играет определяющую роль для международного экономического оборота. Во многих своих публикациях Рёнке обращает внимание на преимущества золотого стандарта в качестве валютной системы. В 1948 г., после введения в обращение немецкой марки, он выступает за возвращение конвертируемости валют, при этом настаивает на введении фиксированных обменных курсов, которые при необходимости согласуются, и высказывается против гибких валютных курсов⁴⁸.

Восприятие и значение для концепции социального рыночного хозяйства и ее влияние на экономическую политику Германии

Публикация книги «Общественный кризис современности» и, возможно, в еще большей степени – «Гуманистическое общество» вызвала потрясающий⁴⁹ общественный резонанс и была принята друзьями, партнерами и коллегами Рёнке с большим энтузиазмом⁵⁰. Эти издания были дополнены рекомендациями по международной политике, опубликованными в 1945 г., которые с учетом изложенных в предисловии личных соображений о пережитом и их оценки являются полноценным финалом его экономического, общественно-политического и культурно-критического анализа⁵¹. Пожалуй, Рёнке послужил для многих в Германии ориентиром в ранние послевоенные годы⁵². Но и тех, кому все же удалось прочесть его работы, недоступные в то время в Германии, во время Второй мировой войны, это вдохновляло: «Эти работы позволяли им заглянуть в возможное будущее, где царит свободный

⁴⁶ Хотя Рёнке и выступает за малые социальные единицы и компактные структуры, несущие с собой и возможно даже требующие определенной оседлости и ощущения принадлежности к коллективу, он все же остается приверженцем возможности свободного движения (как притока, так и оттока) рабочей силы.

⁴⁷ См.: Röpke, 1945. S. 168 и сл. S.

⁴⁸ См.: Kolev, 2013. S. 174.

⁴⁹ См.: Hennecke. 2005, S. 137.

⁵⁰ См.: Hennecke. 2005, S. 139.

⁵¹ В конце мая 1945 г. вышедшей книге „*Die deutsche Frage*“ («Немецкий вопрос») Рёнке дает дифференцированную и в то же время однозначную оценку вопросу о том, как столь великая цивилизованная нация могла пойти под откос и что предстоит сделать в будущем. См.: Röpke, 1945a.

⁵² См.: Hennecke, 2005. S. 166.

и гуманистический порядок»⁵³. Вскоре Рёпке налаживает контакт с Ойкеном во Фрайбурге, и в разнообразных поездках составляет собственное представление об экономической и политической ситуации в зонах немецкой оккупации. Возобновляется связь с важными учеными и политическими деятелями. С помощью лекционных туров и опубликованных докладов, например в *NZZ*, Рёпке пытается заинтересовать своими идеями профессиональное сообщество. В августе 1948 г.⁵⁴ Рёпке лично знакомится с Людвигом Эрхардом. Эрхард, осуществивший денежную реформу, будучи министром экономики, вместе со своим заместителем Альфредом Мюллер-Армаком разрабатывает экономический порядок, обозначенный последним как социальное рыночное хозяйство⁵⁵. Эрхард и Мюллер-Армак, а также Конрад Аденауэр, первый федеральный канцлер, были поглощены трудами Рёпке. Йоахим Штарбатти считает, что концепция социального рыночного хозяйства Мюллер-Армака испытала сильное влияние идей Рёпке⁵⁶. «Рёпке становится самым влиятельным советником федерального правительства по экономической политике [...] Он превращается в идейного лидера социального рыночного хозяйства, поддерживает смелые и принципиальные политические решения Аденауэра и Эрхарда, однако при этом постоянно и настойчиво просил не сходить с пути добродетельной рыночной экономики, ориентированной на человека»⁵⁷.

Нарушение слуха и наступающая глухота, слабое здоровье, но вместе с тем и экономический успех периода «экономического чуда», которое Рёпке подвергал критике из-за акцента на материальном благосостоянии, приводят к тому, что он дистанцируется от преобразований в Германии. Его предостережения, его критическая оценка кейнсианской конъюнктурной политики и социально-политических программ, а также его дальнейшие исследования, которые продемонстрировали определенные расхождения с его собственными концепциями в 1960-х⁵⁸, с начала 1960-х годов были все меньше востребованы политиками.

В целом труд Рёпке, по мнению Пойкерта, содержит «конструктивные противоречия между его экономико-политическими и социально-политическими представлениями и его двойственной пограничной позицией между либерализмом и консерватизмом [...], которые становятся очевидными; *прим. авт.*], например, в его запросе на создание вольной и рыночной экономической конституции, одновременно с предложени-

⁵³ Starbatty, 2002. S. 1.

⁵⁴ См.: Hennecke, 2005. S. 176.

⁵⁵ См.: Hennecke, 2005. S. 137.

⁵⁶ См.: Starbatty, 2002, S. 16 и сл. S.

⁵⁷ Vogel, 2009. S. 13.

⁵⁸ См.: Oswald, 1996. S. 206, 207.

ем противоречивой политики расселения и землепользования или же одобрение свободы перемещения факторов производства наряду с призывом к оседлости и “витальной политике”⁵⁹. Освальт также обращает внимание на эволюцию противоречий в мышлении Рёпке: «он мечтал о доиндустриальном крестьянстве и одновременно вел ярко выраженную “столичную” жизнь [правда, занимался садоводством в собственном саду; *прим. авт.*], владел несколькими языками и много путешествовал»⁶⁰. Требование создания свободной мировой торговли соседствует с запросом на ренессанс крестьянского сельского хозяйства и ремесла. Исследования и оценки Рёпке остаются значимыми и – не в последнюю очередь в ходе минувших кризисов – по-прежнему подтверждают свою актуальность. Благодаря его чрезвычайно глубоким знаниям, выходящим за рамки научной компетенции, его труды остаются ценными и заслуживают прочтения. Безусловно, что-то сегодня стоило бы иначе сформулировать, а многое – по-другому оценить. Вместе с тем своим заступничеством за «малый капитализм» он предвосхищает сегодняшнюю экологическую дискуссию⁶¹ и, возможно, даже задевает за больное идеологов экономики построения.

ЛИТЕРАТУРА

- HAHN, ROLAND (1977): Wilhelm Röpke, Reihe Denker der Freiheit, Bd. 2, hrsg. v. Liberalen Institut der Friedrich-Naumann-Stiftung, Sankt Augustin.
- HEGNER, JAN (2000): Alexander Rüstow – Ordnungspolitische Konzeptionen und Einfluß auf das wirtschaftspolitische Leitbild der Nachkriegszeit in der Bundesrepublik Deutschland, Lucius und Lucius, Stuttgart.
- HENNECKE, HANS JÖRG (2005): Wilhelm Röpke. ein Leben in der Brandung, Schäffer-Poeschel, Stuttgart.
- KÖHLER, WOLFGANG (2008) Die Mission des Liberalismus, in: DIE ZEIT, 33. Ausgabe, находится в интернете по ссылке: <http://www.zeit.de/2008/33/A-Neoliberalismus/komplettansicht>
- KOLEV, STEFAN (2013): Neoliberale Staatsverständnisse im Vergleich. Marktwirtschaftliche Reformpolitik. Schriftenreihe der Aktionsgemeinschaft Soziale Marktwirtschaft, N.F. Bd. 14, Stuttgart.
- OSWALT, WALTER: Masseneigentum und Freiheit, in: Piper, Nikolaus (Hrsg.): Die grossen Ökonomen. Leben und Werk der wirtschaftswissenschaftlichen Vordenker, Stuttgart 1996. S. 202–207.

⁵⁹ Peukert, 2003.

⁶⁰ Oswald, 1996. S. 202.

⁶¹ Oswald, 1996. S. 205.

PEUKERT, HELGE: Röpke, Wilhelm, in: Neue Deutsche Biographie 21 (2003). S. 734–735; Ссылка онлайн-версии: <http://www.deutsche-biographie.de/ppn118601989.html> (дата последнего доступа 29.06.2015)

RÖPKE, WILHELM (1945): Internationale Ordnung, Erlenbach-Zürich.

RÖPKE, WILHELM (1945a): Die deutsche Frage, Erlenbach-Zürich.

RÖPKE, WILHELM (1948): Die Gesellschaftskrisis der Gegenwart, Erlenbach-Zürich, 5. Aufl.

Общественный кризис современности*

[...] Вне зависимости от того, считать ли признаки вырождения в морально-духовной сфере решающими или нет, очевидно, что они чрезвычайно важны, что они, вероятно, ведут нас к последней причине мирового кризиса, и что в отдельных странах они дают ключ к объяснению упадка. Они заслуживают первое место среди наших диагнозов, если речь идет о странах, где проявления дегенерации чисто экономического и социального толка были недостаточно яркими, чтобы стать основным объяснением краха — страны бюргеров и крестьян, страны равномерного распределения имущества и обезличивания индивида, которое зашло не так далеко, как в других странах. Действительно, некоторые из этих стран не показались бы такими прогнившими, какими они оказались впоследствии, если бы речь шла в первую очередь не о духовном, а о социально-экономическом недуге, о «*désordre mental*»⁶², как это недавно назвал Анри Массис. Кажется, что только этим можно в полной мере объяснить тот факт, что там и тут выделялся плутократический класс вождей, который был готов к внешней и внутренней капитуляции — *quanto quis servitio promptior*⁶³ (Тацит, *Анналы* I, 2).

Теперь же ситуация в целом такова, что и кризис западного общества, и его причины всеобъемлющи и обширны. Следовательно, указание на морально-духовный кризис не только является недостаточным объяснением, которое должно быть дополнено анализом *социологических признаков упадка*, более того, оба фактора составляют единое целое и взаимодействуют друг с другом. Это также нужно принять во внимание теперь, когда мы обратим наш взор на социологическую (т.е. политико-социально-экономическую) картину заболевания.

* В данной публикации приводится фрагмент работы Вильгельма Рёпке «Общественный кризис современности». Перевод осуществлен по изданию: *Röpke, Wilhelm* (1948): *Die Gesellschaftskrisis der Gegenwart*, 5. Aufl. Eugen Rentsch Verlag, Erlenbach-Zürich. S. 22–37, 294–368.

⁶² духовный беспорядок (фр.). — *Прим. пер.*

⁶³ чем более они были готовы к кабале (лат.). — *Прим. пер.*

Прогрессирующая болезнь, поражавшая общество западных стран на протяжении более ста лет, характеризуется разрушающим общественную структуру процессом «дробления» и «склеивания», который принято называть «обезличиванием индивида», процессом, понимание которого — конечно, требующее еще многих поправок — предложил широкой общественности Ортега-и-Гассет в своей книге «Восстание масс». Здоровое и крепко стоящее на ногах общество имеет настоящую «структуру» с множеством промежуточных ступеней; оно демонстрирует неизбежно «иерархическую» (т.е. разделенную по общественным функциям, обязанностям и лидерским качествам) конструкцию, в которой каждый счастлив тем, что знает свое место. В то время как подобное общество опиралось на сплывающую функцию настоящих, преисполненных человеческим участием общностей (соседей, семьи, общины, церкви, профессии), общество последних ста лет все больше отдалялось от этого идеала и превращалось в толпу абстрактных индивидов, которые как люди одиноки и изолированы, а как носители общественных функций спрессованы, подобно термитам. Жильцы большого многоквартирного дома не знают друг друга и, возможно, впервые познакомятся в бомбоубежище, зато, с другой стороны, они составляют совокупность всех собратьев, состоящих в теснейших анонимных отношениях внешнего и механического типа, как покупатели и продавцы, как теснящие друг друга части толпы, как избиратели, как радиослушатели и зрители в кино, которые получают акустические и оптические впечатления вместе с миллионами таких же, как они, как налогоплательщики, как получатели пенсий и пособий, как члены больничных касс или какого-нибудь центрального объединения. На место истинной интеграции, которая происходит благодаря настоящему единству, которое требует связующей близости, естественности первоисточков и тепла близких человеческих отношений, пришла *псевдоинтеграция*, осуществляемая через рынок, конкуренцию, централизованную организацию, притеснение и уплотнение, с помощью бюллетеней для голосования, полиции, закона, массового обеспечения, культмассовых мероприятий, массовых эмоций и массового образования, псевдоинтеграция, которая в коллективистских государствах переживает особенно сильный подъем. Чем сильнее насильственное сплывание и взаимозависимость индивидов, тем выше их внутренняя изоляция и одиночество, чем сильнее общество размывается в горы индивидов-песчинок, тем сильнее их концентрация и сращивание в неразделенные, неструктурированные и аморфные образования, которые дают плодородную почву для массовых инстинктов и массовых эмоций и придают сегодняшнему обществу опьяненно-истеричную нестабильность.

Наконец, псевдоинтеграция масс параллельно сопровождается псевдоуководством, когда государство, культура и общество подчинены

людям, которым не хватает легитимации для истинного духовного лидерства, поскольку они нисколько не дистанцированы от обезличенного массового общества, своим опытом и чувственной реакцией полностью принадлежат к нему, и оказались лидерами лишь благодаря виртуозной интерпретации и манипулированию этой реакцией. С их помощью массовый человек — *homo insipiens gregarius*⁶⁴ — получает бразды правления, Ортега-и-Гассет живо описал этого массового человека с заурядным образованием, безосновательно надменного и навязчивого всезнайку, не имеющего собственного мнения и с духовно-нравственной точки зрения ведущего стадное существование. Сто лет искаженного понимания демократизации образования и доминирующей культуры разума в сочетании с разрушением иерархической структуры общества создали продукт, особенности которого сводятся к *нехватке почтения*, которое — в понимании, предлагаемом нам в сильнейшем отрывке из «Годов странствований Вильгельма Мейстера» (Книга II, часть I) — является основным фундаментом любой культуры.

[...] Каковы же *социологические обстоятельства*, которые благоприятствуют обезличиванию индивида?

Возможно, будет проще разобраться, если разделить социологические факторы, способствующие обезличиванию индивида — о духовно-нравственных факторах речь уже не идет — на три группы: демографические, технологические и политико-социально-институциональные. Разберемся, что это значит, и начнем с демографической компоненты, которая менее всего нуждается в объяснении.

[...] Речь идет об аспекте демографической проблемы, который важнее, чем все то, о чем в этом споре говорят экономисты, статистики и социал-гигиенисты: наводнение Запада несчетными новыми миллионами привело к экономическому, социальному и культурному напряжению, которому вряд ли смогло бы противостоять какое-либо общество, не утратив своей структуры и не выродившись в массовое общество. Приток был колоссальным и произошел слишком внезапно, чтобы ассимилироваться, не прервав преемственности и не разрушив социокультурных традиций. Сегодня мы убедились не на одном примере, что народ может породить варварское иго у себя же дома:

Ужасающее, неисчислимо количество

Эхсил, Персы

Беспрецедентный людской поток последнего столетия также навязал бы человечеству — если бы над этим не потрудились другие силы — тот

⁶⁴ человек неразумный стадный (лат.). — Прим. пер.

колоссальный и зарегулированный аппарат массового обеспечения, оргию техники и организации, тяжелую промышленность, до предела развитое разделение труда, раздутые мегаполисы и промышленные зоны, скорость и нестабильность экономической жизни, лишенный традиций материалистически-рационалистический образ жизни, массовое производство, массовый досуг, централизацию, организацию, всеобъемлющую взаимозависимость, перегруженность, бесконечную переброску товаров и людей с места на место, размывание всего стабильного и укоренившегося, подчинение всего земного шара одной механистически-позитивистской цивилизации.

Ныне под влиянием всех этих обстоятельств относительно большая часть населения была вовлечена в процесс, который можно назвать *пролетаризацией* — в самом широком понимании этого определения, и в результате оказалась в социологическом и антропологическом положении, которое характеризуется социально-экономической зависимостью, оторванностью от почвы, ограниченностью передвижений, отдалением от природы и лишением труда наполненности и смысла. Здесь мы имеем дело с процессом, в котором демографическая компонента — совместно с *технологической и институционально-социально-политической* — в полной мере оказала свое губительное воздействие. Не только увеличение населения само по себе, но и по меньшей мере в той же степени — современная машинная техника, способ ее применения, формы организации промышленного предприятия, которым недальновидно отдали предпочтение, и, наконец, определенные социально-политические меры государства ответственны за то, что пролетаризация стала обреченностью, которая сильнее, чем что бы то ни было, угрожает нашему обществу и обрекает миллионы на существование, в котором они не могут реализовать себя ни как личности, ни как граждане.

[...] Что в гораздо большей степени характеризует пролетаризацию, так это ее духовно-жизненная сторона: омертвляющее действие пролетарско-индустриального образа жизни и условий труда, которые не могут быть улучшены ни более высокой зарплатой, ни большими кинотеатрами; зависимость и неопределенность, связанные с отсутствием собственности и устойчивого дохода; милитаризация труда, анонимного, рабского, выполняемого под угрозой невидимого кнута машин-гигантов, подчиненного постоянной дисциплине как часть единого подавляющего целого, и оттого теряющего свой смысл и достоинство; отчуждающаяся от природы и органической общности форма существования, не соответствующая/не адекватная задаткам человека и лишаящая его естественного и социального включения, в которых он нуждается. Одним словом, речь идет о в высшей степени неудовлетворительной форме жизни, труда и расселения, распространившейся в таких

масштабах, как никогда прежде, и все сильнее оставляющей свою печать на нашей цивилизации.

Пролетаризация не обязательно проявляет все перечисленные признаки; она наступает постепенно и в разной степени поражает отдельные группы населения в разных странах, удивительным образом щадя некоторые из них. Однако необходимо считать, что страна имеет высокий уровень пролетаризации, если крупное производство и концентрация собственности привели к тому, что значительная часть населения превратилась в несамостоятельных, урбанизированных и интегрированных в производственно-коммерческую иерархию получателей зарплаты и жалования, и таким образом наступило социально-экономическое обезличивание индивида, которое нам уже знакомо. И нельзя забывать, что уничтожение любого вида самостоятельной экономической деятельности ускоряет этот процесс, и что все вариации социализма есть лишь высшая форма пролетаризации, что социализм произрастает из этого процесса и вместе с тем продолжает его дело до самого конца. Это утверждение настолько справедливо, что социализм с тем же успехом можно называть пролетаризмом, и это название даже более удачно, поскольку демонстрирует, в какой степени социализм по сути является лишь крайним проявлением тех процессов, которые уже широко распространились в выродившемся капитализме.

В общую картину обезличивания индивида, пролетаризации, механизации и централизации следует включить те детали, которые хорошо известны всем и которые всякий раз напоминают нам о масштабах заболевания, причем не всегда удается с точностью сказать, являются ли они причиной, следствием или лишь симптомами. В первую очередь патологическому процессу сопутствует *разрушение института семьи*, которое особенно отчетливо доказывает, насколько сильно он поражает элементарные основы здорового человечества и слаженного общества.

[...]Едва ли менее печальное впечатление производит другая сторона обезличивания индивида и пролетаризации: *упадок сельской общественной жизни и гибель деревень*, уступающих городам, урбанизации и коммерциализации сельской местности. Происходящее здесь – сокращение прослойки духовных лидеров деревни и потеря ими влияния, разрушение деревенских форм общественной жизни, превращение сельской местности в пригород в экономическом и культурном отношении, прогрессирующее уничтожение самобытной культурной жизни села и многое другое – не ускользает ни от кого, кто внимательно следит за развитием событий в некоторых странах. [...]

Тот факт, что объединение духовного, морального и социологического кризиса привело к возникновению чрезвычайно тяжелого кризиса западноевропейской *государственной системы*, настолько очевиден, что

об этом достаточно сказать вкратце. С одной стороны, со времен окончания последней мировой войны в демократических странах на протяжении более чем одного поколения во все большей степени наблюдаются проявления разложения и распада, известные как кризис демократии, а с другой стороны, со времен русской революции 1917 года получила распространение новая форма правления, которую называют коллективистской и которая накладывает столь сильный отпечаток на наше время, что уже заставляет говорить об «эре тирании».

Кризис демократии: догматическое непонимание условий, которые необходимы для либерально-демократического принципа, обезличивание индивида, бесцеремонность толп заинтересованных, фанатизм меньшинств, сопутствующее обезличиванию индивида снижение общего уровня, «плебейзация», слабеющее понимание предпосылок хорошо слаженного демократического государственного устройства и необходимых для этого жертв, разлагающее воздействие как кризиса экономической системы, так и интервенционистской плановой экономической политики, — все эти и некоторые другие аспекты привели к растущим проблемам в функционировании демократического устройства, к исчезновению авторитета, беспристрастности и единства государства и к ослаблению государственной воли, что в некоторых хорошо известных случаях и ситуациях вызвало настоящий паралич воли во внутренних и внешних вопросах, а также открыло путь разрушительным силам. В то же время растущий централизм и бюрократизм механизировали государственное устройство за счет органичной вертикальной структуры, основанной на федерализме или общественном самоуправлении, и тем самым повторили тот же уравнилельный процесс обезличивания индивида, характеризующий общество в целом, в узкой сфере законодательства и управления.

Предостережение о том, что такая внушающая беспокойство и революционная форма власти, как *коллективистское государство*, по существу происходит из кризиса демократии, но кроме того — из общего духовного и социологического кризиса, сегодня может рассчитывать на понимание.

[...] Наконец, что касается причин, симптомов и последствий общего кризиса в области экономической системы европейско-американского мира, обычно именуемой «капитализм», то и здесь мы будем немногословны, — не столько потому, что все представления в этой сфере уже сформированы, сколько потому, что речь об этом особенно подробно пойдет в последующих главах. [...]

Восстание против западноевропейской экономической системы привело к *антикапитализму* в его разнообразных, классифицируемых по степени радикализма формах, к *социализму* и *коллективизму*, подоб-

но тому, как кризис демократии вылился в тоталитаризм. Так же как последний, нисколько не приближаясь к преодолению кризиса демократии, доводит болезнь государственной системы до крайности, так и социализм как проявление антикапиталистического массового бунта является не чем иным, как опасной реакцией, которая всегда идет до конца в своем ложном пути развития, но не является спасением, за которое она себя выдает. Сопоставление тоталитаризма и социализма — это больше, чем просто сравнение, скорее обе тенденции состоят в такой тесной связи, что они, в конечном счете, представляют собой единое целое, и это может быть обстоятельно доказано. Оба — один в культурно-политической, другой в социально-экономической сфере — являются завершением глобального кризиса общества; оба они настолько противоположны конструктивному решению, что с их помощью мы можем отметить точку, максимально отдаленную от решения проблемы.

На самом деле, мы выносим приговор социализму не потому, что так рады бросить ему вызов, и еще меньше из-за недостатка симпатии к мотивам многих социалистов или непонимания исторических обстоятельств, которые направили волнение масс против ложного развития нашей экономической системы в направлении социализма. Следует также добавить, что выносить такой приговор имеют право только те, кто не только не оправдывает ложные пути развития, но и приходит к выводу о необходимости активного и разумного противодействия им, которое, будучи крайне антисоциалистическим, должно быть при этом по меньшей мере столь же радикальным, как социалистическое. Разумеется, мы также считаем ниже своего достоинства даже отвечать тем, кто реагирует на наше понимание, очерняя наши же мотивы непорядочными подозрениями.

Гуманистическое общество*

[...]

Начнем с бескомпромиссного суждения о том, что тот, кто не любит коллективизм, должен любить рыночную экономику. А рыночная экономика — это свобода рынка, свободно устанавливаемые цены и эластичные издержки, это способность производителя адаптироваться, проявлять гибкость и подчиняться власти спроса. Это контрастная противоположность монополии и концентрации, а также той анархии групп интересов, которые множатся во всех странах, как женихи Пенелопы.

* В данной публикации приводится фрагмент работы Вильгельма Рёпке «Гуманистическое общество». Перевод осуществлен по изданию: Röpke, Wilhelm (1949): *Civitas Humana*, 3. Aufl. Eugen Rentsch Verlag, Erlenbach-Zürich. S. 74–83, 194–229, 254–283.

Рыночная экономика предполагает, что вместо отвергнутого принципа коллективизма избирается единственный регулирующий принцип, который имеется в нашем распоряжении для сильно дифференцированного и высокотехнологичного общества; однако для того, чтобы действительно обеспечивать регулирование хозяйственного процесса, он должен быть подлинным и не искаженным монополиями. Только в этом случае он одновременно станет «принципом результативности/производительности/продуктивности»⁶⁵ и, таким образом, принципом, который в полной мере соответствует нашему пониманию справедливости.

[...]

Прежде всего, необходимо напомнить, что «капитализм» есть не что иное, как та загрязненная и испорченная форма, которую обрела рыночная экономика за последние сто лет экономической истории. Подлинная рыночная экономика и конкурентный порядок — это то, чем «капитализм» не был никогда, по крайней мере, уж точно не в последние 50 лет, и эта ситуация все более и более тревожна. Уже только с этой точки зрения наша программа является «антикапиталистической», что очень хорошо понимают и приверженцы статуса-кво. Поэтому наш первый ориентир — подлинный конкурентный порядок — носит несколько не консервативный, а абсолютно революционный характер. Его суть — *антимонопольная политика* в ее истинном и радикальном виде, которая не допускает деятельности монополий, лишь осуществляя надзор, а стремится упразднить их.

Однако с той же решимостью, с какой мы отмежевались от монопольного и мега-капитализма, мы отказываемся и от принципа *laissez-faire* (невмешательства), и, таким образом, мы подходим к нашему *второму* ориентиру. Жизнеспособная и эффективная рыночная экономика возникает не оттого, что мы намеренно бездействуем. Напротив, она является искусным творением и артефактом цивилизации, который в том схож с политической демократией, что столь же сложно устроен и выдвигает множество условий, выполнение которых требует от нас напряженных усилий. Из этого складывается обширная программа вполне *позитивной экономической политики* с внушительным списком задач. Их можно разделить на две основные группы.

Первая группа состоит из мер и институтов, которые обеспечивают конкуренцию рамками, правилами игры и аппаратом беспристрастного контроля за соблюдением этих правил, в которых конкуренция нуждается, как любое соревнование, чтобы не превратиться в беспорядочную потасовку. Настоящий, справедливый, честный и хорошо функционирующий конкурентный порядок на деле не может существовать без хо-

⁶⁵ Принцип оплаты труда в соответствии с его количеством и качеством. — *Прим. ред.*

рошо продуманных морально-юридических рамок и без постоянного контроля над условиями, при которых конкуренция становится настоящей добросовестной конкуренцией. Предпосылкой этому являются зрелые экономические позиции всех ответственных лиц, а также сильное беспристрастное государство — сильное, а не суетливое, согласно столь меткому высказыванию Бенжамена Констана: «Pour moi, je doute que l'homme puisse jamais supporter à la fois une complete independence religieuse et une entière liberté politique; et je suis porté à penser que s'il n'a pas de foi, il faut qu'il serve, et s'il est libre, qu'il croie»⁶⁶ (De la démocratie en Amérique, 13. ed., Paris 1850, II, P. 22).

Если эта группа мер нацелена на создание *рамок* рыночной экономики, то возникает и другая группа, в случае, если мы допускаем — вновь, в противоположность философии невмешательства, — что *функционирование* рыночной экономики, имеющей четкие правила и подвергающейся контролю, нуждается в тщательно дозированном и взвешенном вмешательстве государства. Если первая группа мер — назовем ее *рамочной политикой* — предоставляет рыночной экономике свободу действий в данных рамках, то вторая группа по-настоящему вмешивается в саму свободу рынка, ввиду чего мы называем ее *политикой рынка*. Итак, мы придерживаемся убежденности, что отрицание необходимости определенного государственного вмешательства в рамках рыночной экономики — это всего лишь еще один пример критикуемого мною впадения в крайность и бескомпромиссность. Разумеется, в этом вопросе необходимо быть бдительным, дабы не предать принципы рыночной экономики и не дать свободу беспринципной политике интервенционизма, которая, в конце концов, приводит на скользкий путь коллективизма. Необходимы определенные принципы, чтобы выделить такой интервенционизм, который можно было бы назвать *либеральным интервенционизмом* (по А. Рюстову), и таким образом получить основные тезисы рациональной хозяйственной политики, на которых могла бы зиждиться практическая работа государственных деятелей, не желающих руководить вслепую.

В свою очередь, существует два основных принципа, на которые ориентирован такой либеральный интервенционизм. Оба эти принципа известны прочитавшим мою книгу «Общественный кризис современности». Первый из них мы получаем, разделяя *вмешательства защитного* и *адаптационного* характера, причем первые мы отвергаем как реакционные, опасные и иррациональные, а последние поддерживаем, чтобы смягчить жесткость и трения переходного этапа, а также сбой в экономической жизни. Подобные интервенции помогают слабым группам

⁶⁶ Лично я сомневаюсь в том, что человек смог бы вынести абсолютную религиозную и политическую независимость, и поэтому я считаю, что если человек не верит, то он должен служить, а если он наслаждается свободой, то он должен быть верующим (фр.).

в их борьбе за выживание таким образом, чтобы это в равной мере соответствовало как сути рыночной экономики, так и простым принципам здравого смысла и гуманности. Мы должны быть еще доходчивее, чтобы не оставить повода для сомнений в том, что существуют определенные области экономической жизни, такие как сельское хозяйство, ремесленное производство и мелкий промысел, а также определенный круг рабочих и служащих, которые следует рассматривать в качестве особо слабых и незащищенных и которые заслуживают такого рода помощи.

Второй ключевой принцип либерального интервенционизма происходит от необходимости разграничения конформных и неконформных вмешательств; такое разделение ныне считается общеизвестным, однако на деле понимают это далеко не все, особенно дилетанты в экономической науке. Речь идет о том, чтобы возвести прочную защиту против такого государственного вмешательства, которое нельзя допускать ни при каких обстоятельствах, если мы не хотим скатиться к коллективизму. При любой государственной интервенции необходимо четко отдавать себе отчет, соответствует ли она принципам рыночной экономики и сможет ли она быть принята системой или нет. Мы должны быть в этом так же уверены, как в том, что в состоянии различить метиловый и этиловый спирт, если собрались выпить. Разграничение конформного и неконформного государственного вмешательства в экономику служит именно такой необходимой гигиенической цели, и мне трудно себе представить, по какой причине можно было бы превратно истолковать или раскритиковать это очень простое уточнение, тем более что во всех мне известных случаях одно можно отделить от другого с высокой степенью точности. Само собой разумеется, что допустимости государственного вмешательства еще недостаточно для того, чтобы рекомендовать его применение, так же как и понимание разницы между метиловым и этиловым спиртом не является рекомендацией к пьянству. Конформность является необходимым, однако не достаточным условием для осуществления вмешательства; она указывает на целесообразный инструмент, но не на саму цель.

Необходимость разграничения, о котором идет речь, всего лишь означает, что *если уж* мы решились предпринять подобное вмешательство, то конформное имеет приоритет перед неконформным, коль скоро мы не хотим, чтобы интервенционизм превратился в коллективизм. Однако то, будет ли применяться вмешательство и какую форму будет иметь допустимое государственное вмешательство в каждом конкретном случае, зависит от других факторов. Из этого одновременно следует очевидный вывод, что есть допустимые вмешательства — например, протекционистская политика, — которые можно оценить, как крайне пагубные для экономики, однако здесь необходимо оговориться, что еще более губи-

тельно было бы достигнуть той же степени изоляции с помощью неконформных методов экономической политики — например, посредством валютного контроля или ограничения импорта. Дальнейшие последствия для экономической политики, вытекающие из всех этих рассуждений и разграничения различных явлений, — особенно для конъюнктурной или внешнеторговой политики — встретятся нам позже по ходу повествования.

Таков второй основной пункт нашей программы, который указывает позитивной экономической политике направление и определяет ее противоположность принципу *laissez-faire*. Прежде чем обратиться к следующему ключевому пункту, будет нелишним схематично обобщить результаты наших несколько запутанных размышлений о втором пункте. Итак:

Позитивная экономическая политика:

1. Рамочная политика.
2. Рыночная политика (либеральный интервенционизм):
 - а) интервенции адаптационного характера против интервенций защитного характера;
 - б) конформные вмешательства против неконформных вмешательств.

А теперь мы вбиваем третью опору, *третий* ориентир, который уже заметно отдаляет нас от экономической политики в узком и традиционном смысле. Обратимся к политике, которую можно назвать *структурной*, поскольку она более не принимает *социальные предпосылки* рыночной экономики как данность, а намеренно трансформирует их — распределение доходов и имущества, размер предприятий, соотношение городского и сельского населения, населения в индустриальных и сельскохозяйственных центрах, а также соотношение между отдельными классами. Если мы выделяем этой политике важное, пожалуй, первостепенное место в нашей программе, то можно признать, что выражение «экономический гуманизм» стало бы неплохим названием для наших усилий. Не стоит, однако, забывать, что эта политика тесно связана с обоими упомянутыми выше ориентирами. Поскольку во имя подлинной рыночной экономики мы выступили против монополизма, концентрации и «колоссального капитализма», а во имя экономической политики, строящейся на принципах здравого смысла и человечности высказались за смягчение трудностей и противоречий в интересах слабых, — тем самым мы уже сделали свой выбор в пользу малых и средних предприятий во всех отраслях экономики, в пользу умеренного, самодостаточного, предсказуемого и соответствующего человеческим измерениям, в пользу среднего класса, в пользу восстановления собственности

самых широких слоев населения, в пользу политики, которую кратко можно определить как политику депролитаризации и децентрализации народного хозяйства и которой нам еще предстоит много заниматься. Придерживаясь такой программы, мы присоединяемся к движению, охватившему сегодня весь цивилизованный мир; оно проявляется в реформаторских идеях чанкайшистов в Китае, выливается в сопротивление — как в уже упомянутом послании Рузвельта или в характерных демонстрациях в столь отличающихся друг от друга странах, как Англия и Венгрия (пока последняя не была поглощена сперва одним, а потом другим видом коллективизма).

Речь идет о движении, которое, без сомнения, отвечает стремлениям людей всех стран. Но, безусловно, сложно найти другую такую страну, где бы оно могло столь уверенно опереться на уже имеющиеся (хотя наверняка уже находящиеся под угрозой или требующие усовершенствования) обстоятельства, как в Швейцарии. Чтобы обосновать это, мне достаточно привести результаты кросс-секционного социологического исследования одной промышленно активной швейцарской деревни, где я провел несколько летних дней в превосходной пятисотлетней гостинице. Эта деревня с населением 3000 человек, лежащая в округе Берн-Миттельланд, помимо крестьянских дворов вмещает следующие мелкие промышленные предприятия, ремесленные производства и специальности: скрытый в сельской местности машиностроительный завод на 100 рабочих, широко известный благодаря производству специализированной сельскохозяйственной техники, льноткацкая фабрика и фабрика по белиeniu льна, современная типография, пивоваренный завод, фабрика по производству стульев, завод по производству фруктовых соков, завод горячего цинкования, фабрика по производству льняной пряжи и полуфабриката, сыроварня, товарная мельница, мебельная фабрика, фирма, занимающаяся экспортом сыра, лесоторговая база и лесопилка, фабрика по производству цикория, слесарная мастерская, садоводческие предприятия, предприятия, предоставляющие услуги каменщиков, одна канатная мастерская и ряд очевидно процветающих ремесленных предприятий (столяры, трубочисты, бондари, корзинщики, шорники, маляры и штукатуры, жестянщики, парикмахеры, электротехники, портные, сапожники, кровельщики, пекари, мясники, гончары, часовщики и садовники). О культурном уровне этого маленького поселения можно судить по большому, оформленному на самый взыскательный вкус, книжному магазину, магазину музыкальных инструментов и повышенной народной школе⁶⁷. Добавлю, что здесь все сияет чистотой и изысканностью, что почти все люди здесь живут в домах, которым

⁶⁷ В Швейцарии — средняя школа, следующая после начальной, 7–9 классы. — Прим. ред.

можно только позавидовать, что каждый сад ухожен с любовью и знанием дела, что старинный облик деревни тщательно оберегается, а сама она, увенчанная старинным замком, располагается в живописной местности; так я описал людское поселение, лучше которого трудно и придумать. Это — наш идеал, воплощенный в самую настоящую реальность.

Таков третий ориентир нашей программы. Однако этих трех положений недостаточно. Напротив, мы лишь сейчас приступаем к воздвижению важнейшей опоры, или, по крайней мере, той, которая наконец придаст нашему проекту окончательную форму. Нам нужно прояснить следующее: несмотря на все упомянутые нами выше экономические реформы, пусть и далеко идущие, по существу мы продолжаем оставаться в узкой сфере экономической политики, хотя последний из упомянутых пунктов программы, посвященный экономической и социальной децентрализации, уже позволит нам в существенной степени переступить через эти рамки. До сих пор мы рассуждали, главным образом, как экономисты; теперь же нам необходимо мыслить, как социологам и социальным философам. До сих пор мы занимались по большей части экономической политикой: теперь же нам следует заняться социальной политикой. Это настолько непривычный и, как кажется, смелый шаг, что мне кажется вполне естественным, что даже некоторым коллегам окажется сложно последовать за нами. Однако нельзя отчаиваться и оставлять все новых и новых попыток убедить их.

Кардинальная ошибка старого либерального, «капиталистического» мышления и подхода как раз заключалась в том, чтобы рассматривать рыночную экономику как самодостаточный и изолированный процесс. Не учитывался тот факт, что рыночная экономика составляет лишь узкий сегмент общественной жизни, который окружен и охвачен другим пространством: внешней сферой, в которой люди являются не конкурентами, производителями, предпринимателями, потребителями, членами профсоюзов, акционерами, вкладчиками и инвесторами, а просто людьми, которые живут не хлебом единым, это — члены семей, соседи, прихожане своих церквей, коллеги, граждане в своих общинах и существа из крови и плоти с их непреходящими человеческими суждениями и представлениями о справедливости, чести, отзывчивости, здравом смысле, мире, профессиональном труде, красоте и единстве с природой. Рыночная экономика — это всего лишь определенная и, как мы убедились, совершенно необходимая структура/система в рамках очень узкой сферы, в которой она абсолютно по праву занимает свое место; предоставленная сама себе, она будет опасной и непрочной, поскольку низведет человеческую жизнь к совершенно противоестественному существованию, которое они рано или поздно отринут вместе со ставшей им ненавистной рыночной экономикой. Итак, рыночная эконо-

мика нуждается в четких рамках, которые для краткости назовем здесь *социально-антропологическими*. Если эти рамки рушатся, то и существование рыночной экономики более не представляется возможным. Другими словами: рыночная экономика — это еще не все. В здоровом и эффективном обществе она занимает определенное место, на котором она незаменима, и здесь она должна быть подлинной и неискаженной, однако она стала бы разлагаться и отравлять продуктами распада все другие сферы общества, если бы этот сектор не дополнялся другими: сферой самообеспечения, государственной экономики, планирования, увлеченности и простой неподдельной человечности.

Индивидуальный принцип, лежащий в основе рыночной экономики, должен уравниваться социальным и гуманитарным принципом, раз уж они сосуществуют в нашем современном обществе, и при этом есть необходимость устранять смертельную опасность обезличивания индивида и пролетаризации. Оба принципа взаимообусловлены, и это необходимо понять. Многие видят в этом противоречие, хотя на деле речь идет о процессе внутреннего взаимодополнения: мы связываем защиту рыночных принципов и трезвое экономическое мышление с восхвалением крестьянства и ремесла.

[...]

Религиозные убеждения, разумеется, только тогда являются противовесом коллективизма, требующего подчинения, и опорой свободы, когда они не приводят к господству церкви и стандартизации мышления и когда они не коренятся в государственной религии и, таким образом, сами не становятся инструментом подчинения и конформизма. Чтобы избежать и того и другого, необходимо создать условия, которые бы вывели нас за рамки простых представлений Констанана и Токвиля: необходимо позаботиться о том, чтобы религиозные убеждения не утратили своей самобытности под давлением духовного деспотизма, иначе государственный конформизм лишь сменится теократическим. И конечно, религиозные убеждения совершенно непригодны для того, чтобы стать противовесом государству, если речь идет не об универсальной религии, независимой от государства.

На самом деле великий итальянский социолог Гаэтано Моска (продолживший собственным оригинальным образом линию либеральной мысли, которой следовали Локк и Монтескье, а также Вильгельм фон Гумбольдт, Констанан, Ройе-Коллар, Токвиль и Милль, и вместе со своими современниками Бенедетто Кроче и Гульельмо Ферреро создал знаменитый триумvirат итальянского либерализма) выдвинул тезис о том, что *разделение светской и духовной власти*, а также светско-антиметафизический и, следовательно, открытый для рациональной дискуссии характер государства являются основной предпосылкой для достижения

баланса общественных сил, что уже обеспечивает «правовую защиту» индивида от коллективизма. Справедливость этого утверждения особенно ясно подтверждается судьбами цивилизаций, которые эволюционировали от религиозной толерантности и подчеркнутой светскости государства к подавляющей всякое свободное проявление индивидуальности теологизации государства: судьбой индийской цивилизации, которая вслед за первоначальным расцветом прекратила свое развитие столь ужасным образом, после того как в стране победоносно утвердился брахманизм; или историей мусульманской цивилизации, загадочное окаменение которой после блистательных первых шагов арабской культуры нельзя понять, если не учитывать, что на смену относительно либеральным арабским государствам пришел неистовый и нетолерантный цезаропапизм султанов, примерно в то же время, когда в христианском Западе начался обратный процесс. Позднее также стало понятно, что плодотворный гений Руссо никогда так сильно не заблуждался и не проповедовал худшую форму деспотии во имя народного суверенитета, как на страницах своего «Общественного договора» (гл. 8), где он оплакивает отделение «теологической системы» от «политической системы» и, живо рукоплещая Гоббсу, требует их слияния во имя государственного единства и «гражданской религии», жесткие требования которой оправдывают ссылки и смертные приговоры.

Исторические примеры объединения политической и теологической систем иллюстрируют ныне *исключительность положения христианской цивилизации*, без которой западноевропейская история получила бы совершенно иное развитие. Здесь не дошло до прочного и продолжительного слияния не только потому, что Библия, в отличие от Корана, к счастью, содержит лишь немногие политические максимы, напрямую применимые на практике (на что обращал внимание Моска), и не только потому, что celibат католической церкви предотвратил возникновение класса потомственных священников, но прежде всего благодаря соперничеству западной церкви и светской власти, что отличало ее от восточной церкви, которая, сросшись со светской властью, как в Византии, так и в России, превратилась в закосневшую светско-религиозную деспотию.

[...]

Несомненно, четкое разделение между публичным и частным правом, чуждое германскому праву, а вместе с тем и признание права личности, противопоставляемое государству, возникло, прежде всего, благодаря римскому праву; с другой стороны, строго организованная формальная структура римского права легко становилась инструментом для достижения целей централизованного абсолютизма. Не содержит ли в себе римское право и вся объемлющая его латинская культура помимо

цезаристских элементов также все мощное наследие древнеримского понимания права и стойко-христианского естественного права с его четким осуждением неограниченной власти государства и признанием тех надгосударственных прав личности, окончательное обозначение которых в качестве прав человека или гражданских прав объединяет в себе все эти направления с другим течением германско-протестантского развития? И все те, кто по этой причине поносит римское право, должно быть, знают, почему они это делают?

Правда в том, что не только все дороги ведут в Рим, но многие из них берут в Риме свое начало: дорога холодного как мрамор догматизма, централизма и абсолютизма, а также путь других, куда более гуманных и просветительских идей. Возможно, этот свет разума не стоило недооценивать тем народам, которые в силу своей духовной, социальной и историко-правовой традиции — назовем ее германской — в первую очередь защищены от ошибок латинских народов — бесконтрольного рационализма, однако, с другой стороны, подвержены опасности избегать принципиальных и абстрактных вопросов и видеть в этом благо, тем самым впадая в полную противоположность догматическому «латинскому» мышлению. Тот, кто неустанно подчеркивает ложность пути рационализма, не останется непонятым, если предостережет и от противоположной крайности и будет настаивать на совершенствовании воззрений. Необходимость этого особенно высока у тех, кто по своему происхождению относится к германскому протестантизму и презирает любое самолюбование.

Мы должны стремиться к такому же совершенствованию взглядов, когда речь идет о влиянии феодализма, существовавшего в областях германского господства. Этот *германский феодализм* относится к числу тех неоднозначных вещей, по поводу которых можно достичь взаимопонимания только в том случае, если существует осознание самого факта их неоднозначности. Легко может возникнуть путаница, связанная с тем обстоятельством, что феодализм, с одной стороны, может означать насилие, господство и эксплуатацию и, в этом отношении, являться формой неизбывного для человечества «возобладания» захватчиков над поработенными, с другой стороны, однако, он может быть связан с децентрализацией военного устава, управления и политической власти и, таким образом, представлять собой организационную форму, ограничивающую государство; будучи более примитивной, она вступает в конкуренцию с бюрократически-централистской формой, и последняя рано или поздно обычно побеждает ее.

Неоднозначность феодализма обусловлена тем, что он представляет собой *властную децентрализацию*, так что акцент может быть сделан и на его «властности», и на его децентрализованном характере, и он получает то отрицательный, то положительный оттенок.

[...]

Феодализм является нам в этом тусклом свете, если мы делаем акцент на его «властном» характере. Если же мы делаем акцент на его децентрализующем воздействии, то возникает большой соблазн спутать его с нефеодальной децентрализацией в форме товарищества, которую можно наблюдать в общинах, швейцарских региональных товариществах, в водохозяйственных союзах на маршах Северного моря, в альмендах и других сельскохозяйственных и лесохозяйственных крестьянских товариществах⁶⁸, в корпоративном самоуправлении городских ремесленников, в университетах и монастырях.

[...]

Невозможно достичь понимания истории *экстрафеодального пространства Европы*, подходя к вопросу недифференцированно и не проводя строгого различия между феодальной децентрализацией и децентрализацией в рамках товарищества. Лишь эта вторая форма представляется по-настоящему полезной для свободы и здорового равновесия в обществе; лишь она выступает в качестве полноценного противовеса государству, и лишь она является основой истинного федерализма, либерализма и демократизма.

Конечно, необходимо добавить, что не всегда легко провести границу между феодальной децентрализацией и децентрализацией товарищества и что довольно часто одна форма превращается в другую.

[...]

Этот класс основала *«famille-souches»*⁶⁹, чье значение для общественного равновесия прежде всего представил в правильном свете французский социолог Ле Пле, *коренная семья*, в основе которой лежит наследование профессии и семейной собственности, которая придает структуре общества прочность и долговечность, которая создает противовес обезличиванию индивида, потере традиций и коллективизации, и чье неосценимое значение сегодня осознается тем сильнее, чем стремительнее она исчезает. Ее собственность может быть незначительной, и в здоровом обществе такой класс в основном состоит из крестьян, мастеровых, ремесленников и представителей свободных профессий. Между тем, при всей демократичности восприятия необходимо признать, что общество заинтересовано в том, чтобы имущество и элитарный статус (который и оправдывает наличие этого имущества) некоторых из этих коренных семей превосходили средний уровень, и в том, чтобы помимо множества

⁶⁸ Allmendgenossenschaften und Realgemeinde – (нем.) в странах средневековой Западной Европы земельные угодья (пастбища, леса, луга, пустоши, места рыбной ловли), находящиеся в общем пользовании (неподеленные земли) всех членов одной или нескольких общин. – Прим. ред.

⁶⁹ Коренная семья (фр.). – Прим. пер.

крестьян порой находился землевладелец, одаренный выдающимися качествами и способностями, которые он может использовать на благо общества, а помимо мастеровых и ремесленников — промышленники и торговцы, о которых можно сказать то же самое.

[...]

Эта тенденция нуждается в мощном противовесе, который может обеспечить сбалансированное общество, описанное выше, и одновременно — *конституционную систему представительной демократии*. Именно поэтому столь велика угроза, что продолжительное распространение интервенционизма и коллективизма, которые все больше вытесняют эту систему и усиливают вес бюрократии, широкими шагами ведет нас навстречу Левиафану.

Самая большая опасность, однако, грядет с совершенно особой стороны, и поскольку Запад уже в значительной степени подвергся ее влиянию, конформизм и отказ от личного во имя коллективного стали сегодня пугающе обыденными. Любые другие противовесы государству превращаются в пустые тени, когда отсутствует главная составляющая: <необходимый> *минимум экономической независимости* индивида, основанный на минимуме собственности, экономической свободы и уверенности в завтрашнем дне.

[...]

Нужно быть абсолютным слепцом, чтобы не воспринять наглядных уроков, преподанных нам множеством стран. Где бывало такое, что в коллективистском государстве, в котором всякий человек обнажен и зависим от власти, были бы еще достаточно самостоятельные люди, способные высказать хотя бы минимальную критику в адрес государственных лидеров, или герои, самоотверженные настолько, чтобы не покоряться? Возникают сомнения, хорошо ли подумали все, кто заигрывает с коллективизмом, что они стремятся к такому устройству общества, которое несомненно породит безликость, покорность и молчание. Тем очевиднее, что те же принципы коллективизма препятствуют международной миграции и блокируют эту последнюю отчаянную возможность выбраться; это обстоятельство, которое недостаточно учитывается при поиске ответа на вопрос, почему в последнее время в столь многих странах коллективизм сталкивается с таким удивительно слабым сопротивлением. Между тем, когда речь идет о свободе и защите личности, существует потребность не только в противовесе государству, но и в противовесе *властным группировкам внутри и за пределами государства*.

[...]

В заключение напрашиваются два наблюдения. Прежде всего, очевидно, что, несмотря на означенные тенденции, люди все же смогли бы сохранить значительную долю независимости, если бы обладали более

высокой степени готовности настойчивее добиваться свободы, смилив свои материальные запросы, и безрассудно не воспринимали бы более скромное существование – без машины и суперрадио – как маргинализацию. Тут может помочь упрощение стиля жизни в сочетании с углублением мировосприятия, что вновь возвращает нас к духовно-моральным противоядиям, от которых мы изначально отталкивались. [...]

...а скорее задуматься об определенном типе человека, которого отличает негибкость, чувство ответственности, правдолюбие и чувство справедливости. Этот тип встречается во всех слоях общества и профессиях, но чаще всего, без сомнения, в той социальной группе, само название которой уже выдает меру и равновесие как ее основные особенности, а именно в так называемом *среднем классе*, который располагает именно таким количеством собственности, которое гарантирует определенную независимость без угрозы вырождения в плутократию или феодализм и сохраняет на этой крепкой основе непрерывность духовно-нравственных традиций. В этом заключается причина того, почему проницательные мыслители (от Аристотеля до Брайса и Моска) всегда были едины во мнении, что существование обширного среднего класса является наиважнейшей предпосылкой для функционирования здоровой демократии и основанием того, почему настоящая демократия не развивается должным образом в странах, где существует нехватка ответственного среднего класса, который уравнивал бы государство своим духовно-нравственным и материальным весом.

[...]

Нужно совсем не воспринимать Новейшей истории, чтобы не заметить тесной связи опасного движения к коллективизму с общей невосприимчивостью к религии самых широких и, не в последнюю очередь, образованных слоев общества. Как мало вынесли из уроков истории те, кто стремился игнорировать тот факт, что все нападки позитивизма и рационализма в большинстве случаев вели не к благородному философскому агностицизму, а к вульгарному и унижающему человека материализму, который, в конечном счете, замещал неудовлетворенные метафизические потребности пустыми суевериями и «замаскированными» религиями национализма, коллективизма или биологизма.

[...]

Подобно тому, как в задачи науки входит защита истины, даже если она не совпадает с точкой зрения/позицией государства, и, как мы еще увидим, как задачей судьи является быть защитником справедливости, даже если эта справедливость направлена против государства, так же и искусство должно доказывать, что красота существует помимо государства и даже вопреки ему.

[...]

Обезличивание индивида, пролетаризация, коллективизация и исчезновение мелкой собственности — процессы, которые постоянно подкрепляются повсеместным сужением среднего класса, сливаются воедино в организованную, управляемую и все сильнее финансируемую государством систему *массового социального обеспечения* и совместно с этим государством, его аппаратом вспомоществования и налогообложения формируют общество, которое жертвует индивидуальным в пользу коллективного и превращает человека в раба государства, причем возникает сомнение, будет ли он благополучнее.

[...]

Это мысли, которые устремлены в единственном направлении: *прочь* от централизации в любых отношениях, от концентрации, от того, чтобы людей загоняли в большие города и крупные предприятия, от сосредоточения собственности и власти, которые делают одних коррумпированными, а других превращают в пролетариев, от лишения труда души и достоинства через механизацию производства; *по направлению* к децентрализации в самом широком и всеохватывающем смысле слова, к преодолению отсутствия частной собственности, к смещению социального акцента с верхов вниз, к органичному выстраиванию общества из естественных и соседских объединений в рамках замкнутой иерархии, начиная с семьи, общины и кантона и заканчивая государством; к коррекции перекосов в организации, специализации и разделении труда при минимальном самообеспечении с собственной земли, к возврату от колоссальных измерений и масштабов к человеческому уровню, к созданию новых, непролетарских форм промышленности, т.е. таких, которые были бы приравнены к крестьянским и ремесленным формам предпринимательства; к естественному содействию малым фабрикам и предприятиям, а также социально здоровым формам жизни и труда, подобным во многих отношениях идеальному среднему между крестьянином и ремесленником; к ликвидации всех видов монополий и к борьбе против концентрации производства и предприятий где и как это только возможно; к устранению феномена больших городов и индустриальных районов и к социологически правильному территориальному планированию, целью которого является децентрализация поселений и производства, к пробуждению профессиональной гордости и к восстановлению достоинства звания любого честного труда, к созданию условий, позволяющих вести здоровую семейную жизнь и давать детям естественное воспитание, к воссозданию культурной иерархии, которая положит конец честолюбивым метаниям человека и вернет надлежащее место каждой духовной ступени. То, к чему мы так стремимся, есть не что иное, как то, что Гюстав Тибон именовал «*société aérée*»⁷⁰, и путь к нему лежит через децентрализацию.

⁷⁰ Воздушное, просторное общество (фр.).

[...]

Как правило, однако, речь идет скорее о *медленном и осторожном перераспределении и выравнивании*, а должна идти прежде всего о трансформации *экономической системы таким образом, чтобы возможность образования крупной собственности сводилась к минимуму*. Успешная борьба с монополиями всех видов, с колебаниями стоимости денег и другими причинами концентрации собственности по меньшей мере так же важны для политики восстановления частной собственности, как и прогрессивная шкала налога на наследство. В конце концов, такая политика становится важнейшим вопросом реформирования общества и экономики.

[...]

Таким образом, прежде всего речь должна идти о собственности, которая имеет жизненно важное значение, здесь имеется в виду, с одной стороны, *собственность на средства производства*, а с другой стороны, *жилая собственность*. Концентрация собственности на деле означает главным образом концентрацию средств производства, и тут возникает вопрос, как можно добиться децентрализации. Покуда организационно-технические преимущества крупного предприятия делают невозможной децентрализацию конкретной собственности на средства производства, придется довольствоваться только демократизацией прав собственности (акций), при этом, однако, надо будет считаться со множеством неблагоприятных обстоятельств. Гораздо более удовлетворительным был бы вариант, при котором стало бы возможно провести децентрализацию собственности на средства производства путем увеличения числа малых и средних предприятий.

[...]

Интервенционистский монополистический капитализм, индустриальный феодализм может существовать только как короткое переходное состояние, как в политике — искажение демократии из-за анархии заинтересованных групп (плюрализма). Выделим жирным шрифтом утверждение, которое мы вновь и вновь хотим доносить до всех тех, кто тайно или открыто заигрывает с принципом монополии: *наша экономическая система и все то, что мы с ее помощью защищаем от коллективизма, в долгосрочной перспективе может сохраниться только как конкурентная система, которая стабильно обеспечивает дисциплину, напряжение, чистоту, гармонию, равновесие и справедливое соотношение между трудом и вознаграждением*. Нам не удастся честно и действительно защитить то, что нам действительно дорого, если мы не отыщем против монопольного и дотационного капитализма столь же жестких слов, какие мы отыскивали в против коллективизма, а, напротив, пустимся на сомнительные компромиссы и неискреннее словоблудие. Тогда мы вряд ли сможем упрекать людей в том, что они, в конце концов, придут к выводу: уж лучше коллективизм.

Отсутствие дисциплины и паралич народного хозяйства, будучи порождением монопольного и дотационного капитализма, не только обрекают его на саморазрушение, но и на уничтожение народным сопротивлением, что доказывает история демократически-капиталистического мира последних десяти лет.

[...]

Депролетаризация и децентрализация промышленности

В то время как крестьянство, ремесленное производство и, в меньшей степени, розничная торговля являются самыми важными секторами непролетарского предпринимательства, достойными поддержки и стимулирования, в промышленности, напротив, условия производства и жизни располагают к пролетаризации людей. Таким образом, необходимы самые мощные интеллектуальные усилия, чтобы противостоять естественной/объективной тенденции к пролетаризации и найти такие индустриальные формы производства и жизни, которые привели бы депролетаризации рабочих и служащих. Поскольку только крестьянство и ремесленное производство являются исконными формами непролетарского и укоренившегося массового предпринимательства, промышленная депролетаризация, в общем и целом, должна сводиться к *крестьянизации* и *оремесливанию*, т.е. к такой политике, которая бы максимально приблизила условия труда и жизни промышленного рабочего к условиям жизни крестьянина и ремесленника. Как правило, это одновременно предусматривает распределение индустрии по сельской местности и малым городам и территориальное планирование, которое противодействует концентрации промышленности в крупных городах.

[...]

Новая точка зрения возникает здесь из осознания того, что *рабочий вопрос скорее является жизненно важной, экзистенциальной проблемой*, вопросом *совокупных условий труда и жизни*, нежели экономическим вопросом в узком смысле. Это проблема пролетариата как такового, которая не может быть решена с помощью устаревшей социальной политики, которая, как мы убедились, возможно, лишь только усугубляет положение. Разумеется, пока существует пролетариат, социальная политика, несомненно, сохранит за собой ограниченный круг задач, и в этой узкой сфере политики оплаты труда, профсоюзного движения, защиты труда и социального страхования, несомненно предстоит еще проделать большую интеллектуальную работу. Однако на фоне глобальных и комплексных задач социальной политики — пресечь недуг на корню и ликвидировать сам пролетариат — все это похоже на прием аспирина при зубной боли. Настоящая социальная политика равнозначна политике ликвидации пролетариата, в то время как социальная политика старо-

го типа оказывает лишь поверхностное воздействие на пережитки, от которых так сложно избавиться, при этом скорость решения проблемы существенно падает. Эта дополнительная задача социальной политики лишает ее прежней самостоятельности, которая всегда носила несколько особенный характер и отражала всю странность наших отношений, и растворяет ее в более разумной политике по вопросам крестьянства, ремесленного производства, мелкого производства, промышленности, политике расселения, жилищной политике и политике распределения.

Вместе с этим одна из самых сложных и важных задач социальной политики — борьба с *безработицей* — облекается в новую многообещающую форму. Вопрос этот настолько неотложный, что даже опасность повториться не должна помешать нам вновь вернуться к нему. Как мы уже видели, многие подходят к этому вопросу с точки зрения экономического «менталитета Мажино». Они полагают, что достаточно лишь возвести некий организационный бастион и окопаться там, чтобы автоматически обезопасить себя от нарушений экономической системы — некую гарантированно непробиваемую бомбами денежную систему или какую-нибудь плановую экономику. Опыт, накопленный на этом пути до сих пор, внушает большие надежды. В действительности же решить проблему подобным образом в долгосрочной перспективе практически невозможно, даже при наличии самой что ни на есть рациональной денежно-кредитной политики. Проблема экономической стабильности и безработицы — это не просто проблема конъюнктурной политики, а глобальная структурная проблема экономической и социальной системы, даже если абстрагироваться от сиюминутных нужд мира, с политической точки зрения окончательно трещащего по швам. Экономические кризисы нашего времени, их тяжесть и труднопреодолимость должны, в конечном счете, рассматриваться в контексте пролетаризированного мира, павшего жертвой социально-экономического обезличивания, мира, который из-за этого утратил свою внутреннюю сопротивляемость и регулирующую силу, а вместе с ними подобающую психологическую атмосферу безопасности, преемственности, доверия и внутреннего равновесия. Короче говоря, экономические кризисы, вышедшие из-под нашего контроля, происходят в экономически и социально «склеенном» мире, поэтому не случайно, что эти кризисы сильнее всего затронули те страны, которые особенно продвинулись по пути пролетаризации, механизации, централизации и «склеивания», а именно Англию, Германию и Соединенные Штаты. Последняя причина нестабильности кроется в том, где ее в первую очередь велит искать здравый смысл: в чрезвычайной зарегулированности всех институтов системы, избытке централизации и сращивания структур, в преобладании наемного труда, в неповоротливости механизмов адаптации, которая только усугубляется с ростом

концентрации и сращивания, и в тех обстоятельствах, когда согласование должно осуществляться через все более крупные учреждения и через все большее количество инстанций, а приспособляемость отдельных элементов пропорционально сокращается.

Внесем некоторую ясность: разумная конъюнктурная политика, которая с помощью регулирования объема кредитования и подобных мер воздействует на экономический механизм в целом, сохраняет свою значимость, однако, во-первых, такая политика, как мы видели, заключена в тесные рамки, а во-вторых, даже в самом лучшем случае она оставляет «нерастворимый остаток» нестабильности, который нам приходится ликвидировать. Этот остаток непрерывно увеличивается, в то время как индивидуальная способность сдерживать удары все больше ослабевает. Самым экстремальным примером этой тенденции, возможно, является американский фермер, который так узко специализирован и настолько зависим от текущего денежного дохода, что в случае кризиса он, точно так же как и промышленный рабочий, окажется перед угрозой голода. Противоположный, но более оптимистичный пример — это индустриальный рабочий, который, в случае крайней необходимости, может добыть себе обед в саду, а ужин — в Цюрихском озере, запасы картошки он пополнит, накопив ее по осени на поле брата [...]

Рыночная политика (регулирование конкуренции и борьба с монополиями)

Все частичные меры, в какой бы области они ни предпринимались и какими продуманными и необходимыми они бы ни были, все же должны быть ориентированы на высшую цель экономической реформы и концентрироваться вокруг нее: это цель создания такой единой экономической конституции, к которой, согласно всем известным сегодня воззрениям, стоит стремиться. Ядром этой экономической конституции должны будут служить, как мы установили, свободный рынок и добросовестная конкуренция, в рамках которых на честных и равных условиях конкурентной борьбы успех частнохозяйственной деятельности оценивается по уровню результатов, предоставляемых потребителю («справедливая» конкуренция). Однако свободный рынок и справедливая конкуренция сами по себе не являются результатом абсолютно пассивного поведения государства, как утверждала философия *laissez-faire* исторического либерализма; они ни в коем случае не являются внезапно позитивным результатом негативной экономической политики. Напротив, они представляют собой чрезвычайно хрупкий, зависящий от многих обстоятельств рукотворный продукт, который предполагает не только наличие развитой экономической этики, но и государства, которое посредством законодательства, управления, судопроизводства, финансовой политики и морально-духовного лидерства непрерывно заботится о сохранении

и поддержании рыночных свобод и конкуренции, для чего оно создает необходимые правовые и институциональные рамочные условия, устанавливает правила экономической борьбы и следит за их соблюдением беспощадно, но непредвзято. В экономической жизни тоже справедливо утверждение, что свобода невозможна без дисциплины, и если мы хотим создать свободный рынок, то рамки условий, правил и институтов должны быть тем более жесткими и непререкаемыми. *Laissez-faire* — да, но в тех рамках, которые установлены непрерывно и целенаправленно действующей «рыночной полицией» — в широком смысле этого слова. *Итак, именно свобода рынка нуждается в крайне бдительной и активной экономической политике, однако и в такой, которая в полной мере учитывает главную цель и связанные с ней ограничения своей деятельности, а следовательно, не нарушает границ, за которыми начинается сфера интервенционизма.*

[...]

Монополия в действительности есть искажение рыночной экономики, одновременно предоставляющее привилегии и нарушающее принцип, согласно которому более высокая прибыль может быть получена только благодаря соответствующему результату труда, достигнутому в ходе свободного взаимодействия спроса и предложения (принцип результативности⁷¹). Она не только является *социально неприемлемой, но и являет собой препятствие для экономического процесса и помеху для общей производительности*. Народное хозяйство, опутанное монополиями, поражает медленный процесс самоотравления, он имеет хроническое течение с острыми ухудшениями, которые в конце концов уничтожают рыночную экономику, а вместе с ней демократически-либеральную структуру государства и общества. Народное хозяйство утрачивает свою гибкость и адаптивную способность; паралич рынка блокирует многочисленные компенсационные механизмы, тем самым обостряя и продлевая экономические кризисы и замедляя восстановление; монополистические привилегии притупляют стимулы к достижению наилучшего результата и ведут к экономической, социально и политически неприемлемой концентрации экономической власти, из-за чего контроль над народно-хозяйственными процессами все в большей степени переходит в руки неподотчетного никому меньшинства, что делает экономическую систему все более непрозрачной; эта непрозрачность создает тепличные условия для развития коррупции всех масштабов и видов; введение населения в заблуждение и оборона завоеванных позиций любыми средствами становится важнее, чем предоставление потребителям наилучшего и недорогого обслуживания; на смену принципу «больше оборот — меньше прибыль» приходит обратное правило «меньше оборот — выше прибыль», и имеющиеся возможности рас-

⁷¹ Нем. Leistungsprinzip. — *Прим. пер.*

ширения производства при сохранении низких цен остаются неиспользованными, поскольку монополия предпочитает комбинацию высоких цен и малого объема производства; монополия допускает произвольную дифференциацию цен в пользу одной и в ущерб другой группы потребителей; монопольная ценовая политика лишает потребителя возможности получения более дешевого и качественного обслуживания, доступ к которому обеспечили технический прогресс и массовое производство, а также блокирует компенсационные механизмы, которые в условиях свободной конкуренции заботятся о том, чтобы высвобождающаяся благодаря научно-техническому и организационному прогрессу рабочая сила в кратчайшие сроки могла вновь трудоустроиться.

Привилегии, эксплуатация, паралич рынка, искажение хозяйственного процесса, застой капиталов, концентрация власти, индустриальный феодализм, ограничение предложения и производства, возникновение хронической безработицы, подорожание жизни и обострение социальных противоречий, экономическая недисциплинированность, неконтролируемое влияние на государство и общественное мнение, превращение индустрии в эксклюзивный клуб, закрытый для новых членов — вот список грехов монополии, и мы не уверены, что перечислили их все. Чтобы избежать какого-либо фарисейства, добавим, что *mutatis mutandis*⁷² и профсоюзы также *могут* проявлять чрезвычайно вредную и опасную монопольную власть, особенно после того, как они завоевали исключительное право представлять интересы рабочих, а государство наделило их широкими правами. О том, что это не преувеличение, свидетельствуют — среди прочего — известные злоупотребления профсоюзных лидеров в Соединенных Штатах.

Чтобы оценить *возможности борьбы с монополиями*, необходимо вспомнить о том, что в большинстве случаев само государство собственной законодательной, административной или судебной деятельностью создает предпосылки для образования монополий. В самом деле, в мире не так много монополий, возникших без помощи привилегий, которые бы осознанно или ненамеренно были созданы государством, или же без помощи особого законодательства, руководства, судопроизводства или финансовой политики, и то обстоятельство, что во многих случаях эта связь никем не осознается, делает его только еще более опасным, поскольку это преуменьшает силу государства в борьбе с монополиями. Совершенно очевидно, что «родовспоможение» со стороны государства, когда монополия становится таковой благодаря присвоению особо привилегированного статуса — это самый распространенный способ формирования европейских монополий на раннем этапе их развития. [...]

⁷² Изменив то, что следует изменить (лат.). — Прим. пер.

Международный порядок сегодня*

[...]

Изначально сложности заключались в первую очередь в том, что мы (если использовать метод парадоксального заострения) были согласны с позицией социалистов, отвергающих капитализм, и в то же время с позицией приверженцев капитализма, отвергающих социализм. Отрицание капитализма пришло к нам еще в окопах, где мы привыкли ненавидеть любые формы угнетения, унижения и эксплуатации человека; отвержение второго пришло к нам позже, когда опыт и размышления открыли нам истинную сущность социализма. Как капитализм, так и социализм казались нам в каких-то определенных аспектах правильными, а в каких-то других — неправильными. Оставалось лишь понять, каким образом и в каких комбинациях можно объединить правильные проявления с обеих сторон. Это привело к тому, что мы находились в состоянии беспрестанного поиска решения, которое позднее, когда его очертания начали четко проявляться, получило название «третий путь» или «экономический гуманизм».

В начале этого духовного развития стоит душевное потрясение моего поколения, ставшее следствием катастрофы народов в Первой мировой войне. Именно международный характер этой войны впервые открыл нам глаза на всеобъемлющий кризис нашего общества. Линия, которая, в конце концов, привела к «третьему пути» и «*Civitas humana*», взяла свое начало в воронках на поле боя и прошла через ужасающие потрясения революции, инфляции, обманчивого процветания, массовой безработицы, гражданской войны, изгнания и, наконец, Второй мировой войны.

[...]

Международный аспект общественного кризиса, несомненно, привлекает к себе особое внимание. Он особенно опасен и таит в себе вызовы, а поскольку международные отношения становятся все более значительной сферой жизни общества, любые признаки разложения здесь будут проявляться не только раньше всего, но и в самой острой форме. Международные отношения служат своего рода ширмой, на которую преувеличенно проецируются внутренние признаки разложения общества, отчего они становятся заметны много раньше, чем проявятся внутри нации. Бесцеремонность, неблагородное поведение, размывание норм, беззаконие и разложение общества находят свои первые и самые легкие жертвы именно в этой сфере, и, как демонстрирует пример тоталитарных государств, окончательный крах нации удается отсрочить на некоторое время, агрессивно перенаправив деструктивные силы вовне.

* В данной публикации приводится фрагмент работы Вильгельма Рёпке «Международный порядок сегодня». Перевод осуществлен по изданию: *Röpke, Wilhelm* (1945): *Internationale Ordnung*, Eugen Rentsch Verlag, Erlenbach-Zürich. S. 18–20, 166–170.

[...]

Для достижения наших целей ограничимся следующими основными пунктами:

1. *Мировая экономика была всесторонне связанной (interkommunizierendes) системой, основывавшейся на взаимозависимости (interdependentes)*. Иными словами, существовала тесная связь всех национальных рынков, что превращало мировой рынок в единый «котел». Процессы, которые объединяют все экономические отношения в рамках национального хозяйства самым привычным для нас образом и влекут за собой то, что мы называем экономической интеграцией, получили широкое распространение и в масштабах мировой экономики: было возможно практически беспрепятственно закупать товары на самом дешевом рынке, а продавать их на самом дорогом и тем самым достигать баланса цен и рынков, что на биржевом языке называется «арбитраж». Это условие подлинной экономической интеграции в рамках мировой экономики было столь широко воплощено, что разница между национальной и интернациональной экономической интеграцией заключалась лишь в ее степени и демонстрировала скорее естественные, чем искусственные (и посему воспринимаемые как обременительные), помехи рынку. Безусловно, существовали и тарифные барьеры, но их значимость была в среднем не существенно больше, чем значимость транспортных расходов. И те и другие являлись препятствиями, которые приходилось преодолевать в международном экономическом обороте так, чтобы они не могли уничтожить свободу сделок. Эти сделки, в свою очередь, объединяли отдельные национальные рынки в единый «мировой рынок» и ограничивали международную дифференциацию цен на товары, пользующиеся спросом на глобальном рынке, до минимального уровня.
2. Будучи такой всесторонне связанной системой, мировая экономика также являлась «многосторонней», причем в двух смыслах, которые не всегда четко делимы: а) поскольку значительная часть мировой торговли *действительно* развивалась многосторонне (*реальная мультилатеральность*) и б) поскольку практически вся мировая торговля *могла бы* развиваться многосторонне (*потенциальная мультилатеральность*). Потенциальная мультилатеральность была, как минимум столь же важна, как и реальная мультилатеральность, поскольку уже сама существующая возможность перехода от двухстороннего к многостороннему (мультилатеральному) обороту превращала мировую экономику в полноценную всесторонне связанную и взаимозависимую систему, что, проще говоря, сводилось к тому, что можно было в любой момент купить товар

на самом дешевом рынке и продать на самом дорогом. Однако, в то время как фактическая мультилатеральность может быть оценена статистически, потенциальная мультилатеральность по очевидным причинам не поддается измерениям. Все, что мы можем сказать по этому поводу, — потенциальная мультилатеральность зависит от определенных предпосылок международного экономического оборота, среди которых на первом месте находится свобода международных расчетов и отсутствие «планово-хозяйственного» регулирования во внешней торговле. [...]

3. Благодаря реальной международной денежно-валютной системе (золотой стандарт) мировая экономика являлась своего рода охватывающим весь мир платежным сообществом. Иначе говоря, благодаря установлению паритета валют в рамках минимального пространства так называемых «золотых точек», а также благодаря присущему золотому стандарту механизму сохранения паритета валют сосуществование национальных валютных систем не являлось фактором, оказывавшим активное влияние на товаропотоки. Так как обменное соотношение валют не подвергалось изменениям (по крайней мере, среди тех стран, чей товарооборот составлял основную массу экономического оборота) и такие изменения даже не рассматривались как возможные, то мировая экономика была таким же платежным сообществом, как и любое отдельное народное хозяйство, а золотой стандарт служил мировой платежной системой.
4. *Мировая экономика, ядром которой являлась зона свободной торговли, инициированной Великобританией, не блокировалась прочими государствами посредством каких-либо запретительных ввозных пошлин.* Несомненно, протекционизм постоянно усиливался с 70-х годов прошлого столетия и все сильнее превращался в серьезную проблему; несомненно, уже в этом содержались зачатки начинающегося разложения. Несмотря на это, вне всяких сомнений, государственное вмешательство в международную торговлю до 1924 года сдерживалось в определенных рамках, что позволяло нормально функционировать мировой экономике. [...]
5. *Мировая экономика являлась не только процессом в основном свободного международного движения товаров, но и процессом свободного международного движения капитала и миграции населения.* То обстоятельство, что золотой стандарт исключал монетарные риски долгосрочных международных капиталовложений, что государственное вмешательство в международное движение капитала было минимальным и, не в последнюю очередь, что существовала нравственно-политическая интеграция планеты, позволявшая

людям рассчитывать на мир, нерушимость договоров/договорную дисциплину и правовую защищенность — все это привело к тому, что колоссальное международное перемещение капитала стало важнейшим признаком мировой экономики. На подмогу международному движению капитала пришла мобильность населения и рабочей силы. Иммиграционные ограничения практически отсутствовали, и люди в полной мере воспользовались представившейся им уникальной возможностью и устремились в страны, где зарплата выше, а социальное давление ниже. Столь интенсивное движение капитала и населения по существу привело к экономической интеграции мира и выравниванию условий производства и доходов до уровня, кажущегося нам естественным в рамках национальных экономик. [...]

ЙОЗЕФ ХЁФФНЕР

Введение

Урсула Нотелле-Вильдфойер

Биография и научная карьера

Йозеф Хёффнер (*Joseph Höffner*) родился 24 декабря 1906 года в немецком городе Вестервальд (коммуна Хорхаузен) и был старшим сыном в многодетной крестьянской семье. Получив по окончании гимназии в Трире в 1926 году аттестат зрелости, он поступил в том же году в Папский Григорианский университет в Риме на факультет богословия. Академическая карьера Хёффнера развивалась очень быстро: в 1929 году он получает ученую степень кандидата философских наук, а в 1931 году — степень бакалавра церковного права. После посвящения в 1932 году в сан священника и защиты диссертации на тему «Социальная справедливость и социальная любовь» в 1934 году ему была присвоена ученая степень кандидата богословия. Центральной темой его научной работы было исследование связи между справедливостью и любовью и выяснение сущности понятия «социальная справедливость», которую Хёффнер не раз называл справедливостью всеобщего блага. Степень доктора богословия ученый получил в 1939 году, защитив диссертацию во Фрайбургском университете на тему «Крестьяне и церковь в средневековой Германии». Несмотря на то что эта диссертация не получила широкой известности, она заслуживает особого внимания, поскольку автор уже в ней сфокусировал свое внимание на теории познания в рамках христианского социального учения, концентрируясь на (относительной) самобытности различных сфер культуры, а также в целом на взаимоотношении церкви и мира, что впоследствии нашло развернутое воплощение в Пасторской конституции о Церкви и современном мире *Gaudium et spes* (лат. радость и надежда), принятой на Втором Ватиканском соборе (в 1965 году). Что же касается его работы в области социально-экономической политики, то в данном случае крайне важным представляется осознание Хёффнером того, что «формирование общественных отношений является в первую очередь задачей светской, а не церковной. Социология — это отнюдь

не прикладная догматика». Именно посредством социологического анализа Хёффнер пытается преодолеть общие суждения, при этом он четко разделяет теологические и социологические аспекты. В том же 1939 году Хёффнер окончил экономический факультет Фрайбургского университета, а в 1940 году защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата экономических наук (под руководством Вальтера Ойкена) на тему «Экономическая этика и монополии в XV и XVI веках». Еще в Риме в процессе изучения морально-нравственной теологии Хёффнер сделал упор на североитальянскую и испанскую позднюю схоластику, хотя в этих исследованиях также прослеживалась связь между философско-теологической антропологией и эмпиризмом/социологией, которая была чрезвычайно важна для современного научного познания в целом, и для познания Хёффнером христианского социального учения в частности.

Наконец, в 1942 году Й. Хёффнер защитил докторскую диссертацию на тему «Христианство и человеческое достоинство» под руководством профессора морально-нравственного богословия Теодора Мюнкера. В этом исследовании затрагивались вопросы, связанные с «происхождением освобождающей идеи о человеческом достоинстве в XVI и XVII столетиях» (Hermanns: 15), а также касающиеся испанской колониальной этики в эпоху «золотого века», в нормах которой Хёффнер обнаружил глубокую связь между схоластической и просветительской доктринами естественного права.

Уже в 1951 году Йозеф Хёффнер был приглашен на старейшую кафедру христианской социологии Мюнстерского университета, куда он перешел с занимаемой до этого должности профессора пасторской теологии и христианской социологии в духовной семинарии города Трир. Хотя до 1933 года Хёффнер — в отличие от целого ряда других представителей социального учения католической церкви — и не располагал мандатом на принятие политических решений, его влияние на процесс послевоенного восстановления Федеративной Республики Германии, и в особенности на формирование новой общественно-политической доктрины, было значительным. Так, например, по рекомендации кёльнского кардинала-священника Йозефа Фрингса, он был назначен на пост духовного наставника Союза католических предпринимателей. Находясь на этом посту, он принимал участие в разработке так называемого договора солидарности между поколениями, предложенного в рамках подготовки пенсионной реформы 1957 года Вильфридом Шрайбером, и таким образом считается одним из разработчиков модели динамической пенсии. Характерной особенностью взглядов Хёффнера был междисциплинарный подход к христианскому социальному учению, выразившийся в признании важного значения экономической науки как

самостоятельной сферы познания. В частности, он всегда с радостью использовал возможность присутствовать на занятиях и проводить экзамены по экономике на факультете права и общественно-политических наук в Мюнстерском университете.

В 1962 году увидело свет первое издание книги Хёффнера «Христианское социальное учение», после чего она неоднократно переиздавалась и переводилась на различные языки. В данном произведении раскрываются религиозно-философские основы этого учения, прослеживается история его развития и проводятся эмпирические исследования, но также в ней содержатся и примеры практического значения. Этот по сути основополагающий труд очень наглядно отражает убеждение Хёффнера в том, что солидарная ответственность церкви за формирование общественной системы должна реализовываться только на основе социального учения церкви и христианского представления о человеке. При соответствующей расстановке акцентов данное «христианское социальное учение» имеет и сегодня исключительную важность, в особенности в странах, которые после падения коммунистических режимов пытаются выстроить демократические и социально-ориентированные рыночные общественные системы. Об этом свидетельствуют многочисленные посмертные переиздания книги Хёффнера, вышедшие под редакцией Лотара Рооса в 1997, 2000 и 2011 годах, переосмысленные с учетом современных социальных энциклик, увидевших свет уже после смерти автора.

Йозеф Хёффнер оказывал важное влияние на выработку контуров общественной, экономической и социальной политики не только будучи ученым, но и находясь на посту епископа в Мюнстере (с 1962 по начало 1967 года), затем архиепископа Кёльна (с 1967 вплоть до своей кончины в сентябре 1987 года), а также исполняя функции председателя Германской конференции католических епископов (с 1976 года).

Вклад в разработку теории хозяйственного порядка

Йозеф Хёффнер не только изучал экономику во Фрайбургском университете и защитил там диссертацию под руководством основоположника Фрайбургской школы Вальтера Ойкена, но также внес свой собственный вклад в развитие ордолиберального научного течения, выявив общие элементы теории хозяйственного порядка и (христианской) социальной этики. На протяжении всей своей жизни он занимался вопросами хозяйственной этики. Ключевая фраза, произнесенная им во время вступительной речи на открытии осенней ассамблеи Германской конференции католических епископов в 1985 году, гласит: «Опыт истории показывает, что свобода и достоинство человека в значительной мере определяются *системой экономического устройства*» (Deutsche Bischofskonferenz). При

этом под экономическим порядком он понимал «совокупность рамочных условий, внутри которых протекает хозяйственный процесс». Более конкретно это означает, что «от соответствующей структуры экономики зависит, как будет определяться производственный план, методы технического исполнения, временной график и выбор места размещения производства, объем и вид доступных потребительских товаров и услуг, уровень цен, распределение необходимых для жизни вещей, а также то, будет ли гарантирована свобода выбора профессии и места работы, свобода потребительского выбора, или нет» (Höffner [1985], Bd. 3: 338)¹. То, что сторонники христианской хозяйственной этики исходят исключительно из системы рыночной экономики, для Хёффнера представлялось очевидным, как с точки зрения экономических закономерностей и антропологических реалий, так и в перспективе исторического опыта. Рынок как место претворения в жизнь человеческой свободы, частная инициатива и свободная конкуренция в качестве регулятивных принципов в сочетании с ориентацией экономической системы на достижение всеобщего блага, являются неотъемлемым условием реализации реальных целей экономики, которые понимаются как создание для граждан долгосрочных и стабильных материальных условий, необходимых для достойного существования как общества в целом, так и каждого индивида в частности. Однако на пути реализации этих реальных целей, а также достижения всеобщего блага, по мнению Хёффнера, стоят препятствия чрезвычайной сложности, «для устранения которых недостаточно одних только законов рынка» (Höffner [1983], Bd. 1: 374). В частности, он подчеркивает важность более широкого распространения частной собственности среди населения, достижения стабильного экономического роста, не подверженного конъюнктурным колебаниям, предотвращения массовой безработицы и проч. (Höffner [1983], Bd. 1: 374). В результате ученый приходит к выводу, что «экономика это вовсе не саморегулирующаяся система, а формируемое упорядоченной и упорядочивающей волей людей, и не в последнюю очередь государством, культурное явление». Вместе с тем он отмечает, что, хотя существует возможность и необходимость регулирования экономики, это регулирование не должно являться функцией государства: будучи элементом культурного процесса, управление экономикой лежит в плоскости социального взаимодействия индивида и государства, которое в свою очередь должно строиться на основе принципа субсидиарности.

Созданная Хёффнером концепция государственной политики формирования экономического порядка позволяет ему одновременно дис-

¹ В квадратных скобках приведены годы первых публикаций текстов Й. Хёффнера, которые цитируются здесь из избранных трудов, изданных под редакцией Урсулы Нотель-Вильдфойер и Йорга Альтхаммера; Joseph Höffner. *Ausgewählte Schriften*.

танцироваться сразу от двух противоположных постулатов: во-первых, от традиционной либеральной концепции «государства-ночного сторожа», исключавшей какую-либо конституирующую функцию государства, а во-вторых, от идеи интервенционистского вмешательства, в результате которого у государства может сконцентрироваться столько власти, что в долгосрочной перспективе это воспрепятствует экономическому развитию как процессу, формируемому обществом.

Тем самым Йозеф Хёффнер демонстрирует свою близость к ордолиберализму Фрайбургской школы, одновременно сохраняя приверженность социально-политическим традициям христианского социального учения, которое с середины XIX века все больше рассматривало государство в качестве важного фактора «укрощения» традиционного либерального капитализма. Эта позиция определяла социально-этическую доктрину церкви до недавних ее высказываний о социальном положении в Германии (*Das Soziale neu denken*, 2003): преимущественной экономической системой остается рыночное хозяйство, опирающееся на соответствующие базовые этические ценности, которая «объединяет принцип рынка с принципом социального выравнивания» (*Deutsche Bischofskonferenz*: 9). Для долгосрочного обеспечения всеобщего благополучия необходима такая программа реформ, которая — как собственно и подчеркивал Йозеф Хёффнер — рассматривала бы экономику как элемент культурного процесса, формируемого обществом, и одновременно соответствовала бы концепции сильного субсидиарного государства.

Комментарий к публикуемому тексту

Текст под названием «Функции частной собственности в свободном мире» 1957 года посвящен центральной теме классического христианского социального учения. Впрочем, для нас более важным представляется то, что основной акцент в данной работе сделан на рассмотрении основополагающих постулатов христианского социального учения относительно вопросов хозяйственного устройства. В первую очередь Хёффнер ставит задачу как можно более наглядно показать полное соответствие института частной собственности человеческой природе и разуму, что собственно — как единодушно признают на Западе — и «формирует основу экономического строя свободного мира» (Höffner [1957], Bd. 4: 151). В этой связи Хёффнер не стремится раскрыть в своей работе все содержание католического учения о частной собственности, при этом его тезисы опираются на философский и теологический фундамент, основанный на осознании *destinatio communis* (лат. — общего предназначения), на признании, что все ресурсы Земли принадлежат всему обществу, а потому частный принцип владения ими сопряжен с социальной ответственностью.

Для доказательства своего тезиса Хёффнер использует различную *методологию* и аргументацию. При описании функций частной собственности (часть 1) он оперирует в основном социально-философскими и (социально-)антропологическими категориями, тогда как эмпирические факты служат вспомогательной поддержкой для обоснования данных аргументов. Рассуждая о функциональном кризисе института частной собственности в современном обществе (часть 2), а также о возможностях пересмотра функций частной собственности (часть 3), он концентрирует внимание на конкретных проблемах и практических аспектах экономики и общества. Вопросы, связанные с микро- и макроэкономикой, также имеют важность, что вполне соотносится с теорией познания и заключенной в ней идеей «относительной автономии культурной сферы», сформулированной позднее в Пасторской конституции Второго Ватиканского собора католической церкви (*Gaudium et spes* 36). При этом христианские аспекты в данной аргументации прослеживаются не в каждом отдельном случае, а скорее подчинены общей конституирующей целевой установке, согласно которой для христианского социального учения в целом и вытекающего из него положения об этическом содержании частной собственности в частности основополагающим является «(создание) такого социального порядка, в котором человек будет способен исполнять Волю Божию и вести христианский образ жизни» (Höffner [1983], Bd. 1: 245).

Если говорить об истоках работы Хёффнера, то, с одной стороны, ее основополагающие постулаты базируются на традиционной аргументации Фомы Аквинского, а с другой стороны, работа написана под воздействием драматического опыта тоталитарной системы большевистского террора, ставшего колоссальным вызовом для христианского социального учения. Таким образом, Хёффнер, используя классические аргументы, расставляет новые акценты, встраивая этическую концепцию частной собственности в контекст своего времени.

Уже в самом обосновании Хёффнером необходимости частной собственности — а в данном случае он говорит о ее «тройной функции», которая проявляется «практически повсюду», — вполне отчетливо прослеживается специфическая комбинация аргументов: частная собственность является важнейшим инструментом, пробуждающим личную инициативу и укрепляющим личную ответственность; в отсутствие же частной собственности возникает недостаток мотивации и усердия в работе, без чего невозможно нормальное функционирование рыночной экономики. Как в либеральной, так и в церковной традиции частная собственность считается адекватным выражением «*духовной самостоятельности человека*». Хёффнер противопоставляет данную аргументацию «марксистской идеологии», которая видит в частной собственности

«истинную и единственную кардинальную ошибку»: ведь труд должен быть добровольным, то есть без притязания на личное вознаграждение, из чего следует, что труд больше никак не связан с частной собственностью, а служит исключительно «общему благу». Все это представляется Хёффнеру утопией, не имеющей какой-либо убедительной силы для людей, живущих на Земле. В результате он критикует присущее марксизму и его теории собственности представление об обществе и человеке как оторванное от реальности. Косвенно это заставляет читателя обратить внимание на то, что данные разногласия в понимании частной собственности имеют связь с более общими глубоко дискуссионными вопросами о формах экономического и общественного устройства.

Вторая функция частной собственности, выделенная Хёффнером, указывает на близость его взглядов на человека традициям либерализма. Однако, поскольку он опирается на христианское представление о человеке, которое согласуется с ордолиберальными идеями Фрайбургской школы, его позиция не ограничивается рамками либерального и индивидуалистического подхода: важную роль для него играет всеобщее благо, в результате чего социальная сфера наряду с индивидуальной является основополагающей для обоснования системы частной собственности. По мнению Хёффнера, частная собственность выполняет функцию «четкого разграничения и распределения сфер компетенции и ответственности» в экономике. Альтернативой могла бы являться, как наглядно демонстрирует большевистская система, гигантская административная структура государственного управления, которая, по мнению Хёффнера, противоречит какому-либо социальному порядку. Именно из описанной выше функции частной собственности в отношении отдельного индивида проистекает ее социальная составляющая: структура общества и его отдельных элементов формируется согласно принципу субсидиарности, что означает, что принципы признания компетентности и свободного волеизъявления (то есть развитие на основе непосредственных компетенций, которыми обладает каждый индивид, а также презумпции свободы в его пользу) реализуются по вертикали снизу вверх. При этом социальный элемент здесь не рассматривается с точки зрения благотворительности или альтруизма; в данном случае речь идет о том, что социальные обязательства распространяются на структуры экономического и общественного устройства в целом.

Свою аргументацию Хёффнер усиливает третьей функцией, приписываемой частной собственности, в соответствии с которой частная собственность служит «гарантом свободы и достоинства человека»: ведь за потерей экономической свободы тотчас может последовать утрата политической, культурной и религиозной свободы. Система общественного устройства неразрывно связана с экономической системой; и та и другая

служат основанием и одновременно воплощением каждой из них. Таким образом, из подобного личностно-антропологического обоснования проистекает одновременно социальное, хозяйственно-конституирующее и организующее общество значение частной собственности.

Во второй части рассматриваемого текста Хёффнер кратко описывает серьезные кризисы, в которых он видит угрозу всем трем упомянутым функциям частной собственности в экономических и социальных реалиях его времени.

По мнению Хёффнера, угрозу духовной самостоятельности и сопряженному с ней побуждению к предпринимательской инициативе представляет несправедливое распределение собственности, а также «отсутствие собственности у широких слоев населения» (Höffner [1957], Bd. 4: 154). Значительной части работников наемного труда присуща «поразительная склонность к социальной безопасности», которая обеспечивается не частной собственностью, а получением регулярного дохода от трудовой деятельности. Действительно, то, что трудящиеся получали «достойную зарплату», благодаря чему реализовывалось *одно* из центральных требований справедливости, имело очень важное значение в начале эры индустриализации. Однако Хёффнер позволяет себе сделать одно важное допущение относительно определения критериев справедливости и устанавливает, что трудящиеся в действительности не получали достойного вознаграждения за проделанную работу, то есть их труд оценивался несправедливо и несоразмерно получаемым работодателем доходам. По-сути здесь речь идет о до сих пор не реализованном в адекватной мере требовании (католического социального учения) относительно широкого распределения производительного капитала на основе соответствующего участия в нем работников наемного труда, — требования, выполнение которого, по мнению Хёффнера, непосильно одному лишь рынку.

Выявленным социальным функциям частной собственности, нацеленным на то, чтобы формировать общественный порядок и четко регулировать распределение компетенций, Хёффнер противопоставляет утрату фактических прав распоряжения и чувства ответственности среди собственников. Прежде всего именно в отношении акционерных обществ больше не прослеживается простого противопоставления между трудом и капиталом, вместо чего возникла третья группа — менеджизм, которая стремится получить полный контроль над средствами производства, то есть установить «единоличное господство» без участия трудящихся и собственников.

Рассматривая кризис третьей функции частной собственности, Хёффнер обратил внимание на фактические последствия, исходящие от института частной собственности на средства производства, для рабо-

чих, которые оказались в сильной зависимости от возникающей из этой частной собственности социальной власти работодателей. Для решения этой проблемы он специально ссылается на все еще воспринимаемый с предубеждением с христианской точки зрения аспект соотношения между коллективными тарифными соглашениями и человеческим достоинством, а также обусловленные им требования по предоставлению работникам наемного труда права соучастия в принятии решений на предприятии (*Mitbestimmung*) и необходимость изменения условий оплаты труда, что могло бы привести к фундаментальным переменам во взаимоотношениях власти и зависимости. В этой связи Хёффнер указывает на традиции католического социального учения, упомянутые папой римским Пием XI в его энциклике "*Quadragesimo Anno*"² от 1931 года, когда было положено «обнадеживающее начало» в направлении формирования такого рода отношений в обществе, «ко взаимной и немалой пользе как работников наемного труда, так и собственников средств производства. В результате рабочим и служащим предоставлялась бы возможность участвовать в принятии решений или в совместном управлении на предприятии, или – в какой-либо форме – в распределении прибыли предприятия» („*Quadragesimo anno*“: 65).

Третья часть рассуждений Хёффнера посвящена поиску путей решения проблем функционального кризиса частной собственности, то есть тому, как придать всем этим трем функциям частной собственности большую значимость.

Ввиду того что все попытки обоснования преимуществ частной собственности сводятся на нет в условиях, когда лишь незначительная часть общества обладает соответствующей собственностью, Хёффнер указывает на необходимость формирования здоровых имущественных отношений. Такие здоровые отношения достигаются тогда, когда они не влекут за собой массовой зависимости рабочих как от других слоев общества (как, например, в условиях системы крепостного права), так и от государства (как в случае с государством всеобщего благосостояния или социалистическим государством). Поэтому первостепенную задачу в деле восстановления функций частной собственности Хёффнер видит в содействии образованию собственности у работников наемного труда: путем «целевых сбережений» (Höffner [1957], *Vd.* 4: 159), необходимых для приобретения того, что каждому необходимо в своем доме, посредством накопления сбережений с целью обзаведения собственным жильем и, наконец, в форме участия «широких слоев населения» в образовании капитала в экономике, например, путем вложения части

² Энциклика папы Пия XI *Quadragesimo Anno*, была опубликована в сороковую годовщину энциклики *Regum novatum* Льва XIII, посвященной социальной доктрине церкви. – *Прим. пер. и ред.*

их сбережений в акции предприятий. Какие именно пути решения этих проблем могли бы оказаться наилучшими, в те времена предугадать было непросто, однако Хёффнер решительно настаивал на том, чтобы двигаться вперед малыми шагами. При этом он не сомневался в готовности рабочих и служащих приобретать частную собственность и направлять часть своего заработка на инвестиции.

Что касается проблемы узурпирования власти собственников средств производства менеджерами, то в этой связи Хёффнер приводит два соображения. Во-первых, он ссылается на предприятия малого и среднего бизнеса, где эта проблема вообще не наблюдается. Во-вторых, в отношении крупных предприятий он не рассматривает факт разделения функций собственников и предпринимателей только лишь как что-то негативное, а, напротив, считает даже крайне полезным укрепление позиций акционеров и, опять же, широкое участие рабочих и служащих в производственном капитале.

В том, что владелец предприятия обладает социальной властью над рабочим, Хёффнер, с одной стороны, видит необходимость, особенно если речь идет о соблюдении требований в рамках трудового процесса. С другой же стороны, с точки зрения трудового договора, он больше не рассматривает это в качестве проблемы, поскольку трудовой договор уже давно не является предметом частноправовой сферы, находясь под основательной общественно-правовой защитой от индивидуального произвола. Наконец, Хёффнер напоминает и о том, что и работодатель, и рабочий трудятся на одном предприятии, то есть на благо одного общего дела.

ЛИТЕРАТУРА

Первоисточники

- Soziale Gerechtigkeit und soziale Liebe. Versuch einer Bestimmung ihres Wesens (Zugl.: Roma, Pont. Univ. Gregoriana, Diss., 1935.), in: Joseph Höffner: Ausgewählte Schriften. Band 1, Perspektiven sozialer Gerechtigkeit, hrsg. von Nothelle-Wildfeuer, Ursula/Althammer, Jörg, Paderborn 2015. S. 47–149.
- Bauer und Kirche im deutschen Mittelalter (Görres-Gesellschaft, Veröffentlichungen der Sektion für Rechts- und Staatswissenschaft, 78), Paderborn 1939. (Zugl.: Freiburg i. Br., Univ., Diss., 1938.)
- Wirtschaftsethik und Monopole im fünfzehnten und sechzehnten Jahrhundert (Zugl.: Freiburg i. Br., Univ., Diss., 1940.), in: Joseph Höffner: Ausgewählte Schriften. Band 3, Wirtschaftsordnung und Wirtschaftsethik, hrsg. von Nothelle-Wildfeuer, Ursula/Althammer, Jörg, Paderborn 2014. S. 33–188.
- Christentum und Menschenwürde. Das Anliegen der spanischen Kolonialethik im Goldenen Zeitalter, Trier 1947. (Zugl.: Freiburg i. Br., Univ., Habil.-Schr., 1944.)

Später u. d. T.: Kolonialismus und Evangelium. Spanische Kolonialethik im Goldenen Zeitalter.)

Christliche Gesellschaftslehre, in: Joseph Höffner: Ausgewählte Schriften. Band 1, Perspektiven sozialer Gerechtigkeit, hrsg. von Nothelle-Wildfeuer, Ursula / Althammer, Jörg, Paderborn 2015. S. 239–481.

Ehe und Familie. Wesen und Wandel in der industriellen Gesellschaft, Münster 1959.

Die Funktionen des Privateigentums in der freien Welt, in: Joseph Höffner: Ausgewählte Schriften. Band 4, Arbeit – Eigentum – Mitbestimmung, hrsg. von Nothelle-Wildfeuer, Ursula / Althammer, Jörg, Paderborn 2014. S. 151–163.

Wirtschaftsordnung und Wirtschaftsethik, in: Joseph Höffner: Ausgewählte Schriften. Band 3, Wirtschaftsordnung und Wirtschaftsethik, hrsg. von Nothelle-Wildfeuer, Ursula / Althammer, Jörg, Paderborn 2014. S. 337–377.

Научная и критическая литература

Deutsche Bischofskonferenz (DBK) – Kommission für gesellschaftliche und soziale Fragen: Das Soziale neu denken. Für eine langfristig angelegte Sozialpolitik, Bonn 2003.

GABRIEL, KARL/GROSSE-KRACHT, HERMANN-JOSEF (HRSG.), JOSEPH HÖFFNER (1906–1987). Soziallehre und Sozialpolitik. „Der personale Faktor...“, Paderborn 2006.

Papst Pius XI.: Enzyklika „Quadragesimo anno“, in: Bundesverband der Katholischen Arbeitnehmer-Bewegung Deutschlands (KAB) (Hrsg.): Texte zur katholischen Soziallehre, Kevelaer 1992. S. 61–122.

ROOS, LOTHAR, JOSEPH KARDINAL HÖFFNER (1906–1987), in: Aretz, Jürgen u. a. (Hrsg.), Zeitgeschichte in Lebensbildern. Aus dem deutschen Katholizismus des 19. und 20. Jahrhunderts, Bd. 8, Mainz 1997. S. 173–195.

Zweites Vatikanisches Konzil Pastoralkonstitution „Gaudium et spes“ (1965), in: Bundesverband der Katholischen Arbeitnehmer-Bewegung Deutschlands (KAB) (Hrsg.): Texte zur katholischen Soziallehre, Kevelaer 1992. S. 291–395.

Функция частной собственности в свободном мире*

Западный мир един во мнении, что институт частной собственности образует фундамент экономического строя свободного мира. Для обоснования этой позиции обычно приводят мысли, выражающие древнейшую западноевропейскую мудрость и в жестокой форме подтвержденные системой большевистского террора.

* В данной публикации приводится фрагмент работы Йозефа Хёффнера «Функция частной собственности в свободном мире». Перевод осуществлен по изданию: *Joseph Höffner* (1957). Grundtexte zur Freiburger Tradition der Ordnungsökonomik. Herausgeg. Von Nils Goldschmidt und Michael Wohlgemuth. Verlag „Mohr Siebeck“, Tübingen, 2008. S. 533–564.

Тройная функция частной собственности

Если попытаться систематизировать те доводы, которые выдвигаются в пользу института частной собственности, то получается, что практически всегда можно выделить три функции частной собственности.

1. Частная собственность соответствует *духовной самостоятельности* человека. Это “*stimulus vitae*” (лат. — стимул жизни), он пробуждает собственную инициативу и усиливает собственную ответственность, в то время как недопущение частной собственности приводит к инертности и нежеланию работать³. “Человек, который не может приобрести собственность”, — полагал Адам Смит в 1776 году, — “не может иметь никаких других интересов, кроме как есть как можно больше и работать как можно меньше” (Smith 1776/1924: 395).

Совершенно иначе подходит к этому вопросу марксистская идеология: следует всего лишь ликвидировать частную собственность и обобществить всю экономику, и тогда прежде эгоистичный человек превратится в счастливого и невинного ангела. На «высшей стадии развития коммунистического общества», пророчествовал Карл Маркс, труд “перестанет быть одним лишь средством к существованию, а станет первой потребностью жизни”; и тогда общество сможет “торжественно провозгласить свой лозунг: каждому по способностям, каждому по потребностям” (Marx 1946: 19 ff.).

Есть что-то трогательное и одновременно ужасающее в этой наивной вере в ту иллюзию, что после ликвидации частной собственности — как непосредственной и единственной кардинальной ошибки — человек станет образцом благородства и бескорыстия. Несмотря на все злодеяния, которые были совершены под знаком марксистской утопии, учение партии большевиков судорожно цепляется за коммунистическую идеологию. «Коммунистический труд», как провозглашал Ленин, это “*бесплатный труд на пользу общества, труд, производимый не для отбытия определенной повинности, не для получения права на известные продукты, не по заранее установленным и узаконенным нормам, а труд добровольный, труд вне нормы, труд, даваемый без расчета на вознаграждение, без условия о вознаграждении, труд по привычке трудиться на общую пользу и по сознательному (перешедшему в привычку) отношению к необходимости труда на общую пользу, труд, как потребность здорового организма*” (Lenin 1947: 666 f.). Неужели еще существуют люди, которые до сегодняшнего дня продолжают верить в эту утопию?

³ Фома Аквинский заметил во времена развитого Средневековья: “Unusquisque laborem fugiens relinquit alteri, id quod pertinet ad commune”. (Summa Theol., II. II. 66,2)

2. Частная собственность служит для четкого *разделения и разграничения сфер компетенций и ответственности* в экономике⁴. Если упразднить институт частной собственности, то необходимо внедрять систему централизованного управления и планирования, требующую огромного бюрократического аппарата. Через несколько месяцев после захвата власти большевиками Ленин заявил: “Превращение всего государственного экономического механизма в единую крупную машину, в хозяйственный организм, работающий так, чтобы сотни миллионов людей руководились одним планом, — вот та гигантская организационная задача, которая легла на наши плечи” (Lenin 1947: 333).

Фома Аквинский вслед за Аристотелем метко и своевременно указал на то, что при такой системе трудящиеся люди стали бы протестовать и выражать недовольство функционерами: они, рабочие, должны вкладывать не покладая рук за скудный паек, в то время как другие как сыр в масле катаются и при этом гарантированно получают львиную долю дохода⁵. Пример такого недовольства рядовых колхозников функционерами нам невольно сообщил бывший Председатель Президиума Верховного Совета СССР Михаил Иванович Калинин. Во время посещения родной деревни и колхоза Калинин вышел в сопровождении «шести или семи руководящих работников деревни» в поле. “Когда мы поравнялись с работающими, то одна из убиравших лен женщин воскликнула, указывая на идущих со мной: «Михаил Иванович, эва сколько людей ты привел к нам на поле гулять, а ведь мы — женщины — работаем!» ... «Так чего же вы не заставите их работать?» — спрашиваю. «Да разве таких лодырей заставишь!» — ответили женщины. Тогда я обратился к моим спутникам (председателю и секретарю сельсовета, председателю колхоза, просвещенцам и т.д.) и сказал им, что так как весь народ на поле, а следовательно, в деревне им сейчас делать нечего, то пусть они тоже уберут 2 гектара льна. Это решение вызвало бурный восторг работающих женщин” (Kalinin 1946: 15).

3. Экономический строй на основе частной собственности — это *гарант свободы и достоинства человека*. Частная собственность образует — по словам Пия XII — не только “элемент общественного строя, необходимое условие предприимчивости людей”, но и одну из надежнейших гарантий “свободы и достоинства человека”, поэтому “в каждом нормальном экономическом и общественном строе должно непременно существовать в качестве незыблемого фундамента право на частную

⁴ Фома Аквинский ясно сформулировал этот принцип: “Ordinatus res humanae tractantur, si singulis imminet propria cura alicui rei procurandae; esset autem confusio, si quilibet indistincte quaelibet procuraret” (II. II. 66,2).

⁵ “Murmurarent de majoribus, quod parum laborantes multum acciperent, ipsi autem e contrario minus acciperent plus laborantes” (Pol., II., lect. 4).

собственность”⁶. В этой социальной организующей функции заключено мощное общественно-политическое значение частной собственности. Ведь вслед за экономической зависимостью приходит и политическая, культурная и религиозная несвобода. “Можно ли усомниться, — справедливо вопрошает Ф.А. Хайек, — что у мультимиллионера (в Соединенных Штатах), оказавшегося моим соседом, а может быть, и работодателем, надо мной гораздо меньше власти, чем у ничтожнейшего чиновника (в Советском Союзе), в чьих руках государственный аппарат насилия и от чьей прихоти зависит, позволено ли мне будет жить и работать, и в каких условиях?” (Hayek 1945: 138). А лживую фразу о том, что все средства производства принадлежат всему народу, Александр Рюстов называет “вторым томиком детского букваря” (Rüstow 1949: 123).

Достаточно лишь вспомнить суровую угрозу Ленина: “Долой тех, кто думает об отлынивании от работы!.. Да здравствует трудовая дисциплина, рвение в труде!” (Lenin 1947: 646). “Кто не работает, тот пусть не ест — вот практическая заповедь социализма... В одном месте посадят в тюрьму полдюжины рабочих, отлынивающих от работы. В другом — поставят их чистить сортиры. В третьем — снабдят их, по отбытии карцера, желтыми билетами, чтобы весь народ, до их исправления, надзирал за ними, как за вредными людьми. В четвертом — расстреляют на месте одного из десяти, виновных в тунеядстве. В пятом — придумают комбинации разных средств” (Lenin 1947: 297).

Функциональные кризисы частной собственности в современном обществе

Поскольку западный мир единодушно выступает за идею частной собственности — с этим соглашаются и неолибералы, и неосоциалисты, и представители протестантского и католического социальных учений — невольно возникает вопрос о том, как же устроена частная собственность и каковы ее функции в реальных экономических и общественных условиях. В этой связи высказываются многочисленные и серьезные сомнения. В реальной жизни три функции частной собственности подвергаются угрозе серьезных кризисов.

1. *Отсутствие собственности у широких масс*, в первую очередь у трудящихся по найму, приводит к тому, что собственность в современном обществе утратила функцию пробуждения и укрепления личной ответственности, что внушает опасения. Место собственности для 18,4 миллиона рабочих, служащих и чиновников Федеративной Республики заняло их профессиональное положение в общественной и эконо-

⁶ Пий XII, обращение от 1 сентября 1944 года.

мической жизни, а также приносимый их профессиональной деятельностью постоянный трудовой доход. Этим объясняется ярко выраженное стремление к социальным гарантиям — ведь для человека, не имеющего собственности, прерывание трудовой деятельности или же ее потеря на длительное время означает угрозу существованию.

В истории человечества распределение собственности идеальным практически никогда не было — ни в Древнем Риме, ни в Средневековье, ни в царской России, ни в Китае в прежние времена, ни в промышленно развитых странах западного мира. Серьезную фразу из энциклики “*Quadragesimo anno*” о том, что “само существование громадной массы пролетариев в сравнении с малым кругом сверхбогатых является неоспоримым доказательством того, что богатства... несправедливо распределены в отношении к разным общественным классам людей”⁷ еще более остро формулирует Александр Рюстов, который пишет: “Сегодня никто больше не будет утверждать всерьез, что распределение собственности и доходов при нашем плутократическом экономическом строе имеет что-то общее с социальной справедливостью”. В критике господствовавшей ранее несправедливости мы, пишет он, “согласны с социалистами” (Rüstow 1949: 122 f.). И действительно — например, Герхард Вайссер со всей решимостью клятвенно заверяет, что свободомыслящий социализм западного мира не является “ни половинным, ни умеренным коллективизмом”; он не пренебрегает “ценностями собственности”, а в большей степени способствует “обретению собственности и теми членами общества, которым общественный строй до сих пор практически не давал возможности получить ее” (Weisser 1953: 64).

Сегодня больше всего сожалеют о том, что значительное приумножение имущества после 1948 года пошло на пользу работающим лишь в ограниченном масштабе. Пауль Йосток выдвинул яростно критикуемый одними и оживленно приветствуемый другими тезис о том, что “по старой привычке практически все снова перешло в собственность предпринимателей и владельцев капитала”. “Конечно, рабочие при этом неплохо зарабатывали, но справедливой доли дохода, прежде всего нераспределенных прибылей, они были лишены. Если задуматься над тем, насколько срочно у нас была проведена реформа распределения имущества и какие уникальные шансы предоставило это послевоенное развитие, то этот процесс можно назвать не иначе как скандалом, требующим восстановления справедливости” (Jostock o.J.: 38). Освальд фон Нелль-Бройнинг, называя это суждение “жестким, но не лишенным справедливости” (Nell-Breuning 1956: 6), в то же время в статье в журнале “*Aussprache*” хоть и расценивает этот процесс как “не вызывающий

⁷ Энциклика “*Quadragesimo anno*” (1931), № 60.

радости”, но добавляет, что предпринимателей упрекать нельзя, потому что они “абсолютно правильно действовали в рамках тех экономико-политических условий, которые создало федеральное правительство” (O.V. 1956: 262). Позже мы еще вернемся к этой дискуссии. Здесь же следует лишь отметить функциональный кризис частной собственности, вытекающий из неудовлетворительного “рассеивания” собственности.

2. Вторая мысль исходит из того, что частная собственность на средства производства во многих сферах современной экономики практически не означает для самих собственников ни права распоряжения, ни чувства ответственности. В акционерных обществах, которые являются основой высокоиндустриальной экономики нашего времени, само это общество как “юридическое лицо” является собственником в правовом смысле. Акционер как “владелец доли собственности”, который — как излагает Освальд фон Нелль-Бройнинг — зачастую и сам является “юридическим лицом”, что нередко приводит к возникновению “целых каскадов отношений долевой собственности”, вследствие принятия “Закона об акционерных обществах 1937 года в значительной степени был лишен власти в пользу наблюдательного совета и правления, то есть менеджмента”. Не приходится сомневаться в том, что менеджмент приобрел “значительную степень самовластия”; он это “четко осознает” и действует соответственно. Несколько утрируя, можно сказать, что “сегодняшний крупный и влиятельный предприниматель не является более человеком, который вносит и использует в предпринимательских целях большое имущество, значительные средства производства, которыми он владеет, а человеком, который оккупирует, а в отдельных случаях прямо-таки узурпирует власть над совокупностью средств производства, предприятиями и целыми комплексами предприятий, которые не являются его собственными”. Если понимать под собственностью “юридическое право собственника распоряжаться тем, что он называет своим собственным”, то следует сказать: “понимаемая таким образом собственность является всемерно дефункционализированной” (Nell-Breuning 1956: 4 ff.). В дискуссии о праве участия в управлении предприятием “председатель правления крупной компании” на предложение о паритетном составе наблюдательного совета привел “следующее примечательное возражение”: “Представителям капитала в наблюдательном совете толковый председатель правления в состоянии объяснить правильность своих намерений и таким образом получить их согласие. Будет ли ему всегда удаваться убеждать также и представителей рабочих в наблюдательном совете и при этом получать их согласие — довольно сомнительно; поэтому присутствие в составе наблюдательного совета представителей рабочих, которые при желании могли бы настоять на отклонении предложений председателя правления и тем самым помешать ему реализовать свои намерения, является неприемлемым”. Освальд фон

Нелль-Бройнинг добавляет: “Это ведь ясно и недвусмысленно означает: будучи председателем правления, я отклоняю любую попытку повлиять на управление предприятием, будь то со стороны владельцев долей собственности, будь то со стороны работников; я, председатель правления, хочу принимать решения *единолично*” (Nell-Breuning 1951: 11).

3. Из этого вытекает третья мысль. Против тезиса о том, что частная собственность является гарантом достоинства и свободы человека, выдвигается возражение — *частная собственность на средства производства дает общественную власть* и тем самым загоняет работников в зависимость. Еще Адам Смит обращал внимание на эту взаимосвязь. Он исходил из того, что работодатели и работники ведут борьбу друг с другом за заработные платы: “Нетрудно, однако, предвидеть, какая из этих двух сторон должна при обычных условиях иметь преимущество в этом споре и вынудить другую подчиниться своим условиям... Во всех таких спорах и столкновениях хозяева могут держаться гораздо дольше. Землевладелец, фермер, владелец мануфактуры или купец, не нанимая ни одного рабочего, могут обыкновенно прожить год или два на капиталы, уже приобретенные ими. Многие рабочие не могут просуществовать и неделю, немногие могут просуществовать месяц, и вряд ли хотя бы один из них может прожить год, не имея работы”. Большая часть рабочих вынуждена “сдаться, чтобы получить кусок хлеба” (Smith 1776/1924: 65 ff.).

Излишним было бы подробнее обсуждать марксистскую критику, усмотревшую в частной собственности на средства производства причину обнищания и “отчуждения” пролетариата. Те споры, зачастую жаркие, которые велись по этой проблеме в христианско-социальном движении XIX века (Höffner o.J.), также не стоит рассматривать.

Между тем, следует отметить, что и по сегодняшний день, прежде всего в христианском мире, на диалектическое противоречие “трудовой договор и достоинство человека” зачастую смотрят с определенной подозрительностью, при этом внутренняя проблематика рассматривается как в целом одинаковая, кто бы ни являлся работодателем — сам собственник или менеджер. Так, например, французский теолог Антонин Гильберт Сертильянж считает, что крепостное право, конечно же, явилось прогрессом в сравнении с рабством, равно как и система заработной платы лучше, чем крепостное право. Но я утверждаю, продолжает он, “что либеральный капитализм сам еще несет в себе слишком многое от обеих систем, на место которых он пришел”. Поэтому я причисляю трудовые отношения получателя заработной платы — хоть это и значительный шаг вперед — еще “к системе крепостного права и рабства”. “Что у них общего, так это то, что во всех случаях человека в той или иной степени покупают”⁸.

⁸ Документы, том 10, 1946, № 54. Перевод из: *Économie et Humanisme*, сент./окт.

Аналогичные воззрения могут осознанно или неосознанно скрываться за требованиями получения права на участие в управлении предприятием или же реорганизации системы заработной платы в рамках общественных отношений.

Обновление и усиление функций частной собственности

Сравнение большого общественно-политического значения, которое теоретически придается частной собственности в западном мире, с фактическими отношениями собственности неизбежно приводит к вопросу о том, каким образом можно сблизить идею и реальность. Стоит попытаться внести несколько предложений, принимая во внимание тройную функцию собственности.

1. Мысль о необходимости и преимуществах формирования общественно-экономического строя, основанного на частной собственности, может звучать как издевка в том случае, если лишь относительно малая группа людей распоряжается обширными владениями, тогда как большая часть народа ничего не имеет. Институт частной собственности только тогда будет выполнять свою функцию, если как можно большему количеству людей достается определенная ее доля. Это ни в коем случае не означает уравниловку и приведение имущественного положения для всех к единому знаменателю. Проявляемая в большей или меньшей степени собственная инициатива и бережливость — наряду с множеством других причин — всегда будут приводить к различиям в количестве имущества у разных людей. Крупное, законным путем приобретенное состояние — не преступление. Однако отношения собственности только тогда являются здоровыми с общественно-политической точки зрения, когда широкие народные массы владеют таким количеством имущества, что не попадают в экономическую зависимость ни от других общественных слоев, ни от государства.

В обществе индустриальной эпохи большинству людей приходится зарабатывать себе на жизнь в рамках служебных отношений — будучи получателем заработной платы или оклада. Именно эти, до сих пор в большинстве своем не владевшие собственностью работники должны иметь возможность приобретать собственность, при этом можно выделить три условных круга этой собственности.

Сегодня в большинстве случаев собственность наемных работников ограничивается тем, что они имеют в своих четырех стенах: предметы домашнего обихода, одежду, мебель и т. п. Для приобретения этих вещей, образующих, условно говоря, самый малый, ближний круг имеющейся собственности, поскольку их человек нагляднее и непосредственнее всего воспринимает своими собственными, даже сегодня проявляется

реальная воля к экономии, и эту целенаправленную экономию можно только приветствовать в сравнении с немедленной растратой всего дохода на непосредственное потребление продуктов питания.

Со времени проведения денежной реформы домашние хозяйства Германии, без сомнения, накопили немало имущественных ценностей такого рода. Однако дать статистическое подтверждение тому, о каких масштабах здесь идет речь, не представляется возможным, поскольку в Федеративной Республике нет “какого-либо упорядоченного представления о масштабах накопления собственности” (Spiegelhalter 1955: 89 ff.).

Особую поддержку следует оказывать приобретению собственного дома, который образует второй круг имеющейся собственности, окружающей человека и его семью. Если задолженность по ипотеке выплачена до 65-го года жизни, то таким образом – путем самообеспечения – можно было бы создавать до 20–25 процентов всего объема социального обеспечения по старости. По приблизительным оценкам, в 1950–1955 годах в жилищное строительство было инвестировано около 25 миллиардов немецких марок.

В конце концов, нужно искать возможности для вовлечения широких слоев населения – посредством сбережений – в процесс формирования капитала в экономике, что образовывало бы третий круг собственности, окружающий и защищающий людей. Но здесь возникает все больше трудностей, поскольку, с одной стороны, речь идет о более или менее анонимных формах собственности, а с другой стороны, еще недостаточно прояснен вопрос о подходящих способах (например, путем создания инвестиционных банков и т. п.). Разумеется, следует принимать во внимание предостережение Франца Кестера, который предлагал не дожидаться принятия долгосрочных программ и макроэкономических решений, а “в реальной экономической и социальной ситуации сосредоточиться на поиске тех или иных способов решения многочисленных конкретных проблем” (Coester 1956: 9 ff.).

Конечно же, расширение доли владения собственностью среди наемных работников, и не в последнюю очередь среди их жен, предполагает желание обладать собственностью, то есть желание не перекладывать изначально ответственность на крупные учреждения и не тратить весь доход на потребление, а сберегать некоторую его часть и направлять на инвестиции. Освальд фон Нелль-Бройнинг справедливо пишет, “что размер дохода, понимаемый как доля в социальном продукте, которая может доставаться той или иной группе населения, в значительной степени определяется *видом использования*, то есть тем, куда получатели доходов направляют свои поступления”. Той частью социального продукта, которую следует инвестировать, может “стать только доход таких получателей доходов, которые желают каким бы то ни было путем, опосредован-

но или непосредственно, направить эту часть своего дохода на инвестиции — в качестве ответственного или ссудного капитала” (Nell-Breuning o.J.: 52). Эту закономерность следует учитывать, называя опыт образования собственности и имущества в течение последних лет⁹ не иначе как “скандалом”. И когда Герхард Кролль намеревается усмотреть в подобных взглядах Нелль-Бройнинга “разворот” в сторону устаревшего либерализма (Kroll 1954: 58), это тоже следует расценивать как недопонимание.

3. Чем шире удастся “рассеять” собственность, особенно на средства производства, тем неизбежнее и острее будет просматриваться противоречие с возражением, что собственники средств производства в современной экономике в значительной степени лишены власти менеджерами.

Прежде всего следует предостеречь от преувеличений. В подавляющем большинстве случаев — например, в крестьянских или ремесленных семейных хозяйствах, в торговле, на малых и средних промышленных предприятиях под семейным управлением, функция собственности до сегодняшнего дня объединена с функцией руководства компанией. Можно в интересах широкого “рассеивания” экономических сфер ответственности представлять мнение, что для тех экономических задач, которые в рентабельной для народного хозяйства форме могут быть решены на малых и средних предприятиях, не должны создаваться крупные предприятия, при этом само собой разумеющимся полагается, что современная экономика во многих сферах не может обойтись без крупных предприятий.

Типичным для крупного предприятия почти во всех случаях является разделение функции собственника и функции предпринимателя — явление, которое, кстати, не следует расценивать исключительно как отрицательное. А именно, с тех пор, как выполнение творчески-предпринимательских функций перестало быть исключительной прерогативой собственников, путь на руководящие должности в бизнесе открыт значительно большему кругу людей с предпринимательскими способностями, вследствие чего средний уровень предпринимательского успеха, без сомнений, может служить на пользу всей экономике.

В качестве объяснения этой тенденции все большего возрастания влияния менеджмента можно привести различные причины: иногда собственник семейного предприятия не способен или не склонен самостоятельно взять на себя руководство. Ведь вовсе не обязательно, что наследник промышленного предприятия должен обладать предпринимательскими способностями. В крупных компаниях, которые обычно

⁹ О накоплении имущества в Федеративной Республике Германии в 1950–1955 годах см. *Ежемесячный отчет Банка немецких земель 7/1956*. С. 41 и далее.

организованы в форме акционерных обществ, ввиду того что никто из собственников не может в одиночку привнести необходимый капитал, владельцы долей собственности, акционеры, не могут сами выполнять предпринимательскую функцию, в результате чего они вынуждены нанимать директоров и руководителей. Кроме того, на крупных предприятиях спектр различных предпринимательских задач возрос до такого объема, что отдельно взятый человек, будь он хоть гением из гениев, не способен *самостоятельно* справляться с этими задачами. Это вызывает необходимость грамотного распределения сфер предпринимательской ответственности (Höffner 1954: 289 ff.).

Однако директора и руководящие сотрудники, несмотря на разделение функций, остаются уполномоченными и представителями владельцев долей собственности, которые – соразмерно их доле – несут риски. Было бы опасным заблуждением ратовать за институционализм на предприятии, который видит в предприятии полностью независимую от собственников структуру. Вместо этого, с одной стороны, должно быть усилено общественно-правовое положение акционеров, а с другой стороны, как указывалось выше, самые широкие слои населения должны получить возможность участвовать в формировании капитала в рамках народного хозяйства путем осуществления собственных сбережений.

4. То возражение, что с частной собственностью на средства производства связана общественная власть над наемными работниками, может пониматься по-разному.

Сначала можно было бы задаться вопросом, имеет ли право собственник предприятия или его заместитель давать наемным работникам указания, касающиеся производственного труда. Ведь, скажем, технологический цикл предприятия может одновременно определяться разнообразными, рационально налаженными для производственного процесса двигателями и станками. Совокупность этих машин и в высшей степени рационализированный производственный процесс приводят, с одной стороны, к значительному раздроблению выполняемых людьми технических задач, а с другой стороны – к сведению воедино и упорядочиванию этих отдельных технологических операций в единый механический производственный цикл. Процесс производства может функционировать только при слаженной совместной работе всех этих сил. Из этого следует, что на современном предприятии должно быть обеспечено единство технического руководства. В этом отношении любое предприятие похоже на корабль. Теория и практика учат, что невозможно предоставить техническое руководство предприятием на свободное усмотрение его совладельцев. И принятие свободного решения относительно того, чтобы встраиваться в систему и подчиняться, а именно – повиноваться, нисколько не противоречит христианскому представле-

нию о человеке. Договор о найме рабочей силы, как сказано в энциклике “*Quadragesimo anno*”, не может “сам по себе быть назван несправедливым”, и нельзя требовать его замены общественным договором¹⁰.

Также следует отметить, что когда речь идет о господстве и власти над обществом, в большинстве случаев имеется в виду нечто другое, а именно — власть предпринимателя в определении условий существования наемного работника и его семьи. Об этом говорил, в частности, французский экономист Леон Фоше, который в 1845 году, рассказывая об английском промышленном городе Бирмингеме, писал: “Из рабочих как будто сформированы полки, и ничто так сильно не напоминает казарму, как эти промышленные сооружения; фабрика — это цитадель, дымовая труба — флаг. Допуская или не допуская семью к работе, фабрикант косвенно принимает решение о жизни и смерти членов семьи” (Faucher 1845; цит. по: Michels 1926: 248).

Как известно, в наше время так называемый «свободный трудовой договор» давно перестал быть соглашением отдельного работника с отдельным работодателем и «содержательно предопределен», так что уже вряд ли можно говорить об общественной власти работодателя над работниками: законодательная защита детей, молодежи и женщин, техника безопасности, охрана здоровья, защита от увольнения, установление размеров заработной платы посредством заключения тарифных соглашений между обоими социальными партнерами, защита и социальное обеспечение в случае болезни, инвалидности, безработицы и достижения нетрудоспособного возраста, гарантия свободного времени (восьмичасовой рабочий день), создание производственных советов, предоставление права на участие в управлении предприятием и т. д.

Отношение работодателя к работнику определяется не общественной властью собственности на средства производства, а — по словам Пия XII — “общностью действий и интересов”. “Они работают совместно на благо общего дела. Они, так сказать, едят за одним столом”¹¹.

ЛИТЕРАТУРА

- COESTER, FRANZ (1956). Grundbedingungen für breitere Eigentumsbildung, Politisch-Soziale Korrespondenz 5. S. 9–11.
- FAUCHER, LÉON (1845). *Études sur l'Angleterre*, Paris: Librairie de Guillaumin.
- HAYEK, FRIEDRICH A. VON (1945). *Der Weg zur Knechtschaft*. Herausgegeben und eingeleitet von Wilhelm Röpkе, Erlenbach-Zürich: Rentsch [Englische Erstausgabe: 1944].

¹⁰ Энциклика “*Quadragesimo anno*” (1931), № 64.

¹¹ Пий XII, обращение от 7 мая 1949 года.

- HÖFFNER, JOSEPH (1954). Die Stellung des leitenden Angestellten im Betrieb, *Bergfreiheit* 19, Nr. 7. S. 289–293.
- HÖFFNER, JOSEPH (o.J.). Die deutschen Katholiken und die soziale Frage im 19. Jahrhundert, Paderborn: Bonifacius-Druckerei [ca. 1955].
- JOSTOCK, PAUL (o.J.). Das Sozialprodukt und seine Verteilung, Paderborn: Bonifacius-Druckerei [ca. 1955].
- KALININ, MICHAEL I. (1946). Die Macht des Sowjetstaates, Berlin: Verlag der Sowjetischen Militärverwaltung in Deutschland.
- KROLL, GERHARD (1954). Eigentumsbildung, Gewinnbeteiligung und Konjunkturstabilisierung, in: *Eigentum in Arbeiterhand*. Herausgegeben vom Sozialreferat der abendländischen Akademie, München: Verlag Neues Abendland. S. 15–112.
- LENIN, VLADIMIR I. (1947). *Ausgewählte Werke in zwei Bänden*. Band 2, Moskau: Verlag für fremdsprachige Literatur.
- MARX, KARL (1946). *Kritik des Gothaer Programms*, Neudruck, Berlin: Verlag Neuer Weg.
- MICHELS, ROBERT (1926). *Psychologie der antikapitalistischen Massenbewegung*, in: *Grundriss der Sozialökonomie*. IX. Abteilung: Das soziale System des Kapitalismus. 1. Teil: Die gesellschaftliche Schichtung im Kapitalismus, Tübingen: Mohr. S. 241–359.
- NELL-BREUNING, OSWALD VON (1951). *Wandlungen im Kapitalismus*, Heppenheim: Hessische Druckerei [Vortrag vom 18.5.1951, als Manuskript gedruckt].
- NELL-BREUNING, OSWALD VON (1956). *Eigentum und Verfügungsgewalt in der modernen Gesellschaft*, *Gesellschaftspolitische Kommentare* 3, Nr. 17. S. 2–7.
- O.V. (1956). *Die Vermögensbildung in der Bundesrepublik Deutschland 1950–1955*, Die Aussprache 6. S. 258–262.
- RÜSTOW, ALEXANDER (1949). *Zwischen Kapitalismus und Kommunismus*, *ORDO* 2. S. 100–169.
- SMITH, ADAM (1776/1924). *Der Reichtum der Nationen*. Nach der Übersetzung von Max Stirner und der englischen Ausgabe von Cannan (1904) herausgegeben von Heinrich Schmidt, Leipzig: Körner.
- SPIEGELHALTER, FRANZ (1955). *Zur statistischen Erfassung der Eigentumsbildung*, *Wirtschaftsdienst* 35. S. 89–92.
- WEISSER, GERHARD (1953). Art. „*Freiheitlicher Sozialismus*“, in: *Handbuch sozialdemokratischer Politik*, Mannheim: AZ-Druck. S. 63–65.

АЛЬФРЕД МЮЛЛЕР-АРМАК

Введение

Лотар Функ

Биография и труды

Альфред Мюллер-Армак (28 июня 1901 – 6 марта 1978 года) родился в городе Эссен в семье Германа Мюллера, руководителя Потребительского союза фирмы Крупп, и его супруги Элизы. Девичью фамилию своей матери, урожденной Армак, он приблизительно с 1932 года использовал в публикациях в качестве приставки к своей фамилии.

Научная карьера Мюллер-Армака началась с изучения политической экономии и философии в университетах Гиссена, Фрайбурга, Мюнхена и Кёльна. После защиты кандидатской диссертации в 1923 году в Кёльнском университете через два года он там же защитил докторскую диссертацию, где одновременно замещал должность ассистента в деканате. В обеих работах он занимался вопросами конъюнктуры. С 1926 по 1938 год Мюллер-Армак был сначала приват-доцентом, а затем внештатным профессором в Кёльне. Начав в 1938 году работу в качестве приглашенного профессора в университете Мюнстера, уже в 1939 году он получил там должность внештатного профессора, после чего в 1940 году был назначен заведующим кафедрой политической экономии и социологии культуры (в частности, он занимался вопросами социологии религии). Одновременно Мюллер-Армак был в Мюнстере исполнительным директором Института по изучению вопросов расселения и жилья. Там же в 1941 году он стал одним из учредителей и руководителем Научно-исследовательского центра по изучению общих вопросов рыночной экономики и рынка текстильной продукции. В литературе встречаются противоречивые интерпретации его отношения к национал-социализму, поскольку поначалу, после острой критики политической ситуации в Веймарской республике, в своей публикации 1933 года «Идея государства и экономическая система в новом рейхе» („*Staatsidee und Wirtschaftsordnung im neuen Reich*“) он выражал симпатии по отношению к некоторым аспектам итальянского фашизма. Под воздействием репрессивного

режима нацистов он, однако, быстро удалился во «внутреннюю эмиграцию», перенеся круг своих научных интересов в область исследования социологии культуры и религии. До 1945 года Мюллер-Армак почти не публиковал свои работы, за исключением нескольких экспертных заключений для своих исследовательских институтов, а также книги о стилях ведения хозяйства („*Genealogie der Wirtschaftsstile*“), вышедшей в 1941 году и получившей успех среди читателей.

Своими многочисленными докладами и публикациями по вопросам нового экономического и общественного порядка непосредственно после окончания войны он внес существенный вклад в преобразование страны, ставшей впоследствии Федеративной Республикой Германией. С 1948 года Мюллер-Армак был учредителем и членом Научного совета при Экономическом управлении во Франкфурте-на-Майне. В 1950 году он принял приглашение Кёльнского университета. Учреждение Кёльнского института экономической политики в 1950–1951 годах, который, по его мнению, был необходим для обеспечения политиков профессиональной научной экспертизой, — в том числе благодаря близости к тогдашней столице ФРГ Бонну — в существенной степени является его заслугой. Параллельно со своей профессорской деятельностью в университете Мюллер-Армак с 1952 по 1963 год занимал высокий пост в федеральном министерстве экономики под руководством министра экономики Людвиг Эрхарда. С 1952 по 1958 год он временно исполнял обязанности руководителя Отдела основных вопросов экономической политики. В 1958 году он был назначен заместителем министра по европейским вопросам в федеральном министерстве экономики и таким образом отвечал за все вопросы по созданию Европейского экономического сообщества (ЕЭС). Мюллер-Армак покинул этот пост в 1963 году и до 1969 года занимался профессорской работой в Кёльнском университете. С 1964 по 1968 год он одновременно занимал пост председателя Фонда Конрада Аденауэра, а в 1977 году стал председателем Фонда Людвиг Эрхарда. Во время своей политической деятельности он неустанно стремился воплотить свои концептуальные идеи в политическую практику. В частности, в ходе проведения переговоров об учреждении ЕЭС он способствовал приведению Римских соглашений 1957 года в максимальное соответствие принципам рыночной экономики для формируемого сообщества шести стран.

В течение последующих девяти лет вплоть до своей смерти «обладавший наибольшим политическим влиянием немецкий экономист своего поколения» (Feld, Goldschmidt, Zweynert, 2011. S. 14) продолжал вести активную научную и общественную деятельность. Многочисленные награды, в том числе международные, а также множество памятных изданий, в которых друзья и ученики отдавали должное его личности и достижениям, свидетельствуют о его значимости.

Научные труды Мюллер-Армака охватывают широкий спектр тем и включают в себя множество публикаций, из которых здесь будут кратко представлены лишь самые важные. Но в первую очередь он является автором понятия «социальное рыночное хозяйство» и выступает ключевым академическим и политическим основоположником данной концепции. Однако академическая карьера Мюллер-Армака началась задолго до этого и была связана с исследованием капитализма с позиций, отличных от марксизма. Как уже говорилось, в своей кандидатской диссертации на тему «Проблема кризисов в теоретической социальной экономике» („*Das Krisenproblem in der theoretischen Sozialökonomik*“), защищенной в 1923 году, а также в докторской диссертации «Экономическая теория конъюнктурной политики» („*Ökonomische Theorie der Konjunkturpolitik*“), защищенной в 1925 году, ученый исследовал вопросы конъюнктуры с точки зрения теории и политики. Его докторская диссертация стала одной из первых вышедших в немецкоязычных странах теоретических работ, посвященных вопросам политики регулирования конъюнктуры. На основе материала диссертации было написано еще несколько научных работ, посвященных этой области исследований.

Изучение вопросов социологии культуры, религии и экономики в продолжение предшествовавших исследований Вернера Зомбарта и Макса Вебера вызвало у Мюллер-Армака уже в начале 1930-х годов большой интерес к вопросам исследования стилей ведения хозяйства. В 1941 году вышла книга Мюллер-Армака «Генеалогия стилей ведения хозяйства» („*Genealogie der Wirtschaftsstile*“), третье издание которой было опубликовано уже в 1944 году. Его исследования указывали на то, что экономические отношения в традиционном европейском обществе и в восточноевропейских странах определяются религиозными взглядами, что вступало в противоречие с гибельной национал-социалистической идеологией биологического расизма.

В работе «Управление хозяйством и рыночная экономика» („*Wirtschaftslenkung und Marktwirtschaft*“), вышедшей, как указано на обложке издания, в 1947 году, но тираж которой увидел свет уже в конце 1946 года, Мюллер-Армак выступает за быструю ликвидацию системы плановой экономики, сохранившейся со времен войны, и замену ее на «социальное рыночное хозяйство». Одноименную концепцию он впервые подробно изложил именно в этой работе, в связи с чем ее тексту отводится ключевая роль и одна из представленных ниже выдержек взята именно из нее.

В своей статье «Социальное рыночное хозяйство», опубликованной в 1956 году в словаре-справочнике по общественным наукам, Мюллер-Армак обобщил различные социальные преимущества рыночной экономики. В частности, он выделил вынужденное увеличение производительности, вызванное конкуренцией, в качестве важного социально

значимого явления, а также указал на необходимость обеспечения независимости потребителей, которые в условиях рыночной экономики (в отличие от планового хозяйства) могут регулировать производство на действующих рынках по своим потребностям. Впрочем, ученый сразу же оговорился, предупредив, что следует остерегаться переходить границу, за которой начинается нарушение рыночных процессов.

Особого внимания эта работа заслуживает также в связи с тем, что в ней содержится наиболее часто цитируемое определение смысла социальной рыночной экономики, который Мюллер-Армак видит в том, чтобы «увязать принцип рыночной свободы с принципом социального выравнивания». На основании этой формулы можно проверить, насколько дальнейшие теоретические разработки и результаты практической политики продолжают соответствовать изначальной модели социального рыночного хозяйства.

По мнению Мюллер-Армака, концепция социального рыночного хозяйства как стиля организации свободного общества спустя десятилетие после ее успешного практического применения в ходе послевоенной реконструкции в Германии требовала обновления. В этой связи он в ряде своих сочинений — прежде всего в работах «Вторая фаза социального рыночного хозяйства» („*Die Zweite Phase der Sozialen Marktwirtschaft*“) 1960 года и «Общественно-политическая модель социального рыночного хозяйства» („*Das gesellschaftspolitische Leitbild der Sozialen Marktwirtschaft*“) 1962 года — говорил о неотъемлемом вступлении в новую фазу развития социального рыночного хозяйства. Так, при сохранении обязательного соответствия предпринимаемых мер вмешательства законам рынка в системе государственного устройства следует предусмотреть, в частности, дополнительные социальные гарантии, такие как предоставление помощи в переквалификации и премий за мобильность, для лучшего приспособления рынка труда к новым структурным изменениям. Наряду с этим, впрочем, социальная политика должна была учитывать, что все больше людей уже в состоянии обходиться без помощи государства, и твердо придерживаться принципа субсидиарности. Среди основных задач на будущее, которым ранее не уделялось должного внимания, Мюллер-Армак также выделял: создание новых рамочных условий проведения общественной политики (увеличение инвестиций в науку, исследования и образование, и в первую очередь поддержка развитию университетов; программы стимулирования частного предпринимательства; расширение политики обеспечения стабильности, прежде всего для поддержания стабильности стоимости денег и конъюнктуры, и особенно стабильности уровня цен, с тем чтобы избежать уничтожения денежных сбережений населения), улучшение производственной, социальной и экологической среды (гуманизация трудовых отношений,

усиление внимания к сохранению чистоты воды и воздуха, грамотное территориальное планирование и градостроительное проектирование), а также расширение возможностей для воплощения концепции на международном уровне (распространение основополагающих ценностей социального рыночного хозяйства прежде всего в развивающихся странах и на общеевропейском уровне).

Во время исполнения своих обязанностей на государственных постах в период с 1952 по 1963 год Мюллер-Армак не написал каких-либо крупных научных работ. Однако из-под его пера вышел целый ряд небольших статей и сочинений, в которых, как уже указывалось ранее, автор рассматривал возможности дальнейшего развития своей концепции социального рыночного хозяйства. Также в этих работах можно встретить обстоятельное описание результатов его практической деятельности в области европейской политики. Свои комментарии о процессах, происходивших в экономической и общественной политике, а также об актуальных вопросах повседневной политики он публиковал в различных периодических газетных и журнальных изданиях вплоть до конца своих дней, тем самым участвуя в публицистической дискуссии об экономической политике на протяжении 55 лет. Многие из его ранних трудов (до начала 1960-х годов) позднее были повторно переизданы в нескольких сборниках, для доступа к ним более широкого круга читателей (более подробно о перечне этих публикаций см., например: Hasse, Quaas, 2002. S. 318–351). Некоторые из его важнейших и оказавших наибольшее влияние работ были переведены на ряд иностранных языков, что способствовало оживлению дискуссий об экономической политике в других странах.

Значение избранных текстов и их место в истории экономической мысли

Из работ Мюллер-Армака здесь в основном будут представлены его ранние тексты, поскольку в них уже можно найти ключевые характеристики его подхода, которые остаются таковыми и в более поздних публикациях ученого.

В работе 1932 года под названием «Законы развития капитализма» („*Entwicklungsgesetze des Kapitalismus*“) Мюллер-Армак отрицает мнимую неизбежность и политическую востребованность усиления концентрации в экономике с точки зрения законов экономического развития на поздней стадии капитализма. В этом исследовании он также ставит под сомнение все еще распространенную в то время гипотезу относительно законов исторического развития: «На любую попытку уклониться от ответственности за принятие текущих политических решений путем предположения о наличии законов развития история отвечает призы-

вом к созидательному действию, необходимости постоянного поиска новых ориентиров» (Müller-Armasch, 1932. S. 218). Значительно важнее, с его точки зрения, понимать политическую значимость экономической науки.

В своих ранних исследованиях Мюллер-Армас все еще опирался на прежнюю немецкую традицию, рассматривающую ведение хозяйства с точки зрения обусловленного культурными особенностями процесса в качестве центрального аспекта при формировании экономической политики — то, чему другие ученые-экономисты уже уделяли меньшее внимание. Впоследствии именно это оказалось важным преимуществом в его дальнейших концептуальных разработках, ведь именно на этом базируются представления о том, что страны исторически различаются по культуре, нормам и менталитету, — постулат, сыгравший решающую роль при создании релевантной и широко признанной концепции реформ в послевоенной ФРГ.

В уже упоминавшейся работе «Управление хозяйством и рыночная экономика» 1946/1947 года Мюллер-Армас впервые системно развивает свою концепцию социального рыночного хозяйства как экономического стиля, который подвержен историческим изменениям. С точки зрения этого подхода отнюдь не каждая рыночная экономика, которая встречается в истории, обязательно должна быть «социальной». В значительно большей степени этому названию соответствует только такой хозяйственный порядок, который удовлетворяет определенным условиям, целенаправленно инициируемым его новаторским потенциалом. В изначальном значении прилагательное «социальное» в словосочетании «социальное рыночное хозяйство» обозначает государство как действующий субъект общества, призванное защищать основанный на конкуренции хозяйственный порядок от тенденций, которые присущи самой экономике, прежде всего от нарушения конкуренции в результате образования картелей или монополий. Кроме того, государству следует заботиться о социальном выравнивании. Общество, в свою очередь, должно проявлять наибольший интерес к исполнению этих обязанностей государством, что, впрочем, не исключает наличия сильного и независимого от каких-либо групп интересов государства. Установление такого свободного и достойного человека хозяйственного порядка после Второй мировой войны Мюллер-Армас считал первостепенной общественно-политической задачей.

В тексте «Экономический порядок с социальной точки зрения» („*Die Wirtschaftsordnung, sozial gesehen*“) 1947 года Мюллер-Армас прежде всего пытается продемонстрировать, что социалистические эксперименты оказались неспособны реализовать обещанные ими социальные обещания. В этой работе автор также излагает свои представления

о социальной политике, которая — в отличие от интервенционистской модели межвоенного периода — совместима с рыночным хозяйством. Главный тезис его критики государственного интервенционизма заключается в том, что социального прогресса можно достичь только путем нарушения правил рыночной экономики, — подход, который по сей день можно услышать в рамках политического дискурса. Социальный прогресс нельзя отождествлять с отменой рынка — например, путем введения максимальных и минимальных цен или же защиты от увольнения. Наряду с этим автор указывает на необходимость открытия экономики внешним рынкам. Наконец, Мюллер-Армак подчеркивает и такую неотъемлемую функцию социального рыночного хозяйства, как обеспечение синтеза конкурентной рыночной экономики и социального выравнивания, чем должно заниматься государство, обязанное гарантировать всеобщее благосостояние.

В сочинении «Социальная иреника» („*Soziale Irenik*“) 1950 года Мюллер-Армак выводит умиротворяющую формулу социальной иреники, с перспективы которой социальная рыночная экономика предстает в качестве всеобъемлющей мировоззренческой социальной идеи, институционально-теоретическая основа которой, впрочем, неразрывно связана с принципами рыночной координации. Эта эталонная модель призвана примирить различные идейные представления о ценностях, к которым, помимо свободы и справедливости, относятся также безопасность и достоинство человека, что, в свою очередь, должно способствовать принятию этой концепции широкой общественностью. Согласно Мюллер-Армаку, на основании осознанного стремления к широкому признанию основополагающих ценностей возникает объединяющая различные мировоззренческие убеждения умиротворяющая интеграционная сила. Таким образом, концепция социального рыночного хозяйства также может выступать в качестве подходящего ориентира для формирования международной хозяйственной системы и служить образцом, особенно для европейских государств.

Место в современной истории экономической мысли

Непосредственно после войны в обществе будущей Западной Германии имело место широкое согласие в отношении нового свободного демократического политического строя со свободой слова, прессы и информации. Вместе с тем господствовало также широко распространенное убеждение, что только хозяйственное регулирование посредством государства и его бюрократии при распределении простейших жизненно важных товаров сможет преодолеть разрушительные последствия войны. Капитализм предыдущих десятилетий отождествлялся населением в первую

очередь с кризисами, а потому априори считался «антисоциальным». Уже только по одной этой причине людей было крайне непросто воодушевить концепциями рыночной экономики. В большинстве своем немцы скорее предпочитали такую хозяйственную систему, которая бы управлялась государством в лице дальновидных политиков-экономистов, при которой распределение было бы организовано самым честным и добросовестным образом, и поэтому им не пришлось бы доверяться «невидимой руке» анонимного рынка. Все еще отсутствовало понимание того, что такого рода государство, действия которого нацелены на достижение всеобщего блага, являлось скорее несбыточной мечтой.

Мюллер-Армак прекрасно осознавал эти распространенные предубеждения. По его мнению, колоссальная работа заключалась в том, чтобы объяснить тем, кто сомневался в рыночной экономике, что их оценка положения была неверной. Прежде всего нужно было объяснить населению и элитам, что речь никоим образом не шла только лишь об управлении экономикой дефицита. Намного важнее было как можно быстрее и эффективнее его ликвидировать и стабилизировать ситуацию. Согласно представлениям Мюллер-Армака, виновником затянувшегося кризиса и недостаточной мобилизации производительных сил в экономике в первую очередь являлся унаследованный плановый аппарат, препятствовавший оживлению частной инициативы и созидательной энергии среди предпринимателей и наемных работников; послевоенные разрушения же были тому причиной в меньшей степени. Следовательно, в этой ситуации требовалось преодолеть предубеждения «статус-кво» среди населения, основанные на недостаточных знаниях в области экономики, а также эмоциональном неприятии по отношению к силам рынка.

На начальном этапе Мюллер-Армаку удалось путем создания понятия «социальное рыночное хозяйство» сделать «гениально удачный ход, — ввести в обиход прилагательное, которое в немецком политическом дискурсе всегда использовалось против капитализма» (Feld, Goldschmidt, Zweyer, 2011. S. 49). Этот термин был поставлен на службу новой модели политики хозяйственного порядка, основанной на принципах рыночной экономики, которая одновременно учитывала и соответствующие социальные нужды того времени. Только скорейшее преодоление сохранявшейся системы «экономики дефицита» (характеризовавшейся скрытой, искусственно сдерживаемой инфляцией, рационированием потребительских товаров, принудительным трудом, а также контролем над заработными платами и ценами) в результате установления такого свободного экономического строя позволило бы гораздо эффективнее и быстрее реализовать социальные обязательства, нежели в условиях бюрократических социалистических систем, — таково было твердое и подкрепленное

опытом убеждение Мюллер-Армака. Разумеется, этому способствовал и тот факт, что его проект институционализации новой хозяйственной системы был направлен не только на преодоление командно-административного регулирования экономики довоенного и послевоенного времени, но и против практически нерегулируемого экономического либерализма XIX столетия, который у большинства людей ассоциировался с серьезными социальными конфликтами. Ведь большинство немцев было уверено: слишком много нерегулируемой свободы в условиях экономических кризисов и тенденций к монополизации представляло бы угрозу для фактически используемых свобод граждан, тогда как в рамках социального рыночного хозяйства это могло предотвращаться с помощью принятия соответствующих предупредительных мер.

Мюллер-Армак оказался прав в своих прогнозах, что подтверждают результаты первого десятилетия общественно-экономического развития Федеративной Республики Германии после внедрения программы социального рыночного хозяйства под практическим руководством Людвига Эрхарда: продолжительное поступательное развитие западногерманской экономики на протяжении почти десяти лет при среднегодовых темпах роста в 7,7 процента, достижение полной занятости, несмотря на значительный приток немецких беженцев и переселенцев с востока, а также высокая стабильность уровня цен на фоне устойчивого курса немецкой марки и значительно возросшей степени открытости по отношению к внешним рынкам. Не в последнюю очередь также достигнутый к концу 1950-х годов высокий уровень социальных завоеваний способствовал широкому общественному признанию рыночной экономики и демократии в Западной Германии, которые смогли стать основополагающими ценностями общества благодаря успешному внедрению концепции хозяйственного порядка, некогда сформулированной Мюллер-Армаком.

Впрочем, уже вскоре выяснилось, что со временем возникли новые задачи, которые не проявлялись в ходе первого десятилетия и которые потребовали адаптации прежних рамочных условий – в точности, как это было предусмотрено концепцией хозяйственного строя, разработанной Мюллер-Армаком. Ведь с ростом благосостояния возрастают и запросы населения.

Как покажет время, практической реализации предложенного Мюллер-Армаком проекта «второй фазы» развития социального рыночного хозяйства так и не суждено было продвинуться дальше первых шагов, не в последнюю очередь также в связи с тем, что на фоне общеевропейских политических разногласий в 1963 году он был вынужден уйти из активной политики. Вскоре Ведомство федерального канцлера покинул и другой приверженец изначального подхода к социальному рыноч-

ному хозяйству – Людвиг Эрхард – что в среднесрочной перспективе открывало путь для политического воплощения куда гораздо более бюрократических и интервенционистских решений, нежели те, что предлагал Мюллер-Армак. Апологеты данного подхода иллюзорно полагали, что государство может регулировать все без исключения экономические процессы, – то, что исключалось как изначальной концепцией экономической политики первого десятилетия, так и задуманной Мюллер-Армаком идеей «второй фазы» социального рыночного хозяйства.

Современное восприятие и значение концепции социального рыночного хозяйства, а также ее влияние на экономическую политику

В отличие от заложенной Вальтером Ойкеном теоретической традиции фрайбургского ордолиберализма, которая до сих пор в значительной степени определяет политэкономия и экономическую политику в Германии, Альфреду Мюллер-Армаку в экономической науке и политике сегодня уделяется куда более скромное внимание, а зачастую его взгляды даже вызывают критическую оценку. Совсем иначе его роль оценивают те историки экономики, которые считают каталог экономико-политических задач, впервые системно разработанный Ойкеном, «однозначно недостаточным» для того, «чтобы решить сегодняшние конъюнктурные и социально-политические проблемы» (Walter, 2011. S. 252). Гораздо более важную роль они отводят именно Мюллер-Армаку, который «в своей теории социального рыночного хозяйства хоть и опирался на труды Ойкена, но при этом его воззрения на экономическую политику предусматривали более глубокую интеграцию государства и общества, выходя тем самым за рамки неолиберализма» (Walter, 2011. S. 252).

Однако именно в этой попытке Мюллер-Армака добиться признания обществом основополагающих ценностей социального рыночного хозяйства критики видят главную проблему – они полагают, что не в последнюю очередь именно его принципиальное понимание концепции привело к тому, что в (Западной) Германии в течение длительного периода (около 30 лет), начиная со второй половины 1970-х годов, развитие шло по неблагоприятному пути, сопровождаясь систематическими злоупотреблениями перераспределительной функцией государства и, как следствие, затяжным высоким уровнем массовой безработицы. С точки зрения критиков, в его концепции не было уделено серьезного внимания тому, чтобы индивидуальная свобода не отделялась от тесно связанной с ней ответственности. В конечном итоге это, по их мнению, привело к слишком ярко выраженному пренебрежению единством шанса на получение прибыли и готовностью принимать на себя ответственность.

В частности, определение соотношения между рыночной и социальной составляющими концепции оставалось слишком расплывчатым. Именно социальная иреника привела к чрезмерному смещению акцента от рыночного регулирования в пользу социальной компоненты, а конъюнктурная политика, которую Мюллер-Армак допускал в большей степени, нежели фрайбургские ордолибералы, как показала практика, часто оказывалась контрпродуктивной (см., например: Prollius, 2006. S. 59ff., 140ff., 296ff.). Впрочем, подобные обвинения, или как минимум часть из них, преувеличены, что позволяет усомниться в обоснованности наиболее резких высказываний. Ведь именно требования привести социальную политику в соответствие с рыночной экономикой, а также сократить использование в ней мер принудительного характера, вполне «согласуются с идеями Мюллер-Армака» (Watrin, 2005. S. 64).

ЛИТЕРАТУРА

*Избранные произведения Альфреда Мюллер-Армака*¹:

- MÜLLER-ARMACK A. Das Krisenproblem in der theoretischen Sozialökonomik. Versuch einer Neubegründung der absoluten Überproduktionslehre [Проблема кризисов в теоретической социальной экономике. Попытка нового обоснования учения об абсолютном перепроизводстве] / WISO-Fakultät der Universität Köln. Köln, 1923.
- MÜLLER-ARMACK A. Ökonomische Theorie der Konjunkturpolitik [Экономическая теория конъюнктурной политики]. Leipzig, 1926.
- MÜLLER-ARMACK A. Entwicklungsgesetze des Kapitalismus. Ökonomische, gesellschaftstheoretische und soziologische Studien zur modernen Wirtschaftsverfassung [Законы развития капитализма. Экономические, общественно-теоретические и социологические исследования современной хозяйственной конституции]. Berlin, 1932.
- MÜLLER-ARMACK A. Staatsidee und Wirtschaftsordnung im neuen Reich [Идея государства и экономическая система в новом рейхе]. Berlin, 1933.
- MÜLLER-ARMACK A. Genealogie der Wirtschaftsstile (1941) [Генеалогия стилей ведения хозяйства]. 3. Aufl. Stuttgart, 1944.
- MÜLLER-ARMACK A. Wirtschaftslenkung und Marktwirtschaft (1946/1947) [Управление хозяйством и рыночная экономика] // *Müller-Armack A. Wirtschaftsordnung und Wirtschaftspolitik. Studien und Konzepte zur Sozialen Marktwirtschaft und zur Europäischen Integration* [Экономический порядок и экономическая политика. Исследования и концепции социального рыночного хозяйства и европейской интеграции]. Freiburg im Breisgau, 1966. S. 19–170.

¹ Дата первой публикации указывается в скобках после названия произведения, в том случае, если она отличается от года переиздания.

- MÜLLER-ARMACK A. Die Wirtschaftsordnung, sozial gesehen (1947) [Экономический порядок с социальной точки зрения] // *Ludwig-Erhard-Stiftung e.V.* (Hg.). *Grundtexte zur Sozialen Marktwirtschaft* [Фундаментальные труды о социальном рыночном хозяйстве]. Stuttgart; New York, 1981, S. 19–34.
- MÜLLER-ARMACK A. Soziale Irenik (1950) [Социальная иреника] // *Ludwig-Erhard-Stiftung e.V.* (Hg.): *Grundtexte zur Sozialen Marktwirtschaft* [Фундаментальные труды о социальном рыночном хозяйстве], Stuttgart; New York, 1981. S. 417–432.
- MÜLLER-ARMACK A. Soziale Marktwirtschaft (1956) [Социальное рыночное хозяйство] // *Müller-Armack A. Wirtschaftsordnung und Wirtschaftspolitik. Studien und Konzepte zur Sozialen Marktwirtschaft und zur Europäischen Integration* [Экономический порядок и экономическая политика. Исследования и концепции социального рыночного хозяйства и европейской интеграции]. Freiburg im Breisgau, 1966. S. 243–249.
- MÜLLER-ARMACK A. Die Zweite Phase der Sozialen Marktwirtschaft. Ihre Ergänzung durch das Leitbild einer neuen Gesellschaftspolitik (1960) [Вторая фаза социального рыночного хозяйства. Ее дополнение моделью новой общественной политики] // *Müller-Armack A. Wirtschaftsordnung und Wirtschaftspolitik. Studien und Konzepte zur Sozialen Marktwirtschaft und zur Europäischen Integration* [Экономический порядок и экономическая политика. Исследования и концепции социального рыночного хозяйства и европейской интеграции]. Freiburg im Breisgau, 1966. S. 267–291.
- MÜLLER-ARMACK A. Das gesellschaftspolitische Leitbild der Sozialen Marktwirtschaft (1962) [Общественно-политическая модель социального рыночного хозяйства] // *Müller-Armack A. Wirtschaftsordnung und Wirtschaftspolitik. Studien und Konzepte zur Sozialen Marktwirtschaft und zur Europäischen Integration* [Экономический порядок и экономическая политика. Исследования и концепции социального рыночного хозяйства и европейской интеграции]. Freiburg im Breisgau, 1966. S. 293–315.

Научная и критическая литература:

- FELD L.P., GOLDSCHMIDT N., ZWEYNERT J. Kulturelle, soziale und gesellschaftliche Grundlagen wirtschaftlichen Wachstums. Gutachten im Auftrag der Enquete-Kommission Wachstum, Wohlstand, Lebensqualität [Культурные, социальные и общественные основания экономического роста. Экспертное заключение по заказу Исследовательской комиссии “Рост, благосостояние, качество жизни”]. Berlin, 2011.
- HASSE R.H., QUAAS F. (Hg.). *Wirtschaftsordnung und Gesellschaftskonzept. Zur Integrationskraft der Sozialen Marktwirtschaft. Gedenkschrift zu Ehren des 100. Geburtstags von Alfred Müller-Armack* [Экономический порядок и концепция общества. Об интеграционной силе социального рыночного хозяйства. Памятное издание в честь 100-й годовщины со дня рождения Альфреда Мюллер-Армака]. Gütersloh; Bern, 2002.
- PROLLIUS M. von. *Deutsche Wirtschaftsgeschichte nach 1945* [Экономическая история Германии после 1945 года]. Göttingen, 2006.
- WALTER R. *Wirtschaftsgeschichte* [Экономическая история]. 5. Aufl. Köln u.a., 2011.

WATRIN CH. Alfred Müller-Armacks Konzeption der Sozialen Marktwirtschaft – eine ordnungspolitische Sackgasse? [Концепция социального рыночного хозяйства Альфреда Мюллер-Армака – институционально-политический тупик?] // *Freytag A.* (Hg.). *Weltwirtschaftlicher Strukturwandel, nationale Wirtschaftspolitik und politische Rationalität. Festschrift für Juergen B. Donges zum 65. Geburtstag* [Структурные изменения в мировой экономике, национальная экономическая политика и политическая рациональность. Юбилейное издание, посвященное 65-летию со дня рождения Юргена Б. Донгеса]. Köln, 2005. S. 53–66.

Хозяйственный порядок с социальной точки зрения*

Перед нашим временем стоит задача провести переоценку традиционных представлений и признать, что многие существующие формы политической и экономической жизни устарели. Одним из взглядов, нуждающихся ныне в серьезном пересмотре, является – как мне представляется – предположение о том, что централизованная форма хозяйствования есть единственный путь к лучшему будущему. Повсюду, вплоть до предпринимательских кругов, встречается убеждение, что если и есть выход из нынешнего столь безнадежного положения, то его стоит искать в мерах по дальнейшей обязывающей консолидации и еще большему принуждению. Возникло нечто вроде настроения времени – в государственном экономическом регулировании усматривается единственное действенное средство, способное что-то противопоставить такому тяжелому положению дел, какое мы имеем сейчас. В противоположность этому свободные формы организации едва ли не приобретают черты легкомысленной бездельницы, открытым сторонником которой в такие времена никто быть не хочет. Как бы вопреки либеральным идеалам достигнуто общее согласие рассматривать свободные формы организации творениями периода роскоши и излишества, которыми сегодня никто не занимается всерьез. Были забыты великие достижения рыночной экономики XIX столетия, забыто, как быстро смог этот экономический порядок после Первой мировой залечить раны войны. И даже не предполагается, что при таком положении дел, как наше, рекомендуется хозяйственный порядок, который могли бы упрекнуть не в дефиците, а, самое большое, – в избытке, который бы он всюду порождал и который невозможно было бы сдерживать.

* В данной публикации приводится фрагмент работы Альфреда Мюллер-Армака «Хозяйственный порядок с социальной точки зрения». Перевод осуществлен по изданию: *Müller-Armack, Alfred.* *Wirtschaftsordnung, sozial gesehen.* Ludwig Erhard Stiftung e.V. (Hrsg.); *Wolfgang Stützel* (u.a.) *Grundtexte zur Sozialen Marktwirtschaft,* Stuttgart / New York 1981 (Gustav Fischer Verlag). S. 19–34.

Представление о превосходстве централизованной экономики в настоящее время, очевидно, переживает кризис. Все те, кто принимает участие в сегодняшних экономических процессах, занимается ли практической деятельностью или их регулированием, сталкиваются с опытом, который ставит это представление под серьезное сомнение. Также и экономическая наука на протяжении более чем десятилетия создает все более глубокое представление о природе и возможностях различных хозяйственных порядков; ей удалось представить более реалистичную картину экономического регулирования, чем было возможно ранее, когда довольно часто несправедливо упрекаемую рыночную экономику сравнивали с идеалом государственного регулирования экономики.

Лишь теперь, когда государственное регулирование экономики на протяжении нескольких десятилетий показывает свои реальные экономические и социологические последствия, стали возможны обоснованная оценка хозяйственных порядков и обоснованное знание, сменившие общие настроения и предубеждения.

Ниже предпринимается попытка хладнокровного анализа основного вопроса государственного регулирования экономики, а именно, как следует судить о государственном регулировании экономики с социальной точки зрения, без учета его общей экономической проблематики. Социальные мотивы заставляют руководителей экономики, профсоюзы, политические партии и многих других мириться с очевидными недостатками государственного экономического регулирования, поскольку существует убеждение, что только так и никак иначе можно решить социальный вопрос и достичь улучшения условий жизни для широких слоев населения. Аргумент о социальном превосходстве государственного управления экономикой словно стал последним укрытием, спрятавшись за которым даже хрупкая экономика принуждения сохраняет претензии на то, чтобы быть единственно возможной формой жизни в эпоху социальных идей. Наша задача заключается в том, чтобы тщательно проверить это. Поскольку часть населения продолжает верить в социальную силу несостоятельной экономики принуждения, в то время как экономика нуждается в переходе к свободным формам управления, что является для нее вопросом выживания и к чему подталкивает сама реальность, мы всё более и более теряем основу общих убеждений. Возникает опасность, что в конечном итоге экономическая политика станет плацдармом для борьбы за должности во власти, вместо того чтобы следовать здравому хозяйственному смыслу.

Задача науки в данной ситуации заключается в том, чтобы вновь свести воедино все более удаляющиеся друг от друга убеждения. После того как централизованная экономика докажет свою неспособность решать экономические проблемы, объединение противоборствующих

идей возможно, как мне представляется, лишь в рыночной экономике, наделенной действенными социальными гарантиями. Для этой новой формы я предложил определение «социальная рыночная экономика», которое получило широкую поддержку. Наша экономическая политика, в общем и целом, только выигрывает, если откажется от излишне идеологической позиции и попытается создать основу для общих идей, при помощи которой можно достичь социальной справедливости, а также прийти к подлинному хозяйствованию вместо пустой видимости, которая нас ныне окружает. С этой точки зрения паритетные комитеты профсоюзов и экономики при промышленных и торговых палатах также смогут играть более заметную роль. Все будет зависеть от того, удастся ли прийти к равновесию экономических и социальных убеждений во внутренне умиротворенной экономике.

[...] Обсуждение вопросов хозяйственного порядка очень осложнено в Германии, поскольку здесь привыкли рассматривать принципиальные вопросы в качестве так называемых мировоззренческих вопросов, о правильности и неправильности которых не спорят, причем, вдобавок к этому, любая альтернативная точка зрения воспринимается как классовый интерес или даже как капиталистическая заинтересованность в прибыли. Чтобы изначально придать ясность данному вопросу, я бы хотел четко обозначить точку зрения науки. Она потеряла бы самое главное, что в ней есть, если бы стала адвокатом чьих-то личных интересов. Если сейчас выдающиеся представители национальной экономики, за рубежом, и в Германии, выдвигают рыночную экономику на передний план, то это связано не с чьими-то личными интересами, а с убеждением, что этот хозяйственный порядок является весьма полезным инструментом для обслуживания верно понятых общих интересов, а также для воплощения наших стремлений к социальной справедливости и свободной реализации личности. Абсолютно неверным было бы рассматривать вопросы хозяйствования с мировоззренческой точки зрения. Экономика – это производительное сообщество (*Leistungsgemeinschaft*), которое служит целям производства благ. Возникают лишь сомнительные переходные состояния, когда эту сугубо практическую цель связывают с мировоззренческим принуждением. Человеческий труд должен служить для производства благ, а не для создания пространства для реализации чьей-то личной власти. В действительности мировоззренческие различия – как мне кажется – не настолько велики, как их представляет идеология. Особенно в настоящее время постановка главной цели значительно упрощается, поскольку не должно быть разногласий относительно того, что надо делать. Следует выбрать такой хозяйственный порядок, который гарантирует как можно более быстрое восстановление, хорошее снабжение, социальный мир и свободу. Мы задаем вопрос,

насколько действительно удалось государственному экономическому регулированию выполнить свое обещание относительно социального благополучия и социальной справедливости, а затем мы зададимся вопросом, не решается ли эта задача принципиально лучше в рамках социальной рыночной экономики.

Государственное регулирование экономики — претензии и реальность

Мнение, что только государственное регулирование экономики обеспечивает социальную стабильность, по-видимому, является укоренившейся формой веры из области иррационального. Ни очевидный рост благосостояния в рыночной экономике США, ни падение уровня жизни широких масс в зоне влияния восточного коллективизма так и не могут заставить всерьез задуматься о причинах столь сильно различающегося развития.

В ходе последних двух десятилетий национальная экономия стала более глубоко заниматься проблематикой хозяйственных порядков. В результате она пришла к выводу, — здесь я ссылаюсь, прежде всего, на труды *фон Мизеса, Хайека, Рёнке, Ойкена* и др. — что централизованной плановой экономике присущи существенные недостатки, не связанные с той или иной политической системой, носителем которой она является. Опыт последнего десятилетия, включая два послевоенных года, полностью подтвердил эти теоретические диагнозы, и поэтому они получили широкое признание общественности.

Еще более чем два десятилетия назад *Людвиг фон Мизес* утверждал, что внутренней особенностью плановой экономики является то, что она по своей природе не способна прийти к окончательной, определенной форме. То самое обещание, обеспечить широким слоям населения стабильный и размеренный уклад жизни, не было ни в малейшей степени выполнено. Напротив, плановая экономика основывается на бесконечной необходимости подчинений, которые следуют одно за другим, потому что любое вмешательство провоцирует нарушение экономического равновесия, что требует дальнейших вмешательств, и так до полного паралича тоталитарной плановой экономики. Если ранней либеральной рыночной экономике были присущи некоторые черты внешней нервозности, то, в общем и целом, она все же стремилась к стабилизации условий обмена, и было бы несправедливым упрекать раннюю рыночную экономику в некоторой беспокойной напряженности, отчасти связанной с экономическим ростом, не учитывая при этом упомянутую неустойчивость государственного регулирования экономики. Последняя действительно постоянно меняет свои формы, и даже самые верные ее

приверженцы не осмелились бы сегодня назвать одно из ее предыдущих проявлений или считать ее нынешний облик окончательной формой экономического управления. Таким образом, плановая экономика по своей природе обречена на бесконечное ожидание лучших времен. Пока ей не удалось выполнить свое обещание о стабильном укладе жизни.

Существует также и второе замечание: научный анализ плановой экономики доказал невозможность существования в плановой экономике иной системы учета, кроме той, которая заимствована у ранней рыночной экономики посредством замораживания цен. Иррациональный пыл, с которым вся плановая экономика до сих пор старалась непременно добиться стабильности цен, свидетельствует о неспособности прийти к собственному хозяйственному расчету, соответствующему различным уровням дефицитности товаров. Поскольку с устареванием заимствованной ценовой системы в плановой экономике вынужденно ставится под сомнение такой точный расчет экономической эффективности, она неизбежно сталкивается с уменьшением общей народно-хозяйственной производительности. Снижение производительности в Германии до 25—30% довоенного уровня не является лишь следствием нехватки продуктов питания. Это снижение началось задолго до резкого ухудшения условий жизни. Оно скорее отражает неминуемый спад производительности во всех системах государственного экономического регулирования, который, при отсутствии подлинного хозяйственного расчета, осознают слишком поздно. Общий спад рентабельности осложняется в системе государственного экономического регулирования замедлением технического прогресса, частично обусловленного запретом инвестиций, блокировкой ценных бумаг, кредитным контролем и вводом стандартов, однако основным тормозом для него становится отсутствие специфических предпринимательских стимулов, вынуждающих идти в ногу с техническим развитием. Свойственное государственному экономическому регулированию резкое снижение числа банкротств уже свидетельствует о том, что отныне хозяйственная деятельность не подвержена никакому риску и не подчиняется элементарному принуждению прогрессивности, как это имеет место в рыночной экономике. Таким образом, государственное экономическое регулирование неизбежно ведет к снижению общественного продукта по сравнению с возможным в рыночной экономике уровнем. С позиций социальной политики можно было бы возразить, что о смысле этого утверждения можно судить только с учетом реального распределения доходов. Ведь многое зависит от того, действительно ли возросший общественный продукт распределяется в широких слоях населения или достается меньшинству, чего якобы следует опасаться в рыночной экономике. Но и здесь наука отсылает к четко сформулированному выводу *Парето* о том, что социальное распределение,

несмотря на некоторые сдвиги по времени демонстрирует в конечном счете относительно стабильную структуру удельных весов доходов различных уровней.

Доля социальных слоев, получающих преимущества от роста национального дохода, остается, по меньшей мере, стабильной. За последние десятилетия она несколько увеличилась и в рыночной экономике, таким образом, рост общественного продукта ведет к общему улучшению социальной обстановки, в то время как снижение экономической продуктивности в централизованной экономике ведет к ее ухудшению. При этом здесь еще не учитывается понижение уровня жизни, происходящее не само собой, а связанное с сознательным понижением уровня жизни широких слоев населения, что можно наблюдать во всех централизованных плановых экономиках. Неважно, из каких побуждений происходит это снижение, хотят ли производить больше пушек вместо масла или вкладывать огромные суммы в средства производства и государственные представительства, или использовать управленческий аппарат для значительного повышения репарационных выплат, в любом случае, до сих пор все системы государственного экономического регулирования понижали уровень жизни, и, кажется, настало время задуматься над принципиальным смыслом этого факта.

Если мы попытаемся вступить в серьезный диалог со всеми социально заинтересованными кругами, этих утверждений общего характера, какими бы весомыми они ни были, вероятно, будет недостаточно. Нам следует рассмотреть социальную проблематику во всей ее полноте. Это не только проблема рабочего. Уже весь слой потребителей как таковой задает социальные вопросы. При том, что в настоящее время особую группу составляют беженцы и пострадавшие от бомбардировок. Проблемы включения молодежи в экономическую жизнь, подключения к ней женщин, учитывая преобладание женского населения, также представляют собой актуальные вариации социальной проблематики. Положение лиц, нуждающихся в пособиях, должно быть рассмотрено особо, и, в конце концов, социальная проблема нашего народа расширяется настолько, что в кругу народов мы воспринимаем наше общее положение как часть социальной проблематики.

Положение потребителя в условиях регулируемой экономики

Начнем с положения потребителя при государственном регулировании. Государственное регулирование экономики, прежде всего в период своего становления, обещало защищать потребителя сильной рукой. В реальности дела, конечно, обстояли иначе. Одно лишь закрепление цен еще не дает потребителю действительной выгоды, поскольку в конечном

счете важно не то, что он получает блага по твердой цене, а то, получает ли он их вообще и в каком количестве. Стабилизация цен, обусловленная государственным регулированием экономики, полностью исключила увеличение производства, соответствующее реальным потребностям. Обещание взамен этого обеспечить население неограниченным количеством товаров по сниженным ценам осталось невыполненным. Положение, сложившееся для потребителей в условиях государственного регулирования экономики в общем и целом можно описать следующим образом.

Из-за системы фиксированных цен потребитель лишается возможности непосредственного влияния на производство, которую он имеет в рыночной экономике. Эта жертва не кажется ему столь большой до тех пор, пока он верит, что получит взамен ограничения своей свободы экономическую компенсацию. Исключение роли потребителя практически означает включение в систему снабжения имеющих более важное значение государственно-политических приоритетов. За стабилизацию ценообразования покупатель расплачивается вынужденным стоянием в очередях либо вынужден сталкиваться с абсолютно иррациональным распределением товаров, при котором, как это случалось в прошедшем десятилетии из-за падения совокупного валового продукта, настолько большая часть отводилась согласно планам на производство приоритетной продукции, что рано или поздно во всех системах регулирования обеспечение обычного потребителя ставилось под сомнение. Поэтому было бы крайне недальновидно оставлять без внимания бесконечные ущемления обычного потребителя ради чисто формального преимущества ценовой стабильности. Эти ограничения отчасти являются следствием внутренней предрасположенности государственного регулирования экономики, при котором производство не может выйти за границы самого необходимого, что отчасти связано с очевидным безразличием органов управления.

Например, вплоть до конца войны можно было бы в некоторой степени сохранить обеспечение текстилем в обмен на старые материалы за счет утилизации волокна. Предложения, которые были сделаны, остались без внимания, поскольку считалось, что потребителя можно игнорировать. Также при распределении угля в прошлом году удельный вес отопления частных домов, как непосредственной цели потребления, был оценен абсолютно неверно. Такое же ущемление конечного потребителя в прошлом году проявила текстильная промышленность, для которой программа создания униформы была настолько важна, что практически ничего не осталось на пеленки и так необходимые населению средства ремонта одежды. Присущий государственной системе принцип приоритетов ставит обычного потребителя в сомнительное положение.

Продуктовая карточка V в восточной зоне и полная остановка поставок промышленных товаров для обычного потребления в западных зонах показывают, куда неизбежно ведет этот путь. То, что любые попытки замедлить этот обвал вызывают дальнейшие ограничения потребителя, показывает система начисления пунктов в горной промышленности, для обеспечения которой пришлось мобилизовать последние запасы промышленных товаров. Таким образом, в системе государственного регулирования экономики потребитель вынужден отказываться не только от претензий на высокую моду. Он становится частью аппарата распределения, в котором, несмотря на все старания, он получает меньше, чем в рыночной экономике, причем в военное время его положение становится особенно плачевным, ему грозит полное исключение из системы обеспечения.

Итак, я не понимаю, на чем основывается притязание государственной системы регулирования экономики на особый учет интересов именно слабого потребителя. О чем свидетельствует стабильность цен на товары, которые вообще больше не поступают для потребления. На вопрос, склонна ли система государственного регулирования особо заботиться о слабых, ответ, учитывая факты сегодняшней действительности, напрашивается сам собой.

Положение наемного работника в централизованно регулируемой экономике

В какой мере учитываются реальные интересы рабочего в экономике государственного регулирования? Интересы рабочего как производителя неотделимы от его интересов, как потребителя. Все недостатки, с которыми сталкивается потребитель, затрагивают и рабочего, и должны быть учтены в качестве контраргумента возможным преимуществам. Оценка регулируемой экономики в рабочих кругах не без оснований определяется искоренением безработицы. В Германии успех, которого добился в этом аспекте тоталитарный режим, стал основной причиной положительной оценки государственного экономического регулирования. Сколь неоспоримым бы ни был этот внешний успех, он нуждается в следующих обязательных пояснениях. Методика борьбы с экономическими кризисами и безработицей была описана во многих трудах по конъюнктурной политике в рамках либеральной рыночной теории после Первой мировой войны и стала в такой стране с выраженной рыночной экономикой, как США, основой масштабных и успешных государственных мер под управлением президента *Рузвельта*. Только в Германии эта интеллектуальная база не была востребована, так как до этого национал-социализм подавил либеральное государство. Таким

образом, из мирового экономического опыта следует, что применение конъюнктурной политики не ограничивается только странами с централизованной плановой экономикой, в определенной целесообразной форме, которая не описывается здесь подробно, она вполне совместима и с рыночной экономикой. Итак, нам не обязательно выступать за экономику принуждения, если мы причисляем энергичные меры борьбы с безработицей к обязательным элементам всякой будущей политики. Что же касается способа искоренения безработицы в системе государственного регулирования, то нельзя оставить без внимания социальные изъятия этого подхода.

Осуждение безработицы в тоталитарных системах стало возможным лишь благодаря понижению оценки труда, что является оборотной стороной ранее открыто признаваемой безработицы в системе государственного регулирования. Такой метод создания рабочих мест несет в себе далеко не одни лишь преимущества для рабочего. Фиксация заработной платы в централизованной экономике препятствует росту зарплаты каждого отдельного рабочего и увеличению общего потребления. Это сокращение доходов рабочих в товарном выражении вследствие создания рабочих мест является лишь одним из недостатков. К этому добавляется ограничение свободы, с которым рабочие сталкиваются повсеместно. Это касается не только социальной организации, когда внешнее вмешательство практически приводит к огосударствлению даже профсоюзов. Один швейцарский профсоюзный деятель справедливо отметил, что система свободных профсоюзов может развиваться только в условиях свободного рынка. Однако для условий жизни рабочего едва ли не большее значение приобретают многочисленные препятствия выбора места жительства и места работы, что является неотъемлемой чертой системы государственного регулирования. Фиксирование заработной платы привело к завышенному спросу на рабочую силу. Оно для рабочего не только означало преимущества, но и породило политику механического распределения рабочих мест, внутренне противоречащую всякому свободолобию. В этой экономике принудительного труда мы ни в коем случае не должны усматривать временное проявление последствий войны. Системы государственного регулирования экономики не могут существовать без принудительного распределения работы. Английские экономисты также недавно подтвердили, что проведение в Англии намеченной политики полной занятости невозможно без обязательного закрепления рабочей силы.

Таким образом, достижения государственного регулирования экономики для рабочего человека — крайне противоречивы. Учитывая вышесказанное, сегодня мы более не можем, не раздумывая, акцептовать необходимость системы государственного регулирования по причине

ее социальных преимуществ, тем более что единственный реальный успех, — искоренение безработицы, как показывает опыт либеральных стран, может иметь место и в свободной экономике, и, без сомнения, он будет достигнут в будущем. Возможным преимуществам государственного регулирования противостоит масса недостатков, которые двойко затрагивают рабочего — и как потребителя, и как производителя, что дает основания полагать, что ему следует относиться к обещаниям централизованной экономики со скепсисом.

Положение других групп населения при государственном регулировании

Тем, кто уже нашел свое место на рынке труда, противостоит армия беженцев, которые ждут своего нового включения в экономическую жизнь. Остается открытым вопрос о том, в какой степени будут оправданы их надежды на получение компенсации. Государственное регулирование экономики, до сих пор демонстрировавшее довольно скудные результаты, оставляет мало надежды на то, чтобы изыскать при этом хозяйственном порядке больше возможности для компенсации, чем те, которые имеются в условиях полновесного снабжения, присущего рыночной экономике. Однако определяющую роль играют не притязания из прошлого, о которых тем, кто может полноценно трудиться, стоит задумываться меньше, чем о возможности вновь найти свое место в процветающей экономике. Не только беженцев, но и всех, кто хочет получить реальный шанс начать свое дело и развиваться, затрагивает вопрос, в каком хозяйственном порядке могут осуществиться эти ожидания. Одной из важных составляющих техники хозяйствования в условиях плановой экономики является материальная привязка к месту заработка, включая предпринимательские должности. Для ее обеспечения используется система условий получения должности, допусков, запретов и барьеров, которая не позволяет государственному управлению экономикой справиться с таким мощным процессом, как резорбция рабочей силы. Нынешний статус не может быть решением проблемы, он основан на видимости трудовых отношений и снижении производительности труда. Практически дошло до того, что эластичность спроса на рынке труда наблюдается только по самым примитивным и низкооплачиваемым видам деятельности. Мы видим это в Германии, где службы по подбору кадров ищут рабочую силу такого уровня самыми изощренными методами, в то время как по профессиям, требующим квалификации, за исключением определенных специальностей, спроса нет, и мы наблюдаем это за границей в дискуссиях о возвращении немецких военнопленных. Возникают сомнения, что государственное регулирование экономики в состоянии во-

обще справиться с таким мощным процессом перераспределения. Хотя в распоряжении у системы государственного контроля имеется много средств для сдерживания и торможения, ей пока не удалось доказать, что она может освободить путь для использования последних возможностей предпринимательства. Как только избыток денег будет устранен, станет очевиден резкий контраст.

Следует опасаться того, что система государственного регулирования экономики не сможет дать ответ на вопрос, что будет с людьми, которым не дали доступа к торговле, ремеслу и т.д. Рыночная экономика предложила выход из ситуации, централизованная экономика же пока что только вуалировала свою неспособность. Если мы посмотрим на планы, разработанные для улучшения жизни беженцев в рамках крупного городского планирования, к примеру Гамбургский трехэтапный план, то мы удивимся, с каким напором централизованная экономика навязывает беженцам место работы и место жительства, практически в одностороннем порядке переваливая на эту группу людей часть последствий войны. Защита, которую предлагает государственное регулирование экономики, является здесь лишь видимостью. Единственным верным критерием хозяйственного порядка для всех тех, кого надо будет заново включить в трудовой процесс, является способность этого порядка к расширению производства. Рыночная экономика несомненно доказала, что она способна на это. Достаточно вспомнить индустриализацию XIX века, когда рыночной экономике удалось не только увеличить городское население втрое, но и принять огромный поток людей, переселяющихся из сельских местностей в города. Вышесказанное относится также к молодежи и к женщинам, в которых сейчас есть потребность на рынке труда. Все они хотят не просто получить хоть какую-нибудь работу, они хотят видеть перспективы роста, а не закрытые двери, которые вынуждена показывать внешнему миру всякая экономика принуждения. Ввиду перегрузки нашей трудовой жизни, что в настоящее время, правда, еще скрывается, социальный вопрос в этом случае прямо-таки идентичен проблеме общего стимулирования предпринимательства, необходимого чтобы в конечном счете добиться расширения производства.

Что касается тех, кто получает субсидии, эта группа людей в особом смысле идентична обычному или маргинальному потребителю. Все недостатки, с которыми вынужден сталкиваться обычный потребитель, касаются и тех, кто получает субсидии. То обстоятельство, что наше сегодняшнее государственное регулирование экономики дает право на получение субсидий из социального продукта за счет преувеличенной покупательной способности иррационально избранным и вовсе не нуждающимся слоям населения и без соответствующего обоснования, ставит под угрозу возможность реальной и долгосрочной социальной поддерж-

ки. В рыночной экономике круг лиц, находящихся на соцобеспечении, сможет получать еще более существенную и обоснованную поддержку.

Рыночная экономика в Германии: требования мирового хозяйства

Вопреки всей официальной пропаганде, социальный баланс государственного регулирования экономики сводится с заметным дефицитом. Нам бы не хотелось завершать эти размышления, не упомянув о еще одном, заключительном аспекте социальной проблемы. В сегодняшней ситуации немецкий народ, как единое целое, находится в невыгодном положении по отношению к другим нациям, и возникает вопрос, нужно ли сделать выбор в пользу государственного регулирования экономики или в пользу рыночной экономики, чтобы преодолеть недостатки этого положения.

Это опасное положение обычных потребителей ныне проявляется двояко: внутри страны — в виде нехватки промышленных товаров, а в мировой экономике — в том, что Германия в части покрытия своих потребностей в продуктах питания на мировом рынке поставлена в положение обычного и маржинального потребителя. Шанс получить продовольственную помощь при нынешней нехватке продуктов питания на мировом рынке гарантирован только за счет производства в заокеанских избыточных регионах, развивающихся еще по законам рыночной экономики. Страны радикального коллективизма до сих пор показывали лишь свою неспособность также сделать какой-либо значительный вклад в борьбу с мировым кризисом продовольствия.

Здесь стоит отметить, что, если производство излишков продуктов питания само по себе происходит по принципам рыночной экономики, поставки зерна уже координируются международной системой регулирования, в которой имеет место такая же расстановка приоритетов, как и на внутреннем рынке. Последствия те же самые. Обычный потребитель попадает в тяжелое положение; да, у него даже нет возможности пробиться на рынок с более выгодным предложением, как это происходит в рыночной экономике. Имеющийся дефицит остается непокрытым; например, нехватка жиров в Германии воспринимается населением очень остро, что ни в коей мере не способствует инициированию производства, которое хотя бы в будущем могло бы помочь преодолеть дефицит. То же самое относится и к остальным отраслям производства питания. Самой большой проблемой, существующей на мировом рынке и внутри страны для маржинального потребителя, кем мы в Германии являемся во всех отношениях, является то, что дефицит обеспечения потребителя для механизма государственного экономического регулиро-

вания не имеет никаких последствий. В условиях господства рыночной экономики дефицит продуктов питания в Германии привел бы за счет экспорта к соответствующему производству дополнительных товаров в мировой экономике. Сейчас же не происходит ничего. У заокеанских стран даже не было бы возможности соответственно отреагировать на нужды потребителя в Германии. Даже рост урожая зерна в прошлом году ничего не принес маргинальному потребителю, поскольку ограничения последнего в существующей системе государственного экономического регулирования практически неизбежны. Поэтому совершенно бессмысленно ожидать улучшения положения дел в Германии за счет роста мирового урожая, надеясь на оккупационные державы и ведомства Германии. Даже в самые урожайные годы мы, как последние в списке, никогда не дождемся своей очереди для покрытия даже самых неотложных потребностей и вынуждены будем довольствоваться благотворительным остатком. До тех пор пока не будет восстановлен механизм рыночной экономики, все перманентно возникающие избытки, которые, например, сейчас наблюдаются в рыболовстве северных государств, будут вести не к товарообмену, а к мерам по сокращению производства, как это происходит сейчас. Что касается требований мировой экономики, то необходимо включение Германии в международный товарный обмен на рыночной основе.

И прежде встречались теории, согласно которым скудное положение неимущих в мировой экономике удастся поправить лишь посредством интервенций в духе экономики принуждения. Также и сейчас в Германии существует общее мнение, что наша бедность не оставляет нам альтернативы в выборе экономической системы. Оккупационные державы присоединились к этому мнению, даже американские власти согласились на введение экономики принуждения вопреки их собственным принципам. Если в настоящее время снабжение Германии за счет мировой экономики ставится под сомнение, несмотря на отличные показатели мирового урожая, то причина тому — не объективный недостаток продуктов питания, а проблемы, с которыми столкнулся разрастающийся механизм регулирования в мировой экономике. Перемен можно достичь только непосредственным включением Германии в мировую экономику, дав за счет экспорта из Германии импульс дополнительному производству растительных и животных жиров, а также за счет повышения цен, что привело бы к снижению расхода жиров на мыло и краску, и это одно уже могло бы привести к улучшению нашего положения.

Как раз по причине стесненности ее социального положения, заинтересованность Германии в участии в мировой экономике предрасполагает к скорейшей отмене системы распределения государственного регулирования. Это может показаться парадоксальным, но интересы

богатых государств и интересы так сильно обедневшего народа Германии, исходя из требований мировой экономики, совпадают. США как главный производитель и Германия как маргинальный потребитель в мировой экономике имеют общие интересы в том, чтобы поставить мировую торговлю на рыночную основу. До тех пор пока мы будем оставаться объектами централизованного регулирования в мировой экономике, ограничения, от которых страдают маргинальные потребители, не обойдут нас стороной, что уже можно в полной мере наблюдать в таких привилегированных странах как Великобритания и Швеция.

Социальная рыночная экономика: принципиально новый синтез

Попытаемся найти связь этих общих соображений с решениями, которые нам надо принять в настоящее время. Полный провал порядка экономического принуждения стал очевидным. Глава управления по экономическим делам открыто признал разрушение системы нормирования. Горький опыт последних пятнадцати лет, которые пришлось пережить Германии, дает основание извлечь из него уроки и пойти по пути создания нового хозяйственного порядка. Этот хозяйственный порядок не является внешним украшением экономической жизни, рамкой, которую делают лишь тогда, когда картина уже завершена. Напротив, как мы теперь видим, это хозяйственный порядок, представляющий собой ту самую элементарную основу экономики, без которой вообще невозможно наладить хозяйственную жизнь. Если мы решимся отказаться от старых и зачастую бездумно копируемых форм, то для сохранения экономики принуждения по меньшей мере более не будет того основания, которое до сих пор рассматривали в качестве важнейшего аргумента — речь о социальном превосходстве командной экономики. В действительности государственное регулирование экономики, в том числе с социальной точки зрения, имеет массу недостатков; поэтому нам не мешало бы поискать новую форму, чтобы привести в соответствие социальные потребности нашего времени с принципиальными основами экономической практики и теоретической экономики.

Этот синтез можно получить только путем восстановления истинной рыночной экономики. Сегодняшняя рыночная экономика должна отличаться своей социальной целеустановкой от либеральной экономики XIX века, которая, так же как и государственное регулирование, должна рассматриваться как исторически изжившая себя система. Нам необходимо перейти к «социальной рыночной экономике».

Из всех вопросов, касающихся конструирования этого хозяйственного порядка, следует выделить только один актуальный: каковы перспективы и возможности создания подобной «социальной рыночной

экономики» в настоящее время? Что касается шансов рыночного хозяйственного порядка в наиболее общем смысле, то всем тем, кто видит возможность восстановить Германию только на основе экономики принуждения, следовало бы более обстоятельно ознакомиться с опытом Европы последних двух лет. Здесь мы не обращаемся к невероятному экономическому подъему США, который, несомненно, был достигнут методами рыночной экономики. Возможно, мы слишком привыкли рассматривать пример США как исключительный, что не позволяет проецировать их опыт на Европу, не говоря уже о Германии. Если мы будем приводить в пример быстрые преобразования, произошедшие в Бельгии и Швейцарии за последние два года, нас заподозрят в выборе ограниченного числа стран, находящихся ныне на солнечной стороне Европы. Для ознакомления с проблематикой рыночной экономики пример Италии представляется мне более подходящим, чем вышеприведенные. Несмотря на скудные запасы сырья, несмотря на военные разрушения, политические волнения и инфляцию, Италии удалось увеличить объем промышленного производства до 80% довоенного уровня. На примере этой страны, исход войны для которой оказался далеко не благоприятным, мы видим необычайную преобразовательную силу рыночной экономики. Критики этого примера обращают наше внимание на большие различия в доходах, которые в настоящее время имеют место в Италии. Сравнивая уровень цен, можно прийти к заключению, что ситуацию драматизируют, однако эта проблема все же существует. Те, кто помнит Италию прошлых времен и знаком с ее историей, знают, что социальные различия в этой стране всегда были очень разительными и нельзя требовать от рыночной экономики по истечении полутора лет ее существования выравнивания развития, происходившего на протяжении столетий.

Пример Италии наглядно демонстрирует, что такое рынок: это средство для пуска производства и увеличения его оборотов. Он уже показал свою силу в Германии при переходе от инфляции 1923 года к стабилизации 1924/1925 годов. Почти все показатели производства основных материалов и готовой продукции за один-два года увеличились вдвое и более раз. Это доказывает, что прежние слабости производства были вызваны нехваткой сырья, а стали проявлением сбоев в работе рынка, как тогда, так и сегодня. Пример Италии указывает нам в то же время на необходимость организовать хозяйственный порядок рыночной экономики, являющейся по сути нейтральным средством, при помощи экономического сотрудничества, наделить ее механизмами социальных гарантий и превратить в социальный порядок. На мой взгляд, только так можно найти выход из хаоса, который надо начинать искать как можно скорее. Мы должны понять, что диагноз ослабления, а не укрепления экономики, который поставили ученые – сторонники рыночной экономики

полтора года назад, до сих пор актуален. Было бы заблуждением полагать, что мы уже достигли точки, ниже которой экономика уже не может опуститься; ситуация вполне может стать еще хуже. Если посредством ликвидации определенных компенсаций мы будем лишать предприятия необходимой свободы действий, то промышленность будет и далее ослабевать. Ситуация будет еще опаснее, если экономика принуждения укоренится в сельском хозяйстве и ныне еще минимально присутствующая экономическая заинтересованность крестьян в производстве пойдет на убыль.

Необходимо стремиться к свободной рыночной экономике, наделенной совместимой с ней системой социальных гарантий. Добиться выравнивания нежелательных различий в доходах можно более успешно при помощи прозрачного подоходного налога, чем посредством искажения экономических отношений, вследствие фиксирования цен и искусственного стимулирования покупательской способности. Такого рода социальная рыночная экономика может воплощаться более радикально или более консервативно, в зависимости от политической воли. Благодаря поддержанию нормального функционирования товарообмена и обеспечению при соответствующих гарантиях предпринимательской деятельности высокой экономической производительности, такая рыночная экономика остается в границах возможного и избегает уже почти трагикомичных ситуаций, которые возникают при государственном регулировании экономики, совмещающем все более громкие социальные обещания с постоянным ухудшением социальных условий.

Предпосылкой существования социальной рыночной экономики, разумеется, является разработка хозяйственного права, учитывающего интересы всех участников экономического процесса. Именно сторонники рыночной экономики на протяжении десятилетий выступают с требованиями создания продуманного рыночного порядка. Я напоминаю в связи с этим о работах Франца Бёма. Духу и смыслу рыночной экономики вполне соответствует определенная защита от проявлений чрезмерной экономической власти, аналогичная американскому анти-трестовскому законодательству. Только такая социальная рыночная экономика позволяет создать пространство для действий, в рамках которого предприниматели и профсоюзы приходят к соглашениям на основе подлинных свободных переговоров без вмешательства государства, искажающего свободный и деловой подход к реальным возможностям. Выше я уже упоминал, что в экономической науке политика конъюнктуры и занятости была изначально разработана сторонниками рынка. Она требовала ограничений для рыночной экономики. Однако, освобожденная от определенных перегибов государственного регулирования, она, вполне возможно, будет встроена в рыночную экономику будущего.

Было бы в корне неверно полагать, что вступление в рыночную экономику приравнивается к пассивному наблюдению за развитием событий. Мы нуждаемся в общем порядке, в котором гарантии духовной и личной свободы сочетаются с социальными гарантиями. Объединение обеих целей вполне возможно, но не на основе централизованной экономики, неудачи которой в конечном счете ставят под сомнение даже ее социальные намерения. В рыночной же экономике, однако, такой синтез возможен.

Против мнения, что с экономической и социальной точки зрения государственное регулирование экономики заслуживает серьезной критики, в настоящее время часто приводятся два совершенно разных аргумента. Первый аргумент заключается в том, что, как утверждают, движение в направлении усиления государственного регулирования соответствует неизбежной исторической предопределенности, которая все более отдаляет нас от рыночной экономики, хотим мы этого или нет. Подробный разбор данной точки зрения завел бы нас слишком далеко. В течение последних десятилетий теоретическая экономика довольно подробно занималась вопросами такого рода мнимых законов развития и доказала, что их вообще не существует. Если в последние десятилетия развитие шло в направлении усиления экономического принуждения, то связано это было не с экономической предопределенностью в виде, например, тенденции к фиксации издержек, а гораздо более с тем, что люди в своей вере, скажем прямо, в своих иллюзорных представлениях, будто привести все в порядок можно только при помощи государственного регулирования, сами направляли развитие в это русло.

Здесь мы, однако, можем перейти ко второму аргументу, который заслуживает особого внимания. Как утверждают, нет особенного смысла в доказательстве ошибок государственного регулирования экономики, поскольку тут речь идет не об экономическом вопросе, а в конечном счете о вопросе власти и мировоззрения, где экономические доводы не имеют никаких шансов против мировоззренческой веры в централизованное регулирование. Конечно, в этом есть доля истины. Ожидания только всего благого от усиления государственной власти, от роста контроля и внешнего упорядочения жизни, без всяких сомнений, рождаются в области иррационального.

В самом деле, это нечто похожее на современную иррациональную веру, против которой сложно найти действенные аргументы. Конечно, я не считаю необходимым оставлять всё как есть и с горем признать свое бессилие, поскольку есть множество признаков, указывающих на то, что сила этой иррациональной веры поколебалась.

На протяжении десятилетий экономические вопросы в большой степени рассматривались как вопросы власти и мировоззрения, после

чего широким массам, без сомнения, стало видно, насколько от этого страдает первенствующая практическая цель всей экономики. Экономика нужна не для расширения экономической власти, а для производства необходимых продуктов питания, топлива, предметов домашнего обихода и т.д. Как злоупотребление экономикой мы воспринимаем то, что в прошлом хозяйственный порядок допускал власть монополистов. Мы понимаем, что использование предоставляемых властью возможностей будет не менее сомнительными, если в будущем ее носителем будет часть рабочего класса или государственная бюрократия. За последние годы было совершенно забыто, что ценность экономики определяется не тем, насколько тщательно она распланирована, а тем, насколько она в состоянии обеспечить предметами потребления — в совершенно приземленном, материальном смысле. К сожалению, что касается экономики в целом, еще не существует общего понимания, насколько искажает суть хозяйствования использование предоставляемых властью возможностей.

И все же я убежден, что у этой иррациональной веры, которая в наши дни господствует в государственной системе регулирования экономики в Германии и за рубежом, исторический максимум остался позади. Когда опасность всех мировых суррогатов веры, будь то раса, классовая борьба или всеилие государства, стала очевидна, в широких слоях общества, особенно среди молодежи, наступило отрезвление, которое дает надежду на перемены. Как быстро может исчезнуть вера широких слоев населения в централизованную экономику, показывают недавние беспорядки во Франции, в ходе которых массы народа разгромили служебные помещения экономических ведомств и заставили префекта, издавшего распоряжение принудительного характера, публично отозвать его. Это видно также на примере решения французских торговцев текстилем отменить в одностороннем порядке государственное регулирование.

Также и в дискуссиях о социализации Германии довольно четко прослеживается поиск новых путей и сомнение в прошлых методах. Я полагаю, мы можем исходить из того, что конкретные продуманные аргументы сторонников рыночной экономики возобладают над общей верой в централизованную экономику. Чтобы добиться этого, необходимо в кратчайшие сроки объяснить значение рыночной экономики всем социально заинтересованным слоям населения и донести до сознания, что эта экономика является истинным народно-хозяйственным порядком, означающим нечто большее, чем просто недобросовестная легализация предполагаемых экономических злоупотреблений. Перемены последнего полугодия подкрепили этот оптимизм. Несомненно, во многих местах возросла готовность увидеть правоту рыночного хозяйственного порядка. К тому же это вопрос, который может решаться не только

в Германии. Подключение Германии к системе обеспечения мирового хозяйства и к функциональной экспортной экономике, хотим мы этого или нет, будет все более и более навязывать нам организацию рыночного типа. Раз уж речь зашла о необходимых закономерностях развития, то соответствующие решения, вероятно, будут приниматься не Германией, а станут плодом дискуссий о принципах рыночной экономики, которые ведутся в настоящее время в мире. К сожалению, в настоящее время мы можем лишь наблюдать за этой дискуссией, не принимая в ней участия, однако мы стремимся и демонстрируем свою волю к тому, чтобы вновь включиться в мировую экономику и сделать из участия в ней необходимые выводы в отношении нашей внутренней экономической политики. В чем мы действительно нуждаемся, так это в реалистичной экономической политике, способной в условиях социальной рыночной экономики лучше и эффективнее справиться с задачами современности, не ставя под угрозу основные цели экономики. Мне представляется нецелесообразным излишне долго спорить о названии будущего хозяйственного порядка. Более важно, однако, внести ясность в вопрос, какие конкретные действия нужно предпринимать в нынешнем положении. Даже тот, кто не готов к окончательному признанию рыночного порядка, не может не принять правоту некоторых конкретных аргументов. Прежде всего необходимо признать, что нынешнее положение Германии не оставляет надежд на преодоление трудностей за счет усиления государственной власти или посредством апелляции к этике. Любая экономическая политика, которая претендует на то, чтобы быть принятой всерьез, не должна терять связь с реальностью.

Принципиально ошибочно объяснять, как это делают оккупационные власти и управление экономического развития, наши трудности «совершенно неудовлетворительным учетом сельскохозяйственной продукции и имеющихся промышленных товаров». Нынешний экономический хаос связан не с тем, что сельское хозяйство и промышленность, то есть в конечном счете люди, показали свою несостоятельность по отношению к государственному регулированию экономики, а с тем, что государственное регулирование продемонстрировало в отношении к людям, к насущным потребностям и к экономической реальности свою полную несостоятельность. Необходимо приспособление не психологии людей, которую вряд ли поменяешь за несколько лет, учитывая, что это не удавалось сделать и за тысячи лет, а государственного регулирования, которое, несомненно, достигло той точки, когда от усиления интервенционизма можно ожидать разве что окончательного краха экономики. Да и сейчас регулированию не откажешь в наличии этой силы негатива. Во-вторых, необходимо не только на словах, но и действиями, с сохранением всех прочих гарантий, создавать пространство свободы

для хозяйственной деятельности. Нам неизбежно придется, в какой бы то ни было форме, сделать шаг к некоторой свободе рынка.

Никто не говорит о том, чтобы в один миг освободиться от всякого контроля и регулирования, в чем упрекают сторонников рыночной экономики недоброжелатели. Что, однако, необходимо сделать в первую очередь, и лучше сегодня, нежели завтра, так это освободить определенный рыночный сектор, временно сохранив социально необходимые квоты. Чтобы сделать возможным постепенный переход, я предложил разделение рынка, согласно которому поначалу определенная часть сельскохозяйственной и промышленной продукции отдается на свободный рынок, который вбирает в себя как эту часть, так и всю дополнительную продукцию. Позволить ли этому свободному рынку самому определять цены или сначала ограничиться возможностями компенсации для предприятий, это вопрос тактический. Многие факторы, учитывающие нынешние реалии, сейчас дают повод сделать выбор в пользу легализации и ограничения размера компенсаций, связанных с производством дополнительной продукции, что принесет пользу не только свободному рынку, но и рынку, на котором действуют квоты и производительность которого, учитывая коллапс системы контроля и регулирования, все больше ставится под сомнение. Преимущества легальных свободных компенсаций очевидны. Это — единственный способ остановить постепенное разрушение промышленности. Посредством включения торговли, которая, возможно, установит собственные стоимостные эквиваленты обмена, гибкость компенсаций значительно повысится. Однако каждый шаг в направлении к рыночной экономике должен сопровождаться определенными социальными гарантиями. Это возможно уже на стадии перехода, если первоначально ограничить компенсации до двух видов: компенсация должна пока предоставляться только для обеспечения производственного процесса, а не инвестиций, а также должна предоставляться на социальные нужды, причем, прежде всего речь идет о компенсациях на оплату труда в зависимости от выработки и о субсидировании питания на предприятии. Последнее положение представляется мне особенно важным с социальной точки зрения. Все это, однако, является лишь временными мерами на пути к истинной рыночной экономике. Всякая компенсация означает предоставление преимуществ определенному кругу предприятий, рабочих и служащих. Трудности маржинального потребителя при этом возрастают. Система компенсаций приемлема для него только в том случае, если она ведет к непосредственному увеличению производства, при том, впрочем, что рост производства в условиях государственного регулирования приносит маржинальному потребителю мало пользы. К маржинальному потребителю также относится то, что было сказано выше о положении

Германии в мировой экономике. Действительно включиться в экономический процесс потребитель может, лишь став производителем в масштабах мировой экономики или в масштабах экономики своей страны.

В настоящее время одинаково необходимо приложить дополнительные усилия и провести дебаты об основных принципах, которые мы хотим позднее реализовать. Опасное положение нашей экономики требует реальных действий, ослабления давления, чтобы раскрепостить людей и вновь задействовать их энергию. Каждый шаг к улучшению снабжения на рыночных условиях должен рассматриваться как социальное достижение. Кроме этого, нам, однако, необходимо обеспечить в новом хозяйственном порядке определенные гарантии, которые позволили бы добиться баланса экономической эффективности и социального обустройства.

От этого синтеза зависит судьба нашей цивилизации. Нам должно быть ясно, что в более глубоком смысле мы не так уж свободны в выборе хозяйственного порядка. Благодаря скачку производительности конца XIX и начала XX веков, который обеспечила рыночная экономика, стал возможен небывалый рост населения мира и одновременный рост уровня жизни каждого отдельного человека. Поэтому совершенно невозможно заменить этот хозяйственный порядок, который является предпосылкой нынешней численности населения, другим, имеющим более низкий уровень производительности. Следствием этого стало бы обнищание миллионов людей. Уже видны признаки бури, однако производительность старого рыночного порядка еще давала отдачу, благодаря чему удавалось избегать крайностей. Однако опасные эксперименты с сомнительными хозяйственными порядками в условиях переполненной Европы не должны продолжаться. Создается прямо-таки впечатление, что те, кто несет ответственность, более не понимают смысла принципов организации, которые вывели Европу на лидирующие позиции. Одним из самых опасных заблуждений является предположение, что эта угроза жизни населения и является той ценой, которую нужно заплатить для достижения социальных улучшений. Напротив. По крайней мере, теперь, когда один порядок, очевидно, подошел к своему концу, все люди доброй воли должны объединиться, чтобы создать основу, на которой можно возвести здание немецкого восстановления. На основе рыночной экономики вполне можно объединить идеалы свободы и социальной справедливости. Проблемы избытка, с которыми зачастую приходилось бороться рыночной экономике прошлого, нас не пугают. Мы располагаем средствами, чтобы справиться с этим.

Если бы нас не страшил опыт ученика чародея *Гёте*, нам осталось бы лишь призвать духов государственного регулирования экономики, за которыми, как их тень, следует экономический дефицит. Однако, чтобы

сдержат избыточное производство, существуют не столь сомнительные средства рыночной экономики. Так почему же мы не хотим доверить так горячо желаемое восстановление страны хозяйственному порядку, который мало обещал, но который, однако, сегодня, как и прежде, доказывает свою способность быстро и без особых усилий создать после долгих лет разрушений новую экономику мирного времени.

Социальное примирение*

О возможности социальной идеи, объединяющей мировоззрения

Если в будущем кто-то, оглядываясь назад, попытается дать определение нашему времени, судя о нем не по тому, что ныне на переднем плане, не по его разрушительным войнам, межпартийным и межнациональным распрям, а по тому, к чему стремились, то, несомненно, не было бы ничего лучше, чем если бы эти годы были бы названы эпохой примирения в духовном смысле. Надеясь на это, выражаем ли мы лишь желание, внушаемое нам совершенно противоположной действительностью, или, в самом деле, уже существует в самых различных слоях европейской жизни настрой на дела, стремление к преодолению антагонизмов, желание отыскать достойное сохранения в разрушаемом, а в противоречии — единство? Тот, кто предпримет попытку объяснить нашу эпоху, вряд ли сможет разглядеть единство. Те, кто оценивает наше время, как правило, склонны исходя из внешней его разобщенности делать вывод о внутреннем хаосе. Этому, однако, противоречат признаки загадочного самоутверждения духа и душ, более свободное и ясное осознание того, как отвести общую угрозу, этому также противоречит наш интеллектуальный научный труд, когда он подводит к новым своеобразным решениям. В действительности, мы давно уже идем иным маршрутом, чем тот, который можно предположить по внешним признакам.

Разумеется, внешние обстоятельства этому способствуют. После потрясений двух мировых войн само собой напрашивается требование примирения. Однако чего стоит такое желание, если оно не наполнено духовным содержанием, если нет стремления найти общее у противоположных сторон.

Наше положение можно сравнить с ситуацией второй половины XVII столетия. Тридцатилетняя война привела Германию к состоянию, сход-

* В данной публикации приводится фрагмент работы Альферета Мюллер-Армака «Социальное примирение». Перевод осуществлен по изданию: *Müller-Armack, Alfred. Soziale Irenik* (1950). Ludwig Erhard Stiftung e.V. (Hrsg.): Wolfgang Stützel (u.a.) Grundtexte zur Sozialen Marktwirtschaft, Stuttgart / New York 1981 (Gustav Fischer Verlag). S. 417–432.

ному с сегодняшним днем. В результате войны позиции и границы областей больших конфессий хотя и изменились отчасти, однако в целом они сохранились и закрепились. Все стороны заявили о своем духовном своеобразии и пережили приблизительно на рубеже XVII и XVIII веков внутренний подъем — католицизм в своей барочной культуре и теологии, лютеранство в пиетизме, а кальвинизм — в усилении своего сектантства. Однако этой стабилизации на протяжении десятилетий после перемирия предшествовала эпоха, которую следовало бы назвать эпохой «умиротворения» в нашей духовной истории. Старались найти возможности установления связей между различными областями, велись поиски общего, и возникала даже надежда вновь обрести утраченное единство веры. Усилия *Лейбница*, *Спинозы*, *Боссюэ* и *Молана* достичь мира между вероисповеданиями стали символом этих стремлений. Теология посредничества Хельмштедтского университета и Каликста языком богословия выразила то, что в другой науке, а именно в сравнительном страноведении, было описано как отстраненное сопоставление различий, ранее рассматривавшихся с точки зрения взаимной вражды. Вскоре, правда, пришлось столкнуться с трудностями согласования догматических вопросов, но в итоге сохранилась та позиция умиротворения и примирения, которую унаследовал XVIII век и которая немало поспособствовала привнесению в его культуру уверенности в гармонии миропорядка и веры в миротворческую миссию духа.

Можем ли мы ожидать подобного или большего от нашего времени? После Первой мировой войны *Макс Шелер* в 1926 году поставил диагноз времени, согласно которому мы находимся в эпохе установления равновесия. Он считал, что антагонизм между народами, полами и партиями исчезает, и был уверен, что распознал процесс, в котором одни точки зрения все более и более вбирают в себя основные черты своих противоположностей и таким образом преодолеваются былые трения. Учитывая опыт нашего времени, можно, пожалуй, считать, что эти ожидания не подтвердились.

Если мы посмотрим на интеллектуальное состояние европейского мира по эту сторону железного занавеса, то есть в зоне, где еще возможна свободная интеллектуальная жизнь, то мы увидим, что те духовные силы, которые определяли и определяют характер европейских народов как здесь так и за океаном, стабилизировались в своеобразном равновесии. В общем и целом, это четыре группы, которые в настоящее время удерживают баланс: католицизм, протестантизм, эволюционистский социализм и либерализм. Здесь мы не рассматриваем современную науку в качестве особой группы. В XIX веке она была в первую очередь связана с продвижением либеральных идей, однако сегодня она является общим элементом духовно-интеллектуального фундамента всех групп мировоззрений.

Утверждение о том, что позиции этих четырех сил в нынешней интеллектуально-социологической ситуации незыблемы и не существует вероятности того, что одна сила вытеснит другую, противоречит ожиданиям, имеющимся внутри самих этих групп. Марксистский социализм до сих пор надеется привести человечество в эру социализма, и такие уважаемые и по своему происхождению не марксистские ученые, как *Йозеф Шумпетер*, убеждены, что эта надежда на социалистическую эпоху подтверждается действительным развитием. Времена неоспоримой духовной экспансии какой-либо отдельной группы также приводят к подобным завышенным оценкам.

Так, например, в последние десятилетия, несомненно, наблюдается мощное духовное развитие католицизма. Нехватка литературы, близкой европейской культуре, с которой католицизм сталкивался в XIX веке, давно преодолена. В искусстве, литературе, философии и теологии, с особенным влиянием на молодежь, в Германии и Франции, но также и в Англии и Италии происходит духовное обновление, которому мало что может противопоставить протестантизм. Последний нестабилен, не получает отклика среди молодежи и не может похвастаться такими представителями в искусстве и поэзии, какие ныне имеются в католицизме, например, *Клодель*, *Маритен*, *Бернанос* и т.д. Разумеется, этот факт силы духовного притяжения, которое подтверждается переходом в католичество таких именитых протестантских представителей искусства, как *Сигрид Унсет*, *Райнхольд Шнайдер*, *Гертруда фон Ле Форт*, *Т.С. Элиот*, не должен быть преувеличен. Ему противостоит тот факт, что католические страны ныне практически не имеют политического веса.

Хотя облик протестантизма нашего времени характеризуется шаткостью его духовно-интеллектуальной базы, что не смог принципиально изменить и труд *Карла Барта*, все же ныне он достиг пика своего политического влияния. В деле спасения западного мира заметно преуспевают кальвинистские страны, Соединенные Штаты и Британская империя. Невозможно понять идейную базу помощи Европе, не учитывая моральных убеждений и давних традиций кальвинистско-лютеранского жизненного уклада, на которых основывается западная демократия. И напротив, как мал по сравнению с этим вклад Франции, Испании, Италии, Ирландии и Австрии. Духовно-интеллектуальная мощь католицизма, если судить о ней реалистически, должна рассматриваться на фоне фактического господства преимущественно кальвинистских стран, духовно-интеллектуальные достижения которых сегодня больше проявляются в мировой политике.

Этим христианским позициям противостоит марксистский социализм, утверждающий свое могущество в общественной жизни всех стран. Фактический спор с Востоком, несущим, как он считает, истинный

марксизм, разумеется, ослабляет эту властную позицию, в том смысле, что Восток вынужден проводить пересмотр собственных духовно-интеллектуальных основ. И хотя у него есть фактическая власть, он не обладает той несокрушимой силой мировоззрения, которая характеризуется осознанием своей конечной правоты. Фактическая власть и духовная несостоятельность характеризуют его положение в мире идеологий.

В совершенно иной ситуации находится либерализм. Он давно утратил свое влияние в широких слоях общества. Его партии повсюду опустились до уровня раздробленных группировок, пребывающих на периферии политической сцены. Пока неясно, сможет ли в нынешнем положении что-то изменить успех, которого они достигли в Германии и Австралии. Тем не менее его следует все еще рассматривать как четвертый фактор в духовно-интеллектуальном силовом поле, которое он делит с социализмом в слоях, все более подверженных секуляризации. Его политические и экономические идеи результировались из разочарований, тоталитаризмом и централизованной плановой экономикой. Поэтому произошло возрождение так называемого неолиберализма, позволившего восстановить его не как замкнутую группу, а как мощный принцип, проходящий через все группы населения. Достижения современной социологии и экономики поспособствовали этому развитию.

В конечном счете возникает своеобразная социологическая ситуация. Каждая группа как бы заполняет свой жизненный слой, в котором благодаря перевесу сил ей удается распространять свое влияние, без надежды, однако, на то, чтобы полностью определять сегодняшнюю действительность. Духовное влияние компенсируется отсутствием политического веса, политическая власть — духовной несостоятельностью, незначительность внешнего влияния — связью с получающими распространение научными идеями. Ни одной из сторон, если мы правильно оцениваем положение, не грозит быть вытесненной, и ни одна из них не имеет шансов на единоличное господство. Поскольку мы должны смириться с фактом сосуществования этих четырех сил, формирующих духовный облик Европы, постольку нам следует осознать, к чему обязывает каждую отдельную сторону такое сосуществование сил, не способных вытеснить друг друга.

Эти неизбежные полярности нашей современности, конечно, не дают исчерпывающего представления о нашем духовном состоянии — оно определяется и теми разъяснениями каждой из сторон, благодаря которым особенные и устойчивые элементы каждой позиции распознаются глубже и полнее. Протестантская теология под руководством швейцарских теологов *Карла Барта* и *Эмиля Бруннера*, а также немецких теологов *П. Альтхауса*, *Элрета*, *Иванда*, *Штауффера* и *Тилике* помимо прочего работает над более упрощенным и приближенным к первона-

чальному пониманием евангелизма в сравнении с теологией XIX века, от *Шлейермахера* до *Харнака*, зависившей от интеллектуальных течений столетия – романтизма и историзма. В равной степени и католическая теология, например у *Шмауса* и *Гвардини*, предлагает общественному сознанию новые формы толкования корней католического мировоззрения. Не иначе обстоят дела и в либерализме, который сегодня более не довольствуется поверхностными обоснованиями, имевшимися в его распоряжении в XIX веке. Основываясь на трудах *лорда Актона*, такие ученые, как *фон Мизес*, *Бём*, *Айнауди*, *Ойкен*, *Хайек*, *Рёнке* и другие, проложили путь более глубокому обоснованию либерального мировоззрения. Также и теория социализма более не довольствовалась экзегезой Маркса и на основе нового терминологического аппарата создала себе улучшенный фундамент. Это осознание особенности собственного местоположения хотя и способствовало более четкому размежеванию, в то же время, однако, спровоцировало диалог, в котором, по причине уверенности в собственной позиции, и вопрос об общем и объединяющем мог ставиться более непринужденно. Так, на более прочном фундаменте, нежели в XVII веке, между конфессиями обсуждался вопрос единства веры в рамках движения за единую святую Церковь *uno sancta*. Англиканская церковь и католицизм поддерживали контакты с православной церковью. В рамках протестантизма движение экуменизма углубило понимание совместных целей. Социализм во многих отношениях преодолел свою традицию вольнодумия и приступил к пересмотру своего отношения к церкви. Между социализмом и либерализмом также налажился духовно-интеллектуальный обмен, в результате чего либерализм стал более четко обозначать свои социальные цели, в то время как социализм старался внедрить элементы свободомыслия, прежде всего в методике ведения экономической политики.

В порыве энтузиазма, возникшего на первых порах в ходе интенсивного диалога, часто переоценивалась возможность ослабления болезненно воспринимаемого разделения. Не учитывалось то, насколько сильно была связана готовность вести диалог с укреплением собственной позиции, притом, что это привело к четкому размежеванию и еще большей убежденности сторон в своей правоте, в результате чего по части преодоления разграничений удалось достичь очень мало, или не удалось достичь вовсе ничего. Ярким примером тому служат в особенности исследования по истории реформации католического историка церкви *Рортца* и труды *Франца Шнабеля* по немецкой истории 19-го века. Также и в дискуссии об экономической политике наблюдается сближение точек зрения либерализма и социализма. *Отто Гофман* («Clearing der Konzepte. Die gegenseitige theoretische Annäherung der Standpunkte zwischen Liberalen und Sozialisten.» [Клиринг концепций. Обоюдное сближение теорети-

ческих взглядов либералов и социалистов / *Wirtschaftszeitung* 19.02.1949) справедливо утверждал, что в США и Германии наблюдается сближение позиций либеральных и социалистических экономистов.

Растет готовность к уважительному отношению к чужому мнению. Однако идейно-политическая ситуация в целом исключает добровольную сдачу своих позиций какой-либо одной из этих четырех групп. Итак, наша надежда на единство может быть надеждой на умиротворение, примирение, которое рассматривает факт разделения как данность, но вопреки ему не прекращает стремиться к единству. У такой надежды мало шансов, если речь идет о принципиальных аспектах мировоззрения или, тем более, о теологической точке зрения. Цель этого сближения во имя примирения, однако, достаточно важна в соотношении с практической задачей мировой политики — объединить усилия всех четырех групп для решения проблемы социального устройства.

Кажется, настало время задать себе вопрос в духе примирения: возможно ли объединить мировоззренческие взгляды нашего времени во имя общей цели? Ответ, отражающий возможное общее в позициях сторон, обходится без заблуждения ложного примирения, подразумевающего возможность в ходе дискуссии избавить мир от чужого мнения, и ложного скепсиса, при котором все идейные позиции представляются неважными и возникает невнятное смешение понятий. Примирительное осмысление сегодня возможно лишь на основе признания позиций сторон. Сейчас в большей мере, чем когда-либо прежде, необходимо задуматься о том возможном общем, что выходит за рамки заявленных позиций. Задача, действительно, непростая, поскольку речь вряд ли идет о том, чтобы предложить в качестве решения непонятную смесь точек зрения. Речь идет о том, чтобы также четко обозначить то, что, возможно, будет объединять, как и то, что разделяет. Это нечто объединяющее означает выигрыш для всех, однако этого можно достичь только в том случае, если будет четко оговорено, какой вклад может внести каждый и от чего он, если уж на то пошло, должен отказаться.

Зададимся вопросом, как сомотрится каждая из вышеназванных групп с точки зрения уравнивания на основе примирения.

Католическая социальная теория

В сравнении с зыбкостью евангелической, хрупкостью социалистической и открытостью либеральной социальной теории католическая социальная теория обладает самой прочной основой. Понимание индивидуальной ценности человеческой души, исходящее из веры в божественное подобие человека, в целом обеспечивает католическую социальную теорию прочным фундаментом, на основе которого она

может признавать такие «земные» ценностные факторы, как, например, частная собственность или общество, при этом не рассматривая их как наивысшие ценности — опасность, которая легко возникает при рассмотрении с секуляризованной точки зрения. Католическая социальная теория, насколько ей достает общехристианского начала, приобретает особую глубину благодаря идеи ордо². Значение этой идеи, нашедшей свое оформление, главным образом, в ортодоксальной схоластике Фомы Аквинского, для современного социального сознания заключаются в том, что она описывает ступенчатый характер участия нашей конкретной, по большей части повседневной, культуры в вечных идеях Бога. Я считаю, хотя это и противоречит в некоторой степени евангелическим убеждениям, что католицизм должен привнести в примиряющее единство современной социальной теории эту свою особенность, всеобъемлющую идею ордо, одновременно обеспечивая эту социальную теорию умиротворения прочной и в то же время способной к конкретизации структурой, которая ей так необходима. После того, как в век сотворения и смещении идолов обнаружилась угроза абсолютизации земных ценностей, особенно в общественной и государственной жизни, сегодня возникла необходимость нахождения долгосрочных целей, которые по важности превосходят наши земные цели в достаточной мере, чтобы защитить от абсолютизации земного, но в то же время достаточно основательно изложенные и годные на века, чтобы быть путевой звездой земной жизни. Это послужит ориентиром в стремлении создать общехристианскую культуру, основывающуюся на западном духе. В протестантизме ничего подобного нет. Те его приверженцы, которые с надеждой держатся за идею общехристианской культуры, несмотря на частые выказывания о ее неприятии некоторыми евангелическими теологами, думая о христианском Западе и о миропорядке, подразумевают именно эту идею об общехристианском, разработанную в рамках католической социальной теории.

Не случайно в современной теории либеральной экономики ОРДО стало названием, выбранным для ежегодного сборника научных трудов. Ту же направленность имеют и усилия по привнесению естественного порядка в экономику, к чему, например, призывает *Pёнке*. Ни одна другая из четырех групп не в состоянии наделить будущее социальное устройство такой прочной христианской основой, какую уже давно выработала католическая социальная теория. Также и евангелическая со-

² Термин «ордо» употреблялся в католической теологии Средневековья в качестве одного из главных ценностных символов схоластической метафизики. Имелся в виду *Gottesordnung* — божественный порядок. Некоторые исследователи ордолиберализма, прежде всего Нильс Гольдшмидт, считают, что Вальтер Ойкен, используя этот термин, имел в виду именно это его первоначальное значение, другие оспаривают этот тезис. — *Прим. ред.*

циальная теория способна воспринять тезис такой общехристианской основы, по крайней мере, я не вижу теологических возражений, могущих стать серьезным препятствием в признании идеи личности и ордо как общего христианского фундамента.

Вклад христианских конфессий будет в основном заключаться в том, чтобы заложить надежный фундамент нашего социального устройства, в то время как в конкретных вопросах общественного порядка и технического решения проблем с ними будут соперничать возникшие из секуляризованного духа XIX столетия либеральные и социалистические идеи. В этих вопросах может больше пригодиться их непосредственная связь с формами сегодняшней реальности общества, чем в случае церковных социальных учений, обращенных к историческим первопричинам.

Если мы всерьез будем работать над примиряющим взаимопониманием, то, несомненно, и католической социальной теории, при всей прочности ее основных идей, необходимо будет осознать исторические предпосылки своего появления. Они же станут и границами сферы воздействия на действительность в мире, в котором доминируют государства протестантской культуры. Здесь стоит особо отметить сословно-корпоративную укорененность католической церкви в европейском развитии. С раннего Средневековья католическая церковь противостояла государству, кайзеру и королю. К ней примыкала многослойная сословная культура Средневековья, с духовенством, дворянством, свободами землевладельцев и городов. По существу это сословное деление, которое в одинаковой степени гарантировало и безопасность, и зависимость крестьян и ремесленников, существовало в Австрии, Испании, Италии, а в оставшихся католическими свободных городах, например в Кёльне, оно сохранилось до конца XVIII столетия. Эта объединяющая сословия традиция в католических странах до сих пор побуждает католическую социальную теорию пропагандировать идею пусть и модернизированной, но созданную по образу объединяющего обязательства того времени социальную организацию. Достаточно вспомнить систему иезуитского пастора *Пеша*. Находившаяся под ее сильным влиянием, а также под влиянием романтизма, школа кружка *Шпанна* в Вене развивалась в том же направлении. Новые социальные эксперименты участия рабочих в распределении прибыли на предприятиях, что рекламируют в Германии и Франции, также развивались в похожем ключе. Правильность этих сословных идей здесь не оценивается. Ныне, если мы хотим достичь примирительного единства социальных теорий или хотим сначала добиться понимания в рамках общего пространства западных государств, должна иметься ясность относительно того, что это историческое обоснование является особенностью зоны влияния католицизма. В протестантских странах, медленно и нерешительно в лютеранстве,

быстро и радикально в кальвинизме, старое сословное деление лишилось опоры. Дворянство в старом смысле слова, привилегии городов, корпоративные обязательства, прерогативы духовенства — были упразднены, так что лозунг Французской революции «*Il n'y a que l'Etat et les individus*»³ не только формулировал требование, но и отражал реальность, которая уже давно существовала в протестантских областях. Сословное мышление более не находит здесь реальной поддержки, тем более в создающихся новых сословиях, таких как торговое и промышленное. Также не находит отклика социально-политическое возвышение предприятия до статуса места производства, приковывающего к себе человека, что имеет смысл теперь только при долгосрочных трудовых соглашениях.

Если протестанты безоговорочно покорятся превосходству идеи ордо, то с точки зрения единого действия христианских социальных убеждений в рамках католической социальной теории будет необходимо упразднить те устаревшие социальные идеи, которые существуют в исконно католических странах, ради уклада, ориентированного на общеевропейские аспекты. Учитывая смешение территорий влияния религий, происходящее вследствие притока беженцев в последние годы, особенно важно перенять этот приобретенный в областях влияния других конфессий статус в форме собственного решения задач по устройству конкретного социального уклада. В противном случае предлагаемые решения будут иметь частный характер и не будут соответствовать общеевропейской цели, уже не говоря о том, что это — утопия, верить в то, что исторически обусловленное католицизмом решение может иметь реальный шанс на успех в протестантских странах.

Нравственные ценности, определяющиеся социальным укладом, твердо установлены как для католического, так и в целом для христианского мировоззрения. Поэтому они сами по себе не могут стать предметом примирительного уравнивания. Иначе обстоят дела с конкретацией социальной теории, с восприимчивостью к предложениям, которые поступают здесь и сейчас, особенно тех, что касаются способов, «техники» социальной защиты. В то время как центральные принципы определены, остается открытой сфера их относительной исторической действительности, и идеология должна быть изначально полностью открыта для нового опыта, и в особенности для научного прогресса. Может показаться, что католическая социальная теория, впрочем, так же как и евангелическая, слишком сильно отождествляет себя со взглядами времени, которые в науке являются по меньшей мере спорными или даже считаются устаревшими. Желание церковью выполнять социальную миссию неизбежно привело их к тому, чтобы начать заниматься понятиями капита-

³ Нет ничего, кроме государства и людей (фр.). — *Прим. пер.*

лизма и социализма. После чего они были вынуждены стать своего рода альтернативой, вобравшей в себя определенные научные взгляды времени, прежде всего о том, что посредством обязывающего объединения и принуждения вообще можно добиться больших успехов в социальной защите, нежели через применение специфических либеральных методов, которые в свое время были предложены либерализмом и которые ныне переживают духовное обновление. Не меньшей ошибкой было бы, как мне кажется, требовать от церковной теории, чтобы она, напротив, поддерживала методы социальной политики, ориентированные на свободу. Необходимо, однако, оставить также и в христианском социальном учении некоторое пространство, в котором конкретное научное мышление заняло бы подобающее ему место, и избегать любого отождествления его с определенными методами социальной защиты. Несомненно, для папских посланий избрана хорошо сбалансированная промежуточная система между свободой и обязательством. Но не стоит забывать, что очень часто в социальных вопросах даже минимальная профессиональная подготовка теологов обеих конфессий по экономике и социологии соблазняет их подчиниться *opinio communis*⁴, которое в наше дни склоняется к тому, что социальные гарантии можно обеспечить только антирыночными методами. Таким образом церкви начинают вдаваться в технические вопросы, которыми им заниматься не обязательно. В последние годы приходилось с озабоченностью наблюдать, как рушащаяся командная экономика призывала для последней поддержки своей фальшивой экономической политики духовных представителей всех конфессий. И отчасти этому поддавались: за полгода до денежной реформы с церковной кафедры звучали призывы к дисциплине покупателей, обращения к содержателям складов продавать товары, но не прозвучало соответствующего ситуации призыва, не только к грешникам — покупателям или тем, кто не хочет продавать — но и к тем, кто вопреки здравому смыслу навязывает населению ложную экономическую систему. Ее отмена меж тем показала, что же тогда на самом деле происходило.

Итак, размышления о примирении приводят к выводу, что при всем признании прочности социального фундамента католичества общее полноценное формирование социального учения все же возможно только с развитием свободных социологических и экономических исследований. Экономическая теория последних десятилетий рассматривала принципы свободной конкуренции в социальном смысле как общественно полезный хозяйственный порядок, и теперь католической социальной теории предстоит обратить на эти идеи внимание и не торопиться принимать решение в пользу принципов централизации. (В своей довольно интересной

⁴ Мнению общества (ит.). — Прим. пер.

статье «Рыночная экономика и схоластика» в газете «Райнишер Меркур» от 30.04.1949 года Й. Хёффнер выражает мнение, что принцип свободного устройства постигнут уже и высокой схоластикой.)

Стоит упомянуть о еще одной опасности католической социальной теории. Ранее я искал соответствующее доказательство тому (см.: *Genealogie der Wirtschaftsstile*, Kapitel IV; 4: Zur Genealogie des Staatsdenkens [«Генеалогия экономических стилей», глава IV, 4: Генеалогия государственного мышления]), что из самобытной структуры социальной утопии произошла если не сама католическая социальная теория, то социальная радикализация внутри католического интеллектуального пространства. До сих пор прослеживается склонность к созданию социальных конструкций в изолированном пространстве, ныне, к примеру, в значительной степени при обсуждении в социально заинтересованных католических кругах вопросов участия рабочих в прибылях. Здесь, как мне кажется, также необходимо рассматривать социальную проблематику как таковую в рамках хозяйственного порядка в целом и как общую для всех западноевропейских индустриальных государств, и при этом отвечать на эти проблемы, руководствуясь фундаментальными принципами с широким применением, а не предложениями, которые, хотя и могут быть разумными, все же являются лишь частичным решением, ограниченность которого далеко не всегда заметна сразу.

Евангелическая социальная этика

Можно рассматривать и как преимущество, и как недостаток тот факт, что евангелистская социальная теория в аналогичном понимании не существует в виде неразрывного определенного единства. В то время как католическая социальная философия и социальная политика в целом ряде значительных трудов нашли свое выражение в пластичных формулировках, закрепившихся в общественном сознании, здесь представлены лишь некоторые подходы, которые вовсе неизвестны за пределами круга специалистов, а внутри этого круга являются спорными. Речь идет не о том, что основной подход недостаточно четко сформулирован. Ему не хватает укорененности в понимаемом как единое целое мировом порядке.

Возможности примирительного сотрудничества должны оцениваться по-разному, в зависимости от направления, в котором проявляет себя протестантизм. Самым заметным сегодня является реформатское направление, которое, прежде всего, связано с личностью *Карла Барта* и пользуется поддержкой большой группы теологов Исповедальной церкви Германии⁵. Теологическое осмысление высшей степени рефлекс-

⁵ Оппозиционное движение немецких христиан – противников нацизма. – *Прим. ред.*

сии здесь допустило идеал лишенной власти церкви, которая в принципе отказывается занимать какую-либо конкретную позицию в любых вопросах мировоззрения. Отдаленность от Бога и греховность этого мира дают основания рассматривать как бесполезные старания попытки дать миру социальное устройство, ибо оно, опять же, лишь плод человеческой деятельности. По моему мнению, исходя из этой позиции, нельзя прийти к примирительному сотрудничеству для достижения цели конкретного, основанного на ответственности западной цивилизации, социального устройства. Это связано с тем, что такие понятия, как христианский Запад или христианская политика, изначально воспринимаются как бессмыслица и отвергаются. Особенно сильно вердикт этих кругов затронет те партии, которые поставили себе цель вести политику в христианском духе, не важно, насколько они соответствуют этой цели. Их упрекают не в том, что они не соответствуют поставленной задаче, а в том, что они в принципе ставят себе такие задачи. По причине принципиального отрицания мирского эта группа отвергает любые попытки создания общехристианского Запада или, тем более, сближение с католической точкой зрения, в то время как сближение с левыми идеями, странным образом, не вызывает отторжения, о чем также свидетельствует позиция *Барта* по поводу венгерских реформатов. Высказываются антибуржуазная позиция и протест против политической реакции, разумеется, без осознания, истрепанности этих понятий и соответствия их лишь шаблонному мышлению.

Насколько велика эта группа, я не берусь судить. Однако она есть, и существует мало возможностей включить ее в диалог примирения. Однако она не всевластна, поскольку наряду с ней есть направление, которого придерживаются многие слои, прежде всего представители лютеранства и униатства, а также реформатства, которым очень близка задача социального обустройства на основе христианской ответственности.

То, что именно *Лютер* придал католической социальной структуре, которую он, как и многое другое, перенял, было важным дополнением. Прежде всего, это было связано с углублением идеи о профессии, которая особенно в Германии, как нигде, придала нравственную глубину традиции работы в некогда выбранной специальности. Остальные отдельные идеи Лютера по вопросу социального устройства не представляют собой единой системы. Еще *Зомбарт* отмечал, что как высказывания человека, абсолютно незнакомого с современными учреждениями, эти идеи стояли ниже познаний высокой схоластики того времени. Опасность передать государству слишком много полномочий и тем самым оказать слишком большое доверие социальным обязанностям была здесь больше, чем в католической социальной теории, защищенной универсально-церковным подходом от абсолютизации государства. В то

время как в католической социальной теории жесткая приверженность идеи ордо часто сужала пространство для новых научных познаний, в лютеранстве есть опасность слишком сильной ориентации на государство и государственные обязательства, что должно быть преодолено.

Какими бы ни были центральные аспекты веры и догмы в отношении социального устройства, я не вижу препятствий для того, чтобы признать христианскую социальную теорию в том виде, как она сформулирована высокой схоластикой, годной и для евангелистов. Определенные различия в обосновании не исключаются. Идеи о ценности личности, а также божественного миропорядка являются общими; задачи *caritas* – милосердия и социальной помощи отвечают христианским заповедям. Так, неопределенность евангелистской социальной этики может быть полезна примирительному объединению в интересах общего сотрудничества в мире. Такая более гибкая структура по понятным причинам также оказывает меньшее сопротивление внедрению новых научных познаний.

Не стоит думать, что в силу этого вклад протестантизма в формирование социального устройства незначителен. Это, возможно, справедливо в отношении конструктивной составляющей, определяемой духовным началом. Однако не будем забывать, что протестантизм был действенным не благодаря своим организационным аспектам, но он оказывает влияние на мир и, чего нельзя не признать, определяет его политическую жизнь той своей особенностью, которую он передает своим приверженцам. Часто забывают его огромную роль в формировании современных социальных форм. За новыми формами социальной политики почти что не видят того большого количества реформ, исходивших от религиозных групп реформаторов и от проникнутого благоговением лютеранства XVII и XVIII, а также начала XIX столетия. Отпечаток этого влияния и чувство социальной ответственности сохранились даже там, где произошла секуляризация, и все это, в целом, может пойти на пользу сотрудничеству.

Социалистическая теория

Марксистские движения сегодня обладают наибольшим мыслимым влиянием почти во всех странах. Этой чисто внешней значимости противоречит, однако, их духовная позиция, ставшая нестабильной и находящаяся в процессе полной реконструкции. Этого требует не столько размежевание с большевизмом, который в конечном счете является чистой водой марксизмом, а, в большей степени, тот внутренний кризис марксистской теории, признаки которого уже давно проявлялись. Настало время всерьез отнестись к доводам научной критики, которая при-

знала описанные Марксом этапы эволюции капитализма ошибочными и недавно атаковала научно-социологический, основанный на учении об идеологии антропологический фундамент Маркса, опорой которого в конечном итоге был дарвинизм. Задача заключалась в том, чтобы привести марксизм, если он хочет существовать как социалистическое учение, в соответствие с новыми идеями экономической теории, наукой о человеке и обществе, а также ролью познания и науки. Этот процесс продвигается некоторыми прогрессивными социалистами, однако он далек от того, чтобы охватить все социалистические партии. Тот, кто не готов признать, что Маркс, при всем уважении к его великой концепции, совершенно в особой мере испытал на себе влияние устаревших идей XIX века, тот служит делу социализма плохую службу. Ведь ошущимая хрупкость фундамента уже проявляется в характере этого движения.

Стать частью примирительного единства великих социальных учений социалистическому движению удастся только в том случае, если оно освободится от традиционного вольнодумства, являющегося, по сути, случайным наследием XIX века. Следует спокойно подумать о задачах определенных, свойственных временам становления особенностей. В этом смысле либерализм не отличается от социализма. Также и он, если он хочет духовного объединения с великими христианскими социальными учениями, должен отказаться от того секуляризированного подхода, который, без сомнения, присущ многим его теориям. Избавление от вольнодумства началось постольку, поскольку было проявлено значительно больше терпимости к церкви, чем ранее. Однако до достижения полного признания того, что фундаментом нашего мировоззрения не может быть секуляризированный суррогат религии и что позиция веры выражает безусловность христианской точки зрения, предстоит пройти долгий путь. Однако этот путь можно и нужно пройти. Несовместим с христианскими взглядами тот социализм, который является своего рода суррогатом отторгнутой религии идолопоклонничества. Вера в самоспасение человечества при помощи каких-то социальных улучшений в корне чуждо христианину.

Мы, однако, ни в коем случае не отрицаем возможный и ценный вклад социализма в социальную дискуссию. Он един с христианским учением в критике антисоциального положения дел. Социальная помощь как выражение христианских убеждений на протяжении всего Средневековья была прямо-таки заповедником стремления церкви к обновлению, и не меньшим является вклад, который внес в социальную критику сектантский протестантизм. Мы не отрицаем, что в XIX веке эта социальная помощь в рамках Caritas и Внутренней миссии продолжалась со стороны церкви, однако проблемы промышленных рабочих обостряли критику и требовали иных, более радикальных средств, нежели те, что

предлагала церковь. Можно считать заслугой социализма то, что особая современная проблематика социального вопроса была сформулирована более беспощадно и ничто не препятствует тому, чтобы принять во внимание эту критику во всей полноте в примирительном диалоге. Здесь необходимо отметить в качестве ограничивающего, что с христианской точки зрения эта критика не может зайти настолько далеко, чтобы признать враждующие классы в качестве наивысшего проявления реалий общества.

Разумеется, ситуация уже давно изменилась и появились новые проблемы, по отношению к которым социализм проявляет тот же консерватизм, в котором, возможно, могли упрекнуть церковь в XIX веке. Его путь — поиск причин духовного опустошения и разобщенности рабочих и бедняков на национализированных предприятиях, обоснований государственных вмешательств и расширения однообразной машинной культуры — между тем стал сомнительным. Наряду с проблемой изменения своего основного принципа, без сомнения, марксистский социализм сегодня сталкивается с вопросом изменения своего инструментария. Процесс расширения на протяжении десятилетий антирыночной экономической политики, систематические блокировки инициатив в экономике, отсутствие чуткости к местной, укоренившейся культуре души, привели к кризису, который стал очевидным прежде всего, когда стало ясно, что централизованная экономика имеет не только экономические, но и серьезные социальные недостатки, которые можно устранить, только решительно отказавшись от этих методов. Социализму вредило то, что он законсервировал мифическое мышление из своего прошлого, согласно которому капитализм, империализм и социализм являются историческими реалиями, которые даже должны быть способны самостоятельно развиваться. Даже в работах таких выдающихся теоретиков социализма, как *Лернер* и *Ланге*, а также их нового союзника *Шумпетера*, проявляется экономический рационализм, который, независимо от того верны их экономические подсчеты или нет, не учитывает того факта, что социологическое устройство в веке социализма развивается иначе, нежели того обещали себе и своим приверженцам социалисты. В книге *Бернхейма* «*Das Regime der Manager*» [«Режим управляющих»] (Stuttgart, 1948)⁶, верны ли ее утверждения в отдельности или нет, одно представляется неоспоримым, а именно то, что централизованная социалистическая экономика передает бразды правления отдельной группе людей, и это в корне противоречит имеющимся представлениям о свободе и равенстве. Не будет много толку от попыток социализма подтвердить свою точку зрения мнимыми законами развития. Это при-

⁶ В оригинале «*The Managerial Revolution*» (1941) — «Революция управляющих»

нудительное развитие будет происходить лишь до тех пор, пока люди будут готовы идти в этом направлении. Нет особых надежд на то, что это продлится долго, поскольку открылся действительный облик централизованной экономики, и у нее мало чего привлекательного, что можно было бы предложить широким слоям населения.

Однако, судя по всему, у социализма есть шанс произвести внутреннюю перестройку. Если этот процесс будет происходить решительно, то ничто не препятствует тому, чтобы включить его социальные импульсы, его восприятие опасностей, современных условий труда рабочих в общее русло усилий по достижению социального примирения.

Либеральная социальная теория

Либерализм уже на протяжении нескольких десятилетий не рассматривается как сила, имеющая какое-то воздействие на массы, однако, на мой взгляд, было бы неверным его игнорировать. В прошлом он неоспоримо занимал сильные позиции как одно из четырех мировоззрений. Строительство мировой экономики XIX века осуществлялось в значительной мере на основе его представлений о будущем и его технических принципов. Сегодня либерализм в целом является позицией круга влиятельных философов культуры, экономистов, социологов, историков, публицистов и политиков, круга, состоящего из пары сотен человек. Его влияние является духовным, так сказать, литературным феноменом, возникшим, разумеется, благодаря провалу тех политических форм и экономико-политических моделей, которые появились благодаря их антилиберальной позиции. Общее положение дел схоже с положением дел в Англии, где между Лейбористской и Консервативной партиями вклинилась Либеральная партия, однако влияние либеральных идей в больших партиях сегодня значительнее, чем когда-либо. Следует констатировать ренессанс либеральных принципов, которые приходят из национальной экономики и социологии и вольно или невольно воспринимаются в настоящее время в мировой дискуссии. Новый либерализм становится иным, становится глубже, чем в прошлом столетии. Из него стараются исключить историческую обусловленность и бесцеремонность XIX века и преобразовать его в новую социально-ответственную позицию.

Прежде зададимся вопросом, насколько близок к примирительному единству с христианскими позициями этот либерализм. Определенно, этот новый либерализм намного более трезво воспринимает себя как технику целесообразной социальной и экономической организации, отказавшись вместе с тем от своих мировоззренческих притязаний, которые были ему свойственны в XIX веке. Процесс внутреннего очищения

здесь зашел более далеко, чем в марксизме, и необходимо, чтобы представители христианства не путали тот мировоззренческий либерализм XIX столетия, против которого так осознанно и радикально отгораживались католическая и новая реформированная теологии, с этой, по сути, научной и инструментальной версией, которой является нынешний либерализм. Еще в XIX веке существовали либералы такого типа, в которых христианское соединялось в неразрывном союзе с либеральным, как, например, у *лорда Актона*. Такие его высказывания, как «Религиозная свобода человека является созидательным принципом гражданской свободы, а гражданская свобода является необходимым условием религиозной», или «Истинное величие человека может заключаться только в гармонии его либеральных и религиозных чувств», позволяют считать этого великого историка свободы поистине значимым символом примирения двух важных мировоззрений⁷.

Следует признать, что либерализм возник на почве секуляризации. Однако, как не уставал повторять сам *Актон*, истинная демократия свободы возникает из христианского. «Свобода вне веры — это свобода, у которой отняли значительную часть ее сущности», — отмечал он. Секуляризованный либерализм подтвердил множество моральных ценностей христианства, и сегодня мы склонны не считать его отношение к христианству столь антагонистичным, как это было в XIX веке, точно так же, как мы сегодня научились рассматривать возникновение современной науки в более тесной связи с натурфилософскими течениями позднего Средневековья.

Таким образом, в примирительном диалоге должно быть не слишком сложно заставить новый либерализм, если он сам уже не на пути к этому, признать обособленность своей позиции и найти в себе свободное пространство, которое бы могло быть заполнено христианской верой. И в целом он будет воспринят в том виде, в каком он стремится предстать: как углубленный анализ инструментальных средств, которые имеются в нашем распоряжении для решения социальных задач. Бесспорно, так он сможет полностью проявить свое особое значение, и христианским социальным теориям, так же как и социализму, будет необходимо вобрать в себя им познанное. Ценность этой четвертой силы заключается в первую очередь в развитости ее инструментального мышления. Она представляет позицию свободной науки об обществе и вместе с этим тот слой, который находится по ту сторону вечных целей веры и непосредственности социального сочувствия, который с развитием наших взгля-

⁷ См.: U Noack. Politik als Sicherung der Freiheit. Nach den Schriften von John Dalberg-Akton, dem Historiker der Freiheit, 1834–1902. Frankfurt a. M., 1947. S. 186 / У. Ноак: «Политика как гарантия свободы. По трудам Джона Дальберга-Актона, историка свободы, 1834–1902». Франкфурт-на-Майне, 1947. С. 186.

дов предлагает все больше конкретных средств и инструментов для реализации наших целей.

Заключение

Если мы зададимся вопросом, каковы перспективы примирения современных социальных движений, ответ будет весьма обнадеживающим. Правда, многие мировоззрения до сих пор претендуют на то, чтобы быть истиной в последней инстанции. Путь к истинному примирению, которое не ставит под сомнение достоинство мировоззрений и в то же время не препятствует прогрессу, все же открыт; эта возможность возрастает через обучение и разъяснение, приобретающие особое значение. Во времена, когда критично относятся к суррогатным мировоззрениям, на скорую руку придуманным, которыми за последние сто лет нас так часто хотели осчастливить, социалистическое и либеральное социальные учения все больше осознают свою ограниченность в основных аспектах. Здесь еще нет полной ясности, но начало положено, и примирительному диалогу уготована плодотворная почва. Мира, который можно заключить, разумеется, не удастся достичь простым объединением всех мировоззрений на том лишь основании, что каждое из них хочет добра. Наоборот, необходимо провести критическое разграничение, чтобы правильно оценить возможный вклад каждой отдельной позиции. Нравственные стремления социализма, идея ордо в католицизме, одухотворенность профессионального труда и братская взаимопомощь протестантизма могут многого достичь в соединении с новыми принципами организации, освоенными новым либерализмом. Каждое мировоззрение отказывается от чего-то, но я не думаю, что хотя бы в одном случае речь будет идти о сущностном.

Только на почве такой интегрирующей социальной идеи можно взрастить действительно европейский социальный порядок. Ни одна сила не могла занять все это огромное пространство, которое необходимо заполнить. Каждая из них была слишком обособленной, чтобы добиться этого. Но во всем и над всем есть что-то общее, что следует объединить, и различные направления этого общего можно свести воедино. Здесь открывается поле для приложения усилий конфессий при решении практической задачи. В какой мере разделенные конфессии смогут сблизиться с друг другом в вопросах веры, неизвестно. Современное положение дел в мире не дает повода надеяться, что, даже если по главным подходам будет достигнуто единство, тысячи ответвлений, укоренившихся в реальности и психике людей, вряд ли позволят этого добиться. Однако что касается, по меньшей мере, практического аспекта социального порядка, то уже можно приступить к делу. Следует устра-

нить угрозу нарастающей секуляризации мира и построить общество на основе социальной защиты и свободы.

Очертить контуры возможного решения на основе примирения можно лишь с крайней осторожностью. Только некоторые линии могут быть обозначены пока в порядке опыта. Примирительное решение не должно быть таким, при котором воля к социальным преобразованиям слабеет или вовсе принимает привычные формы социальной защиты. Напротив, нам следует исходить из понимания недостаточности совершенного ранее и из необходимости побороть социальный кризис современного общества, глубинные причины которого мы видим в описании теологов. Все выглядело бы слишком плоско, если только довольствоваться фактом о противоборствующих слоях населения, противоборствующих классах, упуская из виду то глубокое духовное разложение, которое происходит на протяжении двух столетий и является причиной бездуховности труда и разобщения людей и превращения их в массу, потери семейных традиций, роста национализма и многого другого. Ввиду более сложной первопричины социальных трудностей, необходимы и более сложные инструменты для решения проблем, нежели те, что до сих пор использовались в рамках распределительного социализма. Ныне мы имеем дело не с социальным кризисом, который можно локализовать, а с недугом, который поражает основы. Этой более фундаментальной критике, касающейся природы и размаха социальных недугов, пожалуй, должна сопутствовать критика прежних принципов социальных реформ. В основе христианской позиции изначально заключается отрицание возможного социального самоспасения и, соответственно, конструкции социальной утопии. Понимание этого придет после того, как попытки в корне поменять общество исключительно при помощи плана потерпят полный провал. Мы также должны осознать необходимость проведения реформ в практической социальной политике. Принципы прежней социальной защиты, парализующие инициативу, подрывающие собственность мелких и средних хозяев, оказались сомнительными и нуждаются в ревизии. Со стороны церкви уже давно поступают заявления о необходимости по-новому упорядочить собственность соответственно правам и обязанностям. Несомненно, такой пересмотр нуждается в четком правовом закреплении, который меж тем уже подготовлен наукой и которому лишь не хватает конкретного оформления.

В диалоге, целью которого является достижение общего взаимопонимания, я не хотел бы представлять в качестве окончательного решение, с позиций инструментального либерализма, которое предлагалось мной и, в схожей форме, другими сторонниками принципов рыночной экономики. Однако примирительное взаимопонимание все же означает сближение различных точек зрения и отказ от той автаркии, из-за которой

до сих пор некоторые стороны замыкались на проблематике собственных предложений. Чем больше либерализм будет осознавать отстраненность своей позиции, будет готов как свою задачу полностью признавать социальную критику социализма и будет понимать необходимость постановки диагноза нашего времени с учетом всей глубины христианского мировоззрения, тем больше это ограничение будет обязывать его донести инструментарий социальной политики, основанной на идее порядка рыночной экономики, до других мировоззрений и определить свои возможности в общем диалоге. Речь идет о том, чтобы преобразовать вновь появившуюся в нашем поле зрения эту инструментальную возможность — рыночную экономику, являющуюся очень сложным средством организации, в «социальную рыночную экономику». Ранее я уже пытался передать особенность такой «социальной рыночной экономики», которая ни в коем случае не сводится к тому, чтобы просто полагаться на преимущество в производительности свободной формы организации⁸. Напротив, всякий свободный порядок нуждается в гарантиях, чтобы соответствовать моральным убеждениям нашего времени. Примирительное мышление также означает, что необходимо мыслить далеко вперед, помнить о постоянной, обязательной цели и быть в курсе технических принципов, при помощи которых реально достигаются социальные цели. Как часто социальная политика достигала лишь мнимых успехов. Однако теперь наши средства познания стали достаточными, чтобы наделить социальную волю действенным инструментарием. Разумеется, такое инструментальное мышление также имеет свои угрозы. Но если мы осознаем глубину социальной нужды людей с христианской точки зрения, то мы застрахованы от того, чтобы видеть конечные цели в каких-то государственных мерах, будь то распределительные меры, социализация или политика полной занятости. То, что с самого начала предполагал христианский подход, было многократно подтверждено практикой. Все эти пути и средства служат лишь частичному решению общей задачи, с которой лучше всего справится тот, кто с самого начала осознает недостаточность этих средств и не попадает в ловушку, преувеличивая их возможности.

Этот новый порядок был недавно назван одним из его разумных сторонников естественным порядком общества. Мы можем полностью согласиться с этим, если понимать под словом «естественный» ту непосредственность, человечность и конкретность решений, которые необходимы для устранения абстрактности и обезличенности в социальной защите, от которых мы давно страдаем. Эта естественность, как мы уже знаем, не какой-то легкий подарок секуляризированной культуры, кото-

⁸ См.: *Wirtschaftslenkung und Marktwirtschaft*, Hamburg 1948.

рая всегда отдает предпочтение неестественному, абстрактному и неличному. Это порядок, который включает в себе всю природу человека со всем ее опытом, как по ту, так и по эту сторону.

Здесь мы предприняли попытку анализа враждующих социальных теорий на предмет их возможного единства. Это единство возможно. Достичь его, однако, можно лишь приложив немало усилий. Перед каждой из мировоззренческих групп сегодня стоит задача преодолеть духовную изоляцию и переосмыслить цели и задачи других групп. Будущее более не будет определяться теми автаркическими, основывающимися лишь на собственной позиции системами. Напротив, это должен быть взгляд, который вбирает в себя также и методы другого мышления. Мы убеждены, что такое духовно-интеллектуальное примирение возможно без потери сущностного, несмотря на все внешние противоречия. Фронты останутся, но если, по меньшей мере, формирование социального уклада будет рассматриваться как общая цель, это будет много значить для единства нашей культуры.

ЛЮДВИГ ВИЛЬГЕЛЬМ ЭРХАРД

Введение

Лотар Функ

Биография и карьера

Людвиг Вильгельм Эрхард (4 февраля 1897 года – 5 мая 1977 года) родился в баварском городе Фюрт в семье торговца текстилем. После окончания средней школы и обучения на коммерсанта Эрхард был призван на военную службу, участвовал в сражениях Первой мировой войны, где в 1918 году был тяжело ранен. В 1919 году поступил в Высшую коммерческую школу в Нюрнберге, где до 1922 года изучал коммерцию, а затем с 1922 по 1925 год учился во Франкфуртском университете, где изучал экономику и организацию производства, политэкономии и социологию. Во Франкфурте большое влияние на Эрхарда оказал профессор Франц Оппенгеймер, который был идейно близок к немарксистскому крылу социал-демократов и исповедовал концепцию «либерального социализма», существенно отличавшуюся как от социализма, так и от традиционного экономического либерализма. Защитив в 1925 году диссертацию, Эрхард до 1928 года работал управляющим в компании отца. Затем он перешел в Институт изучения конъюнктуры немецкой готовой продукции в Нюрнберге, где сначала работал ассистентом, а затем (до 1942 года) заместителем директора, но был вынужден уйти из-за разногласий с нацистским руководством. Очевидно, по той же причине Эрхарду не удалось защитить докторскую диссертацию. До 1945 года он руководил собственным небольшим Институтом промышленных исследований. В 1945–1946 годах занимал пост министра экономики в правительстве Баварии. С 1947 года Эрхард также был приглашенным профессором в Мюнхенском университете, где преподавал теорию государства и права.

С ноября 1947 по март 1948 года Эрхард возглавлял Особый отдел по вопросам денег и кредита при Финансовом управлении американско-британской «Бизонии» (так с 1 января 1947 года называлось объединение двух оккупационных зон – американской и британской), находив-

шесмя в городе Бад-Хомбург. Эта структура занималась подготовкой проекта денежной реформы. Кроме того, работавшие в отделе Эрхарда немецкие эксперты разрабатывали предложения по дополнению реформы денежно-финансовой системы реструктуризацией всего экономического порядка в стране, так что там был сосредоточен большой массив реформаторских планов.

2 марта 1948 года по предложению Свободно-демократической партии (СвДП) Эрхарда избрали на пост директора Экономического управления американо-британской зоны оккупации, что открывало ему возможность для руководства экономической политикой всей западной объединенной экономической области Германии. Несколько месяцев спустя, 20 июня 1948 года, в западных оккупационных зонах была проведена денежная реформа (в Западном Берлине – 23 июня 1948 года). Решающую роль здесь сыграла американская военная администрация, хотя немецкие эксперты также внесли весьма заметный вклад в ее реализацию (см.: Sprenger, 2008. S. 12; Болдырев, Невский, 2014. С. 25 и далее).

Между военной администрацией и экспертами Эрхарда имелись, однако, значительные разногласия по вопросу необходимых экономических реформ. У Эрхарда, который занимал тогда очень важный для немца пост, была возможность параллельно с денежной реформой самостоятельно, но с опорой на заключения экспертов, отменить нормирование большей части продуктов и в июне 1948 года отпустить цены (Herzog, 2008. S. 31). Результатом столь смелого решения, которое могло бы стоить Эрхарду его поста, стало быстрое наполнение полок магазинов и расширение ассортимента товаров (так называемый «витринный эффект» / См.: Невский, 2009. С. 26 и далее). Тем самым были запущены рыночные механизмы, что позволило населению Западной Германии легче пережить тяготы переходного периода, предшествовавшего дальнейшему стабильному росту экономики. Поэтому решение Эрхарда, тут же оформленное законом «Об основных принципах» (Закон об основных принципах нормирования и политики цен после денежной реформы [Gesetz über Leitsätze für die Bewirtschaftung und die Preispolitik nach der Geldreform]), принятым 18 июня 1948 и вступившим в силу 24 июня 1948 года, считается сигналом к началу победного шествия социального рыночного хозяйства. Централизованное ценообразование и нормированное распределение товаров были в основном отменены. Во многих секторах частной экономики возникли свободные рынки, ценовой механизм которых стал главным инструментом координации хозяйственных решений. Либерализация была, правда, ограничена там, где затрагивались интересы государства или возникала угроза серьезных злоупотреблений в связи с острым дефицитом товаров или услуг. Комплекс принятых мер способствовал успеху денежной реформы.

Людвиг Эрхард был депутатом бундестага с 1949 года вплоть до своей кончины в 1977 году. Как беспартийный федеральный министр экономики, он с 1949 по 1963 год входил в правительство Конрада Аденауэра (с 1957 года занимал пост вице-канцлера). В 1963 году Эрхард был избран федеральным канцлером Германии, но уже в конце 1966 года он был вынужден досрочно покинуть этот пост из-за острых разногласий по вопросу финансирования федерального бюджета на 1967 год, возникших в связи с конъюнктурным спадом. В 1966—1967 годах, став, наконец, членом Христианско-демократического союза (ХДС), Эрхард был председателем этой партии, затем почетным председателем, а с декабря 1972 года — председателем бундестага по старшинству.

Научная деятельность Эрхарда перед войной и во время войны, когда он работал в близких к бизнесу исследовательских структурах, была скорее направлена на практические аспекты функционирования экономики, и в частности промышленности. Защитив в 1925 году диссертацию на тему «Сущность и содержание стоимостной единицы» („*Wesen und Inhalt der Werteinheit*“), он впоследствии занимался в основном отраслевыми исследованиями рыночной конъюнктуры и эмпирическим анализом рынков. Он не был ученым-теоретиком, подробно разрабатывавшим концепцию социального рыночного хозяйства, и не входил в круг ордолибералов, внесших в эту концепцию важные теоретические элементы и идеи. Тем не менее все больше специалистов признают, что Эрхард являлся одним из духовных наставников социального рыночного хозяйства, а не просто практическим исполнителем научных концепций, разработанных другими авторами.

Во время войны Эрхард занимался вопросами хозяйственного порядка и экономической политики. В марте 1944 года, например, участники сопротивления нацистскому режиму имели возможность ознакомиться с его меморандумом по экономической политике, основанным на выполненном в 1943—1944 годах исследовании «Военное финансирование и консолидация задолженности» („*Kriegsfinanzierung und Schuldenkonsolidierung*“), где речь шла о необходимости денежной реформы и о переустройстве Германии после войны, которую Эрхард считал безусловно проигранной. Лишь благодаря случайности нацисты упустили из виду связь Эрхарда с одним из участников движения сопротивления Карлом Фридрихом Гёрделером, в противном случае ему неминуемо грозил бы смертный приговор. В своей работе Людвиг Эрхард выступал за введение свободной рыночной экономики, основанной на честной конкуренции.

Эти факты биографии позже способствовали назначению беспартийного и политически незапятнанного Эрхарда экономическим советником американской военной администрации в Нюрнберге, что стало на-

чалом его блестящей профессиональной карьеры. После войны, будучи директором Экономического управления Бизонии, а позднее федеральным министром экономики, Людвиг Эрхард — прежде всего под влиянием его советников, приверженцев ордолиберализма, — усвоил проповедуемые ими принципы конкурентного порядка и в апреле 1949 года впервые упомянул о концепции социального рыночного хозяйства, разработанной Альфредом Мюллер-Армаком. Программное понятие «социальное рыночное хозяйство» при надлежащей интерпретации как раз содержало все то, что было нужно министру. Эрхард понимал под этим соразмерный и достойный человека общественно-экономический порядок, надеясь на то, что новый термин поможет взять верх над противниками разумных рыночных решений, которых тогда было немало также и в буржуазном лагере христианских демократов, ведь все еще была свежа память о превратностях нерегулируемого рынка. Конрад Аденауэр тоже оценил преимущества этой концепции и помог Эрхарду укрепить позиции в рядах ХДС, где к нему как эксперту-экономисту поначалу отнеслись настороженно. Дюссельдорфские тезисы ХДС от 15 июля 1949 года, включавшие в себя 16 базовых пунктов, стали первой партийно-политической программой на основе концепции социального рыночного хозяйства, с которой христианские демократы вышли на выборы в бундестаг. 14 августа 1949 года блок ХДС/ХСС после предвыборной кампании, прошедшей под знаком борьбы между плановым хозяйством и социально ориентированной рыночной экономикой, получил 31 процент голосов, опередив СДПГ. Для партий, выступавших за социальное рыночное хозяйство, был открыт путь к реализации этой концепции в Федеративной Республике Германии.

В дальнейшем Эрхард реализовывал самостоятельную политику, основанную на сочетании элементов разных научных теорий и в целом ориентированную на формирование социального рыночного хозяйства. Его главная заслуга состояла в том, что ему удалось осуществить на практике ряд важнейших элементов этой социально-экономической концепции, благодаря чему его идеи оказали значительное влияние на развитие Германии и всего мира.

В Основном законе 1949 года эта концепция, однако, не была закреплена из-за партийно-политических разногласий относительно направленности экономических реформ. Между тем, в конституции ФРГ нашли отражение центральные элементы свободного порядка (например, право на частную собственность, на свободное развитие личности, на свободный выбор профессии и рабочего места), а также четкие указания на социальные обязательства экономической системы Федеративной Республики и на достижение благосостояния для всех (Невский, 2007. С. 260 и далее).

Цель эрхардовской концепции социального рыночного хозяйства состояла в том, чтобы «соединить принцип рыночной свободы с принципом социального выравнивания и моральной ответственности каждого человека перед обществом» (Erhard, 1957 / Hohmann, 1988. S. 515). Свою концепцию он изложил прежде всего в двух книгах: «Возвращение Германии на мировой рынок» (1953 год) и в бестселлере «Благосостояние для всех» (1957 год), который был полностью переведен на 14 иностранных языков. Многочисленные речи и статьи, произнесенные и написанные Эрхардом в его бытность федеральным министром экономики, содержатся в сборнике «Немецкая экономическая политика. Путь социального рыночного хозяйства» (“Deutsche Wirtschaftspolitik. Der Weg der Sozialen Marktwirtschaft“, 1962 год).

Значение работ Эрхарда в историческом контексте

Книга «Возвращение Германии на мировой рынок» („*Deutschlands Rückkehr zum Weltmarkt*“, 1953 год) увидела свет на фоне серьезных испытаний, с которыми столкнулась послевоенная экономика новой Германии. В условиях первого кризиса социального рыночного хозяйства, вызванного внешними причинами (в частности, войной в Корее), Эрхарду пришлось противостоять требованиям о введении ценового и валютного контроля, а также государственного нормирования и регулирования, которые выдвигали оккупационные власти и внутривластные силы. В частности, он стойко сопротивлялся тенденциям к усилению протекционизма. Одна из ключевых фраз этой книги звучит так: «(...) мы тем лучше служим нашим здоровым национальным интересам, чем в более широком международном контексте мы мыслим и развиваем нашу экономику» (Erhard, 1953. S. 6). Так что Эрхард уже на раннем этапе своей политической деятельности выступал за широкую либерализацию внешней торговли, с тем чтобы еще глубже интегрировать Германию в мировую экономику.

Свои усилия по предотвращению социалистических и централистских тенденций путем внедрения и сохранения принципов свободной рыночно-экономической системы в Германии Эрхард также стремился вывести на международный уровень: он выступал за снятие внешних торговых барьеров, что, по его мнению, способствовало бы «росту благосостояния для всех» (Erhard, 1953. S. 6). В частности, он форсировал либерализацию импорта, чтобы как можно скорее подключить Германию к международному разделению труда (Erhard, 1953. S. 14–15). По его мнению, быстрое включение страны в международную конкуренцию позволило бы ей достичь оптимального баланса между созданием новых производственных мощностей и международным разделением

труда, за счет чего повысилась бы собственная конкурентоспособность и более активно завоевывались бы зарубежные рынки. Уже в 1953 году Эрхард считал, что Германии удалось практически полностью вернуться на мировой рынок, хотя до 1961 года еще предстояло предпринять ряд шагов по снятию внешних барьеров. Принцип свободной торговли как основа немецкой внешнеторговой политики окончательно утвердился лишь в марте 1961 года, когда был принят Закон о внешней торговле.

В значительной мере именно благодаря усилиям Эрхарда экономическая интеграция европейских стран пошла по пути соблюдения рыночных принципов. Успехи, достигнутые на этом пути Германией, оказали огромное влияние на другие страны. Подъем экономики Германии способствовал тому, что конкуренция и открытые рынки стали базовыми принципами Европейского экономического сообщества.

В статье 1956 года «Основные условия формирования либерального социального порядка» („*Grundbedingungen einer freiheitlichen Sozialordnung*“) Людвиг Эрхард в сжатой форме излагает основные идеи своей концепции, более подробно сформулированные в его книгах. Он объясняет, почему благосостояния для всех граждан можно наилучшим образом достичь в условиях свободной конкуренции, ограниченной лишь рамками устанавливаемого экономической политикой хозяйственного порядка. Только высокоэффективная рыночная экономика может, по его мнению, привести к желаемым социально-политическим результатам. При этом он отвергает иждивенческое отношение к государству. Ведь либеральная экономическая и общественная политика требует также и либерального подхода к решению социальных вопросов. Эрхард не согласен с тем, что государство должно брать на себя обязательства по полному обеспечению граждан, то есть страхованию народа от всех напастей. Обязательные взносы в фонды социального страхования столь же сомнительны, как и соответствующие налоги, так что их уровень не должен быть высоким. Особенно для самозанятого населения и представителей свободных профессий – в отличие от работников наемного труда – более разумным подходом является самостоятельное жизнеобеспечение и страхование социальных рисков, а не «схематическое принудительное обеспечение».

В книге «Благосостояние для всех» („*Wohlstand für alle*“, 1957 год) Людвиг Эрхард показывает, почему быстрый подъем Западной Германии, который многие называли «экономическим чудом», на самом деле никаким чудом не являлся, поскольку его можно объяснить на основе реальных фактов. Как он подчеркивает в своем бестселлере, первое издание которого увидело свет в год острой предвыборной борьбы, значительный рост производства после денежной реформы и разительное сокращение товарного дефицита подтвердили правильность его либе-

ральной рыночной экономической политики, которая, опираясь на стабильную валюту и здоровые государственные финансы, высвободила творческие силы и инициативу людей. В этой книге он подчеркивает, что как федеральный министр экономики он и впредь будет последовательно проводить ту же линию.

Между тем, в книге уделено незначительное место другим, несомненно, важным факторам, повлиявшим на экономические успехи Германии в 1950-е годы. Здесь следует прежде всего назвать большой потенциал роста на фоне послевоенных разрушений и организацию новых производств на более современной, чем в других странах, технологической основе; практически неограниченный потенциал рабочей силы благодаря притоку беженцев и переселенцев; масштабную помощь со стороны США по «плану Маршалла», позволившую преодолеть первоначальные трудности восстановления и дефицит твердой валюты; незначительные колебания конъюнктуры; необычайно стабильное внутривнутриполитическое развитие в период с 1949 по 1963 год при канцлере Аденауэре и самом Эрхарде на посту министра экономики, который был непоколебимо уверен в правильности своей концепции и в то же время пользовался доверием населения. Поэтому ученые уже давно считают, что претворение в жизнь основополагающих элементов концепции социального рыночного хозяйства было необходимым, но все же недостаточным условием для объяснения всех экономических достижений тех лет.

К моменту выхода первого издания знаменитой книги Эрхарду, наконец, удалось реализовать два ключевых элемента его концепции социального рыночного хозяйства, вызывавшие наибольшие споры: антикартельное законодательство и закон о Центральном банке, который – вопреки мнению Аденауэра и [федерального министра финансов] Шеффера – не должен был зависеть от политических указаний (Kloten, 2008. S. 116). Оба этих компонента до сих пор определяют экономический строй Федеративной Республики.

Нарушающие конкуренцию договоренности между компаниями, а также инфляция – вот, по мнению Эрхарда, главные угрозы для нормального функционирования социального рыночного хозяйства. Еще в ходе проведения денежной реформы он настаивал на скорейшей реализации немецкого антимонопольного законодательства, которое, наконец, было принято в 1957 году в виде Закона против ограничений конкуренции, в целом запрещающего картельные соглашения, допуская лишь некоторые исключения. Тем самым Эрхард, несмотря на серьезное сопротивление, добился важнейшей цели: принятия своего рода «Основного закона рыночной экономики».

В 1957 году были законодательно закреплены два центральных элемента западногерманской денежной системы, за которые он упорно

боролся. Закон о Бундесбанке определил независимость западногерманского центрального банка и сделал его главной обязанностью и целью поддержания стабильного уровня цен. С тех пор оба этих аспекта принято считать – несмотря на значительную помощь, оказанную прежде всего Соединенными Штатами (Sprenger, 2008. S. 12), – заложенной Эрхардом традицией и важнейшей характеристикой западногерманского экономического строя, которые стали ориентирами для многих государств мира.

Впрочем, к тому времени уже проявились первые признаки размытия и искажения основных принципов Эрхарда: нередко его взгляды расходились с представлениями канцлера Аденауэра относительно планируемых социально-политических реформ. Эти разногласия достигли своей кульминации в 1957 году, когда Аденауэр все же настоял на том, что действовавший прежде принцип покрытия будущей пенсии накопленным капиталом был заменен на метод динамичного перераспределения средств пенсионного фонда (так называемый «договор солидарности между поколениями»), то есть без накопления капитала. В условиях снижения показателя рождаемости на душу населения это грозило проблемами в будущем. Данную систему, «которая, как выяснилось с течением десятилетий, стала тяжким бременем для общеэкономической стабильности» (Kloten, 1997. S. 116), Эрхард отвергал (по крайней мере, поначалу) из принципиальных убеждений.

Программная книга Эрхарда была также призвана популяризировать среди широких слоев населения концепцию социального рыночного хозяйства. Ведь для долговременного успеха этой концепции была необходима поддержка большинства населения, что, в свою очередь, требовало формирования особого сознания, которое направляло бы действия людей (Kloten, 1997. S. 108).

Уже тогда политик, очевидно, понимал, что существует еще один важный аспект, от которого зависит утверждение его концепции социального рыночного хозяйства в Федеративной Республике, подчеркнув в своем произведении, что «вера в человеческий разум» как масштаб экономической политики – это не всегда достаточно надежная опора (Erhard, 1957/2014. S. 251).

В работе 1976 года «Социальное рыночное хозяйство: система, выстроенная по единым принципам» („*Die Soziale Marktwirtschaft: Ein nach einheitlichen Prinzipien geordnetes System*“) Эрхард возвращается к этой проблеме, подводит довольно безрадостный итог и призывает вернуться к изначальной концепции. Он считает социальное рыночное хозяйство образцом, «идеальной» моделью, которую он, начиная с 1948 года, по мере возможности претворял в жизнь. Он поясняет, что впоследствии его концепция перестала служить планом конкретных действий, хотя

термин «социальное рыночное хозяйство» продолжали широко использовать для характеристики реального экономического строя Федеративной Республики. Наблюдаемые со второй половины 1960-х годов проблемы экономического развития, если их рассматривать с этой точки зрения, не были обусловлены недостатками изначальной концепции. Скорее они являлись следствием нарушения основополагающих принципов при воплощении концепции на практике в ходе институционализации экономической системы, точнее — следствием отступления от одного из основополагающих принципов ее устройства, идет ли речь об инструменте координации (конкуренция), либо о методе координации (обеспечиваемый конкуренцией механизм рынка и ценообразования), при которых задачей государственной политики порядка является создание соразмерных общеэкономических рамочных условий.

Основополагающие принципы Эрхарда — обеспечение свободы конкуренции как главная задача государства, приоритет политики, нацеленной на стабилизацию уровня цен, надежная финансовая политика, рост экономики как наилучшая солидарная, и по возможности, субсидиарная социальная политика, стимулирующая занятость политика в области заработной платы, приоритет политики содействия экономическому росту перед политикой распределения и политики хозяйственного порядка перед политикой регулирования хозяйственных процессов (Kloten, 1997. S. 104 и далее) — после его ухода с государственных постов стали подвергаться все большей эрозии. Уйдя из жизни через несколько месяцев после выхода в свет его последней статьи, Эрхард так и не смог стать свидетелем ренессанса своих идей и решения всех обозначенных в его статье проблем, которые были предприняты уже в начале 1980-х годов с приходом к власти нового правительства христианско-либеральной коалиции.

Восприятие и значение концепции социального рыночного хозяйства в Германии и ее влияние на экономическую политику

Несмотря на стартовые трудности первых лет, последовавшие экономические успехи Западной Германии все больше убеждали население в правильности выбранного пути. Казалось, что концепция Эрхарда — это история непрерывного успеха. В отличие от 1948–1949 годов, когда экономический курс Эрхарда еще вызывал острые споры, во второй половине 1950-х годов и по сути вплоть до избрания его федеральным канцлером в 1965 году (со вторым в истории результатом для ХДС) ситуация складывалась так, как справедливо говорится в следующей оценке: «Население по-прежнему поддерживало его. Социальное рыночное хозяйство стало бесспорной моделью немецкой экономической политики, с которой

повсеместно связывали феномен “экономического чуда”. СДПГ была вынуждена принять в 1959 году Годесбергскую программу» (Kloten, 1997. S. 108). Таким образом, на фоне экономических успехов даже социал-демократам, прежде отвергавшим социальное рыночное хозяйство, пришлось признать верность этой концепции на съезде в Годесберге.

Прогноз Эрхарда, данный им в 1949 году, после того как блок ХДС/ХСС с небольшим преимуществом победил на выборах в первый немецкий бундестаг (Аденауэр оценил эту победу как «однозначную победу социального рыночного хозяйства над социалистическим плановым хозяйством»), в целом подтвердился. Он заявил тогда, «что наша политика более социальна, чем та, что СДПГ вообще способна проводить; она более социальна потому, что разумную социальную политику можно проводить только на основе по-настоящему здоровой и эффективной экономики» (цит. по: Herzog, 2008. S. 40).

Но рост социальных расходов в Федеративной Республике был обусловлен совсем не теми причинами, которые Эрхард считал разумными, а скорее в результате того, что уже в 1950-е годы в стране были проведены беспрецедентные по масштабу социальные реформы. С тех пор была заложена основа для модели социального мышления, которое в иных условиях — когда рост экономики уже не будет столь бурным, как в 1950–1960-е годы — могло бы привести к конфликтам вокруг распределения средств, что, в свою очередь, имело бы серьезные негативные последствия для всего народного хозяйства. Так оно вскоре и случилось.

Социально-экономический порядок, сложившийся в Западной Германии при Эрхарде, оказался весьма эффективным. Восстановив свой хозяйственный потенциал и опираясь на высокие темпы роста, Федеративная Республика уже к концу 1950-х годов вошла в круг ведущих торгово-промышленных стран мира. Возникшие затем экономические трудности удалось преодолеть в период канцлерства Эрхарда при сохранении достаточно высокого уровня занятости и устойчивой динамики экономического роста. Популярность социального рыночного хозяйства во многом была обусловлена тем, что уровень жизни населения Западной Германии постоянно повышался. Уровень материального достатка, о котором немцы в 1948 году могли только мечтать, значительно превысил их скромные послевоенные ожидания. Все негативные аспекты в восприятии социального рыночного хозяйства были связаны лишь с тем, что широкие массы населения все еще плохо понимали суть ведущих к успеху принципов, на соблюдении которых постоянно настаивал Эрхард.

В последующие десятилетия экономическая система, реально сложившаяся в послевоенной Западной Германии, все дальше отходила от принципов, лежавших в основе концепции Эрхарда. При новых пра-

вительственных кабинетах с участием социал-демократов – а с 1969 по 1982 год СДПГ даже была единственным «старшим партнером» в коалиции с СвДП – упор был сделан на дальнейшее расширение обязательных социальных гарантий, которые привели в первую очередь к удорожанию труда. Был начат экономико-политический эксперимент по обширному макроэкономическому регулированию (закрепленному законом «О стабильности» 1967 года) в рамках конъюнктурной политики, которую Эрхард категорически отвергал, но уже через несколько лет этот эксперимент был признан неудачным. Предвидя связанные с проведением этой новой политики проблемы, Эрхард еще до отставки с поста канцлера решительно высказывался против таких экспериментов. История подтвердила, что в своих опасениях он был прав.

ЛИТЕРАТУРА

Избранные произведения Людвиг Эрхарда:

- ERHARD L. Kriegsfinanzierung und Schuldenkonsolidierung, Faksimiledruck der Denkschrift von 1943/44 [Военное финансирование и консолидация задолженности. Факсимильное издание меморандума 1943/44 года]. Frankfurt a.M., Berlin, Wien, 1977.
- Deutschlands Rückkehr zum Weltmarkt [Возвращение Германии на мировой рынок]. Düsseldorf, 1953.
- Grundbedingungen einer freiheitlichen Sozialordnung (1956) [Основные условия формирования либерального социального порядка] // Ludwig Erhard Stiftung e.V. (Hg.). Grundtexte zur Sozialen Marktwirtschaft. Bd. 2: Das Soziale in der Sozialen Marktwirtschaft [Фундаментальные труды о социальном рыночном хозяйстве. Т. 2: Социальное в социальном рыночном хозяйстве]. Stuttgart, New York, 1988. S. 13–16.
- Wohlstand für alle (1957) [Благосостояние для всех]. Nachdruck der 8. Auflage von 1964 (mit aktuellen Vorwörtern von G. Steingart und R. Tichy). Düsseldorf, 2014.
- Die Soziale Marktwirtschaft: Ein nach einheitlichen Prinzipien geordnetes System (1976) [Социальное рыночное хозяйство: система, выстроенная по единым принципам] // Ludwig Erhard Stiftung e.V. (Hg.). Grundtexte zur Sozialen Marktwirtschaft. Bd. 2: Das Soziale in der Sozialen Marktwirtschaft [Фундаментальные труды о социальном рыночном хозяйстве. Т. 2: Социальное в социальном рыночном хозяйстве]. Stuttgart, New York, 1988. S. 17–19.
- Deutsche Wirtschaftspolitik. Der Weg der Sozialen Marktwirtschaft [Немецкая экономическая политика. Путь социального рыночного хозяйства]. Düsseldorf, Wien, Frankfurt a.M., 1962.
- Gedanken aus fünf Jahrzehnten. Reden und Schriften [Полвека размышлений. Речи и статьи] / Hg. von K. Hohmann. Düsseldorf, Wien, New York, 1988.

Научная и критическая литература:

- БОЛДЫРЕВ Р.Ю., НЕВСКИЙ С.И. Денежные реформы в послевоенной Германии (1948): подготовка, проведение, итоги // *Экономическая политика*. 2014. № 6. С. 25–53.
- НЕВСКИЙ С.И. Витринный эффект. Западногерманская денежная реформа 1948 года и ее последствия // *Российский исторический журнал «Родина»*. 2009. № 3. С. 26–28.
- НЕВСКИЙ С.И. История создания Основного закона ФРГ и социальное рыночное хозяйство / Социальное рыночное хозяйство: концепции, практический опыт и перспективы применения в России / Под общ. ред. проф. Р.М. Нуреева; Гос. ун-т – Высшая школа экономики. М., 2007. С. 260–280.
- НОНМАНН К. *Hg.: Ludwig Erhard. Gedanken aus fünf Jahrzehnten*. Dusseldorf u.a., 1988. (Хоманн К. (ред.): Людвиг Эрхард. Полвека размышлений: Речи и статьи. М.: Руссико: Ордынка, 1993)
- KAS – Konrad-Adenauer Stiftung (*Hg.*). *Währungsreform und Soziale Marktwirtschaft* [Денежная реформа и социальное рыночное хозяйство]. Berlin, Sankt Augustin, 2008 (в частности: Sprenger B. 60 Jahre Währungsreform – 1948 und die wirtschaftspolitischen Folgen [60 лет денежной реформы 1948 года и ее экономико-политическим последствиям]. S. 7–27; Herzog B. 60 Jahre Soziale Marktwirtschaft – damals, heute und der Weg in die Zukunft [60 лет социальному рыночному хозяйству – события того времени, настоящее и путь в будущее]. S. 29–46).
- KLOTEN N. *Макроökonomische Stabilisierungspolitik – Erhard's Positionen und Vorbehalte* [Политика макроэкономической стабилизации – позиции и возражения Эрхарда] // *Ludwig-Erhard-Stiftung e.V. (Hg.): Soziale Marktwirtschaft als historische Weichenstellung – Bewertungen und Ausblicke. Festschrift zum 100. Geburtstag von Ludwig Erhard* [Социальное рыночное хозяйство как историческое решение – оценки и перспективы. Памятное издание к 100-летию юбилею со дня рождения Людвиг Эрхарда]. Düsseldorf, 1997. S. 99–129.
- WOLF M. *Globalisierung der Finanzkrise*. In: *Orientierungen zur Wirtschafts- und Gesellschaftspolitik*, Heft 121 (3/2009), S. XI–XVI.

Благосостояние для всех*

При прежнем порядке существовал, с одной стороны, очень немногочисленный высший слой, который, в смысле потребления, мог себе позволить все, а с другой стороны, – численно весьма обширный, но обладающий недостаточно высокой покупательной способностью, нижний слой населения. При реорганизации нашего хозяйственного порядка следовало [...] создать предпосылки для преодоления этого противоречащего прогресс-

* В данной публикации приводится фрагмент работы Людвиг Эрхарда «Благосостояние для всех»: *Невский С.И.* Людвиг Эрхард. Вступительная статья и отобранный текст: Благосостояние для всех (1956) // *Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков*. В 5 т. Том IV. М.: Мысль, 2004. С. 316–322.

сивному развитию социальной структуры положения и вместе с тем для преодоления, наконец, неприязни между «богатыми» и «бедными». [...]

Наиболее эффективное средство для достижения и обеспечения благосостояния — конкуренция. Она одна дает возможность всем людям пользоваться хозяйственным прогрессом, в особенности в их роли потребителей. Она же уничтожает все привилегии, не являющиеся непосредственным результатом повышенной производительности труда. Через конкуренцию может быть достигнута — в лучшем смысле этого слова — социализация прогресса и прибыли; к тому же она не дает погаснуть личному стремлению каждого к трудовым достижениям. Неотъемлемой частью моего убеждения, что именно этим путем можно лучше всего умножить благосостояние, является желание обеспечить всем трудящимся, соответственно росту производительности, постоянное повышение заработной платы. [...]

Обеспечение свободной конкуренции — одна из важнейших задач государства, основанного на свободном общественном строе... Понятия «благосостояние для всех» и «благосостояние через конкуренцию» — связаны неразрывно. Одно является целью, другое — путем, ведущим к этой цели. [...]

В основные хозяйственные права входит свобода каждого гражданина устраивать свою жизнь так, как это отвечает — в рамках его финансовых возможностей — его личным желаниям и представлениям. Это основное демократическое право свободы потребления находит свое логическое дополнение в свободе предпринимателя производить и продавать те продукты, которые отвечают спросу, т. е. которые он считает соответствующими желаниям и потребностям покупателей и производство которых поэтому необходимо и обещает ему успех. Свобода потребления и свобода хозяйственной деятельности должны в сознании каждого гражданина восприниматься как неприкосновенные основные права. Посягательство на них должно караться как покушение на наш общественный строй. Демократия и свободное хозяйство находятся в такой же логической связи, как диктатура и государственное хозяйство.

Осуществлять стремление к подъему благосостояния значит отказаться от недобросовестной политики, которая предпочитает кажущиеся успехи подлинному прогрессу. Тот, кто подходит к этому вопросу всерьез, должен быть готов энергично противодействовать любым посягательствам на устойчивость нашей валюты. Социальное рыночное хозяйство немислимо без последовательной политики сохранения валютной устойчивости. И только этим путем можно предотвратить обогащение отдельных кругов населения за счет других. [...]

Думая о том, чтобы обеспечить нашему молодому демократическому государству твердое будущее, давно пора вернуться на путь нравствен-

ных ценностей. Когда мы выдвигаем такое требование, то в нем сливаются в некое единство как экономическая, так и общественная политика. В середине двадцатого века экономическое процветание теснейшим образом связано с судьбой государства, как и наоборот — признание каждого правительства и каждого государства непосредственно связано с успехом или неудачей их экономической политики. Такая взаимозависимость политики и экономики делает недопустимым мышление замкнутыми категориями. Творец экономической политики должен чувствовать свои обязательства по отношению к жизни демократического государства, человек политики должен признавать огромное значение экономики народов и поступать в соответствии с этим.

Социальное рыночное хозяйство, которое имеет место в ФРГ, может требовать того, чтобы политики считались с ним, как с важным фактором, который определяет и выражает строительство нашего демократического государства. Эта экономическая политика сумела в кратчайший срок провести беспрецедентную в истории восстановительную работу. С помощью этой политики нам не только удалось дать работу и пропитание населению, которое увеличилось на одну четверть, но и поднять благосостояние этих людей на такой уровень, который превосходит уровень лучших предвоенных лет. Социальное рыночное хозяйство пошло трудным, но честным путем восстановления. Но именно благодаря этому ему удалось заново завоевать доверие всего мира. [...]

В середине 1948 г. немцам представилась, наконец, исключительно благоприятная возможность — увязать валютную реформу с решительной реформой всего хозяйства, прекратить бессмысленное перенапряжение человеческих сил, которое было вызвано хозяйственным администрированием, чуждым пониманию реальной действительности. Эта система, одинаково вредная как для промышленности, так и для каждого потребителя — заслуживала лишь того, чтобы быть бесславно похороненной. [...] В самом деле, введение рыночного хозяйства в Германии, это почти единственное в своем роде историческое событие, было осуществлено при помощи нескольких немногих законов и ценой бескомпромиссной решимости. Воля к созданию чего-то совершенно нового нашла свое выражение в «Вестнике законов и распоряжений Экономического совета Объединенной хозяйственной зоны» от 7 июля 1948 г. На плохой, ныне уже пожелтевшей бумаге «дореформенного» качества был отпечатан «Закон о принципах хозяйственной структуры и политике цен после валютной реформы» от 24 июля 1948 г. Этот закон давал директору Хозяйственного управления право одним махом выбросить в мусорный ящик сотни всяких предписаний, которые регулировали экономическую жизнь и цены... провести необходимые мероприятия в области экономической жизни и определить в отдельности те товары и те виды

труда, которые следует освободить от действия предписаний по регламентации цен. Для меня это означало: как можно скорее устранить возможно большее количество предписаний по регламентации народного хозяйства и цен.

Уже на следующий день было опубликовано «Распоряжение, касающееся образования цен и контроля цен после валютной реформы», в связи с чем десятки предписаний, регулировавших цены, потеряли свою силу. При этом мы прибегли к единственно возможному методу — мы отказались от перечисления всего того, что теряло силу и точно обозначили лишь все то, что еще должно было оставаться в силе. Таким образом, был сделан огромный шаг в направлении к цели, которой является освобождение хозяйства от непосредственного воздействия бюрократии. [...]

Тот поворот в экономической политике, который был совершен переходом от принудительно-направляемого хозяйства к рыночному, означает много больше, чем экономическое мероприятие в узком смысле этого слова. Нет, мы поставили нашу общественно-экономическую и социальную жизнь на новые основания и указали ей путь вперед. Мы должны были отречься от нетерпимости, которая через духовную несвободу ведет к тирании и тоталитаризму. Мы должны были прийти к такому порядку, при котором устремленность к целому была бы осмысленной, органической, основывалась бы на добровольном подчинении и руководилась сознанием ответственности. [...]

Как в государственном, т. е. в общественно-политическом устройстве порядок устанавливается основными законами, конституцией, которая определяет формы человеческого общежития и регулирует взаимоотношения людей, — так и в хозяйстве существует подобный порядок. Здесь сферы ответственности ясно разграничены. Предприниматель несет ответственность за свое предприятие; тут он может с полным правом требовать, чтобы его действия были свободны от государственной ука-зки и водительства, чтобы он пользовался полной предпринимательской свободой. [...] Но ответственность за хозяйственную политику несет только государство. Нам известно, куда приводит смешение этих двух функций.

Эти короткие замечания показывают, как, в моем представлении, должны выглядеть основы рыночно-хозяйственной политики и где мне хотелось бы видеть границу между личностью и государством. [...]

В задачу государства не входит непосредственное вмешательство в хозяйство, во всяком случае до тех пор, пока этого не потребует само хозяйство. Так же не уместается в рамки основанного на предпринимательской самостоятельности хозяйства деятельность самого государства в роли предпринимателя. Из этого положения, естественно, вытекают

определенные последствия для хозяйства в том смысле, что оно не должно превращать государство в представителя своих интересов. Здесь необходимо придерживаться недвусмысленных принципов. [...]

Там, где рыночное хозяйство при выполнении им своих функций наталкивается на препятствия, нужно требовать создания условий для более свободной деятельности. Промышленность вправе требовать, чтобы государство не ограничивало искусственно или чрезмерно свободу предпринимателя, чтобы налоговая политика оставляла ему достаточно капитала для выполнения предпринимательских задач в интересах народного хозяйства. Только в том случае, когда промышленные круги именно таким образом ведут борьбу за свои интересы, эта ее борьба может быть признана верно направленной. В этом случае она может рассчитывать на любую поддержку с моей стороны. [...]

Считая, что все успехи, которые были достигнуты благодаря моей экономической политике, основываются в конечном счете на трудовой деятельности людей, я и не склонен к признанию понятия «немецкое чудо». То, что произошло в Германии за последние девять лет, было чем угодно, только не чудом. Это было всего лишь результатом честного усилия всего народа, которому были предоставлены основанные на принципах свободы возможности снова прилагать и применять инициативу и энергию человека. Если этот немецкий пример должен иметь значение и за пределами границ собственной страны, то только в том смысле, что он должен показать всему миру, каким благом является свобода человека и свобода экономического развития.

Понятие «социальное рыночное хозяйство» приобрело всеобщее признание теперь не только в Германии. Даже противники моей экономической политики вынуждены считаться с этой формулировкой. Но экономическая политика может называться социальной только в том случае, если она способствует тому, что хозяйственный прогресс, повышение производительности и увеличение продукции идут на пользу потребителю.

Наилучшим средством для достижения этой цели в рамках свободного общественного строя была и остается конкуренция; она является главным устоем этой системы. Социальное рыночное хозяйство обязывает меня поэтому обратить все мое внимание на тенденции к объединению в картели так же, как и на различного рода стремления, направленные на ограничение конкуренции, и объявить им борьбу. [...]

В развитии конкуренции я вижу лучший залог того, что постоянное повышение производительности, не прекратится, что будет иметь место справедливое распределение и национального дохода и национальной продукции. В интересах действительно «социального» рыночного хозяйства я не могу отказаться от этой движущей силы... Плановое и принуди-

тельное хозяйство, организуемое самими предпринимателями, кажется мне не менее недопустимым и вредным, чем правительственное принудительное хозяйство. Такое хозяйство не может быть определено по примитивной формуле притягивания или отталкивания картелей...

Следует помнить, что все соглашения об ограничении рынка, особенно в области цен, в конечном итоге ставят своей целью ограничение конкуренции. Это верно, несмотря на все многообразие явлений, задач и устремлений при практическом применении картельной политики и несмотря на ее бесчисленные нюансы и оттенки...

В моих глазах эти попытки являются грехом против святого духа самой жизни, сокровенная сущность коего заключается в превращении, движении и развитии; поэтому здесь и бессильны все неуклюжие средства регулирования и стабилизации, свойственные плановому хозяйству. [...]

На съезде христианских демократов в Госларе 22 октября 1950 года я назвал будущий немецкий закон о картелях ядром социального рыночного хозяйства, причем «не должно быть допущено частнохозяйственное использование позиций силы, имеющих источником организационную или юридическую основу, для стеснения свободной конкуренции». [...] В этом законе о картелях должны «найти применение и быть претворены в жизнь лучшие принципы нашей политики социального рыночного хозяйства». Этот закон получит значение завершения целого этапа развития в истории германского восстановления. [...]

Я исхожу из опыта, подкрепленного исследованиями экономической науки, что народное хозяйство, основанное на конкуренции, является лучшей формой хозяйства как с точки зрения экономической, так и с точки зрения демократических принципов. Государство должно вмешиваться в жизнь рынка только в той степени, в которой это требуется для поддержания работы механизма конкуренции или для контроля тех рынков, на которых условия вполне свободной конкуренции не осуществимы.

Ни одно течение экономической мысли не отрицает, что в эпоху либеральной экономики человечество в смысле цивилизации сделало огромный шаг вперед. После того, как закостенелое цеховое устройство со своими хозяйственными, но также и этическими и сословными понятиями стало тормозом прогресса, восторжествовал принцип «laissez-faire», открывший дорогу небывалым экономическим силам. В то время как цехи осуждали личную инициативу и передовые идеи, предприниматель начинавшего XIX века мог сам все решать, как ему поступать со своей продукцией. Так как все предприниматели имели одинаковые шансы в рамках свободной деятельности, развилась конкуренция, а благодаря ей развился и «рынок», ставший центром перекрещения всех экономических интересов. Образующиеся под влиянием спроса и пред-

ложения рыночные цены давали такое направление производству и потреблению, которое шло на пользу всем.

На протяжении последних десятилетий XIX века выявились, однако, факторы, которые, с одной стороны, нарушали эффективность рыночного хозяйства, с другой — приводили к усиленным трениям социально-го и политического характера.

Силы, присущие самому рыночному хозяйству, а также мероприятия государства привели к стеснению механизма конкуренции путем создания монополий и иных позиций, господствующих над рынком. Развитие техники со своей стороны лишней раз содействовало появлению определенных монопольных тенденций, так что равенство условий в конкуренции было, несомненно, повсюду нарушено.

Любая монополия таит в себе опасность того, что потребитель окажется обделенным, и к тому же она замедляет экономический прогресс. Отрицательные последствия стремлений к монополиям должны были тем сильнее дать себя знать, чем меньше были по своему масштабу те или иные народные хозяйства и чем больше они отгораживались от мирового рынка путем протекционистских мероприятий, или поскольку, используя такую изоляцию, частнохозяйственные монопольные позиции сознательно поощрялись путем хозяйственно-политических мероприятий.

Краеугольным камнем такого взгляда на картели является мое убеждение, что в условиях свободной конкуренции дают себя знать силы, которые действуют в том направлении, чтобы достижения экономического прогресса и улучшение в методах труда не находили свое отражение в повышенных прибылях, пенсиях или синекурах, но чтобы все успехи шли на пользу потребителю. Социальный смысл рыночного хозяйства в том и заключается, что любой успех экономики, любое достижение рационализации, любое повышение производительности труда идет на благо всему народу и служит лучшему удовлетворению нужд потребителей.

По этим соображениям рыночное хозяйство не может быть отделено от свободной конкуренции; оно не может также отказаться от функции свободной цены. Кто захочет исключить функцию свободной цены, тот умерщвляет конкуренцию и содействует оцепенению экономики — и безразлично, проводится ли это государственными учреждениями или предпринимательскими организациями, как, например, картелями.

Последовательно придерживаясь такого образа мыслей, я всегда полагал, уже начиная с первого дня валютной реформы, что ограничение и устранение многочисленных форм влияния государства на цены является моей благороднейшей и важнейшей задачей. Всякий знает, что с этого времени я обосновал мою экономическую политику на принципе свободы, на принципе свободного выбора работы или деятельности, потому что действительно органический и гармонический порядок вещей

может быть обеспечен только в определяемом свободной конкуренцией и свободным образованием цен свободном рынке.

Я решительно отвергаю любую форму бюрократически направляемого хозяйства и государственного принудительного хозяйства, и столь же твердо я намерен оказывать сопротивление другим формам коллективного воздействия на экономику. Между государственным и предпринимательским плановым хозяйством нет разницы ни в принципе, ни на практике. Если мы уж хотим, чтобы у нас установился и сохранился свободный экономический и общественный строй, то мы не смеем никому и ни одной группе предоставлять право истолковывать свободу по собственному вкусу и усмотрению и затем ее еще ограничить. [...]

В том и заключается тайна рыночного хозяйства и его превосходство над любым видом планового хозяйства, что в рыночном хозяйстве как бы ежедневно и ежечасно осуществляются процессы приспособления, которые приводят к правильному соотношению спрос и предложение, национальную продукцию и национальный доход и тем самым к равновесию. Тот же, кто не желает соревнования в производительности и свободных рыночных цен, упускает из рук все аргументы против планового хозяйства. [...]

По моему мнению, социальное рыночное хозяйство как раз не предоставляет предпринимателю свободу исключать конкуренцию путем создания картельных соглашений, напротив, оно обязывает предпринимателя путем собственных достижений, соревнуясь с конкурентами, заслужить благосклонность потребителя. Не государство решает, кому надлежит занять первое место на рынке, и не предпринимательские организации типа картелей, но исключительно потребитель. Качество и цена определяют вид и направленность продукции, и только по этим критериям осуществляется отбор в области частного хозяйства. [...]

Противоположность хозяйственной свободы представляет собой движение экономического могущества. Поэтому необходимо законодательным путем предотвратить возможность того, что преимущества основанного на свободной конкуренции хозяйства окажутся сведенными на нет, невыгодами, вытекающими, как это исторически доказано, из опасной концентрации экономического могущества. [...]

Я еще потому принципиальный противник картелей, что подлинное и честно задуманное социальное рыночное хозяйство, — причем ударение должно сознательно ставиться на слове «социальное», — может быть гарантировано только в том случае, если благодаря свободному соревнованию лучшие достижения получают предпочтение перед менее удовлетворительными. На этой базе может быть достигнуто наиболее благоприятное обеспечение потребностей с точек зрения количества,

качества и уровня цен. В то же время этот принцип обеспечивает то, что повышенным достижениям обеспечивается большая прибыль и что «социально» более ценный предприниматель приобретает большую гарантию успеха и новые возможности. [...]

Свободное предпринимательское хозяйство держится и падает вместе с системой рыночного хозяйства. При всяком другом порядке предприниматель все более и более принуждается к роли простого исполнителя чужой воли, чиновника планового хозяйства. Если он больше не хочет выполнять народно-хозяйственную задачу — мериться силами в свободном соревновании, если будет узаконен порядок, который больше не требует индивидуальных сил, фантазии, смекалки, способностей и организаторского таланта и если более способный больше не может и не смеет иметь преимущества перед менее способным, — то тогда свободное предпринимательское хозяйство не сможет больше существовать. Воцарилась бы всеобщая уравниловка, сваливание ответственности на других; стремление к прочности своего положения и к устойчивой ситуации должно было бы привести к такому умонастроению, которое больше не согласуется с истинным предпринимательским духом. [...]

Сохранение свободно конкурирующего хозяйства отвечает во всех отношениях повелительной социальной необходимости: мы знаем из нашего собственного прошлого, но также из опыта стран за железным занавесом, что пропорционально та доля национального дохода, которую представляет собой заработная плата, всегда ниже — и в прошлом, и в настоящем, — при плановом хозяйстве, а тем более в принудительном хозяйстве, чем при рыночном хозяйстве. Эта доля достигает низких пределов при управляемом государством коллективном хозяйстве, как, например, теперь при большевизме. Да было бы странно, если бы дело обстояло иначе; ибо не только перегруженный бюрократический аппарат поглощает значительную часть национального дохода, но и анализ национального дохода позволяет заключить, что он не предназначен для удовлетворения человеческого благосостояния. Ни один серьезный человек не возьмется утверждать, а тем более доказывать, что социально-экономические достижения государственного хозяйства, функционирующего по приказу сверху, могут быть выше, чем при рыночном хозяйстве. [...]

Конечной целью всякого хозяйствования есть и будет освобождение людей от материальной нужды. Поэтому я думаю также, что чем лучше нам удастся распространить и умножить благосостояние, тем реже люди будут предаваться образу жизни и умонастроению, основанному только на интересе к материальным благам. Лишь подъем уровня благосостояния создает те условия, которые могут оторвать человека от его прими-

тивного, по существу только материалистического, мышления; во всяком случае, он должен был бы этому способствовать. И я верю в это, так как мне представляется, что люди будут связаны материалистическими понятиями лишь до тех пор, пока они находятся во власти каждодневных забот и не способны в таком бедственном положении подняться выше низменных жизненных интересов. Наоборот, когда люди, идя путем благосостояния и социальной обеспеченности, приходят к сознанию самого себя, своей личности и своего человеческого достоинства, они приобретают возможность, я сказал бы даже — радостную надежду, вырваться из материалистического образа мышления. [...]

Готовность к свободному и ответственному преодолению трудностей жизни является необходимой предпосылкой независимого существования в свободном экономическом и общественном строе. Самостоятельность в области рыночного хозяйства означает не что иное, как проявление людьми собственной инициативы и при наличии личной ответственности в самостоятельной деятельности, направленной на заработок и доход, в результате чего такие люди становятся носителями предпринимательской инициативы или же инициативы в области духовного творчества. Для самостоятельных открывается, с одной стороны, путь для использования возможностей, предоставляемых хозяйственным развитием; с другой стороны, последствием этого должна быть готовность людей нести связанный с этим хозяйственный риск. [...]

В заключение можно сказать: социальная обеспеченность, конечно, есть благо, и она в высшей степени желательна, но она должна быть основана, прежде всего, на собственной энергии каждого, на собственных достижениях, на собственных устремлениях каждого в отдельности. Социальное обеспечение не означает социальное страхование для всех; оно не означает перенесения индивидуальной ответственности человека на коллектив. Вначале должна быть собственная личная ответственность, и только тогда, когда одной этой ответственности оказывается мало или она безрезультатна, вступают в силу обязательства государства или общества в отношении человека.

В социальной жизни нашего народа было бы многое лучше, если бы мы стремились выявить побольше социального сознания и образа действий, чем чрезмерно много социальной коллективной воли. Однако одно не может жить рядом с другим, поэтому в конце концов ставится вопрос: должны ли мы, объединенные в стремлении и в обязанности предохранить немецкого человека от нужды, пойти путем коллективизма (что, в свою очередь, неизбежно привело бы к ухудшению лучших человеческих добродетелей) или же, наоборот, — стремлением к большему благосостоянию, и используя для этого все лучшие шансы

для приобретения личного имущества, – вынести смертный приговор духу коллективизма? Я думаю, что мое мнение высказано ясно и недвусмысленно; я надеюсь, что мои призывы не останутся гласом вопиющего в пустыне. [...]

Основные условия для свободного общественного строя*

Социальная рыночная экономика – основополагающий структурный принцип, в соответствии с которым была построена экономическая жизнь Федеративной Республики Германия. Он стал предпосылкой для невероятного экономического подъема, который мы наблюдаем сегодня и который за рубежом даже считают «экономическим чудом». Суть этой рыночной экономики состоит в основном в том, что экономические процессы: производство и распределение товаров и доходов – управляются не властями путем принуждения, а самостоятельно, в рамках определенных норм, заданных экономической политикой, то есть через свободное ценообразование и свободную конкуренцию продуктов и услуг. Свобода, ответственность и личная инициатива при выборе профессии, места работы и потребляемых товаров позволяют каждому – и производителю, и потребителю – реализовать возможности, которые дает им экономика. Вместе с распределением доходов в зависимости от результатов трудовой деятельности этот механизм в рамках рыночной экономики обеспечивает максимально высокий объем производства и рост благосостояния всего населения. Таким образом, рыночная экономика – это именно та экономическая система, которая сочетает в себе максимум производительности, увеличение благосостояния и личную свободу.

Успехи, которых Германия смогла достичь за прошедшие годы в рамках такого экономического строя и при помощи соответствующей ему экономической политики, сегодня очевидны и общепризнаны. Достаточно будет упомянуть, что валовый национальный продукт ФРГ вырос с 79,4 млрд немецких марок в 1949 году до 145,3 млрд марок в 1954 году, а к 1955 году достигнет почти 160 млрд марок. Реальные доходы рабочих сегодня в среднем на 20% (а в промышленности и того больше – на 30%) выше, чем до Второй мировой войны. Но заметнее всего высокая эффективность рыночной экономики в сфере социальной политики. Именно благодаря ей удалось справиться с послевоенной безработи-

* В данной публикации приводится фрагмент работы Людвиг Эрхарда «Основные условия для свободного общественного строя». Перевод осуществлен по изданию: *Erhard, Ludwig* [1956]. Grundbedingungen einer freiheitlichen Sozialordnung (1956), Ludwig Erhard Stiftung e.V. (Hrsg.): Grundtexte zur Sozialen Marktwirtschaft Bd. 2: Das Soziale in der Sozialen Marktwirtschaft, Stuttgart, New York (Gustav Fischer Verlag) 1988. S. 13–16.

цей и добиться всеобщей занятости населения, а миллионы беженцев и изгнанных из традиционных довоенных мест проживания в Восточной Европе немцев смогли довольно быстро и безболезненно найти свое место на рынке труда. Нельзя также не сказать о том, что без резкого экономического роста в ФРГ нельзя было бы увеличить объем предусмотренных законодательством социальных отчислений и выплат с почти 10 млрд марок в 1949 году до более чем 20 млрд в 1954 году.

Эти факты демонстрируют имеющуюся сегодня взаимосвязь между экономической и социальной политикой. С одной стороны, чем успешнее экономическая политика, тем меньше требуется вмешательств и вспомогательных мер в сфере политики социальной. Тем не менее нельзя отрицать, что в современных промышленно развитых странах даже самая лучшая экономическая политика должна сопровождаться определенными социальными мерами. С другой стороны, верно и то, что успешно работающую систему социальной поддержки населения можно построить только при наличии достаточного и растущего национального продукта, то есть при наличии эффективной экономики. Поэтому социальная политика прежде всего заинтересована в том, чтобы сохранялись динамично растущая и вместе с тем стабильная экономика и принципы, по которым она устроена. Поскольку объем доходов, перераспределяемых через различные социальные бюджеты, совершенно точно перестал быть величиной, которой можно было бы пренебречь, и превратился в существенный фактор экономического процесса, на сегодняшний день существует порой довольно тесная взаимозависимость между экономической и социальной политикой. Вот почему не влияющая на народное хозяйство и независимая социальная политика должна остаться в прошлом, уступив место социальной политике, согласованной с экономической, то есть не ограничивающей производительность экономики страны и соответствующей основным принципам рыночной экономики.

Если мы хотим надолго сохранить свободный экономический и общественный строй, мы действительно обязаны выполнить главное условие: придерживаться не только экономической политики, благодаря которой человек смог обрести личную свободу, но и проводить столь же свободную по духу социальную политику. Рыночный экономический строй оставляет индивиду право самостоятельно выбирать, что и как потреблять и производить. Этому строю противоречит подавление частной инициативы там, где гражданам требуется поддержка на случай возникновения непредвиденных жизненных ситуаций, если гражданин имеет желание и возможность самостоятельно и с полной ответственностью принимать профилактические меры на этот случай. Экономическая свобода и всеобщее принуждение к страхованию противоречат друг

другу. Поэтому необходимо признать принцип субсидиарности одним из основополагающих, системных принципов социального страхования и везде, где только возможно, делать ставку на самопомощь и личную ответственность. Соответственно, государство, навязывая свою защиту, не должно вторгаться туда, где индивид и его семья еще в состоянии брать на себя такую ответственность и самостоятельно принимать профилактические меры на случай непредвиденных обстоятельств. Среди наемных работников это касается по меньшей мере тех, кто зарабатывает больше среднего, занимая ответственную должность на производстве или в управлении предприятием.

Кроме того, если граждане, чье положение в экономике и в обществе позволяет им существовать исключительно благодаря собственным усилиям и за свой счет, будут вовлекаться в созданную государством принудительную систему страхования, вся общественная и экономическая жизнь нашего государства окажется под угрозой превращения последнего в государство всеобщего обеспечения. В определенном смысле можно, конечно, понять, что война и валютная реформа очень серьезно повлияли на то, как люди зарабатывали себе на жизнь, из-за чего даже у самостоятельно занятого населения появилось стремление к коллективной безопасности. Но отказ от системы страхования от различных жизненных рисков из-за подобных событий, которые, надеюсь, никогда больше не повторятся, был бы неправильным и даже роковым, особенно сейчас, когда мы снова достигли экономической стабильности и благополучия и можем рассчитывать на дальнейшее улучшение состояния экономики.

В системе социального страхования самостоятельно занятого населения решающую роль играет прежде всего то, что готовность справляться с трудными жизненными ситуациями свободно и с полной личной ответственностью по своей сути относится к основным элементам экономической самостоятельности индивида в рамках свободного экономического и общественного строя. Самостоятельность в условиях рыночной экономики означает, что человек по собственному желанию занимается определенной трудовой деятельностью не по найму, лично несет за это ответственность и таким образом реализует свою предпринимательскую или духовную инициативу. Поэтому самостоятельно занятым особенно доступны дающиеся экономикой возможности, что, впрочем, требует от них также самостоятельно нести все связанные с ними экономические риски. Но государство в условиях рыночной экономики не может гарантировать такое особое положение индивида. Наоборот, индивид, если он вообще хочет исполнить свое исходное предназначение, должен изо дня в день заново добиваться этого особого положения исключительно своей эффективной работой, смелостью и готовностью идти на риск,

а также желанием самостоятельно строить свою жизнь и принимать на себя ответственность за это.

Из этого следует, что при нашем экономическом и социальном строе от самостоятельно занятых следует требовать, чтобы они также самостоятельно и ответственно подошли к вопросам страхования от социальных и жизненных рисков. Ведь иначе действительно возникло бы серьезное противоречие: с одной стороны, свободная экономика дает каждому гражданину шанс трудиться не по найму, причем соответствующая экономическая политика позволяет ему создавать, вести и расширять собственное дело, а с другой — государство принудительно снимает с таких людей ответственность за экономические и социальные риски, связанные с их самореализацией.

Требование самостоятельно обеспечивать себя и семью оправдано хотя бы потому, что у самостоятельно занятых, в отличие от наемных работников, с одной стороны, отсутствует одна из решающих причин, по которым они могли бы нуждаться в защите, — наличие зависимых трудовых отношений, а с другой — у первых, как правило, имеется собственность (чаще всего это даже собственность предприятия), которая уже сама по себе является важной опорой. Нужно также добавить, что у ремесленников и крестьян, относящихся к среднему классу, в случае невозможности главы хозяйства выполнять свои обязанности самостоятельно в большинстве случаев его может временно заменить член семьи или даже кто-то со стороны, к тому же у стариков, живущих в семьях, возможность сохранить занятость и приемлемое качество жизни остается и после передачи управления хозяйством преемнику. Наконец, нельзя забывать, что самостоятельно занятое население и представители свободных профессий образуют очень неоднородные группы с выраженной внутренней дифференциацией, поэтому им нужны индивидуально подобранные предложения по страхованию рисков. Принудительное страхование неизбежно будет обезличенным и поэтому не сможет соответствовать ожиданиям таких людей, кроме того, из-за него многим придется платить чрезмерно большие для одного человека взносы за ненужные на самом деле услуги.

Некоторые полагают, что на путь к государству всеобщего обеспечения можно встать только в том случае, если коллективное страхование полностью или частично финансируется государством за счет налоговых поступлений, и что возникновение такого государства легко избежать, даже если ввести всеобщее обязательное страхование: нужно просто начать финансировать страховые выплаты за счет перераспределения взносов. Но такое мнение ошибочно. Всеобщее страхование населения, основанное на принуждении (неважно, складываются все взносы в одну корзину или распределяются по группам), отличается от всеоб-

шего обеспечения граждан государством в лучшем случае в деталях, но не принципиально. Поэтому о признаках возникновения государства всеобщего обеспечения можно говорить уже тогда, когда государственное принуждение касается не только тех, кто нуждается в защите, но и лиц, положение которых в экономической жизни общества таково, что любое принуждение и любая зависимость чужды самой их сути.

Если бы мы начали загонять в систему принудительного обеспечения не только нуждающихся в защите, а всех трудящихся, прежде всего самостоятельно занятых, появление коллективистского государства, государства всеобщего обеспечения уже нельзя было бы предотвратить. Этот шаг имел бы роковые последствия для немецкой экономики, по крайней мере в долгосрочной перспективе. Но не только для нее, пострадали бы наш политический и общественный строй. Принудительное страхование и государство всеобщего обеспечения по природе своей лучше всего подходят для того, чтобы постепенно уничтожить готовность идти на риск, стремление к наилучшему результату, готовность по собственной воле экономить и откладывать средства, личную инициативу и чувство ответственности, без которых не может существовать свободный экономический и общественный строй. Постепенное обобществление доходов и разворачивающаяся коллективизация частной жизни и ее планирования, почти полное лишение индивида права решать за себя и растущая зависимость его от коллектива или государства, а также усыхание свободного, жизнеспособного рынка капитала, то есть исчезновение условий для роста и стабильности рыночной экономики — вот что ждет на этом опасном пути. А в конце пути граждане превратятся в «социальных подданных», обменявших право принимать самостоятельные решения на гарантии материальной безопасности со стороны всемогущего государства и неотделимое от них увядание экономических свобод и прогресса.

Может быть, описание этих последствий в целом и создает чересчур мрачную картину, имеющую не так много общего с действительностью, однако, учитывая заметное и у нас движение в сторону государства всеобщего обеспечения, мне кажется необходимым сопротивляться этому уже сейчас, когда процесс только начинается. Я считаю нужным подчеркнуть: личная свобода в конце концов неделима. Потому что свободный экономический строй может установиться надолго лишь тогда, когда в социальном секторе гарантированы максимум свобод, созданы условия для проявления личной инициативы и самопомощи.

Социальная рыночная экономика – экономическая система, построенная на единых принципах*

Почти все крупные философы, принадлежащие к нашей культуре, удивительным образом сходятся во мнении относительно свойств и количества априорных форм рассудка. Но было бы ошибкой на основании этого делать обнадеживающий вывод о том, что и оценка феноменов окружающего мира тоже рано или поздно приведет к консенсусу. Даже единомышленники, которого, кажется, удалось достичь по поводу более узко ограниченных объектов познания, оказывается – причем достаточно быстро – весьма хрупким. Хотя человеческой природе и свойственно пытаться в таких случаях спасти понятийный аппарат, сохраняемая таким образом непрерывность как непрерывность человеческого самобмана с точки зрения научной теории весьма сомнительна.

Среди экономистов стало уже само собой разумеющимся рассматривать объект познания – народное хозяйство – как вневременное явление культуры, поддающееся описыванию строго определенным числом категорий. Согласно *Зомбарту*, каждому экономическому строю свойственны фундаментальные и не меняющиеся с течением времени явления. В рамках этого принципа рыночная экономика отличается от плановой, и на этом же принципе основано, без сомнения, великолепное перечисление и описание устанавливающих и регулирующих принципов конкуренции, составленное *Вальтером Ойкеном*. Но сегодня подобную классификацию различных видов экономики нельзя считать удовлетворительной, потому что современные экономические явления, очевидно, все труднее классифицировать, если рассматривать их в осмысленном общем контексте.

Может сложиться впечатление, что социальная рыночная экономика не является экономической системой, построенной на единых принципах. Это понятие не подходит для обозначения современной политики и политики более раннего периода, той, которую я проводил в течение пятнадцати лет, а также для описания деятельности *Карла Шиллера* и его преемников на посту главы министерства экономики. Употребление общего термина «социальная рыночная экономика» для описания экономической политики последних 25 лет может быть хоть как-то оправдано добавлением к нему эпитетов или иных описательных слов. При практическом употреблении или использовании с целью обозначить

* В данной публикации приводится фрагмент работы Людвиг Эрхарда «Социальная рыночная экономика – экономическая система, построенная на единых принципах». Перевод осуществлен по изданию: *Erhard, Ludwig* [1976]. Die Soziale Marktwirtschaft: Ein nach einheitlichen Prinzipien geordnetes System (1976), Ludwig Erhard Stiftung e.V. (Hrsg.): Grundtexte zur Sozialen Marktwirtschaft Bd. 2: Das Soziale in der Sozialen Marktwirtschaft, Stuttgart, New York (Gustav Fischer Verlag) 1988. S. 17–19.

политические границы неопределенность слов «социальная рыночная экономика» выглядит скорее искусственно и как будто заставляет снова поставить на первый план содержание политики, которая заслуживает это название. Думающий теоретическими категориями политик-экономист тоже, конечно, не сможет безоговорочно согласиться с таким беспечным употреблением слов «социальная рыночная экономика». Эта этикетка наклеивается на бутылку, наполненную совсем другим. Сейчас самое время сделать выводы из сложившейся ситуации.

Проблема возникшей недостаточности теоретической систематизации экономических систем имеет, в общем, три неприятных с теоретической и практической точек зрения последствия.

Прежде всего, использующий устаревшие понятия теоретический анализ уводит нас в сторону от исходной цели — получения нового знания. Он не может привести нас ни к чему, кроме эзотерики, мнимых проблем и, как следствие, теоретической изоляции. К сожалению, сегодня в практике научной теории нередко попытки оправдать некоторые далекие от реальности модели и теории, выдав их за идеально-типические конструкции. Такой подход не учитывает следующее. *Макс Вебер* своими идеально-типическими терминами действительно описал необходимый для национальной экономики метод, но этот метод следует оценивать прежде всего по его способности раскрывать суть конкретных явлений культуры.

Современная экономическая систематика делит довольно много видов экономического строя на очень небольшое число систем. Использование единых понятий практически неизбежно заставляет предполагать, что их содержание более или менее одинаково. Но если использовать одинаковые понятия для обозначения таких сложных комплексов, как экономический строй, последствия, разумеется будут весьма тяжелыми. Предполагается, что при всех разногласиях в этих важных вещах все же существует принципиальное единство мнений, даже если при этом значимые элементы дискуссии систематически отодвигаются на второй план. Кто сегодня способен увидеть, что на самом деле избегают этого понятия для описания своих представлений о системе только те, кто очень далеко отошел от принципов социальной рыночной экономики, в то время как почти все остальные представления, на которых часто видишь ярлык «социальная рыночная экономика», уже так сильно отделились от первоначальной концепции, что их без преувеличения можно назвать извращением социальной рыночной экономики?

Наконец, нельзя не замечать огромную опасность, связанную с простой, но наивной теоретической поляризацией. Если рассматривать социальную рыночную экономику и плановую экономику как глобальные альтернативы, очень легко упустить из виду настоящую угрозу — постепенную эрозию структур рыночной экономики.

На самом деле в Федеративной Республике Германия не была реализована в чистом виде ни одна системная экономическая теория. Впрочем, раньше политики не в пример серьезнее относились к главным основам социальной рыночной экономики. Можно сказать, что содержание экономического строя в существенной степени определяется экономической политикой. Однако такая точка зрения, возникшая благодаря исторической школе в экономике, и в частности *Артуру Шнитгофу*, никогда не была особенно популярна. С другой стороны, мне кажется, что те, кто сегодня рассматривают экономический строй как систему, считая любое экономическое явление имманентным этой системе, просто-напросто упускают из виду истинные причинно-следственные связи в народном хозяйстве. Можно не обращать внимание на утверждение, что у конкретных экономических проблем в развитии социальной рыночной экономики есть причины. Это скорее трудности при достижении основных целей: стабильности, равномерной занятости, экономического роста и внешнего равновесия — которых не было бы совсем или было бы, по крайней мере, не так много, если бы принципы социальной рыночной экономики не нарушались так сильно. Необходимо осознать это — а сделать это может только тот, кто способен заглянуть за внешнюю оболочку понятий и политических лозунгов. Успех или неуспех экономической политики зависит не от абстрактной или лишь заявляемой системы, а от решений и принципов ответственных за нее лиц.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Аквинский Фома — 303, 309, 310, 360.
Актон Джон — 358, 370.
Александр VI Борджиа — 226.
Альтхаус Пауль — 357.
- Барт Карл — 356, 357, 364, 365.
Бём Франц — 17, 19–21, 24, 30, 39, 40,
78–85, 109, 141, 163, 164, 171, 174,
175, 198, 199, 260, 348, 358.
Бернанос Жорж — 356.
Бернхем Джеймс — 368.
Бехер Франц — 184.
Боссюэ Жак Бенинь — 355.
Бруннер Эмиль — 357.
- Вальрас Леон — 185, 195.
Вебер Макс — 215, 216, 323, 402.
Вельтер Эрих — 175
- Гвардини Романо — 358.
Гейманн Эдуард — 213.
Гестрих Ганс — 260.
Гофман Отто — 358.
Гроссманн-Дёрт Ганс — 17, 19, 20, 24,
39, 40.
Грэхем Бенджамин — 159.
Грэхем Фрэнк Д. — 159.
Гумплович Людвиг — 216.
- Зингер Исаак — 243
Зомбарт Вернер — 50, 70, 241, 323, 365, 401.
- Кант Иммануил — 82, 240.
Кейнс Джон Мэйнард — 194, 203,
232.
Кенэ Франсуа — 225.
Клодель Поль — 356.
Кобден Ричард — 224.
Кольм Герхард — 213, 260.
Конфуций — 225.
Кроче Бендетто — 226, 281.
Курно Антуан Огюстен — 184, 185.
- Лампе Адольф — 163.
Ланге Оскар — 196, 368.
Лассаль Фердинанд — 94.
Ле Форт Гертруда фон — 356.
Лейбниц Готфрид Вильгельм — 355.
Ленель Ганс Отто — 20.
Лернер Абба П. — 368.
Лёве Адольф — 213.
Липпман Вальтер — 18, 215, 260.
Локк Джон — 234, 281.
Лутц Фридрих Август — 17, 20, 130–134,
143.
Лютер Мартин — 365.
- Майер Карл Фридрих — 20.
Майер Фритц В. — 20.
Маритен Жак — 356.
Маркс Карл — 47, 50, 55, 87, 101, 111,
213, 216, 235, 309, 358, 367.
Маршалл Альфред — 185, 381.

- Мизес Людвиг фон – 194, 198, 260, 336, 358.
 Микш Леонхард – 17, 20, 21, 162–168, 176, 177.
 Милль Джон Стюарт – 204, 205, 235, 281.
 Мюллер-Армак Альфред – 7, 18, 22, 23, 32, 266, 321–333, 354, 378.
- Ойкен Вальтер – 7, 12, 16–22, 24, 28, 30–32, 34, 39–47, 72, 75, 80, 130–133, 162–164, 175, 185, 195, 198–200, 214, 215, 233, 260, 266, 299, 300, 330, 336, 358, 360, 401.
 Оппенгеймер Франц – 213, 216, 235, 375.
- Парето Вильфредо – 55, 185, 337.
 Пифагор – 225.
 Пфистер Бернхард – 20.
- Рёпке Вильгельм – 18, 19, 198, 213, 215, 219, 227, 231, 258–268, 274, 294, 336, 358, 360.
 Рикардо Давид – 184.
 Рокфеллер Джон Девисон – 131, 132.
 Рузвельт Франклин Делано – 279, 340.
 Руссо Жан Жак – 83, 124–127, 282.
 Рюстов Александр – 18, 19, 131, 175, 213–222, 236, 260, 263, 276, 311, 312.
- Сен-Симон Анри – 234.
 Смит Адам – 83, 131, 173, 174, 184, 197, 224, 225, 232, 234, 235, 253, 309, 314.
 Спиноза Барух – 69, 355.
- Тилике Хельмут – 357.
 Тимoleon Коринтер – 224.
 Тимонье Бартелеми – 243.
- Унсет Сигрид – 356.
- Хайдеггер Мартин – 20, 40.
 Хайек Фридрих Август фон – 18, 24, 25, 42, 128, 159, 194–203, 215, 217, 255, 260, 311, 336, 358.
 Харнак Адольф фон – 358.
 Хасбах Вильгельм – 225.
 Хатчиссон Френсис – 234.
 Хензель Карл Пауль – 20, 40.
 Хёффнер Йозеф – 17, 298–308, 364.
- Чемберлен Эдвард – 185.
- Шелер Макс – 355.
 Шлейермахер Фридрих – 358.
 Шмаус Иоганн Иаков – 358.
 Шмид Кристоф фон – 235.
 Шнабель Франц – 358.
 Шнайдер Райнхольд – 356.
 Шпанн Отмар – 361.
 Шпитгоф Артур – 225, 403.
 Штауффер Дитрих – 357.
 Штрайт Манфред Е. – 200.
 Шумахер Герман – 39, 131.
 Шумпетер Йозеф – 260, 356, 368.
- Элиот Томас Стернз – 356.
 Энгельс Фридрих – 101, 111, 213.
 Эрхард Людвиг – 7, 12, 13, 18, 21, 22, 40, 163, 164, 200, 266, 322, 329, 330, 375–386, 396, 401.

УКАЗАТЕЛЬ ТЕРМИНОВ

- Административный контроль – 78.
Англосаксонский капитализм – 134.
- Банки – 30, 75, 132–136, 138–148, 160, 162, 218, 234, 316, 317, 381, 382.
Банковский акт Пиля – 139.
Безналичные деньги, расчеты, платежи, оборот - 135, 136, 139, 141.
Безработица – 23, 65, 134, 206, 228, 233, 260, 291, 293, 294, 301, 319, 330, 340–342, 397.
Божественный порядок (нем. – Gottesordnung) – 360.
Бреттон-Вудское соглашение, Бреттон-Вудская система – 156–159.
Буржуазия, буржуазная революция – 88, 106, 113, 118, 119.
- Валютный контроль – 155, 157, 158, 211, 278.
Веймарская республика – 19, 63, 321.
Взаимодополнение порядков (нем. – Interdependenz der Ordnungen) – 20.
Витальная политика (нем. – Vitalpolitik) – 216.
Власть на рынке, рыночная власть – 171.
Вульгарный либерализм – 31, 216, 217, 220, 221, 224, 242.
- Государственное кредитование – 138.
Государственное экономическое регулирование – 70, 177, 183, 186, 187, 191, 327, 333, 334, 336–344, 346, 349–353, 373.
Государственные интервенции – 17, 53, 55, 58, 130, 214, 277.
- Государство всеобщего благосостояния – 12, 23, 33.
Группы интересов – 17, 19, 56, 57, 61, 63, 77, 127, 129, 215, 255, 274, 326.
- Дарвинизм – 367.
Денежная конституция – 76, 77, 132–140, 142.
Денежная политика – 43, 65, 75–77, 101, 108, 132–134, 137, 140, 143–149, 151–153, 156, 157, 160, 258.
Денежная система – 134, 135, 137, 139, 142, 143, 156, 158, 161, 290, 296, 376, 381.
Денежная экспансия – 144, 148, 150.
Депозит, депозитные деньги – 135, 139–141, 144, 145, 147.
Депрессия – 57, 140, 144–146, 148, 159, 160.
Дефицит – 14, 76, 100–102, 107, 145, 146, 148, 150, 155, 328, 333, 344, 345, 353, 376, 380, 381.
Дефицитное финансирование – 145, 147.
Директивная (плановая) экономика – 150, 151.
Директивное планирование – 214.
Дисконтная политика – 140, 144.
Доминирующее положение – 79.
- Ежегодник ОРДО (ORDO) – 40, 215.
Естественный порядок – 174, 373.
- Закон об основных принципах нормирования и политики цен после денежной реформы (нем. – Gesetz über Leitsätze für die Bewirtschaftung und die Preispolitik nach der Geldreform) – 21, 376.

- Закон против ограничений конкуренции (нем. — Gesetz gegen Wettbewerbsbeschränkungen) — 24, 84, 165, 214, 381.
- Золотой стандарт — 43, 65, 143, 144, 148, 153—154, 156, 157, 159, 160, 258, 264, 265, 296
- Инвестиции** — 43, 64, 68, 75, 99, 108—109, 111, 118, 121, 144—146, 152, 153, 155, 192, 194, 208, 307, 316, 324, 337, 352.
- Индивидуальная воля** (фр. — *volonté individuelle*) — 125.
- Индивидуальные потребности** — 122.
- Институирование** — 80.
- Интервенционизм** — 31, 53, 54, 68, 70, 71, 114, 115, 164, 231, 232, 262, 276—278, 285, 292, 327, 351.
- Исповедальная церковь** — 364—365.
- Историзм, историческая школа** — 11, 28, 32, 39, 174, 175, 183, 260, 358, 403.
- Исторический либерализм** — 213, 214, 223, 226, 227.
- Камерализм** — 107, 113.
- Картель, картели, картельный** — 19, 22, 26, 43, 48, 54, 58, 79—81, 128, 179, 182, 183, 192, 193, 199, 202, 210, 214, 326, 381, 390—393.
- Католицизм** — 355, 356, 358, 360—362, 371.
- Коллективизм** — 214, 226, 227, 234, 255, 261, 273—277, 279, 281, 282, 285, 286, 288, 312, 336, 344.
- Конкурентная политика** — 172—174, 180, 182, 183, 185, 187, 189, 191, 193, 218.
- Конкурентное право** — 80, 84, 165, 176, 182, 186, 187, 189, 191—193.
- Конкурентный порядок** — 18, 22—25, 43, 44, 75—77, 81, 133, 143, 156, 159, 163, 165, 168, 172, 173, 177—181, 189, 191, 197—200, 202, 205—207, 275, 291, 378.
- Конкуренция, конкурентная борьба** — 17—20, 22, 24—26, 28, 30, 31, 34, 42—44, 48, 53, 54, 78—81, 83—85, 104, 123, 135, 137, 138, 140—142, 163—166, 168, 169, 171—193, 195—199, 203, 205, 206, 210, 211, 215, 217, 218, 223, 224, 230, 232, 233, 235, 239, 248—250, 253—257, 269, 275, 276, 291—293, 301, 323, 326, 363, 377, 379—381, 383, 387, 390—393, 396, 401.
- Конкуренция по результатам, конкуренция достижений, конкуренция по эффективности** (нем. — *Leistungskonkurrenz*) — 26, 84, 215, 217, 253.
- Конституирующий принцип** — 43—45, 129.
- Кредитная система, кредитная политика** — 135, 139, 177—179, 182, 290.
- Крепостное право** — 112, 114, 306, 314.
- Кризис** — 11, 12, 16, 23, 41, 47, 134, 135, 138, 139, 141, 175, 177, 179, 218, 227, 230, 232, 247, 254, 258, 261, 262, 265, 267, 268, 272—274, 276, 290—292, 294, 303, 305, 306, 311, 313, 323, 328, 329, 334, 340, 344, 367, 368, 372, 379.
- Либерализм** — 17—19, 29—31, 34, 52, 53, 171, 173—175, 182, 190, 195, 198, 200, 205, 211, 213—217, 219—228, 230, 231, 233, 238, 264, 266, 281, 284, 291, 355, 357, 358, 363, 367, 369—373, 375.
- Либеральное вмешательство** — 214.
- Лига против хлебных законов** — 224.
- Лицензирование экспорта и импорта** — 154.
- Мануфактура** — 109, 113, 314.
- Маржинальный потребитель** — 343—346, 352.
- Марксистский социализм** — 356, 368.
- Материализм** — 236.
- Меркантилизм** — 51, 52, 67, 109, 173, 184.

- Милосердие (лат. — Caritas) — 366, 368.
 Монетарная экономика — 132, 134.
 Монополизация рынков — 128.
 Мополия — 19, 26, 31, 34, 42,
 44, 48, 49, 58, 79, 104, 107, 108,
 135, 142, 143, 146, 147, 164, 165,
 175, 184–187, 191, 197, 199, 205,
 207–210, 218, 230, 249, 254, 261,
 274, 275, 287, 288, 291–293, 299,
 326, 392.
- Набор товаров — 43, 159, 160.
 Надзор за конкуренцией — 218.
 Надомный труд — 229, 242, 244.
 Налог на наследство — 212, 220, 250,
 254, 288,
 Народнохозяйственный интерес —
 180.
 Наследование — 232, 234, 235, 250,
 252–255.
 Национал-социализм — 11, 20, 81, 163,
 214, 215, 260, 321, 323, 340.
 Невидимая рука рынка (фр. —
 laissez-faire) — 17, 25, 28, 31, 43, 83,
 135, 172, 175, 190, 196, 198, 221, 223,
 328, 275, 278, 291, 292.
 Неолиберализм, новый либерализм,
 — 13, 14, 18–19, 260, 330, 357,
 369–371.
 Неравенство — 113, 116, 220, 232, 235,
 248, 250, 253, 254.
- Обеспечение равных стартовых
 возможностей (условий) — 220,
 232, 252.
 Обменный курс, курс валюты — 133,
 148–151, 153–158, 160, 265.
 Общая воля (фр. — *volonté générale*) —
 83, 103, 127, 172, 221, 273.
 Общественный /социальный/
 продукт— 120, 122, 316, 337, 338,
 343.
 «Общество Мон-Пелерин» (англ. —
 Mont Pèlerin Society) — 24.
 Общность — 127, 169, 240, 269, 271, 319.
 Огосударствление — 341.
- Ограниченная (связанная)
 конкуренция — 176, 183, 186–189,
 192, 193.
 Олигополия — 31, 42, 102, 164,
 184–187, 192.
 Определение местонахождения
 современности (нем. —
 Ortsbestimmung der Gegenwart)
 — 215.
 Ордолиберализм — 13, 16–18, 20, 21,
 25, 28, 30, 78, 85, 133, 162, 164, 214,
 216, 217, 330, 360, 378.
 Отложенная/подавленная/ инфляция
 (нем. — *zurückgehaltene Inflation*) —
 152, 153.
- Палеолиберализм — 215.
 Парадокс Рассела — 213.
 Партитура — 123, 126, 127.
 Первая мировая война — 62, 63, 91,
 123, 213, 232, 239, 294, 333, 340,
 355, 375.
 Плановая инстанция — 121, 122.
 Платежный баланс — 148, 150, 154,
 155, 157, 158.
 Плутократия, плутократический —
 108, 116, 118, 122, 233, 235, 249, 254,
 268, 286, 312.
 Подданные — 52, 107, 110, 125, 126.
 Полная занятость — 59, 77, 144, 145,
 147, 148, 156, 160, 211, 329, 341, 373.
 Порядок международной торговли —
 156.
 «Порядок экономики» (журнал) — 13,
 17, 20, 25, 26, 31, 40, 42, 43, 55, 58,
 59, 65–67, 71, 115, 116, 121, 123, 124,
 126, 129, 132, 134, 142, 143, 150, 161,
 163, 174, 177, 183, 189, 234, 235, 265,
 300, 326, 328, 329, 333–336, 343,
 346, 347, 350, 351, 353, 354, 363,
 364, 377, 380, 386.
 Потребитель — 18, 25, 71, 80, 81, 83, 84,
 99, 151, 280, 291–293, 324, 338–340,
 342–346, 352, 353, 388, 390, 392,
 393, 396.
 Правители — 52, 94, 107, 125.

- Предприниматель, предпринимательство, предпринимательская деятельность — 28, 35, 45, 47–50, 52, 54, 56, 66, 75, 81, 110, 114, 117, 118, 120, 128, 144–147, 177–179, 182, 191, 280, 287, 289, 299, 307, 312, 313, 319, 328, 343, 348, 387, 389–391, 393.
- Прибавочная стоимость — 119, 121.
- Привилегии — 24, 26, 30, 32, 42, 79, 81, 83, 85–87, 89, 93, 105, 108–110, 112–115, 129, 198, 200, 202, 208, 209, 292, 293, 362, 387.
- Привилегированные ремесленники — 111, 112–114.
- Принцип конкурентности — 176, 177.
- Принцип порядка — 129, 130, 137, 142, 165, 175, 176, 178, 186, 190.
- Принцип «совместимости с рынком» (нем. — *Marktkonformität*) — 23
- Принцип subsidiарности — 23, 33, 217, 258, 301, 304, 324, 398.
- Принцип эффективности — 179, 180, 182, 254.
- Продуктовая карточка — 340.
- Производительное сообщество (нем. — *Leistungsgemeinschaft*) — 335.
- Пролетариат — 68, 229, 242, 289, 314.
- Промышленный рабочий — 65, 112, 228, 229, 242, 247, 289, 291, 368.
- Протестантизм — 283, 355, 356, 358, 360, 364, 366, 367, 371.
- Профессиональная воля (фр. — *volonté professionnelle*) — 126.
- Разделение труда — 51, 58, 61, 72, 99, 101, 124–126, 156, 166, 170, 271, 287, 379.
- Рантье — 116–118.
- Рассеянная мануфактура, надомничество (фр. — *fabrique dispersée*) — 228–229.
- Регулируемая экономика — 151, 153, 182, 338, 340.
- Рыночная конституция — 165, 186–189, 193.
- Рыночная полиция — 218, 223, 230, 238, 254, 292.
- Рыночное регулирование (регулирование рынка) — 176, 187, 188, 191, 331.
- Рыночный (хозяйственный) порядок — 73, 83, 84, 105, 106, 130, 176, 348, 351, 353.
- Самоуправление — 85, 273, 284.
- Свободное рыночное хозяйство (экономика) — 11, 169, 239, 253.
- Связывающие обязательства — 169.
- Сильное государство — 18, 19, 30, 171, 214–217, 231, 262, 276, 302, 326.
- Система социальных гарантий — 11, 348.
- Совершенная конкуренция — 31, 42, 43, 78, 165, 167, 185–188, 190, 191, 196, 223.
- Создание денег — 135, 137, 139.
- Сословия, сословное расслоение — 52, 91, 107, 108, 110, 112, 114, 361, 362.
- Социальная рыночная экономика, социальное рыночное хозяйство — 7, 8, 11–17, 19, 21–28, 30, 31, 33, 35, 40, 85, 134, 200, 214, 217–220, 259, 265, 266, 323–330, 335, 336, 346, 348, 351, 373, 377–379, 381–384, 387, 388, 390, 391, 393, 396, 401–403.
- Социализация — 138, 218, 220, 249, 250, 254, 350, 373, 387.
- Социальная справедливость — 200, 220, 233, 248, 298, 312, 335, 336, 353.
- Социальный вопрос — 22, 200, 334, 338, 343, 363, 368, 380.
- Союз социальной политики (нем. — *Verein für Socialpolitik*) — 18, 214.
- Справедливость, справедливый — 8, 18, 26, 28, 43, 77, 79, 83, 88, 96, 102, 115, 167, 197, 200, 215, 218, 220, 231–235, 237, 239, 248–250, 253, 254, 275, 280, 286, 288, 291, 298, 305, 312, 327, 390.

- Стабилизационный фонд — 149, 156.
 Стоимость — 100, 101, 119, 121, 123,
 149, 150, 158, 235, 249, 252, 288, 324.
 Субординация — 86, 106, 125.
 Суверенитет — 51, 60, 61, 84, 94, 125,
 127, 128, 282.
- Таможенная пошлина — 150, 187, 231.
 Теория процентных ставок и
 рациональных ожиданий — 134.
 Технический прогресс — 50, 166,
 168–170, 180, 190, 243, 256, 293.
 Третий путь — 213, 214, 216, 217, 219,
 221, 227, 255, 257, 259, 262, 294.
- Федеральная резервная система — 147.
 Феодализм — 112, 254, 283, 284, 286,
 288, 293.
 Фиксированные издержки — 178–180.
 Фиксированные цены — 339.
 Фонд Рокфеллера — 131, 132, 260.
 Формы рынка — 42, 43, 104, 123, 164,
 165, 185–189.
 Фрайбургская школа — 7, 11, 13,
 17, 19–21, 39, 40, 42, 43, 80, 132,
 198–200, 214, 216, 219, 260, 300,
 302, 304.
 Французская революция — 52, 60, 62,
 63, 69, 81, 85, 87, 89, 90, 92, 93, 105,
 119, 124, 362.
 Функция денег — 151.
 Функция цены — 184.
- Хозяйственная конституция — 18, 25,
 40, 43, 142, 176, 190, 193.
 Хозяйственный расчет — 337.
- Ценность — 30, 34, 43, 76, 77, 80, 83,
 98, 120, 121, 148, 189, 197, 204, 219,
 228, 234–236, 241, 242, 302, 312,
 316, 325, 327, 329, 330, 350, 359,
 360, 362, 366, 370, 387.
- Ценовой механизм, механизм цен —
 58, 71, 151, 153, 224, 376.
 Центральный банк — 22, 133, 135, 136,
 139–141, 145, 147, 148, 160, 381, 382.
- Частичная монополия — 31, 42,
 185–187.
 Частная инициатива — 109, 171, 220,
 301, 328, 398.
 Частная собственность — 7, 22, 44,
 64, 81, 112, 119, 120–123, 198, 204,
 205, 207, 233–235, 253, 263, 287,
 288, 301–311, 313–315, 318, 333,
 360, 378.
 Частноправовое общество — 78, 79,
 81–85, 115, 116, 120, 121, 124, 128.
 Чикагская школа — 85, 133.
 Чикагский план — 139–142.
- Эволюционистский социализм — 355,
 Экономика порядков — 17, 26.
 Экономическая наука — 12, 13, 29, 34,
 134, 162, 164, 170, 183, 194, 225, 299,
 326, 330, 334, 348, 391.
 Экономическая свобода — 30, 34, 78,
 80, 85, 173, 218, 224, 225, 285, 304,
 400.
 Экономический либерализм — 85, 171,
 173–175, 185, 215–217, 219, 222, 223,
 329, 375.
 Экономическое чудо — 7, 11, 13, 21, 27,
 266, 380, 384, 396.
 Эксплуатация — 50, 85, 113, 115, 116,
 119, 120, 123, 229, 283, 293, 294.
 Эмиссия — 139, 141, 152, 162.
 Эпоха Просвещения — 89, 237.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ И ПЕРЕВОДЧИКАХ

Авторы

Автономов, Владимир Сергеевич, член-корреспондент РАН, профессор, доктор экономических наук, замдекана по науке факультета экономических наук НИУ ВШЭ, заведующий кафедрой экономической методологии и истории факультета экономических наук НИУ ВШЭ, руководитель образовательной программы «Экономика» НИУ ВШЭ.

Вольгемут, Михаэль, доктор экономических наук, профессор по политической экономии в Университете Виттен-Хердеке (Берлин), директор научно-исследовательского центра «Open Europe» (Берлин), научный сотрудник Института Вальтера Ойкена (Фрайбург).

Гольдшмидт, Нильс, доктор экономических наук, профессор экономической истории и дидактики Университета г. Зиген, председатель «Социале марктивиртшафт» АГ (АО «Социальное рыночное хозяйство»), г. Тюбинген.

Кёлер, Эккехард А., доктор экономических наук, руководитель научно-исследовательского отдела Института Вальтера Ойкена (Фрайбург), научный сотрудник Университета Фрайбурга им. Альберта Людвига.

Кроуфорд, Клаудиа, руководитель Фонда Конрада Аденауэра в Российской Федерации.

Майер-Ригауд, Рэми, доктор экономических наук, профессор по социальной политике и народному хозяйству, Высшая школа Рейн-Майн, Висбаден.

Майер-Ригауд, Франк П., доктор экономических наук, профессор Института экономики и количественных методов Школы менеджмента IESEG (Париж), а также член научно-исследовательской группы «Экономика и менеджмент» Национального центра научных исследований (CNRS) г. Лилль, директор и руководитель European Competition Economics Group консалтинговой фирмы NERA Economic Consulting.

Меден, Наталия Кирилловна, научный редактор Отдела научных изданий, Управление научной политики МГИМО (университет) МИД РФ, научный сотрудник Центра внешней политики России, Институт экономики РАН.

Мор, Йохен, доктор юридических наук, профессор, исполнительный директор Института картельного права, энергетического права и телекоммуникационного права, заведующий кафедрой гражданского, антимонопольного,

энергетического и трудового права, юридический факультет Технического университета Дрездена, а также судья Верховного земельного суда г. Дюссельдорф (3-й Картельный сенат).

Невский, Сергей Игоревич, кандидат экономических наук, доцент кафедры истории народного хозяйства и экономических учений экономического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, член Новой экономической ассоциации (Москва), Рабочей группы российских историков-германистов (Москва) и Института имени Вильгельма Рёпке (Эрфурт, Германия).

Нотхелле-Вильдфойер, Урсула, доктор филологических наук, профессор по христианскому обществоведению в Университете им. Альберта—Людвига (Фрайбург).

Романова, Екатерина Владимировна, кандидат экономических наук, доцент кафедры социально-экономической географии зарубежных стран географического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, старший научный сотрудник Центра германских исследований Института Европы РАН, сотрудник Фонда Конрада Аденауэра в Российской Федерации.

Супян, Наталия Викторовна, кандидат экономических наук, доцент Департамента мировой экономики факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ, старший научный сотрудник Центра германских исследований Института Европы РАН.

Функ, Лотар, доктор экономических наук, профессор по экономике и международным экономическим отношениям Университета г. Дюссельдорф.

Цедилин, Леонид Иванович, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института экономики РАН.

Шмале, Ингрид, доктор экономических наук, преподаватель кафедры по изучению экономических объединений в форме кооперативов (товариществ) факультата экономических и социальных наук Кёльнского университета, по изучению экономических объединений в форме кооперативов (товариществ) Кёльнского университета, ассистент Правления Союза поддержки исследований кооперативных объединений Кёльнского университета.

Переводчики

Кузавлев Валерий Евгеньевич, дипломированный переводчик, член Национальной лиги переводчиков, Москва.

Перегудов, Михаил Александрович, дипломированный переводчик немецкого языка.

Штемберг, Алексей Андреевич, дипломированный переводчик немецкого языка, член Союза переводчиков России.

ИЗДАНИЯ, ПО КОТОРЫМ БЫЛИ ВЫПОЛНЕНЫ ПЕРЕВОДЫ НА РУССКИЙ ЯЗЫК. СВЕДЕНИЯ О ПРАВООБЛАДАТЕЛЯХ

1. EUCKEN, WALTER [1932]. Staatliche Strukturwandlungen und die Krisis des Kapitalismus. Weltwirtschaftliches Archiv, Band 36. S. 297–321. Публикуется с разрешения Prof. Dr. Christian Müller [Hrsg.]. Schriftleitung ORDO-Jahrbuch für die Ordnung von Wirtschaft und Gesellschaft. Перевод выполнен Супян Н.В.
2. EUCKEN, WALTER [1952]. Grundsätze der Wirtschaftspolitik. Hrsg. von Edith Eucken und K. Paul Hensel. (6 durchges. Aufl. /mit einem Vorwort zur Neuauflage 1990 von Ernst-Joachim Mestmäcker), Tübingen: J.C.B. Mohr (Paul Siebeck), 1990. S. 254–258. Публикуется с разрешения J.C.B. Mohr (Paul Siebeck). Перевод выполнен Супян Н.В.
3. EUCKEN, WALTER [1940]. Die Grundlagen der Nationalökonomie, 9. Aufl., Berlin: Springer-Verlag, 1989. S. 21–23. Впервые опубликована в: Eucken, Walter (1940). Die Grundlagen der Nationalökonomie. Jena: Gustav Fischer. 1940. Публикуется с разрешения Springer-Verlag. Перевод выполнен Супян Н.В.
4. BÖHM, FRANZ [1966]. Privatrechtsgesellschaft und Marktwirtschaft, in: Jahrbuch für die Ordnung von Wirtschaft und Gesellschaft. Bd. 17 (1966). S. 75–151. Публикуется с разрешения Böhlau Verlag. Перевод введения выполнен Цедилиным Л.И., перевод первого фрагмента текстов Ф. Бёма (С. 85–104) выполнен Меден Н.К., перевод второго фрагмента текстов Ф. Бёма (С. 105–129) выполнен Цедилиным Л.И.
5. LUTZ, FRIEDRICH [1936]. Das Grundproblem der Geldverfassung. Перевод на рус. яз. выполнен по изданию: Lutz, Friedrich [1936]. Das Grundproblem der Geldverfassung, Stuttgart und Berlin: Verlag von Kohlhammer, XXI, 96 S.; Gr. 8 Ordnung der Wirtschaft; Н. 2, S. 1–7, 92–96. Публикуется с разрешения W. Kohlhammer GmbH, Stuttgart. Перевод выполнен Цедилиным Л.И.
6. MIKSCH, LEONHARD [1937]. Wettbewerb als Aufgabe. Grundsätze einer Wettbewerbsordnung. Перевод на рус. яз. выполнен по изданию: Miksch, Leonhard [1937]. Wettbewerb als Aufgabe. Grundsätze einer Wettbewerbsordnung. Die Ordnung der Wirtschaft, Heft 4, Stuttgart, Berlin: Kohlhammer; 2., erw. Aufl., Godesberg: Küpper 1947. S. 1–27, 134–139. Публикуется с разрешения W. Kohlhammer GmbH, Stuttgart. Перевод введения выполнен Меден Н.К., перевод фрагментов из текстов Микша Л. выполнен Цедилиным Л.И.

7. HAYEK, VON FRIEDRICH A. [1947]. Grundtexte zur Freiburger Tradition der Ordnungsökonomik. Перевод на рус. яз. выполнен по изданию: Friedrich A. von Hayek [1947]. Grundtexte zur Freiburger Tradition der Ordnungsökonomik. Herausgeg. Von Nils Goldschmidt und Michael Wohlgemuth. Verlag „Mohr Siebeck“, Tübingen, 2008. S. 625–635. Публикуется с разрешения Mohr Siebeck GmbH&Co.KG, Tübingen. Перевод выполнен Кузавлевым В.Е., редакция Медин Н.К.
8. RÜSTOW, ALEXANDER [1945]. Das Versagen des Wirtschaftsliberalismus. Перевод на рус. яз. выполнен по изданию: Rüstow, Alexander (2001), [1945]. Das Versagen des Wirtschaftsliberalismus, 3. überarbeitete Auflage mit Übersetzungen, herausgegeben von Frank P. und Gerhard Maier-Rigaud, Marburg, Metropolis-Verlag, 2001. S. 25–27, 138–153. Публикуется с разрешения Metropolis-Verlag für Ökonomie, Gesellschaft und Politik GmbH, Marburg. Перевод выполнен Цедилиным Л.И.
9. RÜSTOW, ALEXANDER [1949]. Zwischen Kapitalismus und Kommunismus. Перевод на рус. яз. выполнен по изданию: Rüstow, Alexander [1949]. Zwischen Kapitalismus und Kommunismus, in: ORDO-Jahrbuch für die Ordnung von Wirtschaft und Gesellschaft 2, S. 100–103, 138–169. Публикуется с разрешения Mohr Siebeck GmbH&Co.KG, Tübingen. Перевод выполнен Цедилиным Л.И.
10. RÖPKE, WILHELM [1948]. Die Gesellschaftskrisis der Gegenwart, 5. Aufl. Eugen Rentsch Verlag, Erlenbach-Zürich, S. 22–37, 294–368. Публикуется с разрешения Haupt Verlag AG, Bern. Перевод выполнен Супян Н.В.
11. RÖPKE, WILHELM [1949]. Civitas Humana, 3. Aufl. Eugen Rentsch Verlag, Erlenbach-Zürich, S. 74–83, 194–229, 254–283. Публикуется с разрешения Haupt Verlag AG, Bern. Перевод выполнен Супян Н.В.
12. RÖPKE, WILHELM [1945]. Internationale Ordnung. Перевод на рус. яз. выполнен по изданию: Röpke, Wilhelm [1945]. Internationale Ordnung, Eugen Rentsch Verlag, Erlenbach-Zürich, S. 18–20, 166–170. Публикуется с разрешения Haupt Verlag AG, Bern. Перевод выполнен Супян Н.В.
13. HÖFFNER, JOSEPH [1957]. Die Funktionen des Privateigentums in der freien Welt Перевод на рус. яз. выполнен по изданию: Grundtexte zur Freiburger Tradition der Ordnungsökonomik. Herausgeg. Von Nils Goldschmidt und Michael Wohlgemuth. Verlag „Mohr Siebeck“, Tübingen, 2008. S. 533–564. Публикуется с разрешения Mohr Siebeck GmbH&Co.KG, Tübingen. Перевод введения выполнил Невский С.И., перевод фрагментов текста выполнил Штемберг А.А., редакция Невский С.И.
14. MÜLLER-ARMACK, ALFRED [1947]. Wirtschaftsordnung, sozial gesehen. Перевод на рус. яз. публикуется по изданию: Müller-Armack, Alfred [1947]. Wirtschaftsordnung, sozial gesehen. Ludwig Erhard Stiftung e.V. (Hrsg.): Wolfgang Stützel (u.a.) Grundtexte zur Sozialen Marktwirtschaft, Stuttgart/New York 1981 (Gustav Fischer Verlag). S. 19–34. Перевод введения выполнил Штемберг А.А., редакция Невский С.И., перевод фрагментов текстов Мюллер-Армака выполнил Цедилин Л.И.

15. MÜLLER-ARMACK, ALFRED [1950]. Soziale Irenik. Перевод на рус. яз. публикуется по изданию: Müller-Armack, Alfred. [1950]. Soziale Irenik. Ludwig Erhard Stiftung e.V. (Hrsg.): Wolfgang Stützel (u.a.) Grundtexte zur Sozialen Marktwirtschaft, Stuttgart/New York 1981 (Gustav Fischer Verlag). S. 417–432. Перевод введения выполнен Штембергом А.А., редакция Невский С.И., перевод фрагментов текстов выполнен Цедилиным Л.И.
16. ERHARD, LUDWIG. [1956]. Wohlstand für Alle. Перевод на рус. яз. публикуется по изданию: Невский С.И. Людвиг Эрхард. Вступительная статья и отобранный текст: Благополучие для всех (1956) // Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков. В 5 т. Том IV. М.: Мысль, 2004. С. 316–322.
17. ERHARD, LUDWIG [1956]. Grundbedingungen einer freiheitlichen Sozialordnung. Перевод на рус. яз. выполнен по изданию: Erhard, Ludwig [1956]. Grundbedingungen einer freiheitlichen Sozialordnung. Ludwig Erhard Stiftung e.V. (Hrsg.): Grundtexte zur Sozialen Marktwirtschaft Bd. 2: Das Soziale in der Sozialen Marktwirtschaft, Stuttgart, New York (Gustav Fischer Verlag) 1988. S. 13–16. Публикуется с разрешения Ludwig-Erhard-Stiftung e.V., Bonn. Перевод введения выполнен Кузавлевым В.Е., редакция Невский С.И., перевод фрагментов текстов выполнен Перегудовым М.А., редакция Невский С.И.
18. ERHARD, LUDWIG [1976]. Die Soziale Marktwirtschaft: Ein nach einheitlichen Prinzipien geordnetes System. Перевод на рус. яз. публикуется по изданию: Erhard, Ludwig [1976]. Die Soziale Marktwirtschaft: Ein nach einheitlichen Prinzipien geordnetes System. Ludwig Erhard Stiftung e.V. (Hrsg.): Grundtexte zur Sozialen Marktwirtschaft Bd. 2: Das Soziale in der Sozialen Marktwirtschaft, Stuttgart, New York (Gustav Fischer Verlag) 1988. Публикуется с разрешения Ludwig-Erhard-Stiftung e.V., Bonn. Перевод введения выполнен Кузавлевым В.Е., редакция Невский С.И., перевод фрагментов текстов выполнил Невский С.И.

Фонд Конрада Аденауэра и редакторы-составители книги благодарят правообладателей всех текстов за любезное предоставление материалов для переводов и публикации в данном томе. К сожалению, правообладателей некоторых текстов, несмотря на многочисленные попытки, нам так и не удалось установить. Мы будем благодарны за дополнительную информацию по этому вопросу, присланную по адресу: info.Russland@kas.de

Социальное рыночное хозяйство — основоположники и классики

Редактор: *М.Р. Завьялова*
Художник: *Е.А. Ильин*
Корректор: *С.В. Шербич*
Верстка: *С.А. Голодко*

Подписано в печать 2.03.2017 г.
Формат 60x90 1/16. Усл. печ. л. 26,0.
Тираж 500 экз.

ООО Издательство «Весь Мир». Юридический адрес:
127214, г. Москва, ул. С.Ковалевской, д. 1, стр. 52.
Тел./факс: 8 (495) 632-47-04
E-mail: info@vesmirbooks.ru [http:// vesmirbooks.ru](http://vesmirbooks.ru)

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpk.ru. E-mail: marketing@chpk.ru
факс 8(496) 726-54-10, тел. 8 (495) 988-63-87

ISBN 978-5-7777-0676-8



9 785777 706768

 Konrad
Adenauer
Stiftung



www.vesmirbooks.ru